

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

VESTNIK NSUEM

2012

№ 3

Novosibirsk

2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

ВЕСТНИК НГУЭУ

2012
№ 3

Новосибирск
2012

The journal was founded in 2008.
The journal appears 4 times a year.

Chairman of the Editorial Council

Yury V. Gusev, Doctor of sciences, Professor, rector of NSUEM

The Editor in Chief

Sergei G. Zolotarenko, Doctor of sciences, Professor

Deputy Editor in Chief

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of sciences, Professor

Editorial Council:

Yury I. Shokin, Doctor of sciences, Professor, Academician of RAS

Viktor I. Suslov, Doctor of sciences, Professor, corresponding member of RAS

Vladimir N. Afanasyev, Doctor of sciences, Professor (Orenburg)

Leonid K. Bobrov, Doctor of sciences Professor

Yury P. Voronov, PhD, Professor

Oleg A. Donskikh, Doctor of sciences, Professor

Victor P. Ivanitsky, Doctor of sciences, Professor (Yekaterinburg)

Khans Kaminsky PhD, Professor (Oldenburg, Germany)

Alexander A. Kiselnikov, Doctor of sciences, Professor

Yusuf Korodiya, PhD, Professor (Durban, UAR)

Mikhail N. Kulapov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Lyudmila I. Nivorozhkina, Doctor of sciences, Professor (Rostov-na-Donu)

Alexander V. Novikov, Doctor of sciences, Professor

Yury G. Odegov, Doctor of sciences, Professor (Moscow)

Svyatoslav V. Ponurov, PhD (Moscow)

Viktor I. Samarukha, Doctor of sciences, Professor (Irkutsk)

Sergei A. Smirnov, Doctor of sciences, Professor

Gennady N. Chebotaryov, Doctor of sciences, Professor (Tyumen)

Valery Chukhlomin, PhD (New-York, USA)

Vladimir V. Tsherbakov, Doctor of sciences, Professor (St. Petersburg)

Associate members of the editorial council:

Kazakh Economic University named after T. Ryskulov (Almaty)

International Academy of Management and Technology (INTAMT e.V., Germany)

Syantszyan University of Finances and Economic (Urumqi)

Executive secretary

Ludmila K. Serga, PhD, Associate Professor of Statistics

Editor

Svetlana M. Pogudina

Translator

Sergei P. Suhov

Журнал основан в 2008 г.

Выходит 4 раза в год.

Председатель редакционного совета

Гусев Юрий Васильевич, докт. экон. наук, профессор, ректор НГУЭУ

Главный редактор

Золотаренко Сергей Георгиевич, докт. экон. наук, профессор

Зам. главного редактора

Глинский Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор

Редакционный совет:

Шокин Юрий Иванович, докт. физ.-мат. наук, профессор, академик РАН
Суслов Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН
Афанасьев Владимир Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Оренбург)
Бобров Леонид Куприянович, докт. техн. наук, профессор
Воронов Юрий Петрович, канд. экон. наук
Донских Олег Альбертович, докт. филос. наук, профессор
Иваницкий Виктор Павлович, докт. экон. наук, профессор (Екатеринбург)
Камински Ханс, PhD, профессор (Ольденбург, Германия)
Кисельников Александр Андреевич, докт. экон. наук, профессор
Кородия Юсуф, PhD, профессор (Дурбан, ЮАР),
Кулапов Михаил Николаевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)
Ниворожкина Людмила Ивановна, докт. экон. наук, профессор (Ростов-на-Дону)
Новиков Александр Владимирович, докт. экон. наук, профессор
Одегов Юрий Геннадьевич, докт. экон. наук, профессор (Москва)
Понуров Святослав Владимирович, канд. экон. наук (Москва)
Самаруха Виктор Иванович, докт. экон. наук, профессор (Иркутск)
Смирнов Сергей Алевтинович, докт. филос. наук, профессор
Чеботарев Геннадий Николаевич, докт. юрид. наук, профессор (Тюмень)
Чухломин Валерий, канд. экон. наук, PhD (Нью-Йорк, США)
Щербаков Владимир Васильевич, докт. экон. наук, профессор (Санкт-Петербург)

Ассоциированные члены редакционного совета:

Казахский экономический университет им. Т. Рыскулова (Алматы)
Международная академия менеджмента и технологий (INTAMT e.V., Германия)
Синьцзянский университет финансов и экономики (Урумчи)

Ответственный секретарь

Серга Людмила Константиновна, канд. экон. наук, доцент

Редактор

Погудина Светлана Максимовна

Переводчик

Сухов Сергей Павлович

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-30505

CONTENT

SOCIETY AND ECONOMY: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

<i>Udaltsova M.V.</i> Worthy labour and worthy compensation – challenges of the modern Russian society	10
<i>Sumskaya T.V.</i> Issues of decentralization of public administration from a position of budget system forming	17
<i>Aleshchenko V.V., Tsykunov A.A.</i> Issues of development of private-state partnership at the level of constituent territory of the Federation	30
<i>Efimov V.S.</i> Future challenges: high school of Russia in postindustrial transition	40
<i>Martynova A.A.</i> Main management methods of municipal housing economy	58

FINANCE, ACCOUNTING AND ANALYSIS

<i>Likhutin P.N.</i> Evolution of key investment theories and their interrelation with approaches to cost of securities analysis in stock market	67
<i>Tarasova G.M.</i> Analysis of theoretical approaches to forming and implementation of monetary policy in countries of the world	78
<i>Fedorovich V.O., Kotsipko N.V.</i> Financial mechanism of forming of strategic financial savings in industrial corporate giants	83
<i>Vasilyeva N.S.</i> Methodic basis of calculation of reserve cash balance of company	94
<i>Brigida D.A.</i> Integration aspects of forming of a single currency space in Eurasian Economic Community	106
<i>Erokhina O.S.</i> Methodical approach to process losses accounting	114

STATISTICS AND ECONOMIC DIMENSION

<i>Sazhin Yu.V., Saraikin Yu.V.</i> Application of multiple correspondence analysis for the investigation of structure of scientific and pedagogic personnel of the research university	121
<i>Afanasyev V.N., Afanasyeva A.V.</i> Elaboration of the statistical research methodology in credit risk management	132
<i>Serga L.K., Nikiforova M.I., Rumynskaya E.S., Khvan M.S.</i> Applied use of portfolio analysis methods	146
<i>Pulyaevskaya V.L.</i> Gross municipal product as measure of estimation of economic potential of districts and cities	159

SOCIOLOGY

<i>Poshevnev G.S., Volovskaya N.M., Plyusnina L.K.</i> Incomes and wages policy in modern Russia: background, principles and trends	167
<i>Garafiev I.Z.</i> Development of innovation human capital of staff: difference between positions of director general and human resources manager	178

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

<i>Удальцова М.В.</i> Достойный труд и его достойная оплата – вызовы современного российского общества	10
<i>Сумская Т.В.</i> Проблемы децентрализации государственного управления с позиций формирования бюджетной системы	17
<i>Алещенко В.В., Цикунов А.А.</i> Вопросы развития частно-государственного партнерства на уровне субъекта Федерации	30
<i>Ефимов В.С.</i> Вызовы будущего: высшая школа России в ситуации постиндустриального перехода	40
<i>Мартынова А.А.</i> Основные методы управления системой жилищно-коммунального хозяйства	58

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЁТ И АНАЛИЗ

<i>Лихутин П.Н.</i> Эволюция ключевых теорий инвестиций и их взаимосвязь с подходами к анализу стоимости ценных бумаг на фондовом рынке	67
<i>Тарасова Г.М.</i> Анализ теоретических подходов к формированию и реализации денежно-кредитной политики в странах мира	78
<i>Федорович В.О., Конципко Н.В.</i> Финансовый механизм формирования стратегических финансовых накоплений в крупных индустриальных корпорациях	83
<i>Васильева Н.С.</i> Методические основы расчета оптимальной величины резервного остатка денежных средств организации	94
<i>Бригида Д.А.</i> Интеграционные аспекты формирования единого валютного пространства стран ЕврАзЭС	106
<i>Ерохина О.С.</i> Методический подход к бухгалтерскому учету технологических потерь	114

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Сажин Ю.В., Сарайкин Ю.В.</i> Применение множественного анализа соответствий для исследования структуры научно-педагогических кадров исследовательского университета	121
<i>Афанасьев В.Н., Афанасьева А.В.</i> Совершенствование статистической методологии исследования в управлении кредитным риском	132
<i>Серга Л.К., Никифорова М.И., Румынская Е.С., Хван М.С.</i> Прикладное использование методов портфельного анализа	146
<i>Пуляевская В.Л.</i> Валовой муниципальный продукт как показатель оценки экономического потенциала районов и городов	159

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Пошевнёв Г.С., Воловская Н.М., Плюснина Л.К.</i> Политика в области доходов и заработной платы в современной России: истоки, принципы и направления ...	167
<i>Гарафиев И.З.</i> Развитие инновационного человеческого капитала работников: различие позиций ген. директора и менеджера по управлению персоналом	178

FACTS, APPRAISALS, PERSPECTIVES

<i>Chikin S.N., Vostrikov N.I., Kozlov A.N.</i> Economics and statistics analysis of efficiency factors of services sector in the region	187
<i>Sun Lay, Bobrov L.K.</i> State and development prospects of medical and recreative tourism in Novosibirsk region and Guangxi	199
<i>Pinkovetskaya Yu.S.</i> Individual enterprise in Russia: some regularities in development	212
<i>Sharshova T.V.</i> Role of small and medium-sized entrepreneurship in the resolution of the issues of balance of labour force demand and supply (by the example of Khakas Republic)	219
<i>Dudin S.A.</i> Payment systems: base categories, classification, trend	230
<i>Zolotarengo V.S.</i> Services sector: evaluations, trends, outlook	237

BUSINESS INFORMATICS

<i>Savinykh N.N., Bobrov L.K.</i> Comparative analysis of life cycle model selection procedures	244
<i>Krokhin G.D.</i> Expert diagnostic monitoring system of turbine power plants condition	254

THEORETICAL SEARCH AND OFFERS

<i>Sazhina N.S.</i> Methodical approaches to the elaboration of the integral stability index of the commercial bank development	262
<i>Bor A.</i> On the national features of management culture in Mongolia	270
<i>Markova V.V.</i> Demographic policy in modern Russia: institutional and social ways of development	276

PHILOSOPHY

<i>Menshikova N.V., Figurovskaya V.M.</i> On social and individual envy: background and consequences	282
<i>Pykhtina T.F.</i> Verity as a social weight (postmodernism's ways in cognition theory)	289
<i>Vaganova E.G.</i> Evolution of image of the linguistic view of the world	295
Our authors	307

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Чикин С.Н., Востриков Н.И., Козлов А.Н.</i> Экономико-статистический анализ факторов эффективности сферы услуг в регионе	187
<i>Сунь Л., Бобров Л.К.</i> Состояние и перспективы развития лечебно-рекреационного туризма в Новосибирской области и провинции Гуанси	199
<i>Пиньковецкая Ю.С.</i> Индивидуальное предпринимательство в России: некоторые закономерности развития	212
<i>Шаршова Т.В.</i> Роль малого и среднего предпринимательства в решении вопросов сбалансированности спроса и предложения рабочей силы (на примере Республики Хакасия)	219
<i>Дудин С.А.</i> Платежные системы: базовые категории, классификация, направления развития	230
<i>Золотаренко В.С.</i> Сфера услуг: оценки, тенденции, перспективы	237

БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА

<i>Савиных Н.Н., Бобров Л.К.</i> Сравнительный анализ методик выбора модели жизненного цикла	244
<i>Крохин Г.Д.</i> Экспертная диагностическая система контроля анализа и слежения за изменением состояния турбоэнергоустановок	254

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>Сажина Н.С.</i> Методические подходы к построению интегрального показателя устойчивости развития коммерческого банка	262
<i>Бор А.</i> О национальных особенностях культуры управления в Монголии	270
<i>Маркова В.В.</i> Демографическая политика в современной России: институциональные и социальные направления совершенствования	276

ФИЛОСОФИЯ

<i>Меньшикова Н.В., Фигуровская В.М.</i> О зависти социальной и индивидуальной: истоки и следствия	282
<i>Пыхтина Т.Ф.</i> Истина как социальная значимость (пути постмодернизма в трактовке познания)	289
<i>Ваганова Е.Г.</i> Эволюция представлений о языковой картине мира	295
Об авторах	307

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УДК 331.2

ДОСТОЙНЫЙ ТРУД И ЕГО ДОСТОЙНАЯ ОПЛАТА – ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Удальцова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: mss@nsuem.ru

В статье рассматривается понятие достойного труда, его место в оценке уровня развития общества и условия, при которых возможно его осуществление в современном российском обществе. Показывается значение трудовой мотивации как фактора профессиональной и личностной социализации.

Ключевые слова: достойный труд, ценность труда, культура труда, трудовая мотивация, модели трудового поведения, новые формы труда, производительность труда, безработица.

WORTHY LABOUR AND WORTHY COMPENSATION – CHALLENGES OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

M.V. Udaltsova

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: mss@nsuem.ru

The article considers the notion of worthy labour, its place in the evaluation of level of development of society, and conditions for its realization in the modern Russian society. The value of labour motivations as a factor of professional and personal socialization is revealed.

Key words: worthy labour, value of labour, culture of labour, labour motivation, models of labour behaviour, new forms of labour, productivity of labour, unemployment.

Проблема – не в новых идеях, а в том, чтобы отойти от старых, которые проникли ... в плоть и кровь.

Дж.М. Кейнс

Развитие любого общества всегда связано с людьми и их благосостоянием, которое включает в себя способность формировать не только собственную жизнь, но и жизнь будущих поколений. Для оценки развития общества использование ВВП как единственного показателя явно недостаточно, тем более что сам рост ВВП может иметь высокое или низкое качество (за счет роста высо-

котехнологичных производств или некоей сырьевой «иглы»). В данном случае нужны многоаспектные показатели, в том числе труд, его качество, социально-трудовые отношения в целом.

Труд на протяжении тысячелетий заполняет собой все существование человечества, является одним из основных видов деятельности человека и его ценностей. Уже поэтому необходимо осмысление его содержания, условий организации, места в системе ценностей человека на различных этапах развития общества. Только в этом случае его можно рассматривать как важный оценочный показатель развития.

Для современного общества наиболее адекватным подходом к труду как оценочному показателю, отвечающему потребностям развития, международным сообществом в лице МОТ предложено понятие «достойный труд». Оно характеризует наиболее эффективное сочетание таких признаков, как требования к условиям труда в их самом широком смысле слова и критерии Концепции человеческого развития. Исходя из этого достойный труд – это:

- высокоэффективный труд в хороших производственных и безопасных условиях;
- труд при свободной и мотивирующей организации труда, дающей возможность в полной мере проявить свои способности, навыки, мастерство;
- труд с достойной оплатой при справедливом распределении результатов деятельности;
- труд, при котором права работников защищены и при котором они активно участвуют в деятельности организации, могут внести наибольший вклад в общее благополучие.

В подобном понимании *достойный труд – это эффективный, продуктивный, достойный по оплате и условиям труд*, может быть не только источником дохода, достаточного для качественной жизни работника и его семьи, но и важнейшей формой реализации творческих возможностей человека, способом его социализации, самовыражения, сферой признания и коммуникации, т.е. *сферой человеческого развития* в самом полном смысле этого слова, а следовательно, и *мерилом общественного развития*. Достойный труд позволяет человеку обеспечить себе уровень доходов, направленных на индивидуальное развитие, на инвестиции в образование, в здоровье, на повышение качества жизни. Достойный труд позволяет государству сосредоточиться на поддержке социально уязвимых и нетрудоспособных категорий населения, а следовательно, обеспечить большее равенство возможностей для человеческого и социального развития. Достойный труд во многом формирует ценностные установки и ориентации, препятствует формированию и распространению девиантного и криминогенного поведения.

Цель экономической деятельности, важной компонентой которой является трудовая деятельность, – не только произвести продукт и доход, но и использовать их для улучшения качества жизни и расширения гражданских свобод. В связи с этим важными характеристиками являются *культура труда, этика повседневного трудолюбия и профессионального долга, самореализации личности в профессии и обществе*. Однако возможности их реализации в современном российском обществе ограничены. Эффективным труд будет только тогда, когда сформируются *адекватные* мотивации и образцом для подражания будет честный предприниматель, работающий не только для себя, но и из

чувства долга и самой *потребности в труде*, когда в России будут выработаны свои, российские формы экономической жизни, учитывающие специфику российских модернизационных процессов и адаптацию к ним. В целом мотивация эффективного трудового поведения и культура труда – это две стороны одной «медали». Как известно, трудовая мотивация – это процесс выбора и обоснования способа участия человека в трудовой деятельности и во многом он зависит от содержания труда, от способностей социально обусловленной структуры личности работника, от политики, содержания общественного сознания, от социальной структуры общества и др. В связи с изменением этих параметров общественного развития трансформируются представления о *ценности труда*, выражающей ориентацию интересов и предпочтений различных социальных групп и индивидов. В соответствии с этим формируются те или иные *модели трудового поведения*. Для советского общества были характерны две модели: либо «жертвенный героизм», либо «сверхвысокий результат в престижной области деятельности», и обе они выступали средствами достижения какого-либо результата в идеологической пропаганде [3].

В современной России в культуре труда сочетаются несовместимые ценности: коллективизм – индивидуализм, общественное – частное, прошлое – будущее, судьба (рок) – человеческая активность, свобода «от ...» – свобода «чего-то», эффективность – справедливость [5]. Этот симбиоз ценностей отразился на формулировке идеи эффективного труда и повышения профессионального уровня работника в Декларации участников межрегионального общественного движения «Собор Православных Промышленников и Предпринимателей» (19 января 2009 г.), а именно: бедный, растрачивающий свои способности без пользы или употребляющий их в корыстных целях, не менее безнравственен, чем богатый, который отказывается жертвовать часть дохода на общественные нужды ... Бедный человек обязан достойно вести себя, стремиться к эффективному труду, повышать свой профессиональный уровень, чтобы выйти из бедственного состояния. Государство, общество и бизнес должны помогать ему в этом [3, с. 80].

Сегодня возникают новые гибкие формы трудовой деятельности:

- «заемный» труд (массовый характер в России с 1998 г.);
- «дистанционный» труд (примерно 2% от всего населения страны);
- сверхурочный труд (вторая, третья работа, любые подработки);
- труд по договорам гражданско-правового характера.

Эти формы труда пока не получили должного законодательного оформления. С одной стороны, новые формы трудовой деятельности предоставляют возможности получения дохода, трудовой социализации и реализации своих творческих и карьерных устремлений тем категориям работников, которые ранее рассматривались как неконкурентоспособные на рынке труда. С другой стороны, практика показывает, что новые гибкие формы труда объективно создают предпосылки для снижения социальной защищенности работников и «провала» социальной эффективности. В связи с этим особого внимания заслуживает «дистанционный» труд, противоречивые последствия которого наиболее ощутимы.

К преимуществам дистанционного труда можно отнести:

- самостоятельность в работе, возможность творчества;
- освобождение от выполнения однообразных операций;

- независимость от состояния локального рынка труда;
- появление новых возможностей для формирования полезных связей в сетевой экономике, более полный доступ к необходимой информации;
- отсутствие нежелательных контактов, неизбежных в офисе, на рабочем месте в организации;
- телеработник остается в кругу семьи и может участвовать в выполнении домашних обязанностей.

К негативным последствиям дистанционного труда относятся:

- полная незащищенность этого вида труда со стороны государства;
- уровень оплаты на 30–40% ниже того, что имеет постоянный сотрудник;
- нерегулярность заказов;
- ограничение непосредственного делового общения и потеря навыков «живого» общения;
- увеличение напряженности в семейных отношениях, так как у работников «работа всегда с ними»;
- виртуализация рабочих мест затрудняет объединение работников в профсоюзы для защиты своих прав.

Следует заметить, что многие социокультурные формы и процессы, характерные для трудовых отношений в условиях рыночной экономики в России, реализуются очень специфично, «по-русски». Например, значение личного успеха признается, но не как следствие активного и упорного труда, а как результат таких действий: «выпросил», «подарили», «обобрал» и т.д. Характерен также не социальный оптимизм, а пессимизм, проявляющийся в убеждении, что старое лучше нового, благосостояние не ассоциируется с результатами упорной трудовой деятельности (либо «герой», либо «подлец»). И в целом формируется слабая деятельностная мотивация эффективного трудового поведения, работники не могут быть уверены в завтрашнем дне и не рассматривают свое рабочее место как долговременное и перспективное.

Свой вклад в формирование подобной трудовой мотивации вносит и российская реклама, особенно телевизионная. В ней очень мало собственно труда или труда как фона жизни персонажей. Рекламируются отдых, возможность достижения моментального результата без приложения труда; общение преподносится как основной вид деятельности современного человека; насаждается идея неработающей жены и вообще нетрудового предназначения «настоящей женщины».

По данным опросов, проведенных различными социологическими центрами, подтверждается тенденция вынесения труда из сферы жизненных интересов молодежи. Труд не ощущается ею как ценность (даже как инструментальная). Среди основных ценностей молодежи труд в 1960–1970 гг. занимал 2–3-е места, а сегодня – 12-е место. А среди главных в жизни ценностных ориентаций – семья, любовь, друзья, здоровье, материальная обеспеченность, не подкрепленная желанием трудиться [3]. Если в 90-е годы XX века 37% молодежи хотели заниматься бизнесом, то в 2000-е – это эпоха чиновников. С 2001 г. последовательно увеличивается число тех, кто хочет работать в органах государственной власти: среди молодежи сегодня таких 18%, среди более старшего населения – почти 40% [6].

К сожалению, и сам труд в России в последние годы становится менее профессиональным, менее интеллектуальным. Общая квалификация специ-

алистов в России снижается, что является следствием следующих процессов: продолжающаяся «утечка мозгов», невысокий уровень оплаты интеллектуального труда, старение кадров профессионалов, отсутствие достаточного кадрового резерва, разрушение системы профессионально-технического образования.

Кроме того, на трудовую мотивацию в России во многом перестала действовать и защитная функция трудового права. Чаще всего трудовое законодательство нарушается на малых предприятиях, особенно применительно к молодежи. С 1 февраля 2002 г. был введен новый трудовой кодекс. Формально он стал самым лояльным к работникам во всей Европе. Но на практике он оказался неприспособленным к российским условиям: нет внятных пояснений отдельных статей, много противоречивых (неоднозначных) трактовок, иногда избавиться от действительно плохих работников просто невозможно.

Европейскими специалистами определены коэффициенты корреляции между *удовлетворенностью трудом* в целом и *оценками* отдельных его элементов. В России эти коэффициенты следующие: связь с оценкой интереса к работе – 0,639, оценкой удовлетворенности режимом работы – 0,574, оплатой труда – 0,315, оценкой наличия стресса на работе – 0,238, оценкой стабильности работы – 0,231. Наиболее тесные связи выявлены между общей удовлетворенностью трудом и интересной работой, оценкой временного режима труда. Остальные частные оценки заметно слабее связаны с общей удовлетворенностью трудом [8].

Тем не менее и в российском обществе сегодня формируется *мотивация эффективного трудового поведения*. Прежде всего это относится к *среднему классу*, который, к сожалению, пока немногочислен. Исследования Института социологии РАН «Городской средний класс в современной России» выявили, что для 67% опрошенных представителей среднего класса труд является источником к существованию, для 63% – способом самореализации, для 33% – труд дает возможность общения, для 21% – способ получения общественного одобрения и признания и только для 3% респондентов труд является неприятной обязанностью [1]. Средний класс более успешен в карьере, чем представители других слоев общества, хотя в целом, согласно данным ВЦИОМ, карьера вообще мало заботит среднестатистического россиянина [4]. Очевидно, социально-экономические преобразования в области труда и трудовых отношений прежде всего должны быть направлены на стимулирование процессов формирования предпринимательства (как части среднего класса) и среднего класса в целом. Данное направление социально-экономической политики, на наш взгляд, будет способствовать развитию достойного труда и его достойной оплаты.

Самостоятельное значение имеет и политика на рынке труда. Следует перейти от политики консервации занятости к политике стимулирования создания новых рабочих мест и мобильности рабочей силы. Составные элементы этой политики:

- от снижения безработицы к эффективной занятости;
- от создания дешевых и неквалифицированных рабочих мест к рабочим местам с достойной оплатой и высокой квалификацией труда [2].

Конечно, безработица в определенной мере тормозит и экономическое, и социальное развитие общества, требует отвлечения государственных ре-

сурсов на социальные программы поддержки безработных. На конец марта 2010 г. в России в качестве безработных было 7,2 млн человек [7]. Однако в борьбе с безработицей пытаются использовать *временную занятость*. Безусловно, отдельным людям это *временно поможет*. Общественные работы спасают тех, у кого нет никакой квалификации (или она очень низкая). Но для большинства безработных *низкоквалифицированный труд не интересен*. Российскому обществу не нужны профессионалы, подметающие улицы и двор.

Более того, в настоящее время политика на рынке труда сводится к регулированию открытой (регистрируемой) безработицы с целью поддержания формально высокого уровня занятости. Сама же *занятость не реструктурируется*: консервируются старые неэффективные рабочие места, сохраняется архаичная структура экономики, низкая производительность труда; формируется и хронически воспроизводится группа «работающих бедных». Сегодня Россия отстает по производительности труда в отдельных отраслях от Евросоюза и США более чем в 30 раз! Так, в российской ракетно-космической отрасли промышленности средняя производительность труда составляет 14,8 тыс. долл. в год на человека, в то время как в США – 493,5 тыс. долл. [7]. В связи с этим необходимы *качественные программы переобучения, преимущественно для долговременных рабочих мест в инфраструктурных и сервисных секторах экономики*. Формированию новых рабочих мест достойного труда будет способствовать и введение в число критериев оценки инвестиционных проектов показателя «создаваемые рабочие места» с заработной платой, превышающей стоимость прожиточного минимума в 3 раза [2].

Таким образом, для реализации Концепции достойного труда и его достойной оплаты необходим взвешенный комплексный подход к организации социально-трудовых отношений и прежде всего следует изменить отношение к рабочей силе как рядовому виду ресурсов наряду с информацией, капиталом, материалами. Необходимо и самим субъектам трудовой деятельности активно участвовать в конструировании модели эффективного трудового поведения. Напрашивается вывод, сделанный профессором Преображенским в известном романе М. Булгакова: «... разруха – в головах ...».

Литература

1. Городской средний класс современной России. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН, 2006. 163 с.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ 2010. М.: Весь мир, 2010. 152 с.
3. *Жижко Е.В.* Трансформация трудовой этики в современной России. Красноярск: Изд-во СФУ, 2009. 225 с.
4. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (83), июль–сентябрь 2007.
5. *Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 5.
6. <http://www.trud.ru/article/02-04-2010/239343> trud v rossii bolshe chem. zabota.htm
7. <http://www.nkc.ru/ru/jobnews/176.htm>
8. <http://www.ecsocman.hse.ru>

Bibliography

1. Gorodskoj srednij klass sovremennoj Rossii. Analiticheskij doklad. M.: Institut Sociologii RAN, 2006. 163 p.
2. Doklad o razvitii chelovecheskogo potenciala v RF 2010. M.: Ves' mir, 2010. 152 p.
3. *Zhizhko E.V.* Transformacija trudovoj jetiki v sovremennoj Rossii. Krasnojarsk: Izd-vo SFU, 2009. 225 p.
4. Monitoring obvestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny. № 3 (83), ijul'-sentjabr' 2007.
5. *Shtompka P.* Kul'turnaja travma v postkommunisticheskom obvestve // Sociologicheskie issledovanija. 2001. № 2. P. 5.
6. <http://www.trud.ru/article/02-04-2010/239343> trud v rossii bolshe chem. zabota.htm
7. <http://www.nkc.ru/ru/jobnews/176.htm>
8. <http://www.ecsocman.hse.ru>

УДК 332.1

ПРОБЛЕМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ

Т.В. Сумская

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
E-mail: stv@ieie.nsc.ru

Статья посвящена анализу возможностей бюджетной децентрализации в свете формирования и функционирования системы местного самоуправления. Выявлены факторы, определяющие соотношение централизации и децентрализации. Особое внимание уделено принципам разграничения расходных полномочий, проблемам закрепления налоговых доходов и вариантам корректировки вертикального и горизонтального дисбалансов в бюджетной системе государства. Выявлена роль местного самоуправления как основополагающего звена федеративного государственного устройства. Предложена структура доходных источников на уровне регионального и местного бюджетов, а также сформулированы положения, на основании которых необходимо выстраивать систему местного налогообложения.

Ключевые слова: федерализм, бюджетная децентрализация, вертикальный и горизонтальный дисбаланс, доходы и расходы бюджета, местное самоуправление, местный бюджет, межбюджетные отношения.

ISSUES OF DECENTRALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION FROM A POSITION OF BUDGET SYSTEM FORMING

T.V. Sumskaya

Institute of Economics and Industrial Engineering
E-mail: stv@ieie.nsc.ru

The article is dedicated to the budget decentralization analysis in the light of forming and functioning of the local government system. Factors that define centralization-decentralization relationship are revealed. Special attention is given to the principles of delimitation of expendable authority, issues of fixation of tax revenues and options of vertical and horizontal imbalances in the state budget system. The role of the local government as the fundamental element of federative state structure is revealed. The structure of gainful sources on the level of regional and local budget is offered. Regulations for the basis of local taxation system are formulated.

Key words: federalism, budget decentralization, vertical and horizontal imbalance, budget income and expenditure, local government, local budget, intergovernmental relations.

Суть федеративного устройства государства может быть сведена к возможности для его субъектов принимать самостоятельные решения на автономных началах в рамках единого государственного целого. Тем самым обеспечивается достижение и сохранение государственного единства и относительной самостоятельности субъектов Федерации при их юридическом равенстве в отношениях с федеральным центром. Федеративное государство предлагает наиболее устойчивый и гибкий механизм согласования интересов центра и регионов, заинтересовывая субъекты Федерации в сохранении государственного единства.

В условиях федеративной системы государственного устройства деятельность региональных органов власти выстраивается с учетом не только местной специфики социально-экономического развития, но и таких механизмов подотчетности, когда региональное руководство получает мандат на власть от местного населения и отвечает перед ним за свои действия. Это выгодно отличает ее от унитарной системы, для которой характерны принятие решений в центре без их адаптации к местным условиям и подотчетность региональных властей центральному правительству. Различия в принципах подотчетности обеспечивают в условиях федеративного государственного устройства важные предпосылки для организации более качественного регионального управления по сравнению с унитарной системой.

Федерализм создает предпосылки и для эффективной организации и функционирования финансов на различных уровнях власти, включая бюджетный процесс. Практику ведения государственных финансов в государстве с несколькими бюджетными уровнями называют бюджетным федерализмом, суть которого состоит в организации эффективного функционирования и взаимодействия бюджетов всех уровней при условии учета интересов всех участников бюджетного процесса. Обстоятельный анализ различных аспектов формирования бюджетного федерализма содержится, в частности, в [3].

В основе существующих в мировой практике моделей бюджетного федерализма лежит принцип децентрализации, который находит отражение в форме государственного устройства; в структуре федерального, регионального и муниципального права; в схемах разграничения предметов ведения и полномочий между органами власти разных уровней и в построении единых, но многоуровневых бюджетно-налоговых систем.

Децентрализация имеет как преимущества, так и недостатки, которые выявляются при сравнении общественных издержек и выгод. Следует иметь в виду, что если децентрализация не влияет на уровень издержек, то децентрализованное управление либо эффективнее централизованного, либо, по крайней мере, не уступает ему с точки зрения эффективности. Децентрализация эффективна, если повышение издержек перекрывается выигрышем.

Бюджетная децентрализация призвана решать две основные задачи: повышать аллокационную и производительную эффективность функционирования бюджетной системы. Благодаря децентрализации общественные услуги можно организовать и предоставлять таким образом, чтобы они наилучшим образом соответствовали предпочтениям местных жителей, т.е. обеспечивать повышение аллокационной эффективности или качества распределения имеющихся ресурсов между направлениями их использования. Наряду с этим децентрализация сопровождается и повышением производительности функционирования бюджетной системы, обеспечивая подотчетность местных властей своему населению и сокращая число инстанций, в которых приходится согласовывать решения, поскольку больше полномочий предоставляется местным органам власти, которые лучше знают местную специфику и местные потребности.

Таким образом, децентрализация в широком ее понимании предполагает передачу более значительных полномочий органам власти на местах, с тем чтобы те могли самостоятельно принимать решения по формированию доходов, расходов и нормативно-правовому регулированию. Местные власти ближе к населению, лучше знают его нужды и потому способны удовлетворить

его потребности лучше, чем центральная власть. Близость местных властей к населению также способствует усилению гражданской активности, повышению прозрачности властей и усилению их подконтрольности населению [6].

Другим важным аргументом в пользу децентрализации служит тот факт, что различные общественные блага обладают неодинаковым охватом. Так, услугами по национальной обороне пользуются граждане страны, а польза от внутренних водных путей или наличия леса достается только жителям конкретных регионов. Коммунальные услуги, такие, как сбор и вывоз мусора, уличное освещение и т.д., адресованы жителям конкретных населенных пунктов, и потребности в них будут неодинаковыми в разных регионах. Поскольку центральное правительство не может учесть такое разнообразие предпочтений в каждом регионе или местности, производство разных общественных благ должно возлагаться на разные уровни власти. Это значит, что за самым нижним уровнем власти должны закрепляться все налоговые (доходные), расходные полномочия и полномочия по нормативно-правовому регулированию, за исключением тех полномочий, относительно которых могут быть представлены убедительные доказательства того, что закрепление их за самым нижним уровнем власти неэффективно. Предоставление общественных благ только силами учреждений, подведомственных центральному правительству, сопряжено со значительными издержками: при единообразном подходе ко всем территориям на одних территориях будет происходить перепроизводство общественных благ, на других – их недопроизводство [6, 13, 14].

Важным преимуществом децентрализации является также то, что близость местных властей к населению и частое взаимодействие между ними позволяет сформировать каналы коммуникаций, посредством которых граждане могут выражать свои интересы. Кроме того, такое регулярное и активное общение повышает подотчетность местных властей своим гражданам. Административная автономия создает предпосылки для обучения, поиска новых подходов, повышения общего качества управления. Децентрализованные системы способны обеспечить большую стабильность, поскольку местные автономии ограничивают возможности центра проводить фискальную или монетарную политику по своему усмотрению. Реальная децентрализация, предполагающая жесткость бюджетных ограничений и выборность местных органов власти, приводит к снижению бюджетного дефицита. Децентрализация способствует сохранению рынков и стимулирует их развитие. Наконец, децентрализованный процесс принятия решений позволяет оценивать разные варианты решений, стимулируя распространение передового опыта. При этом исключительно важно, чтобы полномочия передавались на тот уровень, который реально способен провести те или иные необходимые мероприятия и заинтересован в их результатах [6, 10, 11].

Следует заметить, что для обоснования решений о децентрализации средств в бюджетной системе требуется полная и достоверная информация о территориальной структуре и интенсивности финансовых потоков. То есть речь идет о разработке территориального разреза доходов и расходов федерального и региональных бюджетов, позволяющей оценить объемы «восходящих» и «нисходящих» денежных средств в иерархии уровней административно-территориальной системы страны. Такие данные помогают понять, сколько налоговых доходов поступает с каждой конкретной территории в федеральный,

региональный и местный бюджеты и, наоборот, сколько средств из этих бюджетов расходуется на той же самой территории. На основе такой информации можно будет судить о финансовой самодостаточности каждой территории и о ее способности самостоятельно обеспечивать собственное развитие. Только такие оценки позволят принимать в отношении каждой территории индивидуальные по содержанию, но обоснованные по общим правилам решения об оказании или неокказании финансовой поддержки [9].

Местные власти, обладая самостоятельностью, с одной стороны, получают больше стимулов к увеличению доходов в рамках своей компетенции, но при этом не могут переступить определенные границы аккумуляции ресурсов в силу открытости экономики. С другой стороны, они более рационально расходуют средства, поскольку зависят от налогоплательщика, и способны более точно определять местные потребности в общественных благах и рационально использовать накопленный инфраструктурный потенциал.

В целом эффективное функционирование бюджетного федерализма возможно, если децентрализованно принимаются решения, относящиеся к поставке тех общественных благ, выгоды от которых в основном локализируются на данной территории; локализация выгод в существенной степени совмещается с территориальной локализацией издержек; предпочтения, относящиеся к локальным общественным благам, в большей степени различаются между регионами, чем внутри регионов.

Представляют интерес выдвинутые Дж. Уоллисом и У. Оутсом положения о соотношении централизации и децентрализации в государственном управлении, одним из важнейших рычагов которого является бюджетная система. Согласно названным исследователям, чем обширнее страна по площади, тем менее централизованным при прочих равных условиях должно быть государственное управление (фактор территории); чем больше численность населения страны, тем менее централизованным должно быть государственное управление (фактор плотности населения); чем выше доля населения, сосредоточенного в городах, тем менее централизованным должно быть государственное и региональное управление (фактор социальной инфраструктуры); чем выше уровень дохода на душу населения, тем более централизованным должно быть государственное управление и его участие в программах, связанных с перераспределением доходов (фактор инвестиционной зависимости государства от экономики); чем более многообразным является спрос на государственные услуги, вытекающий из неравномерного распределения доходов по регионам, тем менее централизованным при прочих равных условиях должно быть управление со стороны государства и регионов (фактор социальной зависимости государства от экономики) [2, 15].

В свете сказанного можно утверждать, что результативность бюджетного федерализма определяется в первую очередь используемыми подходами к закреплению расходов, закреплению доходов и организации движения средств между бюджетами различных уровней.

В основу разграничения расходных полномочий между уровнями бюджетной системы обычно закладывается ряд принципов:

- территориального соответствия (закрепление бюджетных услуг за тем уровнем власти, подведомственная территория которого в основном охватывает всех потребителей данных услуг);

- субсидиарности (максимально возможного приближения к тем территориальным образованиям, в интересах населения которых осуществляются бюджетные услуги, т.е. рассмотрение вопроса о закреплении тех или иных расходов должно начинаться с самого низкого уровня бюджетной системы, поскольку органы власти на местах лучше знают потребности в бюджетных услугах населения, проживающего на подведомственной им территории);
- соразмерности (соответствия расходных полномочий финансовым ресурсам тех или иных уровней бюджетной системы);
- экономии масштаба (ряд расходов намного выгоднее осуществлять крупными порциями, при этом предоставление бюджетных услуг закрепляется за тем уровнем власти, который может наиболее эффективно обеспечивать реализацию соответствующих услуг);
- учета внешнего эффекта (предпосылки для централизации расходов тем больше, чем выше заинтересованность общества в целом от должного выполнения отдельными регионами/муниципалитетами своих обязательств или чем выше общий ущерб от их возможного невыполнения).

Очевидно, что для принятия решений по разграничению расходных полномочий необходим комплексный подход, учитывающий все названные принципы.

Ключевое значение имеет закрепление доходов (прежде всего, налогов) в соответствии с расходной частью бюджета определенного уровня. В общих чертах, известны три варианта закрепления налоговых доходов [1, 12].

В соответствии с первым из них за местными органами власти закрепляются все налоговые доходы, поступающие с территории, находящейся под их юрисдикцией. При этом часть доходов должна передаваться на высший уровень бюджетной системы для удовлетворения расходных обязательств национального правительства.

Слабой стороной данного варианта является возможность снижения эффективности межтерриториального перераспределения доходов, а также ограничения для обеспечения фискальной стабилизации. Кроме того, он может создавать неадекватные стимулы для местных органов власти в отношении финансирования национальных расходных обязательств.

Второй вариант распределения налоговых доходов в противоположность первому предполагает закрепление всех налогов за национальным правительством с последующей передачей средств нижестоящим органам власти путем предоставления грантов или иных трансфертов, либо посредством установления нормативов отчислений доходов по всем или отдельным налогам в бюджеты нижестоящего уровня.

Данный вариант также не лишен определенных недостатков, основным из которых считается отсутствие зависимости между уровнем власти, наделенным принятием расходных решений, и регионом, на территории которого собираются те или иные налоги. Тем самым подрывается основа для создания эффективной системы межбюджетных отношений. Без установления такой зависимости возникает возможность либо избыточного финансирования местных расходных потребностей либо необоснованного снижения объемов финансовых ресурсов, передаваемых на нижние уровни бюджетной системы. И то и другое может привести к невозможности создания стабильной системы финансирования государственных услуг на местном и/или региональном уровне.

Третий вариант распределения доходных полномочий предусматривает закрепление некоторой части налоговых полномочий за местными или региональными органами власти, а в случае необходимости – компенсация недостающих доходов либо путем закрепления долей от регулирующих налогов, либо путем перечисления трансфертов в местный бюджет.

Данный вариант, занимая промежуточное положение между двумя предыдущими, во многом свободен от их недостатков, поскольку позволяет закреплять за нижними уровнями власти налоговые полномочия, тем самым, увязывая величину налогового бремени и принимаемые расходные решения. При этом местные органы власти в своих действиях руководствуются соображениями вида «затраты – выгоды», что приводит к повышению экономической эффективности. Реализация данного варианта распределения доходов требует, однако, согласованного выбора налогов, закрепляемых за местными/региональными органами власти (местных/региональных налогов), и доли федеральных налогов, зачисляемых в региональные/местные бюджеты (регулирующих налогов).

Проблема распределения налоговых доходов не сводится только к полному закреплению конкретных налогов за местным, региональным или национальным уровнем власти. Чаще всего предпочтительным оказывается сочетание различных схем закрепления налоговых доходов и налоговых полномочий.

Представление о различных видах доходов органов власти нижестоящего уровня дает таблица, из которой видно, что налоговые доходы субнациональных бюджетов могут принимать различные формы: собственные налоги, которые полностью зачисляются в бюджет соответствующего органа власти, имеющего право определять ставку налога, а в определенных случаях – оказывать влияние на порядок расчета налоговой базы, и «пересекающиеся» налоги, база которых определена федеральным законодательством для всей территории страны, а субнациональные органы власти вправе самостоятельно устанавливать ставки налога [1].

Вопрос о фискальной автономии субнациональных органов власти напрямую зависит от их предполагаемой роли в экономической системе государства. В случае, если экономическая роль административно-территориальных образований сводится к практическому осуществлению политики, разработанной на высших уровнях власти, нет необходимости в предоставлении им широкой фискальной автономии. Если же, напротив, ожидается, что субнациональные органы власти будут осуществлять собственные расходные программы, а также независимо определять объем и качество оказываемых на соответствующем уровне государственных услуг, то их неспособность изменять налоговые ставки, а следовательно, и объем бюджетных доходов, является серьезной проблемой, возникающей в результате несоответствия ожиданий, потребностей и пожеланий населения фактическим доходным возможностям власти [1].

Использование рассмотренных схем распределения налоговых доходов и расходных обязательств может приводить, однако, к возникновению вертикального и/или горизонтального дисбаланса. Вертикальный дисбаланс возможен в случае несовпадения собственных доходов и расходных обязательств на различных уровнях бюджетной системы, а горизонтальный дисбаланс возникает при дифференциации собственного фискального потенциала субнациональных органов власти на одном уровне бюджетной системы. Для устранения

Виды фискальной автономии субнациональных органов власти*

Вид доходов бюджета нижестоящего уровня	Уровень полномочий по контролю за видом доходов
Собственные налоги	Полномочия по определению ставки и базы налога принадлежат органам власти соответствующего уровня
«Пересекающиеся» налоги	База налога определяется федеральным законодательством, полномочия по определению ставок принадлежат органам власти соответствующего уровня
Регулирующие (разделяемые) налоги	Ставки и база налога определяются федеральным законодательством, однако фиксированная доля налоговых поступлений зачисляется в бюджет органа власти соответствующего уровня (пропорции могут рассчитываться как на основе доли налоговых поступлений с территории, находящейся под юрисдикцией органов власти соответствующего уровня, так и на основе других критериев – численность населения, расходные потребности, доходный потенциал)
Нецелевые трансферты	Доля или сумма трансферта определяется центральным правительством, однако органы власти – получатели трансферта вправе самостоятельно определять направления расходования средств. В некоторых случаях сумма трансферта может зависеть от налоговых усилий его получателя
Целевые трансферты	Сумма трансферта определяется центральным правительством, органы власти – получатели средств обязаны расходовать их на определенные программы

* Источник: [1, с. 91].

подобных дисбалансов применяются, как правило, разнообразные механизмы трансфертов или заимствований.

Передача ресурсов от одного уровня бюджетной власти на другой осуществляется обычно по двум направлениям – через разделение доходов и систему грантов. При этом разделение доходов может иметь несколько вариантов, например, разделение налоговой базы или централизация налоговых доходов и их последующее распределение согласно избранным критериям.

Выделение грантов также может иметь два вида – нецелевые и целевые трансферты, каждый из которых может в свою очередь быть выделен в фиксированном размере или подлежать пролонгации, являться условным или безусловным, а также выделяться на условиях совместного финансирования. Выбор конкретного механизма выделения межбюджетных трансфертов зависит от задач экономической и фискальной политики в данный момент времени.

В целом возможны три варианта государственной политики в области межбюджетных трансфертов для выравнивания вертикального и горизонтального дисбалансов [1]:

1. *Применение отдельных механизмов выравнивания вертикального и горизонтального дисбалансов.* Выравнивание дефицита субнациональных бюджетов осуществляется путем разделения налоговых доходов и выделения трансфертов из национального бюджета, в то время как выравнивание фискального потенциала производится с помощью горизонтальных платежей из регионов с высокой бюджетной обеспеченностью в низкообеспеченные регионы. Подобная система применяется в Федеративной Республике Германии.

2. *Комплексная система выравнивающих трансфертов.* Как вертикальный, так и горизонтальный дисбалансы выравниваются с помощью единой системы выравнивающих трансфертов и специальных грантов. Подобный подход используется в бюджетных системах Австралии и Канады.

3. *Выравнивание только вертикального дисбаланса бюджетной системы.* Как и при использовании первого варианта бюджетной политики, субнациональные бюджетные дефициты выравниваются с помощью закрепления регулирующих налогов и выравнивающих трансфертов, но не принимаются отдельных мер по выравниванию горизонтального дисбаланса. В этом случае миграция капитала и рабочей силы возникает как результат разницы в доходах в субнациональных образованиях, а также чистой фискальной выгоды в регионах (чистой выгоды от государственных расходов и уплаченных налогов). При таком варианте бюджетной политики возможно выделение специальных грантов, которые среди прочих целей могут иметь горизонтальный выравнивающий эффект. Подобный подход широко распространен в США.

Помимо установления соотношения между целями выравнивания горизонтального и вертикального дисбалансов при разработке системы трансфертов требуется также определить соотношение между видами трансфертов. Последние, как указывалось, могут быть либо условные или целевые и безусловные или нецелевые трансферты. К условным трансфертам относятся гранты, предоставляемые на условиях совместного финансирования, простые целевые трансферты и блочные гранты, причем каждый из этих видов трансфертов, в свою очередь, может выделяться как в фиксированной сумме, так и с возможностью пролонгации. Безусловные трансферты выделяются в виде отчислений от налоговых доходов в субнациональные бюджеты либо в виде прямых трансфертов в фиксированном объеме или подлежащих пролонгации.

Практика построения и функционирования бюджетных систем в условиях федеративного устройства государства свидетельствует о том, что система распределения трансфертов должна удовлетворять следующим основным критериям [1]:

Во-первых, необходимо избежать ситуации, когда выравнивающие трансферты просто покрывают разрыв между доходами и расходами субнациональных бюджетов. Система распределения трансфертов должна быть построена таким образом, чтобы субнациональные власти не имели возможности влиять на размер трансферта своими решениями в области расходной и налоговой политики, налогового администрирования.

Во-вторых, применение системы выравнивающих трансфертов не должно сопровождаться значительными издержками на сбор и обработку исходной информации.

В-третьих, к разработке методики распределения трансфертов необходимо привлекать представителей региональных органов власти для достижения политического консенсуса в этой области, в отсутствие которого система будет неэффективной. Вследствие этого возможно поэтапное изменение принципов вертикального и горизонтального выравнивания с целью избежания резких колебаний бюджетной ситуации в регионах.

В результате должны быть созданы стимулы для проведения на местах рациональной и ответственной бюджетной политики, расширения собствен-

ной доходной базы, эффективного использования общественных финансовых средств в интересах местного населения.

Создание и функционирование эффективной системы межбюджетных отношений в конечном счете нацелено на:

1) повышение уровня жизни, обеспечение социальной защищенности и равного доступа населения к общественным (бюджетным) услугам и социальным гарантиям на всей территории страны;

2) обеспечение устойчивого экономического развития при оптимальном использовании налогового и ресурсного потенциала отдельных территорий и страны в целом;

3) упрочение государственного устройства и территориальной целостности страны, предотвращение появления центробежных тенденций и конфликтов между властями разных уровней по поводу распределения и использования ресурсов национальной бюджетной системы, создание предпосылок для становления гражданского общества.

Таким образом, целью межбюджетных отношений является обеспечение соответствия между доходами и расходами бюджетов разного уровня в тех случаях, когда собственных доходов недостаточно для покрытия необходимых бюджетных расходов.

Во всех странах, реализующих принципы бюджетного федерализма, сфера бюджетно-налоговых отношений является предметом тщательной правовой проработки. Развитие соответствующей юридической базы идет в направлении конкретизации и всестороннего законодательного охвата отношений по поводу разграничения между органами власти разных уровней расходных и доходных полномочий, а также по поводу применения процедур межбюджетного выравнивания.

Неотъемлемым звеном общественного устройства во многих странах является местное самоуправление. В круг его компетенции обычно входит реализация основной доли социальных функций государства, обеспечение общественного порядка, благоустройство территорий, содействие развитию предпринимательства и т.п. В последние годы местный уровень власти получил значительную самостоятельность (Европейская хартия местного самоуправления и др.) и в ряде случаев стал независимым от институтов государственного управления.

Система местного самоуправления как основополагающее звено федеративного государственного устройства призвана обеспечивать сочетание общегосударственных интересов и интересов каждой отдельно взятой территории. Поэтому развитое и эффективно организованное местное самоуправление является неотъемлемым элементом государственной власти, позволяя последним сконцентрироваться на решении общегосударственных проблем, способствуя тем самым оптимизации всей системы государственного управления. Органы местного самоуправления заняты прежде всего реализацией вопросов местного значения и созданием условий для обеспечения повседневных потребностей населения. Очевидно, что для эффективного осуществления возложенных на них функций и полномочий органы местной власти должны иметь достаточную экономическую и финансовую базу [4].

В современных условиях России (с конца 90-х гг. по настоящее время) наблюдается усиление централизации управления, в том числе в сфере бюджетной политики и в целом государственной региональной политики.

В определенной мере это было оправдано при решении задач острейшего кризиса и проведения основных рыночных реформ. Однако в настоящее время централизованная модель исчерпала свои конструктивные возможности и становится тормозом территориального развития [9]. Сохранение подобной тенденции в будущем чревато дальнейшим обострением накопившихся проблем в региональном развитии, одним из наиболее актуальных путей преодоления которых представляется децентрализация бюджетной системы, включая децентрализацию ресурсов и полномочий, самостоятельности в принятии решений, конкуренцию и стратегический маркетинг.

В соответствии с вышеизложенным предлагается ориентироваться на формирование следующей структуры доходных источников на уровне регионального и местного бюджетов [5, 7, 8]:

1) налоги, поступления от которых резко сокращаются в периоды экономического спада и растут в условиях экономического подъема (например, налог на прибыль предприятий), следует закрепить за региональным бюджетом, а местным бюджетам оставить наиболее стабильные налоговые источники;

2) налоги, базы которых распределены крайне неравномерно (налоги на некоторые природные ресурсы и т.п.), необходимо закрепить за региональным бюджетом;

3) налоги, база которых легко может быть перенесена в другое муниципальное образование (путем перерегистрации головного предприятия и т.п.) или бремя которых может быть переложено на население другого муниципального образования (акцизы на водку, взимаемые с производителя и т.п.), необходимо централизовать в региональный бюджет;

4) налоги, взимаемые с немобильной базы, следует закреплять за местными бюджетами (налоги на имущество);

5) поступления от налогов, непосредственно зависящих от уровня благосостояния налогоплательщиков, зарегистрированных или проживающих на данной территории (подходный налог, налог с продажи потребительских товаров и т.д.), следует зачислять в местные бюджеты;

6) сборы за бюджетные услуги (пошлина, административные платежи) должны поступать в бюджет органов власти, предоставляющих эти услуги.

Обобщая сказанное, можно сформулировать следующие положения, на которых следует выстраивать систему местного налогообложения:

1. Налоговые поступления должны в основном покрывать потребности местного бюджета. Если местная автономия является экономической и политической целью, то местные органы власти не должны, по возможности, зависеть от дотаций вышестоящих властей. Налоги, взимаемые самими местными властями, являются более надежной базой долгосрочного планирования и развития, особенно в отношении расходов. Система местного налогообложения не должна быть единственным источником местного бюджета. Есть много нетипичных расходов, особенно в муниципалитетах, исполняющих функции региональных центров, которые должны компенсироваться за счет дотаций общего назначения.

2. Местные власти должны обладать правом устанавливать ставки одного или двух главных налогов. Это дает возможность местным властям определять свою расходную программу в соответствии с желанием населения платить налоги. Финансовая автономия местных властей имеет преимущество в том, что налогоплательщики могут санкционировать действия местных властей путем голосования на выборах и контролировать решения и деятельность местных выборных органов и административных подразделений.

3. Налоги должны быть прозрачными, понятными для граждан и предприятий, которые несут налоговое бремя. Такая прозрачность является необходимой предпосылкой эффективного распределения ресурсов в соответствии с индивидуальными требованиями. В конечном счете, она позволяет людям «голосовать ногами», приняв решение о переезде на основе разницы в местном налогообложении, что характерно для высокоразвитых стран.

4. Обеспечение роста доходов населения и соответственно удовлетворение его растущих потребностей невозможно без установления соответствия между экономическим развитием и поступлениями от местных налогов. Кроме того, поступления от налогов не должны быть напрямую связаны с цикличностью деловой активности на территории. С формальной точки зрения эластичность налоговых поступлений должна равняться единице. Основанием для такого требования является то, что соотношение расходов и доходов местных властей должно быть стабильным во времени. Политика стабилизации входит в обязанности центрального правительства вследствие ее внешнего воздействия и требований, предъявляемых к гибкости в расходах и доходах. Если есть необходимость содействия политике стабилизации со стороны местных властей, то желательно поощрить их с помощью дотаций специального назначения. На положительное отношение граждан и предприятий к местным властям влияет распределение налогового бремени между местным населением и деловым сектором, хотя боязнь загрязнения окружающей среды часто заставляет местные власти выступать против создания новых промышленных предприятий. Однако система местного налогообложения должна быть нейтральной в отношении «перетягивания» населения и предприятий. Это правило получило название «принцип уравнивания интересов».

5. Требуется установление и определенного равновесия между потреблением местных услуг на территории и распределением налогового бремени. Такое равновесие не только оказывает положительное воздействие на распределение ресурсов, но и сопровождается политическими преимуществами, поскольку обязанность распределять налоговое бремя среди всех потребителей общественных услуг не допускает эксплуатации определенных групп посредством политических решений.

6. В муниципалитетах, примерно равных по размеру, разница между поступлениями от местных налогов на душу населения не должна быть значительной. В противном случае необходимо активное осуществление системы мер, направленных на уравнивание между местными властями с целью недопущения нарушений их финансовой автономии. Поскольку различия в налоговых поступлениях часто связаны с неравенством регионов, то несоблюдение данного принципа построения системы налогообложения усугубляет его еще больше.

Литература

1. *Баткибеков С., Кадачников П., Луговой О., Синельников С., Трунин И.* Оценка налогового потенциала регионов и распределение финансовой помощи из федерального бюджета // Совершенствование межбюджетных отношений в России. М.: ИЭПП, 2000. С. 83–237.
2. *Казанчева Х.К.* Основные направления вывода региона из депрессивного состояния // Регионоведение. 2005. № 3. С. 72–82.
3. *Клисторин В.И.* Методология анализа налогово-бюджетной и региональной политики на субфедеральном уровне / Под ред. д.э.н. С.А. Суспицына. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2004. 240 с.
4. *Кузнецова А.Н.* Вопросы финансового обеспечения местного самоуправления в России // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 3 (42). С. 43–46.
5. *Пенюгалова А.В.* Система местного налогообложения как ресурс развития муниципального образования // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 8. С. 52–54.
6. *Сильва Де К. Мигара О., Курляндская Г.В.* Межбюджетные отношения в России: тенденции, противоречия, пути реформирования // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник. Вып. 7 / Гл. ред. О.В. Иншаков; редкол.: М.М. Загорюлько (зам. гл. ред.) [и др.]; редсовет: Л.А. Аносова [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. Т. 2. С. 9–29.
7. *Смирнов А.А.* Оптимизация бюджетной системы регионов как фактор развития бюджетного федерализма // Регионоведение. 2004. № 3. С. 70–79.
8. *Сумская Т.В.* Актуальные направления совершенствования бюджетно-налоговых отношений на местном уровне // Вестник НГУЭУ. 2010. № 2. С. 42–54.
9. *Швецов А.Н.* Децентрализация фискальной политики // Федерализм. 2006. № 4. С. 5–26.
10. *Bahl R.* Implementation Rules for Fiscal Decentralization: International Studies: Program Working Paper. 1. Atlanta: Georgia State University, 1999.
11. *Khaleghian P.* Decentralization and public services the case of immunization. Washington, D.C.: The World Bank, 2003.
12. *King D.N.* Local Government Economics in Theory and Practice. London: Routledge, 1992.
13. *Oates W.E.* Fiscal Federalism. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
14. *Tanzi V.* Fiscal federalism and decentralization: A review of some efficiency and macroeconomic aspects. Annual World Bank conference on development economics. 295316. Washington, D.C.: The World Bank, 1996.
15. *Wallis J., Oates W.* Decentralization in the Public Sector: An Empirical Study of State and Local Government. In Rosen H., ed. Fiscal Federalism: Quantitative Studies. Chicago: University of Chicago Press, 1988. P. 13–15.

Bibliography

1. *Batkibekov S., Kadachnikov P., Lugovoj O., Sinel'nikov S., Trunin I.* Ocenka nalogovogo potenciala regionov i raspredelenie finansovoj pomowi iz federal'nogo bjudzheta // Sovershenstvovanie mezhbjudzhetnyh otnoshenij v Rossii. M.: IJePP, 2000. P. 83–237.
2. *Kazancheva H.K.* Osnovnye napravlenija vyvoda regiona iz depressivnogo sostojanija // Regionologija. 2005. № 3. P. 72–82.
3. *Klistorin V.I.* Metodologija analiza nalogovo-bjudzhetnoj i regional'noj politiki na subfederal'nom urovne / Pod red. d.je.n. S.A. Suspicyna. Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2004. 240 p.
4. *Kuznecova A.N.* Voprosy finansovogo obespechenija mestnogo samoupravlenija v Rossii // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2007. № 3 (42). P. 43–46.
5. *Penjugalova A.V.* Sistema mestnogo nalogooblozhenija kak resurs razvitija municipal'nogo obrazovanija // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2005. № 8. P. 52–54.

6. *Sil'va De K. Migara O., Kurljandskaja G.V.* Mezhhjudzhetnye otnoshenija v Rossii: tendencii, protivorechija, puti reformirovanija // *Jekonomika razvitija regiona: problemy, poiski, perspektivy*: Ezhegodnik. Vyp. 7 / Gl. red. O.V. Inshakov; redkol.: M.M. Zagorul'ko (zam. gl. red.) [i dr.]; redsovet: L.A. Anosova [i dr.]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2006. T. 2. P. 9–29.
7. *Smirnov A.A.* Optimizacija bjudzhetnoj sistemy regionov kak faktor razvitija bjudzhetnogo federalizma // *Regionologija*. 2004. № 3. P. 70–79.
8. *Sumskaja T.V.* Aktual'nye napravlenija sovershenstvovanija bjudzhetno-nalogovyh otnoshenij na mestnom urovne // *Vestnik NGUJeU*. 2010. № 2. P. 42–54.
9. *Shvecov A.N.* Decentralizacija fiskal'noj politiki // *Federalizm*. 2006. № 4. P. 5–26.
10. *Bahl R.* Implementation Rules for Fiscal Decentralization: International Studies: Program Working Paper. 1. Atlanta: Georgia State University, 1999.
11. *Khaleghian P.* Decentralization and public services the case of immunization. Washington, D.C.: The World Bank, 2003.
12. *King D.N.* Local Government Economics in Theory and Practice, London: Routledge, 1992.
13. *Oates W.E.* Fiscal Federalism. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.
14. *Tanzi V.* Fiscal federalism and decentralization: A review of some efficiency and macro-economic aspects. Annual World Bank conference on development economics. 295316. Washington, D.C.: The World Bank, 1996.
15. *Wallis J., Oates W.* Decentralization in the Public Sector: An Empirical Study of State and Local Government. In Rosen H., ed. *Fiscal Federalism: Quantitative Studies*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. P. 13–15.

УДК 332.1

**ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПАРТНЕРСТВА НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА ФЕДЕРАЦИИ****В.В. Алещенко**Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
E-mail: omsksme@rambler.ru**А.А. Цикунов**Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия
E-mail: 564435@mail.ru

Исследуются теоретико-методологические вопросы предпринимательского взаимодействия частного бизнеса и региональной власти России в контексте мирового опыта. Приведены результаты анализа состояния и перспектив частно-государственного партнерства в регионах СФО. Обозначены направления совершенствования механизма ЧПП на региональном уровне.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, регионы Сибири, региональная власть, муниципальная власть.

**ISSUES OF DEVELOPMENT OF PRIVATE-STATE
PARTNERSHIP AT THE LEVEL OF CONSTITUENT TERRITORY
OF THE FEDERATION****V.V. Aleshchenko**Institute of Economics and Industrial Engineering
E-mail: omsksme@rambler.ru**A.A. Tsykunov**Siberian State Automobile and Highway Academy
E-mail: 564435@mail.ru

Theoretic-methodological issues of entrepreneurial interaction of private industry and regional authority in Russia in the context of global experience are examined. The results of the state and outlook for the private-state partnership in regions of Siberian Federal District are presented. Lines of elaboration of the mechanism of the private-state partnership at the regional level are defined.

Key words: state-private partnership, regions of Siberia, regional authority, municipal authority.

Мировой опыт и ситуация в России

Актуальность теоретико-методологических и прикладных аспектов исследования механизма частно-государственного партнерства (ЧПП) для задач регионального развития в современной России со временем только возрастает. Здесь следует выделить три основные причины:

1. Государство сегодня является крупнейшим игроком в сфере предпринимательской активности: являясь и крупнейшим производителем, и крупнейшим потребителем, и крупнейшим инвестором. Даже в таких «либеральных»

странах, как США и Австралия, государственный сектор составляет треть ВВП, а в странах социального рыночного хозяйства (Швеция, Германия) – до двух раз больше. За период с 1880 по 1998 г. (за 118 лет) удельный вес государственных расходов в ВВП Японии вырос в 3,2 раза, Франции – в 3,6, Англии и США – в 4, в Германии – в 4,7, в Швеции – в 10 раз [2]. Был сформулирован даже закон Вагнера, согласно которому существует явно выраженная тенденция к увеличению доли государственных расходов в ВВП. В нашей стране, по оценкам «Тройки Диалог», федеральные и региональные власти контролировали примерно 40% рыночной капитализации российского фондового рынка в конце 2007 г. по сравнению с 24% в 2004 г. Примерно таковы же оценки в рамках базы «Эксперт-400»: к началу 2008 г. «глубина концентрации собственности» в руках государства составила порядка 40–45%. В 2009–2010 гг. этот показатель, по данным экспертов, находился в районе 50% [5].

2. Происходит стирание четких граней между частным и государственным предпринимательством, появление «гибридных», «кооперационных» форм предпринимательской деятельности между частным бизнесом и государством, которые и принято называть ЧГП. Речь идет, в первую очередь, о крупных, общественно значимых проектах, реализовать которые каждому сектору «в одиночку» в разы сложнее (дороже, дольше и рискованнее), чем объединившись. Государство рассматривается здесь как своего рода агентство по производству общественных (публичных) благ, которое базируется на рыночных принципах, с привлечением ресурсов и возможностей частного сектора.

3. ЧГП – инструмент, доказавший свою высокую эффективность на региональном уровне и уровне местного самоуправления (по данным федерального портала ГЧП-инфо <http://www.pppi.ru> сегодня в России 56% государственно-частных проектов являются региональными, еще 32% проектов реализуются на муниципальном уровне и только 12% приходится на федеральный уровень). На долю региональной власти и муниципалитетов приходится основная нагрузка по реализации множества проектов социального значения в области дорожного и транспортного хозяйства, социальной инфраструктуры, водного хозяйства и водоочистных сооружений, охраны окружающей среды, жилищного строительства, энерго- и газообеспечения. При этом ни для кого не секрет, что основная проблема состоит в недостатке финансовых ресурсов. Как показывает опыт, именно на местном уровне обычно возникает дилемма: приватизировать объекты коммунальной собственности или искать другие пути привлечения материальных и финансовых ресурсов частного сектора, в том числе с помощью проектов ЧГП. В качестве аргументов против прямой и полной приватизации называют риски сокращения числа рабочих мест, удорожания коммунальных услуг, замены монополии муниципальных служб на монополию частную. Поэтому привлечение частного капитала к решению социально-экономических проблем на уровне регионов и местного самоуправления является логичным и уже стало обычной практикой во всем мире.

Впервые принципы ЧГП были применены еще в годы Второй мировой войны в США, когда в небольших американских городках бизнес и власть с успехом объединялись для достижения общих целей. Однако по-настоящему идеи взаимовыгодного партнерства государства и бизнеса нашли свое воплощение в Великобритании в начале 1990-х годов, когда был принят специальный закон, позволяющий инвесторам строить на паях с государством инфра-

структурные объекты. Сегодня аналогичные законы и нормы действуют уже более чем в 40 странах мира и список этих стран постоянно пополняется. На основе ЧГП строятся не только дороги, мосты, тоннели, объекты энергетики, но и госпитали, школы и даже тюрьмы, возведение которых только государству или муниципалитетам оказалось бы не под силу.

Характерный пример такого регионального частно-государственного предпринимательского взаимодействия – расширение и модернизация международного аэропорта в Варшаве, требовавшего в относительно короткие сроки вдвое обеспечить рост пассажиропотока и грузового оборота аэропорта. Получателем кредитов и государственным партнером проекта выступило агентство «Польские аэропорты PPL», частным партнером – консорциум малых и средних компаний Польши и Германии (генеральный подрядчик – немецкая фирма «Хохтиф эйрпорт ГмБХ»). Стоимость проекта составила 153,4 млн евро, до 80% его финансирования (по модели cash-flow) пришлось на частную сторону (консорциум банков, возглавляемый АО «Ситибанк»). Государственная польская авиакомпания LOT была включена в частное кредитное соглашение об обеспечении гарантий и в соглашение об использовании аэропорта.

Показательной чертой последнего времени является стратегическая ориентация целых стран на возможности ЧГП. Так, в Финляндии, лидирующей в последние годы в мировом рейтинге конкурентоспособности, в рамках частно-государственного партнерства страна мобилизует на НИОКР около € 6 млрд ежегодно (около 1% совокупных мировых затрат на НИОКР). При этом только 30% этой суммы приходится на публичный сектор, а 70% – на частных партнеров. Таким образом, за счет механизмов ЧГП поддерживается 23 технологических центра и технопарка, а инновационная политика страны является образцом для подражания в международном масштабе [1].

Существует множество подходов к определению ЧГП: спектр понятий варьируется от широкого определения, подразумевающего любое взаимодействие частного бизнеса и государства, до узкого, когда рассматриваются только те проекты, где взаимодействие долгосрочно и предполагает софинансирование. Так, Всемирный банк ставит на первое место в определении ЧГП наличие партнерского стиля взаимодействия в инфраструктурных проектах (совместное принятие рисков, ответственности и прибыли) для целей повышения эффективности средств налогоплательщиков, т.е. по сути рассматривает его через призму совместной предпринимательской деятельности [3]. По сферам применения это могут быть как объекты инфраструктуры: автомобильные и железные дороги, порты, аэропорты, энергетические системы, трубопроводный транспорт, коммунальное хозяйство (газо-, водо-, электро-, теплоснабжение городов, предприятий, населения), так и проекты в сфере недвижимости, городского транспорта, строительства городов и т.п.

Региональная власть и муниципальное самоуправление заинтересованы в ЧГП в силу двух основных мотивационных составляющих: а) использование схемы ЧГП дает возможность привлечь частный капитал и увеличить, таким образом, общий объем производимых общественных благ (так, в Германии потребности в инвестициях в инфраструктуру поистине огромны: только общины нуждаются в суммах до € 70 млрд в год); б) использование схемы ЧГП повышает эффективность бюджетных расходов за счет компетенций частного бизнеса (в 2005 г. Немецкий институт урбанизации DIFU провел исследование

относительно эффективности инфраструктурных проектов ЧГП. Основной вывод – только за счет привлечения частного бизнеса для планирования эффективности проектов с использованием механизмов ЧГП становится выше на 10%).

Кроме того, ЧГП позволяет развивать конкурентную среду в сфере государственной и муниципальной собственности, получать дополнительные доходы в региональные и местные бюджеты, способствует развитию деловой активности и т.д. Интересы частного бизнеса в развитии регионального ЧГП также существенны: а) доступ к новым, закрытым ранее для частной предпринимательской инициативы рынкам производства общественных благ; б) возможность получения долгосрочного гарантированного доступа к финансированию и минимизации части рисков.

Первые шаги российских регионов в направлении развития ЧГП, безусловно, делаются на основе опыта западных стран с поправкой на местную специфику. В настоящее время самая высокая степень развитости рынка ЧГП наблюдается в Великобритании, Австралии, Ирландии и Германии. В качестве целевых ориентиров развития – инфраструктурная направленность (в ФРГ из € 150 млрд запланированных инвестиций на период 2001–2015 гг. € 83 млрд приходится на инфраструктуру), высокая результативность (из каждых восьми намеченных в общинах проектов реализуются семь) и юридическая природа проблем реализации ЧГП-проектов (отсутствие бюрократических и коррупционных трудностей).

В России закон о концессиях был принят в 2005 г., а первые крупные проекты ЧГП начали реализовываться в Санкт-Петербурге. В июне 2008 г. был объявлен победитель в тендере на строительство первого концессионного проекта в России – Западного скоростного диаметра, дороги в 46,6 км вокруг Санкт-Петербурга, консорциум «Невский Меридиан». Членами консорциума являются шесть компаний: Bouygues Travaux Publics, Hochtief, Egis, Strabag, а также «Базовый Элемент» и «Мостотряд 19», стоимость проекта превысила 200 млрд руб. Большинство проектов ЧГП в России, как и следовало ожидать, также связано с развитием транспортной инфраструктуры. Среди крупных концессий – проект по строительству части новой автомагистрали Москва–Санкт-Петербург на участке с 15-го по 58-й км и выход с Московской кольцевой автодороги на трассу Москва–Минск вокруг города Одинцово. В перспективе планируется заключение подобных контрактов на строительство дорог транспортного коридора Север–Юг, здесь наиболее крупный проект – платная дорога Краснодар–Абинск–Кабардинка в Краснодарском крае длиной 147 км.

Состояние и перспективы частно-государственного партнерства в регионах Сибири

С точки зрения социально-экономического развития и потенциала ЧГП в Сибири можно выделить 3 группы субъектов РФ:

А) регионы с достаточно высокой плотностью населения, относительно сбалансированной аграрной и промышленной экономикой, сравнительно высоким уровнем развития инфраструктуры и освоенности территории (Алтайский край, Новосибирская, Омская и Томская области). В них сосредоточен

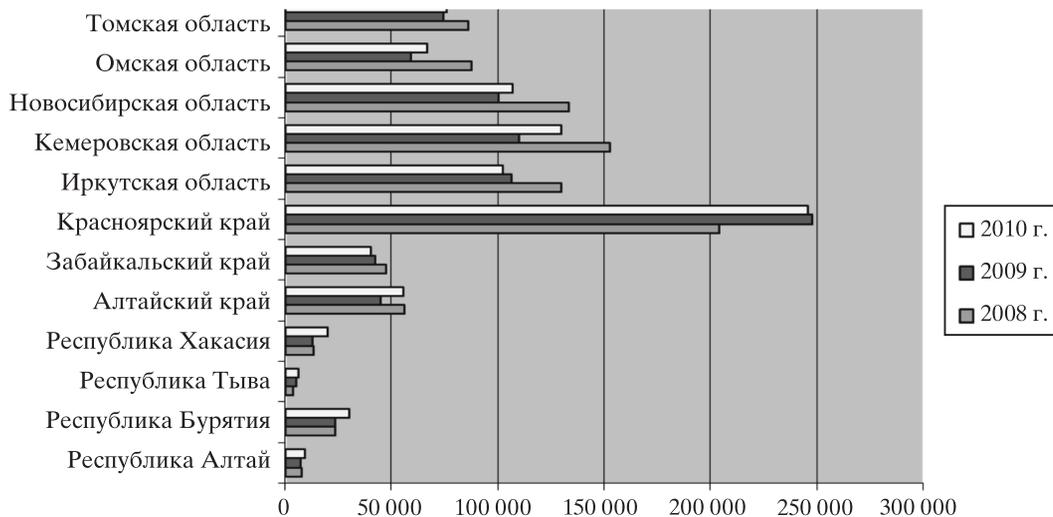
основной научно-образовательный и аграрный потенциал, обрабатывающий и перерабатывающий сектор промышленности Сибири. Логично предположить, что в этих регионах следует ожидать развитие проектов ЧГП в высокотехнологичных наукоемких отраслях и производствах и сферах их инфраструктурной поддержки с учетом конкурентных преимуществ и возможностей региональной экономики;

В) вторая группа – промышленные регионы с ярко выраженной специализацией в сфере развития перерабатывающей промышленности и ресурсных отраслей (Красноярский край, Иркутская и Кемеровская области, Республика Хакасия). Здесь наибольший потенциал развития ЧГП возможен в сфере инфраструктурной поддержки регионального развития с целью стабилизации присутствия бизнеса региона на внутреннем и внешнем рынках топливно-сырьевых ресурсов и притока валютных ресурсов;

С) регионы с достаточно низкой плотностью населения и относительно низким уровнем социально-экономического развития (Республики Алтай, Бурятия, Тыва и Забайкальский край). Стратегическим направлением политики ЧГП в этих регионах является адресная направленность и комбинированное использование элементов ресурсной, инновационной и рекреационной составляющих Сибири. Приоритетное значение для этих регионов будут иметь крупные инвестиционные проекты.

Анализ потенциала ЧГП с позиции динамики статистических показателей *инвестиционной привлекательности* регионов показывает, что бесспорным лидером в СФО по объему привлеченных инвестиций является Красноярский край (рис. 1). Далее идут Кемеровская, Новосибирская и Иркутская области. В группу регионов-середняков можно отнести Томскую и Омскую области, Алтайский и Забайкальский края. Наименее инвестиционно привлекательны Республики Тыва, Алтай, Хакасия и Бурятия. Регионы СФО крайне неоднородны по данному показателю: разрыв по уровню инвестиций в основной капитал между полярными регионами достигает 40-кратной величины (Красноярский край и Республика Тыва). Более того, из 12 сибирских регионов только два (Красноярский край и Республика Тыва) имеют стабильно положительную динамику на протяжении последних лет. Томская и Иркутская области, напротив, неуклонно сокращают физический объем инвестиций в основной капитал. В остальных регионах можно отметить волнообразный характер процесса инвестирования.

По состоянию на 2011 г. на территории СФО реализуется 197 *инфраструктурных проектов*, 106 из них можно отнести к ЧГП. Таким образом, ЧГП в регионах Сибири – уже достаточно распространенное явление: более половины инфраструктурных проектов реализуются государством в том числе и на частные средства. Из представленного графика (рис. 2) видно, что по количеству реализуемых инфраструктурных проектов лидером является Кемеровская область (91 проект). Однако стоимость реализации большинства проектов составляет менее 500 млн руб. С точки зрения крупномасштабных капиталоемких проектов – впереди Красноярский край. Если же говорить о региональных инфраструктурных ЧГП-проектах, лидирует Республика Алтай. Далее по списку – Красноярский край, Омская и Томская области, Алтайский край.

Регионы	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Республика Алтай	7591,3	7168,6	9519,6
Республика Бурятия	23604,7	23379,3	30343,9
Республика Тыва	3755,7	5187,9	6352,8
Республика Хакасия	13312,3	12836,9	20232,4
Алтайский край	55965,3	45025,8	55818,9
Забайкальский край	47445,2	42271,4	40256,7
Красноярский край	204170,7	247788,8	245618,3
Иркутская область	129950,8	106549,8	102450,2
Кемеровская область	152887,1	110074,1	129746,8
Новосибирская область	133410,3	100447,7	106821,6
Омская область	87508,7	59184,2	66803,7
Томская область	85954,1	74678,9	75753,9

Рис. 1. Инвестиции в основной капитал по регионам СФО за 2008–2010 гг. (млн руб.). Данные Росстата

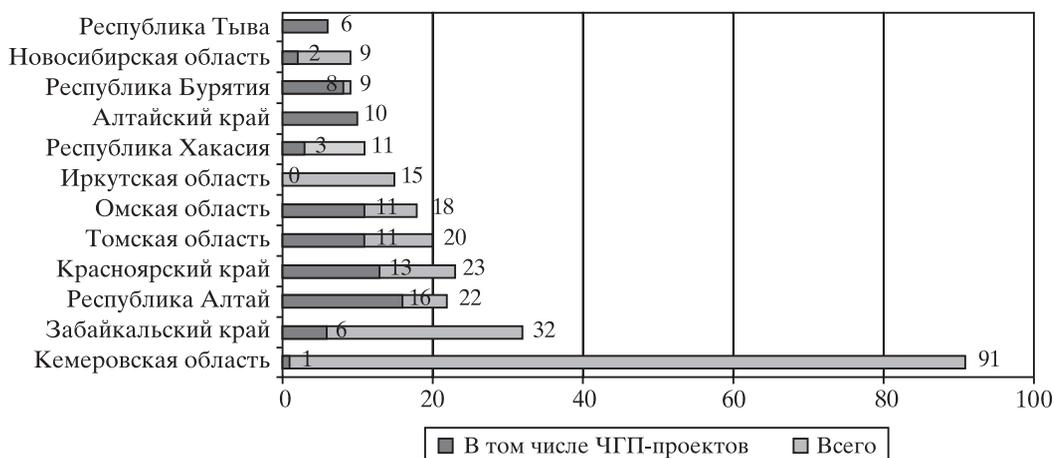

Рис. 2. Количество инфраструктурных проектов в регионах СФО в 2011 г. [4]

В отраслевом разрезе по количеству реализуемых инфраструктурных проектов в регионах СФО лидирует транспорт (45 проектов). По 28 проектов реализуется в сферах ЖКХ, энергетики и комплексного развития территории. На третьем месте – сфера здравоохранения (24 проекта). С применением механизмов ЧГП наибольшее число проектов реализуется в сфере ЖКХ (22 проекта), 19 проектов осуществляются в сфере комплексного развития территории и 18 проектов в транспортной отрасли.

Законодательная база субъектов СФО, регулирующая правоотношения в данной сфере, на сегодня включает в себя 6 региональных законов о ЧГП: в Республиках Алтай и Тыва, в Забайкальском крае, в Кемеровской, Омской и Томской областях. В 3-х регионах ведется или планируется разработка законопроекта о ЧГП (Республики Бурятия и Хакасия, Алтайский край), в 3-х субъектах (Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области) данный вопрос еще только на стадии рассмотрения.

Источниками финансирования реализуемых ЧГП-проектов в Сибири, по экспертным данным представителей региональной исполнительной власти, являются средства федерального и регионального бюджетов, федеральных и региональных целевых программ, средства Инвестиционного фонда и госкорпораций, кредиты государственных банков. В единичных случаях используются государственные гарантии и субсидии, выпуск облигационных займов.

Проблемы развития ЧГП на региональном уровне

С целью получения релевантной картины проблем ЧГП на уровне субъекта Федерации были проанализированы и сведены в схематическом виде ответы опроса экспертов из 12 регионов СФО. Опрос проводился Центром развития государственно-частного партнерства и Министерством регионального развития РФ при поддержке Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) в период с октября 2010 г. по январь 2011 г. Представители региональных органов власти обозначили наиболее существенные на их взгляд факторы, препятствующие развитию механизмов ЧГП на территории сибирских регионов. Проведенный анализ позволяет выделить основные проблемы развития частно-государственного предпринимательского взаимодействия на региональном уровне с точки зрения этапов его реализации (рис. 3).

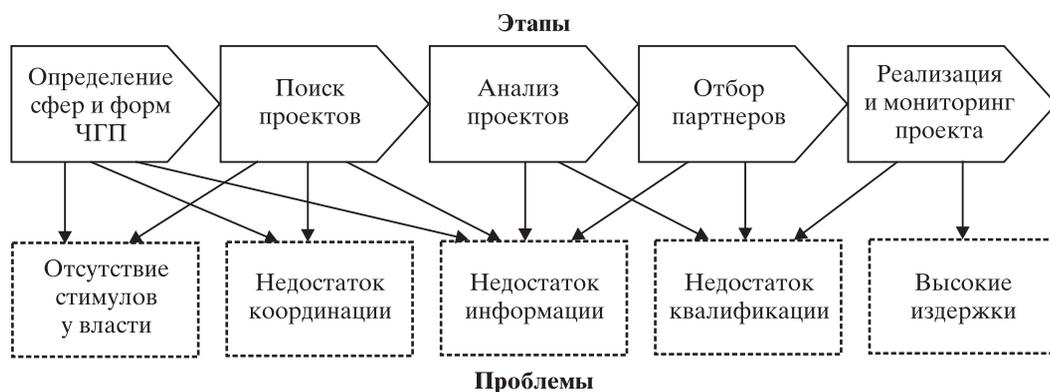

Рис. 3. Этапы и проблемы реализации ЧГП на региональном уровне

В качестве «узких мест» процесса организации ЧГП на уровне субъекта Федерации можно выделить следующие:

1. Переизбыток или недостаток стимулов регионов и муниципалитетов в реализации совместных с частным бизнесом проектов. С одной стороны, если органы исполнительной власти стремятся наращивать количество ЧГП-проектов, финансовые последствия такого участия (с точки зрения критерия «цена–качество») неоднозначны. С другой стороны, у региональных и муниципальных партнеров может оказаться недостаточно стимулов для участия в проектах ЧГП, в случае если у них имеется возможность на альтернативной основе использовать более выгодную для них традиционную схему государственных закупок.

2. Недостаток координации между структурными подразделениями органов власти, в том числе разного уровня. Как правило, региональное министерство финансов оценивает экономическую составляющую проекта, в то время как другие регулирующие органы участвуют в согласованиях, распределении земли, тарифном регулировании и т.п.

3. Недостаток информации. Частные инвесторы могут не иметь адекватной информации о возможностях и рисках в регионах и муниципальных образованиях. Региональной власти нужно генерировать необходимый поток информации о возможностях ЧГП в данном регионе или муниципальном районе.

4. Недостаток квалификации государственных и муниципальных служащих. Причина проваленных проектов обычно лежит не столько в низко квалифицированном менеджменте, сколько в необходимости разработки точных и устойчивых схем финансового участия государства и в обеспечении гарантий эффективного управления со стороны государства. Например, провалы многих проектов ГЧП связаны с конфликтами между назначенными государством членами совета директоров и членами совета директоров компании-подрядчика.

5. Высокие транзакционные издержки: отсутствие стандартизированных документов, специальных инструкций, общих требований и процедур и т.д. Например, в Великобритании для решения этой проблемы распространяется руководство по типовым PFI контрактам, его цель информировать инвесторов об основных рисках, об условиях ценообразования в определенных отраслях, сокращать время и деньги на переговоры, позволяя сторонам использовать утвержденные схемы без дополнительных согласований.

В завершении обозначим основные направления решения проблем, ограничивающих возможности применения механизмов ЧГП на уровне региона:

- Совершенствование федеральной и региональной нормативно-правовой базы. Законодательная база для развития ЧГП имеется, но требуется ее доработка.

- Политическая поддержка ЧГП, создание специализированных форм или структур на региональном и муниципальном уровнях, задачами которых являлись бы поиск инвесторов, продвижение проектов, консультирование и т.п. В настоящее время уже наблюдается тенденция к формированию региональных «центров компетенций» (межведомственные рабочие группы, центры развития ЧГП при региональных администрациях, специальными полномочиями наделяются уже существующие государственные учреждения).

- Увеличение объема поддержки и гарантий частным инвесторам со стороны государства, снижение административных барьеров (например, проработка порядка отбора проектов и выделения средств на концессионные соглашения из Инвестиционного фонда РФ), обеспечение прозрачности принятия решений и т.п. Одной из самых важных проблем ЧГП в России является краткосрочность государственного бюджетирования и неустойчивость «правил игры».

- Повышение уровня подготовки специалистов, принимающих участие в реализации ЧГП-проектов (как в частном бизнесе, так и в органах власти). Чаще всего, именно на стороне государства существует недостаток компетентных, бизнес-ориентированных и ответственных чиновников, которые воспринимали бы ЧГП в логике функционирования бизнес-проекта.

- Привлечение консультантов, открытость практической информации, поиск механизмов накопления позитивного опыта и передачи компетенций и т.п. Кроме того, необходимо ввести третьего игрока – гражданское общество, которое гарантировало бы публичность и открытость взаимодействия частных компаний и госструктур в рамках ЧГП.

- Смена стратегического целеориентированного подхода к планированию, когда используется формула «найти задачу под имеющиеся бюджетные средства, а не средства под задачу». Еще на этапе принятия стратегии развития территории принимать во внимание возможности бизнеса по финансированию таких проектов.

- Региональные специфические проблемы (особенности рельефа и климата, нерешенность проблем отведения земли и т.п.) необходимо решать в индивидуальном порядке.

Основные выводы

1. ЧГП на уровне субъекта Федерации постепенно становится мощнейшим ресурсом регионального развития. В целом ситуация с уровнем развития ЧГП в регионах СФО еще находится на начальной стадии и с этой точки зрения довольно однородна, несмотря на различную инвестиционную привлекательность. Тем не менее нехватка бюджетных средств по логике будет подталкивать региональные власти и муниципалитеты к более активным действиям в сфере ЧГП. Направления и темпы развития ЧГП-проектов в различных регионах будут существенно варьироваться и напрямую зависеть от активности местной власти и бизнеса.

2. Сегодня понимание ЧГП на региональном и местном уровнях становится все более практичным и узким: доминирует проектный подход, согласно которому ЧГП возникает как определенный тип предпринимательских отношений между региональной или муниципальной властью и частным инвестором на оговоренных условиях, действующих ограниченный период времени, с разделением экономических рисков, в целях реализации, главным образом, инфраструктурных проектов.

3. Следует учитывать местную специфику и различия регионов в инфраструктурных и модернизационных потребностях. Так, в инфраструктурных проектах сибирских регионов ближайшее время лидерами будут транспортная отрасль и комплексное развитие территорий. С точки зрения ЧГП наи-

более востребованными также окажутся ЖКХ (сфера водоснабжения и водоочистки, мусоропереработка) и для некоторых туристско-рекреационный комплекс.

4. Для реализации инфраструктурных проектов в регионах СФО используются и будут использоваться все механизмы: инвестиционные соглашения различного типа, арендные отношения, особые экономические зоны, концессии, совместные предприятия. В разрезе используемых источников финансирования проектов можно выделить средства федерального и регионального бюджетов (в том числе средства федеральных и региональных целевых программ), ресурсы Инвестиционного фонда и банковские кредиты. В то же время еще существует значительный резерв развития дополнительных инструментов государственного плеча для региональных ЧГП-проектов: государственные гарантии, залоговый фонд субъекта РФ, аренда с инвестиционными условиями и т.п.

5. Основными проблемами превращения ЧГП в полноценный механизм регионального развития в настоящее время являются недостаток опыта, компетенции, информации и успешной практики в сфере взаимодействия государства и частного бизнеса. Именно в этом направлении и следует сосредоточить основные усилия.

Литература

1. Барьеры развития механизма ГЧП в России. М.: НПФ «Экспертный институт», 2010. 32 с.
2. Шихов Ю. Экономическая роль государства в современном мире // Экономист. 1999. № 1. С. 25–34.
3. World Bank Group. Private Sector Development Strategy Implementation Progress Report. Washington, D.C., 2003.
4. Аналитическая записка Центра развития государственно-частного партнерства «Реализация инфраструктурных проектов и развитие механизмов государственно-частного партнерства в Сибирском федеральном округе». [Электронный ресурс]. URL:<http://www.pppi>
5. Политика новой приватизации. [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy2020.rian.ru/comments/20110801/366119031.html>

Bibliography

1. Bar'ery razvitija mehanizma GChP v Rossii. M.: NPF «Jekspertnyj institut», 2010. 32 p.
2. Shishkov Ju. Jekonomicheskaja rol' gosudarstva v sovremennom mire // Jekonomist. 1999. № 1. P. 25–34.
3. World Bank Group. Private Sector Development Strategy Implementation Progress Report. Washington, D.C., 2003.
4. Analiticheskaja zapiska Centra razvitija gosudarstvenno-chastnogo partnerstva «Realizacija infrastruktturnyh proektov i razvitie mehanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Sibirskom federal'nom okruge». [Jelektronnyj resurs]. URL:<http://www.pppi.ru>
5. Politika novoj privatizacii. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://strategy2020.rian.ru/comments/20110801/366119031.html>

УДК 130.2;304.4

ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО: ВЫСШАЯ ШКОЛА РОССИИ В СИТУАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА

В.С. Ефимов

Сибирский федеральный университет
E-mail: efimov.val@gmail.com

В работе проведен анализ глобальных социокультурных изменений, которые будут определять трансформацию сферы образования в основных группах стран мира, очерчена глобальная «карта» образования. Выделены основные тенденции и факторы, которые будут определять изменения в системе высшего образования в России в ближайшие 15–20 лет. Ключевым фактором является завершение социально-антропологического проекта «Просвещение» («Человек знающий»), который послужил культурной основой процессов индустриализации и урбанизации в развитых странах мира, основой массовых образовательных практик. Обсуждается возможность появления (развития) новых социально-антропологических проектов и соответствующая трансформация высшей школы.

Ключевые слова: высшее образование, постиндустриальный переход, кризис образования, социально-антропологический проект.

FUTURE CHALLENGES: HIGH SCHOOL OF RUSSIA IN POSTINDUSTRIAL TRANSITION

V.S. Efimov

Siberian Federal University
E-mail: efimov.val@gmail.com

Analysis of global sociocultural changes that will define the transformation of education sector in main groups of countries of the world is carried out. Global «map» of education is delineated. Main trends and factors that will define changes in the system of higher education in Russia in the next 15-20 years are marked out. The key actor is the completion of the social-anthropological «Enlightenment» («A man of knowledge») project that worked as a cultural basis of industrialization and urbanization processes in mature economies, basis of mass educational practices. The possibility of occurrence (development) of new social-anthropological projects and respective transformation of high school is discussed.

Key words: higher education, postindustrial transition, educational crisis, social-anthropological project.

1. Введение. Меняющийся мир – изменяющееся образование

Текущее столетие воспринимается современниками как эпоха интенсивных социокультурных, экономических, технологических, демографических и других изменений, принимающих глобальный масштаб. В этой ситуации будущее социальных и культурных институтов, даже имеющих длительную историю и прочно «укорененных», оказывается неопределенным. В частности, темой напряженных дискуссий становится будущее высшей школы, ее роль в сохранении и развитии человеческого капитала, генерации научных знаний, технологических и иных инноваций.

На одном полюсе картина будущего, согласно которой высшая школа будет играть все меньшую роль, уступая место средовым формам образования, сетевым сообществам исследователей, производящим знания и инновации корпорациям и т.д., и роль ее будет свернута до роли центра сертификации, выдающего дипломы о высшем образовании. На другом полюсе картина «нового расцвета» высшей школы, которая станет центральным институтом «общества знаний»; в этом случае кризис высшего образования, признаки которого обнаруживаются не только в России, но и во всем мире, – лишь симптом переходного состояния, болезнь роста [22].

Происходящие в настоящее время изменения в сфере высшего образования осмысливаются как многогранный кризис [24], включающий разрыв между потребностями рынка труда и получаемыми в высшей школе профессиональными квалификациями [4], падение престижа преподавательского труда [10], необходимость изменения парадигмы образования [14] и ряд других проявлений. Мы полагаем, что кризис образования имеет общецивилизационную природу, связан с «фазовым сдвигом» – переходом от индустриального уклада к постиндустриальным формам существования общества, и все развитые страны с той или иной степенью остроты его переживают [1, 12]. Происходит трансформация антропологической платформы – основы, на которой строится образование – образа человека, сформировавшейся к XIX–XX векам в «западном мире». Проблематизируется социально-антропологический проект, который задавал осмысленность и направленность современного образования на протяжении последних двух столетий.

Кризис высшего образования проявляется в размывании функций образовательных институтов: «образовательные события индивидуальности» уходят из стен колледжей и университетов, а последние начинают превращаться в образовательные супермаркеты или социально-адаптирующие учреждения. Образование человека, как оформление индивидуального культурно-ценностного ядра [5], формирование базовых интеллектуальных функций (мышления, понимания, рефлексии, коммуникации) [21], ситуации «перформативного существования» [19] происходят в новых коммуникативно-креативных институтах [13].

Институты образования на рубеже тысячелетий претерпевают значительные изменения. Во многих странах значительно возросла доля платного образования [25]; образование постепенно перестает быть государственным (национальным) проектом и переходит в сферу инициативы и ответственности самого человека. В развитых странах произошли ощутимые изменения в содержании и технологиях высшего образования, получили распространение технологии, опирающиеся на собственную образовательную активность человека. Университеты утрачивают статус «храмов познания», их деятельность становится все более прагматично ориентированной и «маркетизированной» [9].

С другой стороны, высшее образование вышло за национальные границы и стало важным инструментом международного влияния и значительным сектором международного бизнеса. Страны с успешной экономикой и развитой сферой образования получили возможность аккумулировать у себя лучшие интеллектуальные ресурсы через отбор талантливой молодежи.

Данные феномены уже «схвачены» общественным сознанием и становятся предметом общественного дискурса, но их осмысление еще не стало основанием для выработки и принятия стратегических решений. Осмысление же невозможно вне анализа широких экономических, социальных, культурных контекстов, а также соответствующих процессов в глобальной и страновой рамках. Понимание глубины и масштабов происходящих процессов, развертывание содержательного общественного дискурса относительно настоящего и будущего высшей школы является необходимой основой для разработки адекватной стратегии развития российского образования.

2. Глобальная «карта» образования

Глобальная ситуация в общем и высшем образовании определяется тем фактом, что различные страны мира и мировые макрорегионы находятся на разных стадиях социально-экономического развития. Ряд стран Африки, Азии, Латинской Америки находятся в доиндустриальной фазе, и для них будет актуальным достижение массовой грамотности населения, обеспечивающей: 1) снижение демографической и межэтнической напряженности; 2) укрепление национальных экономик и повышение уровня занятости населения; 3) включение в мировые процессы производства и потребления; 4) освоение новых технологий и стандартов экономической деятельности.

В новых глобальных центрах индустриального производства (Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, страны ЮВА) интенсивно формируются системы образования, соответствующие фазе быстрого индустриального развития и связанным с ней процессам урбанизации, роста благосостояния населения и формирования внутренних рынков потребления. Важно, что правительства данных стран нацелены на достижение регионального лидерства в высшем образовании и экспорт профессионального образования.

В странах ОЭСР будут формироваться системы образования, обеспечивающие социально-экономическое, политическое и технологическое лидерство в условиях постиндустриального перехода. Их системы высшего образования будут ориентированы в первую очередь на управленческие и инновационно-технологические виды деятельности и на формирование глобального «интеллектуального насоса», обеспечивающего приток талантливых, образованных мигрантов и позволяющего концентрировать в этих странах интеллектуальный капитал самого высокого качества.

Таким образом, в ближайшие 20 лет в указанных группах стран будут разворачиваться различные социально-антропологические проекты и будут сформированы системы образования, обеспечивающие их реализацию.

На фоне усиливающейся межцивилизационной конкуренции оформятся «образовательные ареалы», в основе которых будет лежать единство (родственность) языков и культур. Само формирование образовательных ареалов будет остро конкурентным процессом и станет новой фазой «пердела мира». По прогнозу ЮНЕСКО [23], в экономически неразвитых странах Африки развитыми странами мира будет реализован проект «тотального ликбеза», который приведет к их культурной «оккупации» и обеспечит последующее включение ресурсов этих стран в оборот европо-американского сотрудничества.

Наиболее мощными образовательными ареалами будут: европейско-американский англоязычный образовательный ареал; китайский; испано-лати-

ноамериканский; арабо-исламский образовательный ареал. В каждом образовательном ареале будет страна-лидер (или группа стран), экспортирующая высшее образование. На процессы формирования образовательных ареалов будут накладываться процессы глобализации знания и распространения образовательных технологий нового поколения (дистантное образование, открытое образование и др.).

Для России крайне важной задачей будет формирование русскоязычного образовательного ареала на основе распространения русского языка и традиционных социально-экономических связей со странами Азии и Кавказа (бывшими республиками Советского Союза) [28]. В данных странах будет наблюдаться значительный прирост молодого населения, что сделает для них актуальной трудовую и образовательную миграцию.

3. Кризис социально-антропологического проекта «Просвещения» – «Человек знающий»

Трансформации высшей школы в конце XX – начале XXI столетия не могут быть поняты вне важнейшего исторического феномена – завершения масштабного социально-антропологического проекта «Просвещение»¹, реализация которого была важнейшим слагаемым индустриального перехода и формирования западной технической цивилизации. В проекте «Просвещение» (он также обсуждается как метапроект Модерна [11]) выделяются три последовательные фазы [15]:

1) начальная фаза – распространение в Европе в XVI–XVII веках идей Ф. Бэкона о том, что различие между развитыми и «дикими» народами происходит «не от почвы и не от климата, а прежде всего от наук и искусств» [3], и тезиса «Знание – Сила»;

2) основная фаза (эпоха Просвещения) – создание условий для распространения нового мировоззрения, формирования систем научных и учебных предметов, разворачивание масштабных образовательных практик, включая массовую школу (Я.А. Коменского) и университетское образование (В. фон Гумбольдта);

3) финальная фаза (вторая половина XIX – первая половина XX века) – интенсивное индустриальное развитие, масштабные процессы урбанизации, формирование новых массовых профессий (инженеров, исследователей, преподавателей вузов и школ), становление «общества благосостояния». Образование обеспечивает рост социального статуса индивида («социальный лифт») и становится мощным механизмом продвижения к материальному благополучию.

Успешность проекта «Просвещение» обусловлена синхронизацией четырех взаимосвязанных процессов:

1) распространения идей Просвещения и создания на их основе массовых образовательных практик;

¹ Проекта преобразования человека и общества через распространение знаний и образования, начиная с распространения грамотности среди населения, вытеснения «суеверий» знаниями и заканчивая распространением передовых идей среди элит («просвещенная монархия» и т.п.). Вопрос о соотношении продуктивной практики и «просвещенческой утопии» можно обсуждать отдельно за рамками данного доклада.

2) формирования масштабного индустриального производства и, соответственно, социального заказа на подготовку рабочих и специалистов инженерно-технического профиля;

3) мощных урбанизационных процессов и «культурной переработки» сельского населения в горожан – жителей крупных индустриальных центров;

4) демографического роста, обусловленного повышением благосостояния и снижением, в первую очередь, детской смертности.

Проект «Просвещение» был реализован и исчерпал себя в странах с развитой экономикой к концу XX века; при этом начал формироваться целый пакет модернизационных практик («экономика знаний», «инновационная экономика», «креативные индустрии»), которые легли в основу перехода к социально-антропологическим проектам постиндустриальной эпохи.

Исчерпанность проекта «Просвещение» в странах, завершивших индустриализацию, проявилась в образовании как многогранный кризис, включающий:

1) разрушение антропологической рамки – идеала человека, определяющего смысл, цели образования. Перестал быть притягательным идеал «человека знающего»; утратил силу императив «учить всех всему», характерный для Просвещения; пошатнулось убеждение в возвышающей человека силе образования;

2) знания и образованность стали утилитарной ценностью, одним из товаров, предлагаемых потребителю цивилизацией. Современные информационные среды (СМИ, Интернет) предоставляют быстрый, легкий доступ к знаниям, которые воспринимаются массовым потребителем как нечто «простое, дешевое и доступное»;

3) образование перестало выполнять функцию социального лифта. В эпоху ранней индустриализации и урбанизации простое освоение грамоты открывало жителю деревни доступ к жизни и работе в городе, что позволяло изменить условия труда и быта; у человека появлялось свободное время – совершенно новое качество жизни. В эпоху поздней индустриализации профессиональное образование давало возможность детям рабочих стать техническими специалистами, руководителями, перейти в сферу услуг. В фазе завершения индустриализации и урбанизации, при переходе к массовому высшему образованию человек с дипломом лишь подтверждает принадлежность к страте, но не поднимается по социальной лестнице. Образование (общее и профессиональное) еще выполняет роль социального лифта для «мировой деревни» – стран третьего мира, молодежь которого стремится мигрировать в развитые страны. Для молодежи развитых стран более важны как средства социального продвижения включенность в сети корпоративных и родовых связей, в различные сообщества, а также личные достижения;

4) в результате действия перечисленных факторов резко снизилась мотивация учащихся к образованию, реализуемому в его традиционных институтах и форматах, с традиционным содержанием. В Европе, США под давлением потребителей создаются упрощенные программы высшего образования. Снижается доля студентов, стремящихся к универсальному, избыточному знанию. Немногие высокомотивированные студенты или аспиранты – это в первую очередь мигранты или дети мигрантов, для которых степень бакалавра, маги-

стра или PhD в соединении с реально обретенным высоким уровнем компетентности является ключом к жизненному успеху в новой социально-культурной среде.

Мотивации образования, связанные с распространением творческих, проектных типов профессиональной деятельности, реализуются вне системы учреждений высшего образования. Воспроизводство креативности происходит внутри профессиональных сообществ, «команд проектов» и т.д. без формирования заказа институтам образования;

5) произошла существенная деформация профессии преподавателя [9]: в колледже и в университете профессиональная позиция Мастера и Учителя заменяется позицией технического специалиста по «обработке потока обучаемых», задача которого – «подать информацию» и получить обратную связь от учащихся через формализованные контрольные процедуры. В университетах преподаватели разделяются на две категории: instructor, чья задача работать с потоком студентов, и academic – исследователь, творец, который работает с немногими «посвященными» (как правило, магистрантами и аспирантами), включая их в деятельность научной или инженерной школы [10]. Воспроизводство академического сообщества нарушается, поскольку рабочее место instructor-а непривлекательно для талантливых выпускников вуза – они находят и более творческую, и более высокооплачиваемую работу в бизнесе;

б) многие университеты утратили позиции «локомотивов» социально-экономического развития и превратились в «фабрики дипломов». Характерный для университетов прошлого дух поиска и независимости заменяется консерватизмом профессуры и «образовательной бюрократии».

Важно подчеркнуть, что описанный кризис – это кризис смыслов и содержаний. Он вовсе не сопровождается стагнацией высшего образования как сектора экономики. В развитых странах и в России продолжается рост числа студентов, рост бюджетов университетов. Внешнее процветание сопровождается выхолащиванием внутреннего содержания, падением качества, утратой «пафоса» образования. Кризис мотивации отчасти сглаживается интернационализацией образования и притоком в развитые страны высокомотивированных студентов из стран с более низким уровнем жизни.

Поскольку развитые страны в последние десятилетия формируют новый социально-экономический уклад («экономика знаний», «постиндустриальное общество», «когнитивное общество»), их экономика и общество формируют новые запросы к институтам, отвечающим за исследования, развитие технологий, развитие человека. Высшая школа получает шанс вновь стать высокозначимым институтом общества, обновив цели и сверхзадачи своей деятельности, предметы и виды деятельности, применяемые технологии и организационные форматы. Можно ожидать, что на волне постиндустриального перехода возникнет аналог эпохи Просвещения – «Просвещение-2» с высокой общественной и личной значимостью познания и образования, но при этом существенно смещенными (по сравнению с классическим «Просвещением-1») акцентами. Если «Просвещение-1» с его императивом «учить всех всему» обеспечило массовую грамотность (и тем самым человеческий ресурс для индустриализации), то «Просвещение-2» может сделать массовыми исследовательскую и проектную компетентности людей, занятых в самых разных сферах (материальное

производство, сфера услуг, креативные индустрии, управление и т.д.), – их готовность и способность задавать вопросы, искать информацию, анализировать, принимать обоснованные решения. Ожидаемый масштаб экономических, социальных, культурных изменений при этом сопоставим с эффектами перехода к массовой грамотности в XIX–XX столетиях.

Высшая школа может стать лидером новой «просвещенческой волны», но может и попасть в аутсайдеры, если будет «консервировать» содержание и формы когда-то очень востребованного образования.

Таким образом, происходит «сдвиг» внешнего социокультурного контекста и деформация образования как сферы жизни и деятельности общества. Кризис проявляется и внутри образовательного процесса в виде разрыва между «логикой личного движения» учащегося и «логикой систем знаний». Системы знаний сложны и объемны, их освоение в логике «псевдогенетического» [20] развертывания воспринимается как громоздкий процесс с негарантированным результатом. Подвижность контекстов практического применения знаний, необходимость пересмотра позиции «на кого учишься?» и «для чего учишься?» ставит под вопрос ценность методичного освоения знаний. Как альтернатива распространяется поверхностное, клиповое знание, общая осведомленность. Другой альтернативой является узко прагматическое обучение. В настоящее время ведутся поиски способов преодоления разрыва между логикой освоения и логикой систем знаний в нескольких направлениях:

- реорганизация знаний, построение их в виде компактных модулей;
- смена содержания образования: от освоения системы знаний к освоению структуры деятельности;
- переход к иной модели пространства образования: «субъект образования – образовательные ресурсы» (ресурсы разных типов, включая знаниевые);
- ситуационно устроенное образование – изучение кейсов, тренинги, обучающие игры.

4. Постиндустриальный переход – трансформация производства, общества и образования

Будущее может мыслиться разными способами, в разных рамках. Часто его представляют как продолженное настоящее, в отношении высшей школы это означает, что она мыслится как институт индустриального общества, с характерными для него отношениями и связями между экономикой (в первую очередь, промышленностью), наукой, образованием, с характерными «индустриальными» форматами обучения, исследований, инноваций. При этом предполагается, что будущее должно быть «лучше», чем настоящее, но ожидаемые улучшения будут происходить в той же самой рамке, в том же горизонте; например, будет достигнуто соответствие между запросами экономики на кадры и количеством и качеством людей (специалистов), подготовленных «образовательным конвейером».

Другой, более плодотворный, способ помыслить будущее – представить его как изменение, сдвиг самих рамок, горизонта, в котором существует высшая школа, где возникают задачи ее деятельности. В настоящее время считается, что сдвиг рамок будет связан с завершением индустриальной фазы развития

человечества, что не означает деиндустриализации – промышленность лишь перестанет быть ведущим сектором человеческой деятельности².

Дискуссионными остаются вопросы: каков будет конкретный облик следующей фазы? какими будут наиболее массовые деятельности? какие деятельности будут ведущими (наиболее значимыми, определяющими доходы и определяющими развитие)? Следует ли говорить об «экономике услуг» (постиндустриальной экономике), «креативной экономике», «обществе знаний» (когнитивной фазе), «производстве инноваций», или эти концепты отражают различные грани состояния общества в будущем? Насколько стремительно или, напротив, длительно и конфликтно будет разворачиваться новая фаза? Что означает для России этот переход, войдет ли она в число его лидеров или окажется на периферии? Насколько актуально и реалистично для России говорить об исчерпании индустриальной перспективы, появлении новых рамок на развитие высшей школы? С другой стороны – не станут ли усилия по модернизации образования, предпринимаемые в «индустриальной» рамке, консервирующим фактором для экономики и общества?

В постиндустриальном обществе индустрия не исчезает, а изменяет форму существования. В индустриальном обществе весь комплекс производственных процессов, необходимых для изготовления продукта, был в значительной степени локализован на одной площадке – фабрике, заводе. В постиндустриальном обществе произошел переход к индустриально-распределенному производству. Единицей постиндустриального производства стала «компания», которая владеет технологией и организует производство, распределяя его технологические стадии между разными фабриками и заводами [14].

Таким образом, производство в постиндустриальном мире разделилось на два слоя. В «нижнем» слое сохраняется производство в формате фабрик и заводов, в «верхнем» слое компании (национальные и транснациональные) разрабатывают и продвигают новую продукцию, оформляют заказ для фабрик и заводов, покупают фабрики и заводы, выстраивают из них экстерриториальные производственные кластеры, избавляются (продают или ликвидируют) от производств, которым не находят применения. Рост производительности индустриального труда привел к вытеснению большого числа работающих в секторы услуг, торговли, где важной единицей являются малые предприятия. Перечисленные форматы производства – индустриальные (фабрики, заводы) и постиндустриальные (крупные компании на одном полюсе, малые предприятия на другом) – определяют типы образованности, востребованные современной экономикой.

Массовое производство индустриальной эпохи требовало квалифицированных людей, способных применять технику и соответствующие знания в производстве. С другой стороны, оно создавало большое число стандартных должностей (рабочих, инженерных, административно-управленческих). Непроизводственные сферы выстраивались по подобию фабрик и заводов, и, например, в поликлинике или в школе также были стандартные должности (врач-терапевт, учитель и т.п.). Появился феномен – специалист, овладевший «пакетом» квалификаций и способный занять стандартную должность. Вуз

² Точно так же, как завершение аграрной фазы не привело к исчезновению сельского хозяйства, оно превратилось из ведущей, определяющей деятельности в частную, определяемую, подчиненную по значению.

готовил специалистов, колледж или профессиональное училище – квалифицированных рабочих и техников. Отсюда четкое отраслевое деление профессионального образования, разнообразие обслуживающих разные сферы производства и общественной жизни специальностей, жесткая связанность образования с формальным подтверждением квалификации, доминирование аудиторных форм обучения, служащих для передачи стандартных знаний, над иными формами подготовки кадров.

Индустриально-распределенное производство существенно сложнее и динамичнее, нежели индустриально-сосредоточенное. Компании востребуют совершенно иной тип образованных людей по сравнению со специалистами. Это люди, способные ставить задачи в рамках сложной деятельности проектирования, развертывания и «сворачивания» производств, которая включает анализ рынков, анализ возможностей, создаваемых новыми технологиями, поиск кредитных или инвестиционных ресурсов, разработку продукции и соответствующих производственных процессов, выстраивание сетей сбыта, анализ всей системы и улучшение отдельных звеньев или связей между ними. В рамках данной сложной деятельности каждый сотрудник выполняет весьма частные функции, например, технолога, аналитика, маркетолога, экономиста, менеджера качества и т.д., однако опорой его деятельности выступает не усвоенная некогда стандартная специальность, а аккумулированный опыт, объем и качество которого зависит от способности анализировать ситуации деятельности и строить уникальные «ноу-хау». Поэтому современного работодателя интересует не специальность претендента на занятие вакансии, а его профессионально-образовательный опыт – какой университет он окончил (что является показателем уровня одаренности, амбиций, социализированности индивида); в каких проектах и какие функции выполнял.

На смену освоения специальности пришло междисциплинарное образование, формирующее способность не столько применять полученные знания, сколько создавать новые знания за счет мышления и коммуникации и действовать в соответствии с ними. 60–70-е годы XX века стали рубежными для перехода не только к постиндустриальной экономике, но и к постиндустриальному образованию; данный переход еще не завершился ни в развитых странах, ни в следующих за ними развивающихся обществах. Требования на квалификации, в смысле перечня усвоенных знаний и умений, заменяются на требования «компетентности» как способности принимать верные решения в динамичных процессах, организовывать работу других или свою работу с другими участниками деятельности [14].

Стандартные образовательные программы становятся подчиненными элементами индивидуальной образовательной траектории, для реализации которой человек «погружается» в различные институционализированные (колледж, университет, повышение квалификации, дополнительное образование) и неинституционализированные (самообразование, образовательный туризм, деятельность сетевых сообществ, пробное трудоустройство и т.д.) формы образования.

Если специальность подтверждается документом об образовании, то компетентность подтверждается особыми «центрами оценки» (Assessment Center), которые выявляют степень готовности человека к выполнению определенной деятельности, за счет оценки его деятельности в специальных

модельных ситуациях. В развитых странах распространилась практика создания и публикации (в Интернете) отдельными людьми или учебными группами своих портфолио, в которых предъявлены достижения и показан образовательный путь. Таким образом, человек создает виртуальную «архитектуру» своей компетенции как гибкую и растущую структуру. Число участников такой практики уже превышает сотни тысяч человек [14].

5. Экономика России и высшая школа в контексте постиндустриального перехода

Особенность ситуации России состоит в том, что модернизационный проект «Перестройка» 80–90-х годов прошлого столетия в значительной степени затормозил технико-экономическое развитие России и вернул ее к раннеиндустриальной (низкотехнологичной, причем в значительной мере сырьевой) экономике. Система образования, прежде выстроенная для кадрового и управленческого обеспечения средне- и высокотехнологичных производств, оказалась избыточной в условиях сжатия экономики и фактической ликвидации целых секторов высокотехнологичного производства (машиностроения, приборостроения и др.).

Одновременное вхождение в мировое информационное пространство и рост доходов от экспортной продажи природных ресурсов (на фоне роста цен на углеводородные ресурсы и металлы) сделало массовыми ценности общества потребления и образовательные установки, характерные для информационного общества.

Сложившаяся в последние 20 лет мировая конфигурация индустриального и постиндустриального производства – усилившееся технологическое лидерство стран Европы, США и Японии; высокая эффективность индустриального производства в Китае, Индии, Бразилии и странах ЮВА – существенно ограничивает возможности России в плане возрождения средне- и высокотехнологичного производства (в силу высокого уровня межстрановой конкуренции).

В ходе реформ и перехода к более «открытой» экономике Россия оказалась затронута процессами постиндустриального перехода. Компании – новый тип организации экономической деятельности – получили распространение и в России, потеснив фабрики и заводы, либо включив их в себя в качестве материала. В сферах услуг и торговли появилось значительное число малых предприятий (при этом их доля в ВВП России значительно уступает доле малых предприятий в ВВП стран ОЭСР, а главное, почти отсутствует категория инновационных малых предприятий³). Смена единиц организации экономической деятельности приводит к уходу в прошлое «специалиста» как преобладающего типа человеческого капитала. На смену специалисту приходит «компетентный работник», «трансфессионал»⁴, обладатель «гибкой специальности».

Системе высшего профессионального образования предписывается переход от подготовки специалистов к подготовке широко образованных бака-

³ Доля населения, занятого в малых предприятиях, от общего числа занятых составляет менее 10% в 12 регионах РФ, от 10 до 15% в 32 регионах, от 15 до 20% в 27 регионах, более 20% в 11 регионах России.

⁴ Термин предложен О.И. Генисаретским.

лавров и магистров в рамках компетентностного подхода. Это предписание совершенно адекватно сущности постиндустриального перехода, однако его реализация оказывается затрудненной по ряду причин.

Во-первых, для России характерна большая неравномерность технико-экономического развития, расслоение экономического пространства страны на постиндустриальные мегаполисы, индустриальные ресурсодобывающие регионы и депрессивные территории с остаточной экономикой. Новые формы экономической активности сконцентрированы в двух российских столицах, где сосредоточены головные офисы компаний, финансовые структуры, инновационный и креативный бизнес. Преобладающая ориентация молодежи на постиндустриальные форматы деятельности усиливает процессы «западного дрейфа», поскольку в большинстве регионов молодежь не находит удовлетворяющие ее установкам тип занятости, уровень доходов и стиль жизни. Но это не означает, что для индустриальных регионов по-прежнему нужна масштабная подготовка специалистов. Доля занятых «на фабриках и заводах» в индустриальных регионах уступает доле занятых в сфере услуг и торговли (малые предприятия), социальной сфере, муниципальном и государственном управлении, где характер деятельности требует «гибких специальностей». Таким образом, в России спрос экономики на тип образованности имеет сложную структуру: нужны и специалисты для индустрии, и обладатели гибких специальностей для городской экономики. Пропорция существенно зависит от региона – преобладающих в нем секторов экономики, уровня урбанизации, принадлежности городов региона к культурно-аккреационному типу и встроенности их в системы обмена [26]. В целом востребованность классических специалистов упала, а деятельности, требующие участия «гибких специалистов», «трансфессионалов» сконцентрированы в мегаполисах и на территориях с высокой трансграничной связностью. Возникает парадокс: одновременно сосуществуют «избыток» людей с высшим образованием и высокий спрос на них.

Во-вторых, система образования не готова «широким фронтом» перейти на гибкие специальности и продуцировать «компетентных работников». Ограничением выступает сама высшая школа, в которой недостаточно преподавателей – носителей таких компетенций, имеющих опыт разработки и реализации исследовательских, инновационно-технологических, предпринимательских, социальных и иных проектов. Более того, для системы высшего образования характерна «пролетаризация» преподавателей.

6. Контуры новых социально-антропологических проектов

Новые антропологические идеалы и контуры возможных социально-антропологических проектов только становятся предметом обсуждения в философском и педагогическом сообществе [6, 17]. Поиск новых идей особенно важен для России, где наличие идеализованного образа будущего является мощным фактором организации человеческой активности и переводом ее в масштабные проекты социокультурных и экономических изменений. Это существенным образом отличает Россию от стран Европы и США, где сложилась другая форма управления общественными изменениями, в большей степени опирающаяся на систему конкурирующих между собой локальных

социально-экономических и социокультурных инноваций, в рамках которых происходит кристаллизация нескольких направлений развития.

Анализ социально-культурной и образовательной действительности позволяет выделить ряд формирующихся социально-антропологических проектов, задающих ориентиры для модернизации образования в ближайшие 20 лет [11, 18]:

- в странах новой индустриализации социально-антропологическим проектом становится «Человек функциональный» – человек, способный выполнять определенные функции, готовый включаться в индустриальное производство и осваивать городской образ жизни;

- в странах с формирующимся постиндустриальным укладом это «пакет» социально-антропологических проектов: «Человек креативный», «Человек мобильный», «Человек-оператор». Данные проекты будут обеспечивать научно-технологическое лидерство этих стран, способность участвовать в модернизационных изменениях для одних групп населения; возможность трудоустройства на «операторские» места (в сектор услуг и обеспечивающих производств) для других групп населения.

В сложной, мозаичной действительности социально-антропологических проектов современности есть также консервативные проекты, например, антропологические практики ислама. Своеобразный антропологический проект может быть реализован в Японии, «собирающей» традиционные ценности мастерства, совершенства, дисциплины и новые ценности высокотехнологичной деятельности и креативности. Сильной стороной данных проектов в сравнении с проектами «Человек-оператор», «Человек мобильный», «Человек креативный» является наличие трансцендентных установок и ограниченная, подчиненная прагматичность. Вполне возможно, что ключевым дефицитом в будущем станет дефицит жизненных смыслов, и тогда религиозно-антропологические проекты получат определенное преимущество.

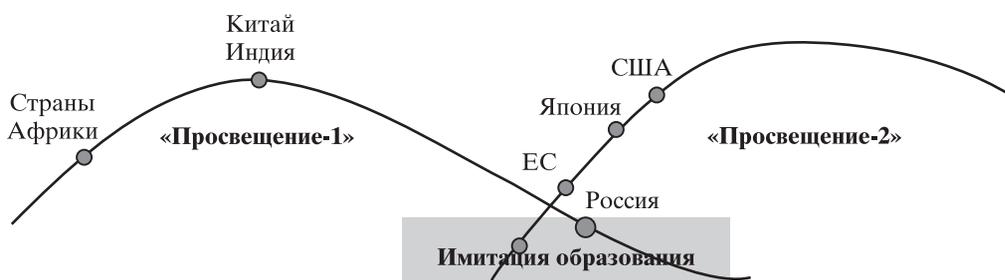
Для России опасной является центрация на ценностях «сходящего со сцены» антропологического проекта «Человек знающий» (проекта «Просвещение») с акцентом на естественно-научное и инженерно-техническое знание, в свое время послужившее основой индустриального прорыва страны. Подобная центрация и формирование ложных целей приведут к потере темпа в процессах модернизации высшего образования и страны в целом. Такой сценарий вероятен, поскольку часть образовательной бюрократии и профессионального научно-образовательного сообщества ориентированы на восстановление «лучшего в мире образования» по советской модели.

7. Фальсификация и имитация образования как «симптом эпохи перехода»

Как было отмечено ранее, содержание, педагогическая парадигма и институциональное оформление высшего образования несут отчетливый отпечаток социально-антропологического проекта «Просвещение», связанного с масштабными преобразованиями общества – индустриализацией, урбанизацией, сопутствующими культурными, демографическими и другими изменениями. В развитых странах, завершивших индустриальный переход, проект «Просвещение» оказался завершенным, а связанные с ним смыслы и «пафосы» выс-

шего образования – исчерпанными. В силу значительной неравномерности уровней социально-экономического развития различных стран некоторые из них (из крупных – Китай, Индия) в настоящее время лишь входят в эпоху интенсивного индустриального развития и, соответственно, переживают все феномены, характерные для Просвещения (включая растущую значимость образования и высокие вложения ресурсов общества и отдельных индивидов в образование, в том числе высшее).

Можно ожидать, что в странах-лидерах на волне постиндустриального перехода возникнет «Просвещение-2», сходное с «классическим» Просвещением в плане высокой значимости познания и образования, но ставящее целью уже не массовую грамотность, а массовость исследовательской и проектной компетентности людей.

Две «волны» Просвещения: «Просвещение-1» и «Просвещение-2»

Представленная на рисунке схема отражает две «волны» Просвещения: «Просвещение-1», связанное с индустриальным переходом, и «Просвещение-2», связанное с постиндустриальным переходом. Соответственно «новые индустриальные гиганты» Китай и Индия захвачены в настоящее время «волной» «Просвещения-1», а страны ЕС, Япония, США начинают разворачивать «Просвещение-2» (еще не достигшее масштабов «Просвещения-1», но имеющее ряд четко различимых проявлений).

Особый интерес представляет на данной схеме переходная зона – индустриальный переход и «Просвещение-1» завершены, а постиндустриальный (или «когнитивный») переход и «Просвещение-2» еще не начаты. Образование, общее и высшее, переживает в этот переходный период системный кризис, связанный с утратой целевых и смысловых рамок, неактуальностью содержания образования, неадекватностью его технологий и форматов. Размываются смыслы и сверхзадачи деятельности преподавателей, падает их социальный статус, снижается престиж профессии. Кризис высшей школы широко обсуждается в странах Европы, США [24]; в особенности выраженным он стал в России, поскольку за деиндустриализацией не последовало создания масштабной и развитой сервисной экономики и тем более «экономики знаний».

Проявлением данного кризиса является принимающая массовый характер имитация и фальсификация образования: «студенты делают вид, что учатся, преподаватели делают вид, что учат» [2]. Снижается качество образования, личный смысл образования редуцируется к получению диплома. Проводимые в настоящее время социологические исследования высшей школы в России обнаруживают большие масштабы списывания и плагиата при написании

контрольных, курсовых и дипломных работ, «покупки» зачетов и экзаменов и т.д., фактическое превращение очного дневного обучения в заочное вследствие трудоустройства большинства студентов [27].

Попытки «борьбы» с проявлениями кризиса в высшем образовании административными мерами без глубоких системных изменений (затрагивающих функции высшей школы в обществе, ее связи и взаимодействия с другими институтами, сверхзадачи ее деятельности, реальные позиции и установки студентов, преподавателей, исследователей, управленцев) приводят лишь к появлению дополнительного, надстроенного «слоя» фальсификации и имитации. Это имитация реформ, имитация управления развитием: «администраторы делают вид, что руководят модернизацией, преподаватели делают вид, что модернизируют исследовательский, образовательный процесс и т.д.». Предпринимаются различные «модные нововведения», например, внедряются балльно-рейтинговые системы, менеджмент качества и т.п., которые очень часто сводятся к появлению дополнительных регламентов, «записей» и т.д., не оказывая влияния на реальное качество результатов образования.

При исследовании вариантов возможного будущего высшей школы в России тема «фальсификации и имитации» в деятельности высшей школы не может игнорироваться. Однако преодоление (или снижение уровня) имитации и фальсификации не является «внутренним делом» высшей школы, искомые управленческие и политические решения должны затрагивать экономику и общество в целом.

8. Высшая школа перед выбором

В ближайшие 3–5 лет высшая школа в России должна совершить несколько важных выборов, которые будут определять ее долгосрочную перспективу и то, какой она станет через 15–20 лет [7, 8].

В настоящее время активно продвигается точка зрения, что Россия является «переобразованной» страной – в ней слишком много людей с высшим образованием, для которых нет соответствующих рабочих мест. При этом утверждается, что государственные расходы на образование становятся тяжелым бременем для российского бюджета. В качестве решения предлагается масштабная «оптимизация» высшей школы, включающая сокращение бюджетных расходов, сокращение числа бюджетных мест в вузах (бесплатного обучения), укрупнение вузов с целью сокращения расходов на управленческий аппарат и на содержание вузовской инфраструктуры.

В качестве стратегической перспективы предлагается «подстраивание» системы высшего профессионального образования под современное состояние российской экономики, в которой доминирует сырьевой сектор, продолжают сворачиваться секторы высокотехнологичных производств, фактически блокировано развитие предпринимательства (малого и среднего бизнеса). Таким образом, предлагается зафиксировать сырьевой вектор развития России в качестве стратегического на продолжительную перспективу.

Альтернативной стратегией развития высшего образования является трансформация высшей школы России для решения задач постиндустриального перехода, формирования сектора «экономики знаний» и движения к ког-

нитивному обществу, формирования новых конкурентных преимуществ страны. При этом глубокая трансформация высшей школы не будет сводиться к «сокращению и упрощению», а будет направлена на изменение содержания и форматов образования в соответствии с задачами экономического и социокультурного развития страны.

Фактически речь идет о стратегии возвращения высшей школе функции ключевого института развития страны, обеспечивающего решение задач экономического, социального и культурного развития. При этом вне зависимости от складывающегося выбора будет нужно преодолевать ситуацию, когда «фальсификации и имитации» широко распространены в сфере высшего образования.

В первом случае – «сырьевая перспектива» – необходимо будет идти по пути прагматизации и компактизации высшего образования. Профессиональное образование будет включать: 1) общекультурную компоненту, необходимую для формирования социальной адекватности молодежи и для дальнейшей (при необходимости) перепрофессионализации; 2) компактную профессиональную компоненту, достаточную для подготовки персонала, ориентированного на выполнение определенного перечня функций⁵. Подобная прагматизация и компактизация характерна для трехлетнего бакалавриата в ряде стран Европы.

Во втором случае – «постиндустриальная перспектива» – нужно будет идти по пути выработки политическими элитами, обществом, бизнесом странового проекта «Будущее России», охватывающего экономику, социальную сферу, науку, образование. При этом нужен будет upgrade системы социально-политического управления, включая обновление общественного договора [16]; осуществление выборочной модернизации традиционных индустриальных отраслей; «запуск» ограниченного числа новых, конкурентоспособных секторов экономики; формирование сектора современных исследований и разработок для внутреннего и внешнего рынков.

Важно, что такой страновой проект придаст ценность и прагматический смысл высшему образованию, избыточному по отношению к текущему состоянию экономики. При этом высшая школа будет строиться как работающая на будущее в двух взаимосвязанных аспектах: 1) подготовка кадров для будущего, 2) исследования и разработки для развертывания странового проекта.

В этом случае фальсификация и имитация в сфере высшего образования преодолеваются за счет разделяемого обществом (и воспринимаемого как реалистичный) образа будущего, задающего как ориентиры для содержания и технологий образования, так и личную мотивацию учащихся. Энергетика странового проекта позволяет сохранить «трансцендентный», не утилитарный смысл образования, сохранить в его содержании мировоззрение и научные картины мира, сложные формы мышления и деятельности. Такое кажущееся избыточным образование оказывается уместным и с точки зрения общества (готового идти на издержки), и с точки зрения обучаемых.

⁵ Точно так же, как завершение аграрной фазы не привело к исчезновению сельского хозяйства, оно превратилось из ведущей, определяющей деятельности в частную, определяемую, подчиненную по значению.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева (ред. и вступ. ст.). М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030 / Аналитический доклад; под ред. В.С. Ефимова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 184 с.
3. Бэкон Ф. Новый Органон / Соч. Т. 2. М.: Мысль, 1972. 574 с.
4. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, Т. Карабчук, З. Рыжикова, Т. Биляк: Препринт WP3/2009/03. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 64 с.
5. Генисаретский О.И. Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия российского самосознания. М.: Аргус, 1995. Т.2. 199 с.
6. Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2002. 528 с.
7. Ефимов В.С., Лаптева А.В. Будущее высшего образования в России: экспертное видение // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 4 (74). С. 52–64.
8. Ефимов В.С., Лаптева А.В. Высшее образование в России: контуры будущего // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 4 (68). С. 6–17.
9. Кузьминов Я.И. Наши университеты // Университетское управление: практика и анализ. 2007. № 3. С. 8–17.
10. Любимов Л.Л. Угасание образовательного этоса // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 199–210.
11. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
12. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.: АСТ; Terra Fantastica, 2007. 619 с.
13. Попов А.А. Философия открытого образования: социально-антропологические основания и институционально-технологические возможности. Томск: Бия, 2008. 279 с.
14. Постиндустриальный переход в высшем образовании России: на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада Российской Федерации / Доклад Фонда «Центр стратегических разработок «Северо-Запад». СПб., 2005. 187 с.
15. Розин В.М. Философия образования: этюды-исследования. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Модэк, 2007. 576 с.
16. Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010. 66 с.
17. Смирнов С.А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода. Новосибирск: ЗАО ИПП «ОФСЕТ», 2010. 492 с.
18. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. П.С. Гуревича (ред. и вступ. ст.). М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 784 с.
19. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. М.: Политиздат, 1991. С. 195–206.
20. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М.: Касталь, 1992. С. 16–200.
21. Щедровицкий П.Г. Очерки по философии образования. М.: Пед. центр «Эксперимент», 1993. 154 с.
22. Barnett R. Realizing the University in an Age of Supercomplexity. Buckingham: Open Univ. Press, 1999. 128 p.
23. Global Monitoring Report on EFA (Education for All). – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2010. 45 p.
24. Readings B. The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 304 p.
25. Галушкина М., Княгинин В. Массовое, гибкое и интернациональное // Эксперт. 2005. 43(489) [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/43/43ex-obraz>

26. *Градировский С.* Таблица типов регионов РФ. Взгляд из пространства человеческих ресурсов // Русский архипелаг. 2009 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/gradirovsky/?lib-rary=1555>
27. *Кузьминов Я.И.* Профессиональное образование в России // Конференция НЭО, 21 декабря 2010 [Электрон. ресурс]. URL: <http://oprec.hse.ru/data/2011/01/13/1233287037/kuzya.ppt>
28. *Сафонова М.А.* Есть ли у российских университетов шансы на интернациональном рынке образовательных услуг? // ПОЛИТ.РУ. 2011. № 10/10. [Электрон. ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/10/10/safonova>

Bibliography

1. *Bell D.* Grjaduwee postindustrial'noe obwestvo: Opyt social'nogo prognozirovanija / Per. s angl. V.L. Inozemceva (red. i vstup. st.). M.: Academia, 1999. 956 p.
2. Buduwee vysshej shkoly v Rossii: jekspertnyj vzgljad. Forsajt-issledovanie – 2030 / Analiticheskij doklad; pod red. V.S. Efimova. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2012. 184 p.
3. *Bjekon F.* Novyj Organon / Soch. T. 2. M.: Mysl', 1972. 574 p.
4. Vybor professii: chemu uchilis' i gde prigodilis'? / V. Gimpel'son, R. Kapeljshnikov, T. Karabchuk, Z. Ryzhikova, T. Biljak: Preprint WP3/2009/03. M.: GU VShJe, 2009. 64 p.
5. *Genisaretskij O.I.* Kul'turno-antropologicheskaja perspektiva // Inoe. Hrestomatija rossijskogo samosoznaniya. M.: Argus, 1995. T.2. 199 p.
6. *Genisaretskij O.I.* Navigator: metodologicheskie rasshirenija i prodolzhenija. M.: Put', 2002. 528 p.
7. *Efimov V.S., Lapteva A.V.* Buduwee vysshego obrazovanija v Rossii: jekspertnoe videenie // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2011. № 4 (74). P. 52–64.
8. *Efimov V.S., Lapteva A.V.* Vysshee obrazovanie v Rossii: kontury buduwego // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2010. № 4 (68). P. 6–17.
9. *Kuz'minov Ja.I.* Nashi universitety // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2007. № 3. P. 8–17.
10. *Ljubimov L.L.* Ugasanie obrazovatel'nogo jetosa // Voprosy obrazovanija. 2009. № 1. P. 199–210.
11. *Ogurcov A.P., Platonov V.V.* Obrazy obrazovanija. Zapadnaja filosofija obrazovanija. XX vek. SPb.: RHGI, 2004. 520 p.
12. *Pereslegin S.B.* Samouchitel' igry na mirovoj shahmatnoj doske. M.: AST; Terra Fantastica, 2007. 619 p.
13. *Popov A.A.* Filosofija otkrytogo obrazovanija: social'no-antropologicheskie osnovanija i institucional'no-tehnologicheskie vozmozhnosti. Tomsk: Bija, 2008. 279 p.
14. Postindustrial'nyj perehod v vysshem obrazovanii Rossii: na primere analiza razvitija rynka obrazovatel'nyh uslug Severo-Zapada Rossijskoj Federacii / Doklad Fonda «Centr strategicheskikh razrabotok «Severo-Zapad». SPb., 2005. 187 p.
15. *Rozin V.M.* Filosofija obrazovanija: jetjudy-issledovanija. M.: Moskovskij psihologosocial'nyj institute; Voronezh: Modjek, 2007. 576 p.
16. Rossija XXI veka: obraz zhelaemogo zavtra. M.: Jekon-Inform, 2010. 66 p.
17. *Smirnov S.A.* Chertov most. Vvedenie v antropologiju perehoda. Novosibirsk: ZAO IPP «OFSET», 2010. 492 p.
18. *Toffler Je.* Tret'ja volna / Per. s angl. P.S. Gurevicha (red. i vstup. st.). M.: ООО «Firma «Izdatel'stvo AST», 1999. 784 p.
19. *Habermas Ju.* Ponjatие individual'nosti // O chelovecheskom v cheloveke. M.: Politizdat, 1991. P. 195–206.
20. *Wedrovickij G.P.* Sistema pedagogicheskikh issledovanij (metodologicheskij analiz) // Pedagogika i logika. M.: Kastal', 1992. P. 16–200.
21. *Wedrovickij P.G.* Ocherki po filosofii obrazovanija. M.: Ped. centr «Jekspertment», 1993. 154 p.

22. *Barnett R.* Realizing the University in an Age of Supercomplexity. Buckingham: Open Univ. Press, 1999. 128 p.
23. Global Monitoring Report on EFA (Education for All). United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2010. 45 p.
24. *Readings B.* The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 304 p.
25. *Galushkina M., Knjaginina V.* Massovoe, gibkoe i internacional'noe // Jekspert. 2005. 43(489) [Jelektron. resurs]. URL: <http://www.expert.ru/printissues/expert/2005/43/43ex-obraz>
26. *Gradirovskij S.* Tablica tipov regionov RF. Vzgljad iz prostranstva chelovecheskih resursov // Russkijarhipelag. 2009 [Jelektron. resurs]. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/gradirovsky/?lib-rary=1555>
27. *Kuz'minov Ja.I.* Professional'noe obrazovanie v Rossii // Konferencija NJeO, 21 dekabnja 2010 [Jelektron. resurs]. URL: <http://opec.hse.ru/data/2011/01/13/1233287037/kuzya.ppt>
28. *Safonova M.A.* Est' li u rossijskih universitetov shansy na internacional'nom rynke obrazovatel'nyh uslug? // POLIT.RU. 2011. № 10/10. [Jelektron. resurs]. URL: <http://polit.ru/article/2011/10/10/safonova>

УДК 330.3:332.8

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

А.А. Мартынова

Российский университет дружбы народов

Email: a.martynova1@googlemail.com

Жилищно-коммунальное хозяйство является одной из наиболее социально значимых систем экономики страны. Будучи достаточно сложной, неравномерно развитой системой, ЖКХ представляет собой достаточно сложный для управления объект. На протяжении достаточно долгого времени государством использовался «линейный» подход к управлению, основанный на принципе равенства управляющего воздействия и его результата. Акцент делался на наиболее проблемные аспекты отрасли. Все ресурсы направлялись на решение критических проблем, внешние факторы как правило не играли важной роли. Более того, влияние такого воздействия на внутрисистемные связи также не учитывалось. Такого рода государственное вмешательство оказывалось достаточно эффективным в краткосрочной перспективе, в долгосрочном же периоде эффект от вмешательства был минимальный, а в некоторых случаях и отрицательный. Альтернативный метод управления сектором, который только начинает развиваться в России, основан на характеристике ЖКХ как сложной неравновесной системы, способной к самоорганизации. В данном случае управляющее воздействие менее узконаправленно и служит импульсом к дальнейшему самостоятельному развитию отрасли. Таким образом, государственное вмешательство является «позитивным» возмущением, которое провоцирует нестабильность целой системы. Система, в свою очередь, посредством мобилизации внутренних ресурсов со временем находит новую точку равновесия, которая как правило представляет собой новый виток эволюции системы. Таким образом, нелинейный подход способствует самостоятельному, наиболее эффективному развитию сложной системы.

Ключевые слова: ЖКХ, реформы, государственное управление, нелинейный подход, неравновесная система, инструменты стимулирования.

MAIN MANAGEMENT METHODS OF MUNICIPAL HOUSING ECONOMY

A.A. Martynova

Peoples' Friendship University of Russia

Email: a.martynova1@googlemail.com

Municipal housing economy is one of the most socially important systems in national economy. Municipal housing economy is quite difficult to manage because it is a complex, unevenly developed system. «Linear» management approach, based on the principle of equality of control action and its result, has been used by the state for a long time. The most problem aspects of the sector were emphasized. All resources were focused on the solution of critical problems, while external factors were not of great concern. Besides, the influence on intra-system links was not taken into account either. Such state interference was effective enough in short-term outlook, where the effect of the interference in long-term period was minimal, and in some cases negative. Alternative management method of the sector (which is still beginning to emerge in Russia) is based on the characteristic of municipal housing economy as a complex unbalanced system, self-organizable. In this case the control action is less ad-hoc

and serves as impulse towards further self-development of the sector. Thus, state interference is a «positive» indignation that draws instability of the whole system. The system, in its turn through internal resource mobilization, finds new equilibrium point that usually is a new coil of system evolution. Thus, nonlinear approach contributes to independent, most effective development of a complex system.

Key words: municipal housing economy, reforms, public administration, nonlinear approach, unbalances system, stimulation tools.

Жилищно-коммунальное хозяйство – одна из самых больших проблем российской экономики. Это одна из самых значимых отраслей, оказывающая огромное влияние на другие сферы жизни. ЖКХ – это очень большой, потенциально весьма доходный рынок с гарантированным спросом. Тем не менее на сегодняшний день это – черная дыра российской экономики, самый большой реципиент государственных субсидий и одна из немногих отраслей с самой большой долей убыточных предприятий (около 60%) [3]. Проблемы отрасли известны и неизменны на протяжении уже более 20 лет: неразвитость рыночных структур, высокая степень износа основных фондов, хроническое недофинансирование, низкое качество производимых товаров/услуг и галопирующий рост тарифов, превышающий темпы инфляции, но не решающий финансовых проблем предприятий отрасли. Реформирование отрасли было призвано решить эти и многие другие проблемы, тем не менее результаты происходящих изменений далеки от идеала, и ситуация продолжает усугубляться.

Реформирование отрасли – обязательный этап развития практически любой страны. В последние десятилетия реструктуризацию отрасли ЖКХ проводят более 100 стран мира [7]. Единого сценария не существует, но отдельные, наиболее успешные примеры используются в качестве моделей, которые адаптируются к потребностям определенного государства¹. Основные различия заключаются в методах управления сферой ЖКХ, выбор которых продиктован культурой управления в стране и экономическими особенностями последней. В целом существует две модели управления комплексом жилищно-коммунального хозяйства. Первая представляет собой реализацию «классического» линейного сценария развития, вторая основывается на системном нелинейном подходе к управлению. В обоих случаях ЖКХ рассматривается как сложная система, направление развития которой определяется системой внешних воздействий на нее.

Классический метод управления отраслью ЖКХ², который активно реализовывался в России на протяжении последних десятилетий³, часто характеризуется исследователями как недостаточно гибкий, с чрезвычайно нормативным характером. Одним из главных недостатков метода признается его

¹ Наиболее распространенной моделью реформирования ЖКХ является британская модель, предусматривающая развитие конкуренции с привлечением большого числа частных фирм, сокращения государственного вмешательства и создание новой архитектуры отрасли в ходе реформ. Вторая по распространенности модель – французская, предполагающая сохранение «пристального» государственного контроля и привлечение разумного числа частных операторов на рынок.

² Под классическим подходом понимается метод системного анализа, учитывающий взаимосвязь и взаимообусловленность экономических, политических и социальных процессов; управление осуществляется на основе принципа пропорциональности результата воздействию.

³ Управление осуществляется на основе принципа пропорциональности результата воздействию.

функциональная ориентации и строгая регламентация процессов управления, а не их результатов. В рамках данного подхода практически не учитывается взаимосвязь между подсистемами ЖКХ, равно как не учитываются и цели их функционирования. Основной акцент делается на управление отдельными элементами подсистемы. Фактически процессы реформирования и управления отрасли сводятся к решению ряда задач, которые ранжируются управляющим органом в зависимости от степени их значимости. Ранжирование задач управления достаточно схоже с иерархией потребностей человека, предложенной Маслоу [9]. Согласно этой теории, потребности делятся на базовые (простые) и сложные, при этом удовлетворение базовых потребностей является необходимым условием решения более комплексных задач. К базовым потребностям управления ЖКХ можно отнести создание необходимой нормативно-правовой базы, которая бы служила основой для развития отрасли и ее управления. Фактически нормативно-правовые акты должны способствовать созданию новой архитектуры отрасли и гарантировать ее устойчивость, что является второй, более сложной задачей. Привлечение частного бизнеса в сферу ЖКХ, которая долгое время находилась в собственности государства и управлялась согласно принципам административно-командной экономики, должно способствовать «оздоровлению» менеджмента предприятий и распространению новых принципов хозяйствования.

Финансовое «оздоровление» предприятий отрасли – следующая по «сложности» потребность, напрямую зависящая от реинжиниринга бизнес-процессов, инициированного частным менеджментом и степенью развитости законодательной базы в сфере тарифного регулирования. Для удовлетворения этой потребности необходима разработка новой системы финансирования предприятий: изменение системы тарифного регулирования, изменение структуры финансовых потоков, разработки системы социальной помощи малоимущим и т.д. Тарифы должны включать инвестиционную составляющую, что способствовало бы развитию инновационной деятельности предприятий, модернизации/реновации основных фондов. Кроме того, в формуле тарифа должны учитываться поправка на инфляцию и эффективность производства. То есть тариф должен служить стимулом к снижению издержек и повышению эффективности производства, при этом его уровень должен меняться в соответствии с общим уровнем инфляции в стране [8]. Следует отметить, что формула тарифа должна учитывать уникальные особенности секторов, входящих в состав ЖКХ, и должна быть легко адаптируема к ним.

К наивысшим потребностям отрасли можно отнести улучшения качества производимых товаров/услуг и общий макроэкономический эффект от реформирования отрасли. Иными словами, реализация «наивысших» потребностей становится возможной при условии выполнения предыдущих пунктов. При этом вполне очевидной становится «линейность» процесса: удовлетворение каждой из потребностей есть результат внешнего воздействия на систему. Таким образом, управление отрасли строится на системе корректирующих вмешательств со стороны управляющего органа, результат которых должен быть пропорционален силе воздействия.

Логика реформирования ЖКХ согласно линейному подходу вполне очевидна и широко применяется на начальных этапах реформирования отрасли. Ранжирование целей/потребностей способствует разработке определенно-

го плана действий, основанного на достаточно простом алгоритме действий. Иными словами, политика, сформированная согласно принципам линейного подхода, направлена на использование стандартизированных элементов управления, которые должны способствовать достижению заданного результата (плана). Такой подход не принимает во внимание воздействие факторов внешней среды, исходные уникальные характеристики системы и альтернативные варианты развития. Он не дает ответы на вопросы, например, каковы наилучшие способы достижения цели? и какие именно меры воздействия будут наиболее эффективны [9]. Градуалистский подход к реформированию ЖКХ не дает положительных долгосрочных результатов, скорее обуславливает цикличность развития без какого-либо «движения вперед» [5]. Как показывает практика, реформирование какого-то отдельного аспекта (подсистемы) влечет за собой необходимость разработки и внедрения ряда других нововведений. Временная разница между разработкой и внедрением каждого из них, как правило, негативно сказывается на системе в целом. Следствием таких промедлений становится усугубление ситуации и необходимость новых усовершенствований как в исходной системе, так и в других, связанных с ней подсистемах. Более того, в силу меняющихся внешних обстоятельств, оказывающих влияние на систему, предпринимаемое воздействие может стать препятствием развитию отрасли в целом.

Несмотря на очевидные недостатки, линейный подход к реформированию и управлению сложными системами (ЖКХ) достаточно широко распространен. «Линейность» при условии своевременности воздействий дает положительные результаты в краткосрочном периоде. Как показывает мировая практика, «классический» подход используется на начальных стадиях реформирования сектора ЖКХ. Впоследствии его заменяет система «импульсов», эффективность которых проявляется в долгосрочном периоде [1]. Метод регулирования отрасли ЖКХ, который получил широкое распространение в странах-лидерах (Великобритания, Австралия, США), можно назвать регулируемой естественной эволюцией ЖКХ как сложной системы. Основная задача управляющего органа – вовремя реагировать на негативные изменения в системе, давать определенный импульс дальнейшего развития и свести вмешательство в хозяйственную деятельность к необходимому минимуму, предоставив системе самой искать наилучшие пути адаптации к новым условиям. Иными словами, развитие сектора ЖКХ в ведущих странах происходит согласно принципам «коэволюции и синтеза различных диссипативных структур», присущим системному нелинейному подходу к реформированию ЖКХ [2].

В рамках системного нелинейного подхода сфера ЖКХ рассматривается как неравновесная система, комплекс взаимосвязанных структур, сумма которых всегда будет меньше целого. Характерной чертой неравновесной системы является ее способность к самоорганизации. Изменение внешних обстоятельств определяет необходимость адаптации к новым условиям и поиск новой точки равновесия. В процессе поиска нового баланса система проходит через ряд неравновесных состояний, происходит перегруппировка основных ресурсов таким образом, чтобы они способствовали преодолению кризиса. ЖКХ – это комплекс взаимосвязанных сложных структур, эволюция которых зависит не только от целенаправленного воздействия, но и от внешних обстоятельств. Управление же такой системой должно осуществляться путем

нежесткого управления в зависимости от желаемых показателей системы (прибыль, как правило, является приоритетом). Конечная цель – установление комплексного показателя, например, получение прибыли при условии повышения качества услуг. Такой подход в конечном итоге позволит «лабиринтировать» во времени, определяя приоритетные направления развития, соответствующие данному временному периоду развития [1]. Несмотря на кажущуюся простоту метода, он представляет определенную сложность для внедрения в практику управления ЖКХ. Основные сложности связаны с некоторыми характеристиками неравновесной системы, в данном случае ЖКХ:

- структуры, входящие в состав комплекса имеют ряд количественных и качественных различий;
- сам по себе комплекс ЖКХ является составной частью более крупной и сложной системы – экономики муниципального образования/региона;
- ЖКХ страны – комплекс неоднородных региональных структур;
- внешняя экономическая нестабильность⁴ обуславливает крайне неустойчивое состояние системы.

Жилищно-коммунальное хозяйство представляет собой комплекс взаимосвязанных секторов, часть из которых естественные монополии, деятельность же других со временем может быть организована согласно принципам рыночной конкуренции. Вполне очевидно, что разные по своей структуре взаимосвязанные сектора достаточно трудны для государственного регулирования их деятельности. Более того, даже одинаковые по своему устройству сегменты могут находиться на разных стадиях формирования рынка. В частности, сегменты с естественными монополиями существенно различаются по степени сформированности квази-рыночных структур и законченности рыночных реформ, что лишней раз подтверждает невозможность регулирования деятельности столь разных структур при помощи одного инструмента⁵.

Жилищно-коммунальное хозяйство является частью более сложной экономической системы города/муниципального образования. Являясь элементом сложной структуры, темпы и направление развития сферы напрямую зависят от экономических условий в регионе и уровня развитости вспомогательных систем. Так, инвестиционная деятельность в сфере ЖКХ находится в прямой зависимости от экономической ситуации в регионе и развитости регионального рынка капитала.

Россия – весьма неоднородна по уровню экономического развития регионов. На решение этой проблемы ежегодно выделяется большое количество средств, разрабатываются и внедряются различные механизмы, но разрыв остается и не только не снижается, но существенно увеличивается [6]. Классические механизмы выравнивания⁶, которые до недавнего времени были

⁴ Россия – страна с переходной экономикой, развитие которой происходит по принципу «догоняющего» развития, что предполагает определенную степень нестабильности, особенно в условиях мировых финансовых потрясений (кризисов).

⁵ Наиболее развитым из секторов с естественными монополиями считается электроэнергетика. Действовавшая в секторе вертикально интегрированная структура РАО ЕЭС в 2008 г. была реорганизована, и вместо нее появился ряд функционально-ориентированных предприятий, действующих согласно рыночным принципам. Газовая отрасль, напротив, представлена компанией-монополистом ОАО «Газпром», который контролирует 90% рынка газа в стране.

⁶ К инструментам выравнивания относятся межбюджетные трансферты, кредиты, частично федеральные целевые программы и т.д.

основным инструментом государственного вмешательства, не решают проблему экономической неоднородности регионов, а следовательно, и уровня развития его систем. Мировая практика подтверждает неэффективность такого вмешательства. Политика выравнивания, осуществлявшаяся в Канаде посредством как рыночных, так и нерыночных методов регулирования, также не принесла желаемых результатов. Государственные программы, направленные на поддержание депрессивных регионов и сокращение разрыва экономического развития, провалились вследствие отсутствия стимулов к развитию вообще и развитию самостоятельности в частности [2]. Таким образом, выравнивание экономического развития дает краткосрочный положительный результат за счет временного увеличения потребления. В долгосрочной же перспективе такой подход не принесет существенных экономических выгод и даже может стать причиной экономического спада.

Более эффективными признаются инструменты стимулирования⁷, которые не дают осязаемых краткосрочных выгод, но способствуют созданию локальных преимуществ для ведения бизнеса и привлечению долгосрочных частных инвестиций. Распределение инструментов стимулирования между регионами производится на основе конкурса, и доля регионов, получивших поддержку, пока невелика. Более того, анализ проектов Инвестиционного фонда свидетельствует о том, что большая часть инструментов реализуется в регионах-лидерах по экономическому развитию, что на первый взгляд может показаться дискриминацией и не способствует улучшению ситуации в слабых регионах.

В принципе в мировой практике существуют два подхода к распределению инструментов стимулирования между регионами. В развитых странах, таких как Великобритания или США, в отношении слабых регионов применяются льготные механизмы, призванные способствовать экономическому росту и последующему территориальному выравниванию. В развивающихся странах (Индия, Китай) относительно беспроблемные регионы становятся основными реципиентами. В отношении же депрессивных регионов проводится политика «позитивной дискриминации». Дополнительное стимулирование и без того достаточно успешных регионов превращает последних в «локомотив» развития экономических систем. Полученный опыт развития, инновационные разработки, принципиально новые модели управления и взаимодействия рыночных агентов впоследствии передаются в депрессивные регионы. Таким образом, политика «позитивной дискриминации» способствует экономическому выравниванию всех регионов страны [2].

Россия традиционно относится к категории развивающихся стран, поэтому применение инструментов, получивших распространение в Китае, может показаться перспективным, особенно учитывая концепцию «догоняющего» развития, согласно которой происходит развитие России в последние десятилетия. Впрочем, по мнению российских исследователей, китайская модель малоэффективна, что обусловлено российской спецификой. Как показала практика, регионы-лидеры со временем теряют мотивацию, среди же остальных территорий достаточно ярко проявляются иждивенческие настроения.

⁷ К инструментам стимулирования относятся особые экономические зоны, Инвестиционный фонд РФ, Российская вечная корпорация, государственное финансирование проектов и т.д.

В России для наиболее эффективного внедрения инструментов стимулирования необходимо улучшить процедуру отбора регионов. Помощь должны получать не просто самые слабые регионы, а те из них, которые готовы использовать эти инструменты лучшим образом. Временной фактор также играет важную роль: управляющее воздействие должно быть своевременным, ибо только в этом случае его результат будет максимальным. Более того, система государственного управления инструментами стимулирования в России должна быть улучшена. Одним из основных недостатков современного государственного управления считается излишняя централизация принятия решений. В частности, отмечается, что большая часть профицита бюджета формируется на федеральном уровне, что определяет практически монопольную власть федеральных властей в распределении этих средств. Для эффективного развития регионов необходимо повысить роль региональных властей в управлении и распределении инструментов регулирования. Кроме того, отмечается необходимость разработки и внедрения механизма мотивации государственных структур, ответственных за распределение инструментов стимулирования. В случае же России возникает еще и необходимость развития культуры децентрализованного государственного управления и повышение инициативы регионов.

Развитие системы государственного управления самоорганизацией региональных систем – еще одно важное направление, требующее доработки. В частности, необходимо определить наиболее эффективное соотношение организации и самоорганизации, которое должно основываться на ряде особенностей. В данном случае эти два процесса представляют не две диаметрально противоположные системы управления, а взаимосвязанные элементы единой системы. Причем организация (государственное вмешательство) должно быть направлено на инициирование процессов самоорганизации системы. Существуют два вида региональной самоорганизации: самоорганизация бизнес-систем, основанная на рыночных принципах, и самоорганизация населения, основанная на базе социальных регуляторов. Организация в регионе может проявляться на внутрирегиональном и внутриорганизационном уровнях. В первом случае основу организации составляют федеральная и региональная нормативно-правовые базы, направленные на обеспечение социально-экономического развития и поддержания его стабильности [2]. Внутриорганизационный уровень должен проявляться в административном распорядке, регламенте работы. Для того чтобы система функционировала наиболее эффективно, необходим институт согласования, который бы способствовал переходу от жестких узконаправленных централизованных методов управления к «адаптивному согласованию интересов, изменению положения субъектов хозяйствования и инструментов управления». В целом это обеспечит взаимодополняемость процессов и будет способствовать формированию качественно новых отношений между субъектами хозяйствования и властными структурами. Решению проблемы гармоничного развития регионов, основанного на принципах взаимодополняемости процессов организации и самоорганизации, существенно будет способствовать развитие системы стратегического планирования. Последняя, будучи представлена в виде графической модели, отображающей все элементы и их взаимосвязь, может быть использована в качестве инструмента повышения эффективности экономических агентов.

Более того, если такая модель будет использоваться не только на уровне бизнеса, но и в процессе планирования властных структур (на всех уровнях), она также может способствовать повышению эффективности государства как экономического субъекта.

Таким образом, для наиболее эффективного управления сферой жилищно-коммунального хозяйства страны необходимо учитывать ее особенности на региональном уровне; нестабильность сектора и его внутреннюю неоднородность; высокую чувствительность к внешним факторам. Директивные методы управления сектором оказываются наименее эффективными и могут привести к большей дестабилизации сектора, равно как и стать причиной деструктивных процессов. Более действенными мерами государственного регулирования признаются макроэкономические методы, направленные на стимулирование спроса и предложения, чей положительный эффект проявляется в долгосрочном периоде. Необходимость определения и достижения долгосрочных целей обуславливает развитие и внедрение инструмента стратегического планирования всеми участниками рынка.

Литература

1. *Загуляев Д.Г.* Методика анализа экономического понятия «импульс», применяемого в рамках ситуационно-импульсного метода управления неравновесными экономическими системами // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2011. № 3.
2. *Козловская О.В., Акерман Е.Н.* Особенности синергетического подхода в управлении пространственным развитием региона. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010.
3. Российский статистический ежегодник. 2010: Статистический сборник / Росстат. М., 2010.
4. *Скорых Н.Н.* Современные тенденции регионального развития и региональной политики РФ // Вестник СибГУТИ, 2011. № 1.
5. *Стародубская И.В.* Реформа ЖКХ: в поисках новых подходов // Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1998–2002 (глава 23). М.: Дело, 2003.
6. *Фуриц М.А.* Эффективность применения инструментов регионального развития // Труды ИСА РАН. 2008. № 40.
7. *Янковский Н.Я.* Правовые основы функционирования коммунального хозяйства в Европейских странах. Владивосток: Сфера ЖКХ, 2007. 340 с.
8. *Kay J., Thompson D.J.* Privatisation: a Policy in Search of a Rationale. *Economic Journal*. 1986. Vol. 96. P. 18–32.
9. *Witcher B.J., Chau V.S.* Strategic management principles and practice // Cengage Learning EMEA, 2010.

Bibliography

1. *Zaguljaev D.G.* Metodika analiza jekonomicheskogo ponjatija «impul's», primenjaemogo v ramkah situacionno-impul'snogo metoda upravlenija neravnovesnymi jekonomicheskimi sistemami // Vestnik JuRGTU (NPI). 2011. № 3.
2. *Kozlovskaja O.V., Akerman E.N.* Osobennosti sinergeticheskogo podhoda v upravlenii prostranstvennym razvitiem regiona. Tomsk: Izd-vo Tom. politehnihn. un-ta, 2010.
3. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2010: Statisticheskij sbornik / Rosstat. M., 2010.
4. *Skoryh N.N.* Sovremennye tendencii regional'nogo razvitija i regional'noj poitiki RF // Vestnik SibGUTI. 2011. № 1.

5. *Starodubskaja I.V.* Reforma ZhKH: v poiskah novyh podhodov // Jekonomika perehodnogo perioda. Oчерki jekonomicheskoj politiki postkommunisticheskoj Rossii. 1998–2002 (glava 23). M.: Delo, 2003.
6. *Furwik M.A.* Jeффекtivnost' primenenija instrumentov regional'nogo razvitija // Trudy ISA RAN. 2008. № 40.
7. *Jankovskij N.Ja.* Pravovye osnovy funkcionirovanija kommunal'nogo hozjajstva v Evropejskih stranah. Vladivostok: Sfera ZhKH, 2007. 340 p.
8. *Kay J., Thompson D.J.* Privatisation: a Policy in Search of a Rationale. *Economic Journal*. 1986. Vol. 96. P. 18–32.
9. *Witcher B.J., Chau V.S.* Strategic management principles and practice // Cengage Learning EMEA, 2010.

ФИНАНСЫ, БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ И АНАЛИЗ

УДК 336.012.23+336.018

ЭВОЛЮЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ТЕОРИЙ ИНВЕСТИЦИЙ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПОДХОДАМИ К АНАЛИЗУ СТОИМОСТИ ЦЕННЫХ БУМАГ НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ

П.Н. Лихутин

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: p.likhutin@ngs.ru

В статье рассматривается взаимосвязь ключевых теорий инвестиций и сложившихся подходов к анализу ценных бумаг. Исследуется развитие теории инвестиций на фондовом рынке. Рассмотрены взаимосвязи технического и фундаментального анализа с гипотезами эффективного и фрактального рынков.

Ключевые слова: теория инвестиций, технический анализ, фундаментальный анализ, ценные бумаги, фрактальный рынок, эффективный рынок.

EVOLUTION OF KEY INVESTMENT THEORIES AND THEIR INTERRELATION WITH APPROACHES TO COST OF SECURITIES ANALYSIS IN STOCK MARKET

P.N. Likhutin

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: p.likhutin@ngs.ru

The article considers the interrelation between key investment theories and formed approaches to securities analysis. The development of investment theory in stock market is examined. Interrelations between technical and fundamental analysis with hypotheses of effective and fractal markets are considered.

Key words: investment theory, technical analysis, fundamental analysis, securities, fractal market, effective market.

Общепринятыми подходами к анализу ценных бумаг на фондовом рынке являются технический и фундаментальный анализ. Данной точки зрения придерживаются У. Шарп [7], Ю. Бригхем [2], З. Боди, А. Кейн [1]. При этом указанные авторы теоретической основой своих работ считают так называемую «гипотезу эффективного рынка» (ЕМН) [13], которая, в свою очередь, ставит

под сомнение возможность применения фундаментального и технического анализа на практике.

Для разрешения возникшего противоречия считаю необходимым рассмотреть эволюцию теорий инвестиций, а также их взаимосвязь с подходами к анализу стоимости ценных бумаг на фондовом рынке.

В целом мы будем придерживаться хронологического порядка изложения, однако необходимо отметить следующее существенное обстоятельство: зачастую связанные друг с другом теории и подходы развивались более или менее одновременно, а иногда и параллельно.

Структура статьи построена следующим образом:

– во-первых, рассмотрен теоретический образ фондового рынка с позиции современной теории инвестиций;

– во-вторых, раскрыта взаимосвязь современной теории инвестиций и способов познания (фундаментального и технического анализа) стоимости ценных бумаг.

Рассматривая теоретический образ фондового рынка с позиции современной теории инвестиций необходимо отметить следующее: в настоящее время не существует единой концепции рынка капитала [3, с. 118]. Например, У. Шарп, Ю. Бригхем, З. Боди, А. Кейн считают, что одной из главенствующих для инвесторов теорий является *гипотеза эффективного рынка* (Efficient Markets Hypothesis, EMH) [7, с. 109; 2, с. 11; 3, с. 410]. С такой точкой зрения не согласны такие авторы, как Б. Мандельброт, Р. Хадсон, Э. Петерс, сторонники *гипотезы фрактального рынка* (Fractal Market Hypothesis, FMH) [5, с. 117; 6, с. 48].

Развитие теории инвестиций на фондовом рынке мы рассматриваем с позиции таких авторов, как А.В. Воронцовский [3], Ю. Бригхем, Л. Гапенски [2], Б. Мандельброт, Р. Хадсон [5], Э. Петерс [6], Р.Н. Coother (Ed.) [10] – классическая антология количественного анализа.

Далее, на первом этапе рассмотрим развитие *гипотезы эффективного рынка* (EMH). Первая работа, использующая статистические методы для анализа прибылей, была опубликована в 1900 г. Л. Башелье [9]. Он применил к акциям, облигациям, фьючерсам и опционам методы, созданные для анализа азартных игр. Основное достоинство его работы заключалось в открытии того факта, что процесс случайных блужданий стоимости ценных бумаг ведет себя как броуновское движение, т.е. как гауссовский процесс, где любая случайная величина имеет функцию распределения – зависимость плотности вероятности от значения случайной величины. Для нормального распределения (распределения Гаусса) функция распределения показана на рис. 1.

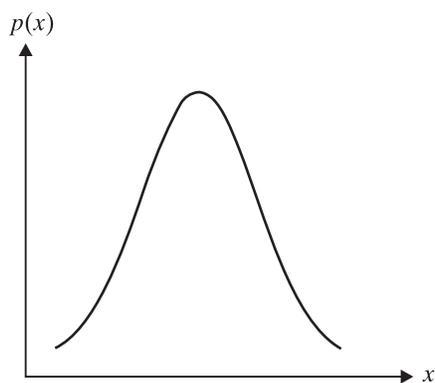

Рис. 1. Функция нормального (гауссовского) распределения

любая случайная величина имеет функцию распределения – зависимость плотности вероятности от значения случайной величины. Для нормального распределения (распределения Гаусса) функция распределения показана на рис. 1.

Строго математически эта модель была обоснована в начале 20-х годов прошлого века основоположником кибернетики и теории искусственного интеллекта Н. Винером [26]. В 30-х годах появилось несколько работ, которые подтверждали исследования Башелье и Винера. Среди этих работ, написанных статистиками, необходимо от-

метить следующие: А. Каулеса [11] и Г. Воркинга [27]. Исходя из этих работ, невозможно получить прибыль больше средней по рынку. Поэтому долгое время инвесторы не воспринимали серьезно, вплоть до того момента, когда в начале 50-х годов XX века для анализа временных рядов начали применять компьютеры. Основным объектом для анализа было изменение курсов акций. Предполагалось, что если они отражают перспективы фирмы, то именно через них должна проявляться картина периодически повторяющихся подъемов и спадов экономической эффективности фирмы. М. Кендалл [16] в 1953 г. одним из первых исследовал это предположение, желая выявить цикличности в поведении цен акций и товаров. Анализируя реальные статистические данные (с 1816 по 1951 г.), он не смог обнаружить ни циклов, ни трендов и пришел к заключению, что ряд наблюдаемых данных выглядит так, как если бы «...*Демон Случая извлекал случайным образом число ... и добавлял его к текущему значению для определения ... цены в следующий момент*» [8, с. 46]. Необходимо отметить, что хотя описанная выше гипотеза случайного блуждания цен не сразу была воспринята инвесторами и экономистами, но именно она и привела к классической концепции эффективного рынка.

Таким образом, постулировалось, что поскольку фондовый рынок и другие рынки капитала представляют собой большие системы с большим числом степеней свободы (инвесторов), текущие цены должны отражать информацию, уже имеющуюся в распоряжении каждого. Изменения в цене должны происходить только по возникновению новой неожиданной информации.

Окончательное формализованное завершение эти наблюдения получили в работе Е. Фама [13] в виде «гипотезы эффективного рынка» (ЕМН), которая утверждает, что рынок является мартингалом, или «справедливой игрой»; т.е. информация не может быть использована для получения выигрыша, т.е. эффективный рынок – это такой рынок, в ценах которого находит отражение вся известная информация.

Для обеспечения информационной эффективности необходимо выполнение четырех условий:

1. Все субъекты рынка действуют рационально, стремясь максимизировать ожидаемую выгоду.
2. Отсутствуют транзакционные издержки, налоги и другие факторы, препятствующие совершению сделок.
3. Сделки, совершаемые отдельным физическим или юридическим лицом, не могут повлиять на общий уровень цен.
4. Информация становится доступной всем субъектам рынка одновременно и ее получение не связано с какими-либо затратами.

Очевидно, что все эти четыре условия не соблюдаются ни на одном реальном рынке – для получения информации необходимы время и деньги, одни субъекты получают информацию раньше, чем другие, существуют транзакционные издержки, налоги и т. д. Ввиду невыполнения этих условий необходимо провести различие между идеальной информационной эффективностью рынков и их экономической информационной эффективностью. На идеально эффективном рынке, где соблюдаются все вышеперечисленные условия, цены всегда отражают всю известную информацию, новая информация вызывает немедленное изменение цен, а получение сверхдоходов возможно только в результате счастливой случайности. На экономически эффективном рынке

цены не могут немедленно реагировать на поступление новой информации, однако при условии элиминирования информационных и транзакционных издержек сверхдоходы отсутствуют и на этом рынке [15]. Указанное различие между идеальной информационной эффективностью рынков и их экономической информационной эффективностью предопределило выделение трех форм эффективности.

Во-первых, *слабая форма эффективности*: предполагает, что вся информация, содержащаяся в прошлых изменениях цен, полностью отражена в текущих рыночных ценах. Если это предположение верно, то информация об исторических тенденциях изменения цен тех или иных ценных бумаг (независимо от того, идет ли речь о тенденциях прошлой недели или последних 50 лет) не имеет никакой ценности при выборе объекта инвестирования – тот факт, что в течение последних трех дней цена некой акции возрастала, никак не помогает спрогнозировать ее завтрашнюю цену. Соответственно, методы технического анализа не могут принести доходность отличную от рыночной.

Во-вторых, *умеренная форма эффективности*: предполагает, что текущие рыночные цены отражают не только изменение цен в прошлом, но также и всю остальную общедоступную информацию. Таким образом, если на фондовом рынке существует умеренная форма эффективности, не имеет смысла изучать ежегодные отчеты фирм и другие опубликованные статистические данные или следить за новостями из финансового мира, поскольку любая общедоступная информация такого рода немедленно отражается на ценах акций до того, как вы сможете использовать ее в своей практике. В этом случае бессильны методы и технического и фундаментального анализа в целом.

В-третьих, *сильная форма эффективности*: предполагает, что в текущих рыночных ценах отражена вся информация – и общедоступная, и доступная лишь отдельным лицам. Если эта гипотеза верна, то сверхдоходы не могут быть получены даже посвященными – директорами, руководителями и крупнейшими акционерами фирм, или инсайдерами.

Таким образом, к концу 60-х годов прошлого века сформировалась одна из основополагающих теорий финансов.

Следующим этапом развития современной теории инвестиций следует считать появление *теории портфельного инвестирования* Г. Марковица [21]. Он определил, что если фондовые прибыли следуют случайному блужданию и случайные переменные являются независимыми идентично распределенными, то тогда по закону больших чисел (который утверждает, что эмпирическое среднее (среднее арифметическое) конечной выборки из фиксированного распределения близко к теоретическому среднему (математическому ожиданию) этого распределения) распределение должно быть нормальным и дисперсия конечной. То есть инвесторы должны располагать портфелем с наивысшей ожидаемой прибылью для определенного уровня риска.

Эта концепция была расширена У. Шарпом [24], Д. Литнером [17] и Д. Моссином [20]. Результатом стало появление модели оценки капитальных активов (САМ), которая объединила гипотезу эффективного рынка и математическую модель теории Марковица. Следующие предположения присущи данной модели:

- инвесторы имеют однородные ожидания, касающиеся прибыли и, следовательно, одинаковым образом интерпретируют информацию;

- инвестор свободен от транзакционных издержек;
- инвесторы стремятся к среднедисперсионной эффективности Марковица, т.е. риск определен как стандартное отклонение;
- используется линейная мера чувствительности риска ценной бумаги к рыночному риску «бета»-коэффициент.

Таким образом, САРМ требует эффективного рынка и нормального распределения прибыли, поскольку дисперсия предполагается конечной. Теория портфеля Марковица объяснила, почему диверсификация уменьшает риск. САРМ объяснила, каким образом должен себя вести рациональный инвестор. Объединение ЕМН и САРМ и ее модификаций стало называться *новая теория портфеля* (MPT-Modern Portfolio Theory), а нормальное распределение с его гауссовским предположением о независимости стало общепринятым в моделировании. ЕМН получила свое развитие в *модели расчета цен опционов* Ф. Блэка и М. Шоулса (1973) [14] и *арбитражной теории ценообразования* С. Росса (1976) [23]. Арбитражная теория ценообразования является более общей ценовой моделью, чем САРМ: она предполагает, что ценовые изменения происходят в результате неожиданного изменения факторов и, таким образом, может манипулировать с нелинейными отношениями. Однако в основе данной модели лежит стандартная эконометрика, включающая предположение о конечной дисперсии. В 80-х годах XX века была разработана авторегрессионная условная гетероскедастическая модель (ARCH) Р. Ингла [12]. ARCH модель основывалась на постулате, что рыночная волатильность изменяется во времени, однако она исходила из предположения о кратковременной памяти в исследуемых процессах и рыночной эффективности.

Итак, рассмотренная теория рынка капитала основывается на следующих концепциях:

1. *Рациональные инвесторы*: оценивают потенциальную прибыль методом вероятностного взвешивания, риск измеряется как стандартное отклонение от прибылей, предпочитают активы, которые дают наивысшую ожидаемую прибыль при заданном уровне риска.

2. *Эффективный рынок*.

3. *Случайные блуждания*: следствием двух вышеуказанных концепций является то, что цены следуют случайному блужданию. Вероятностное распределение прибылей приблизительно нормально и в свою очередь означает, что распределение прибылей имеет конечную среднюю величины и дисперсию.

Таким образом, сложившееся представление о «линейности» процессов на финансовых рынках предполагает:

- инвестор реагирует на информацию линейно – использует ее сразу и не ожидает ее накопления в ряде последующих событий;
- прибыли имеют приблизительно нормальное распределение (гауссовскому);
- распределение прибылей имеет конечную среднюю величины и дисперсию;
- цены ценных бумаг следуют случайному блужданию, т.е. независимы.

Следующий «нелинейный» этап развития теории инвестиций можно охарактеризовать как этап становления и развития *гипотезы фрактального рынка* (Fractal Market Hypothesis, FMH).

Первой работой, и это признают такие известные последователи гипотезы фрактального рынка, как Б. Мандельброт [5], Э. Петерс [6], заложившей для всей последующей литературы, посвященной теории хаоса и фракталам, стала работа выдающегося советского, российского математика, академика, одного из основоположников современной теории вероятности, математической логики и теории турбулентности А.Н. Колмогорова [4]. Основной причиной развития теории турбулентности было то, что при увеличении интенсивности течения жидкости или газа в среде самопроизвольно образуются многочисленные нелинейные фрактальные волны и обычные, линейные различных размеров, без наличия внешних, случайных, возмущающих среду сил и/или при их присутствии. Фрактальный – означает самоподобный. И фрактальная размерность позволяет быстро характеризовать геометрические тела сложной формы. Нелинейная волна – волна, которая обладает нелинейными свойствами.

В 1964 г. Осборн [18] выявил следующую аномалию: вычерчивая функцию плотности прибылей фондового рынка, он обратил внимание на то, что «хвосты» этого распределения выглядят необычным образом – толще, чем при обычном гауссовском нормальном распределении. Это противоречило общепринятой теории ЕМН (рис. 2).

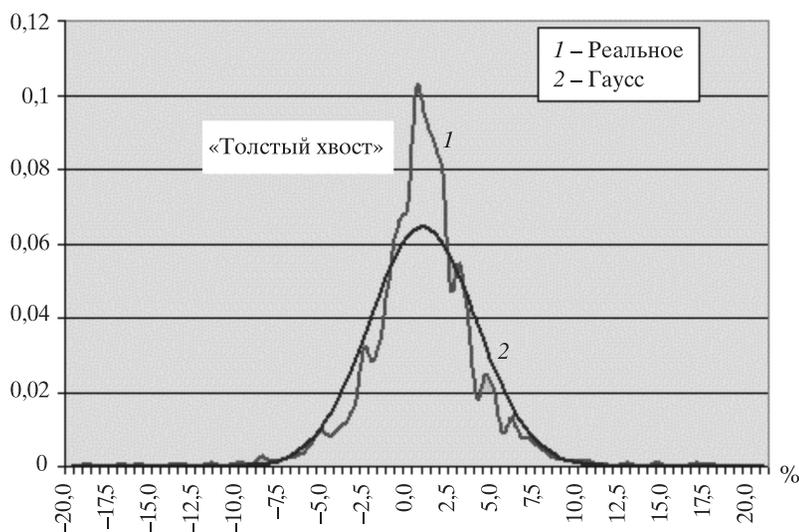

Рис. 2. Отличие реального распределения дневных доходностей индекса РТС (01.95–04.04) от гауссовской нормальной (принятой в ЕМН) плотности распределения дневных доходностей индекса РТС (01.95–04.04)

В 1964 же г. появилась статья Б. Мандельброта [19], которая содержала доказательства того, что распределение прибылей принадлежит устойчивому распределению Парето, а это говорило о неопределенной или бесконечной дисперсии. Данное распределение имеет высокий пик и толстые хвосты (см. рис. 2.), что говорит о тенденции к трендам и циклам, наличии внезапных и несимметричных изменений на финансовом рынке. В этом же сборнике [19] указанная статья подверглась жесткой критике со стороны приверженцев линейной парадигмы. В конечном итоге серьезные исследования фрактальности

финансовых рынков начались лишь в начале 1980-х годов, когда появилась и окончательно оформилась в 1991 г. гипотеза когерентного рынка Т. Вега [25]. СМН является нелинейной статистической моделью, которая базируется на следующих предпосылках:

- фундаментальных или экономических условиях;
- «групповом сознании» рынка.

Эта гипотеза описывает психологию человеческих групп на рынках количественными методами, а происходящие при этом изменения состояния фондового рынка можно представить в виде четырех фаз:

1. Случайные блуждания.
2. Переходные рынки – по мере возрастания «группового сознания» происходит смещение в настроениях инвесторов.
3. Хаотические рынки – быстрое распространение настроений инвесторов, при неопределенных и нейтральных фундаментальных условиях, присутствие широких колебаний на рынках.
4. Когерентные рынки – очень сильные фундаментальные факторы плюс сильные инвестиционные настроения, где возникают тренды.

Гипотеза фрактального рынка (Fractal Market Hypothesis, FMH), E. Peters (1991) [22] в отличие от СМН является нелинейной детерминистической моделью. Как и СМН, гипотеза фрактального рынка основывается на том, что рынок принимает различные состояния и перемещается между стабильными и нестабильными режимами. Но помимо фундаментальных факторов и психологии человеческих групп временные ряды цен:

- фрактальны (самоподобны) и обладают долговременной памятью;
- на рынке присутствуют циклы и тренды как результат нелинейности динамических систем (временных рядов цен);
- информация как в ЕМН не отражается в ценах немедленно, а проявляет себя в смещениях прибылей, простирающихся вперед на неопределенное время;
- в случае коротких временных отрезков главенствующую роль играет *технический анализ*, а при расширении длины временного отрезка доминирует фундаментальная информация и *фундаментальный анализ* [8, с. 83].

Итак, были выделены основные этапы развития так называемой «нелинейной парадигмы», где основа это *гипотеза фрактального рынка* (FMH) в теории финансовых рынков, выявили основные черты и отличия от принятой «линейной парадигмы», в основе которой лежит *гипотеза эффективного рынка* (ЕМН). Результаты проделанной работы отражены в табл. 1.

Таким образом, нами был рассмотрен теоретический образ фондового рынка с позиции современной теории инвестиций.

Далее раскроем взаимосвязь современной теории инвестиций и способов познания (фундаментального и технического анализа) стоимости ценных бумаг.

Общепринятыми способами анализа стоимости ценных бумаг на фондовом рынке, как было обозначено в начале статьи, являются технический и фундаментальный анализ. Методы фундаментального анализа, исходя из *гипотезы эффективных рынков*, могут использоваться только при слабой форме «эффективности».

Таблица 1

Основные этапы развития теории финансовых рынков

Дата	Экономисты	Результаты, работы	Критерии
Представление о «линейности» процессов на финансовых рынках			1. Инвесторы реагируют на информацию <i>линейно</i> . 2. Прибыли имеют приблизительно <i>нормальное распределение</i> (гауссовское). 3. Цены ценных бумаг следуют <i>случайному блужданию</i> , т.е. независимы
I этап. Развитие «гипотезы эффективности рынков» (EMH)			
1900	Башелье Л.	«Theory of Speculation» [23]	
1923	Винер Н.	«Differential space» [26]	
1934	Каулес А.	«Can stock market forecasters forecast?» [11]	
1934	Воркинг Г.	«A random-difference series of use in the analysis of time series» [27]	
1953	Кендалл М.	«The analysis of economic time-series. Prices» [16]	
1965	Фама Е.	«Portfolio Analysis in a Stable Paretian Market» [13] EMH	
II этап. Создание «новой теории портфеля» (MPT=CAPM+EMH)			
1959	Марковиц Г.	«Portfolio Selection: Efficient diversification of Investment» [21]	
1964	Шарп У.	«Capital Asset Prices – A Theory of Market Equilibrium Under Conditions of Risk» [24] CAPM	
1973	Блэк Ф. и Шоулс М.	«The Pricing of Options and Corporate Liabilities» [14]	
1976	Росс С.	«The Arbitrage Theory of Capital Asset Pricing» [23]	
1982	Ингл Р.	«Autoregressive Conditional Heteroskedasticity With Estimates of the Variance of U.K. Inflation» [12]	
Представление о «нелинейности» процессов на финансовых рынках			1. Инвесторы реагируют на информацию <i>нелинейно</i> . 2. Прибыли распределены <i>по Парето</i> . 3. Цены (временные ряды) <i>фрактальны</i>
III этап. Развитие «гипотезы фрактального рынка» (FHM)			
1964	Мандельброт Б.	«The Variation of Certain Speculative Prices» [19]	
1989–1991	Вега Т.	«The Coherent Market Hypothesis» [25] (СМН)	
1991	Петерс Э.	«Fractal Structure in the Capital Markets» [22] (FHM)	

Гипотеза фрактального рынка ограничений на применение методов фундаментального анализа не имеет.

Концепция технического анализа входит в полное противоречие с *гипотезой эффективного рынка* при любой степени «эффективности» [7, с. 10, 807]. Напротив *гипотеза фрактальных рынков* допускает применение технического анализа: «в случае коротких временных горизонтов определяющую роль играет техническая информация и технический анализ, а при увеличении длины временного горизонта доминирующую роль начинает играть фундаментальная информация» [8, с. 83].

Таблица 2

Взаимосвязь современной теории инвестиций и способов познания (фундаментального и технического анализа) стоимости ценных бумаг на фондовом рынке

Способы анализа	Гипотеза эффективного рынка (ЕМН)			Гипотеза фрактального рынка (ФМН)
	«слабая» форма эффективности	«умеренная» форма эффективности	«сильная» форма эффективности	
Фундаментальный	Да	Нет	Нет	Да
Технический	Нет	Нет	Нет	Да

Резюмируя, представим взаимосвязи современной теории инвестиций и способов познания (фундаментального и технического анализа) стоимости ценных бумаг в обобщенном виде (табл. 2).

Литература

1. Боди З., Кейн А., Маркус А. Принципы инвестиций / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2002.
2. Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент / Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа, 1997. 2 т.
3. Воронцовский А.В. Современные концепции рынка капитала: сравнительный анализ и практическое значение // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2001. Вып. 1 (№ 5).
4. Колмогоров А.Н. Локальная структура турбулентности в несжижаемой вязкой жидкости при очень больших числах Рейнольдса // ДАН СССР 30(4), 299 (1941).
5. Мандельброт Б., Хадсон Р. (Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах / Пер. с англ. М.: Вильямс, 2006. 400 с.
6. Петерс Э. Фрактальный анализ финансовых рынков: Применение теории Хаоса в инвестициях и экономике. М.: Интернет-трейдинг, 2004. 304 с.
7. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2006.
8. Ширяев А.Н. Основы стохастической финансовой математики. Т. 1: Факты. Модели. М.: ФАЗИС, 2004. 512 с.
9. Bachelier L., Cootner P.H. (Ed.) Theory of Speculation (Translation of 1900 French edn) // The Random Character of Stock Market Prices. The MIT Press, Cambridge, 1964. P. 17–78.
10. Cootner P.H. (Ed.) // The Random Character of Stock Market Prices. The MIT Press, Cambridge, 1964.
11. Cowles A. Can stock market forecasters forecast? // Econometrica. 1993. Vol. 1. P. 309–324.
12. Engle R. Autoregressive Conditional Heteroskedasticity With Estimates of the Variance of U.K. Inflation // Econometrica. 1982. № 50. P. 987–1008.
13. Fama E. Portfolio Analysis in a Stable Paretian Market // Management Science. 1965. № 11.
14. Fischer B., Myron S. The Pricing of Options and Corporate Liabilities // Journal of Political Economy. 1973.
15. Grossman S.J., Stiglitz J.E. On the Impossibility of Informationally Efficient Markets // Amer. Econ. Rev. 1980. June. P. 393–408.
16. Kendall M.G. The analysis of economic time-series. Part 1. Prices // Journal of the Royal Statistical Society. 1953. Vol. 96. P. 11–25.
17. Lintner J. The Valuation of Risk Assets and the Selection of Risky Investments in Stock Portfolios and Capital Budgets // Review of Economics and Statistics. February. 1965. Vol. 47. № 1. P. 13–37.
18. Osborne M. F. M. «Brownian motion in the stock market» // US Naval Research Laboratory, Washington 26, DC (Received February 6, 1958).

19. *Mandelbrot B.* The Variation of Certain Speculative Prices / P. Cootner, ed., The Random Character of Stock Prices. Cambridge: MIT Press, 1964.
20. *Mossin J.* Equilibrium in a Capital Asset Market // *Econometrica*. 1966. Vol. 34. № 4 (October). P. 768–783.
21. *Markowitz H.* Portfolio Selection: Efficient diversification of Investment. Wiley, New York, 1959.
22. *Peters E.* Fractal Structure in the Capital Markets // *Financial Analysts Journal*. July/August. 1991.
23. *Ross S.* The Arbitrage Theory of Capital Asset Pricing // *Journal of Economic Theory*. 1976. Vol. 13. P. 341–360.
24. *Sharpe W.* Capital Asset Prices – A Theory of Market Equilibrium Under Conditions of Risk // *Journal of Finance*. 1964. XIX (3). P. 425.
25. *Vaga T.* The Coherent Market Hypothesis // *Financial Analysts Journal*. December/January. 1991.
26. *Wiener N.* Differential space. *J. Math. and Phys.* 2 (1923), 131–174.
27. *Working H.* A random-difference series of use in the analysis of time series // *Journal of American Statistical Association*. 1934. Vol. 29. P. 11–24.

Bibliography

1. *Bodi Z., Kejn A., Markus A.* Principy investicij / Per. s angl. M.: Izdatel'skij dom «Vil'jams», 2002.
2. *Brigham Ju., Gapenski L.* Finansovij menedzhment / Per. s angl. SPb.: Jekonomicheskaja shkola, 1997. 2 t.
3. *Voroncovskij A.V.* Sovremennye koncepcii rynka kapitala: sravnitel'nyj analiz i prakticheskoe znachenie // *Vestnik SPbGU*. Ser. 5. 2001. Vyp. 1 (№ 5).
4. *Kolmogorov A.N.* Lokal'naja struktura turbulentnosti v neszhizhaemoj vjazkoj zhidkosti pri ochen' bol'shix chislah Rejnoł'dsa // *DAN SSSR* 30(4), 299 (1941).
5. *Mandel'brot B., Hadson R.* (Ne)poslushnye rynki: fraktal'naja revoljucija v finansah / Per. s angl. M.: Vil'jams, 2006. 400 p.
6. *Peters Je.* Fraktal'nyj analiz finansovyh rynkov: Primenenie teorii Haosa v investicijah i jekonomike. M.: Internet-trejdning, 2004. 304 p.
7. *Sharp U., Aleksander G., Bjejlj Dzh.* Investicii / Per. s angl. M.: INFRA-M, 2006.
8. *Shirjaev A.N.* Osnovy stohasticheskoj finansovoj matematiki. T. 1: Fakty. Modeli. M.: FAZIS, 2004. 512 p
9. *Bachelier L., Coother P.H. (Ed.)* Theory of Speculation (Translation of 1900 French edn) // The Random Character of Stock Market Prices. The MIT Press, Cambridge, 1964. P. 17–78.
10. *Coother P.H. (Ed.)* // The Random Character of Stock Market Prices. The MIT Press, Cambridge, 1964.
11. *Cowles A.* Can stock market forecasters forecast? // *Econometrica*. 1993. Vol. 1. P. 309–324.
12. *Engle R.* Autoregressive Conditional Heteroskedasticity With Estimates of the Variance of U.K. Inflation // *Econometrica*. 1982. № 50. P. 987–1008.
13. *Fama E.* Portfolio Analysis in a Stable Paretian Market // *Management Science*. 1965. № 11.
14. *Fischer B., Myron S.* The Pricing of Options and Corporate Liabilities // *Journal of Political Economy*. 1973.
15. *Grossman S.J., Stiglitz J.E.* On the Impossibility of Informationally Efficient Markets // *Amer. Econ. Rev.* 1980. June. P. 393–408.
16. *Kendall M.G.* The analysis of economic time-series. Part 1. Prices // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1953. Vol. 96. P. 11–25.
17. *Lintner J.* The Valuation of Risk Assets and the Selection of Risky Investments in Stock Portfolios and Capital Budgets // *Review of Economics and Statistics*. February. 1965. Vol. 47. № 1. P. 13–37.

18. *Osborne M. F. M.* «Vrownian motion in the stock market» // US Naval Research Laboratory, Washington 26, DC (Received February 6, 1958).
19. *Mandelbrot B.* The Variation of Certain Speculative Prices / P. Cootner, ed., The Random Character of Stock Prices. Cambridge: MIT Press, 1964.
20. *Mossin J.* Equilibrium in a Capital Asset Market // *Econometrica*. 1966. Vol. 34. № 4 (October). P. 768–783.
21. *Markowitz H.* Portfolio Selection: Efficient diversification of Investment. Wiley, New York, 1959.
22. *Peters E.* Fractal Structure in the Capital Markets // *Financial Analysts Journal*. July/August. 1991.
23. *Ross S.* The Arbitrage Theory of Capital Asset Pricing // *Journal of Economic Theory*. 1976. Vol. 13. P. 341–360.
24. *Sharpe W.* Capital Asset Prices – A Theory of Market Equilibrium Under Conditions of Risk // *Journal of Finance*. 1964. XIX (3). P. 425.
25. *Vaga T.* The Coherent Market Hypothesis // *Financial Analysts Journal*. December/January. 1991.
26. *Wiener N.* Differential space. *J. Math. and Phys.* 2 (1923), 131–174.
27. *Working H.* A random-difference series of use in the analysis of time series // *Journal of American Statistical Association*. 1934. Vol. 29. P. 11–24.

УДК 339.72

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ МИРА

Г.М. Тарасова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: bank1@nsuem.ru

Статья посвящена актуальным вопросам формирования и реализации денежно-кредитной политики в разных странах мира. Наиболее подробно рассмотрен опыт денежно-кредитного регулирования в России. Автор показал, как изменяется ДКП при формировании рыночной цены на нефть. Статья посвящается аспирантам, соискателям, практическим работникам.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, монетарное регулирование, трансмиссионный канал, учетная политика, резервная система, абсорбирование ликвидности, Европейская валютная змея, Центральный банк России.

ANALYSIS OF THE THEORETICAL APPROACHES TO FORMING AND IMPLEMENTATION OF MONETARY POLICY IN COUNTRIES OF THE WORLD

G.M. Tarasova

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: bank1@nsuem.ru

The article considers the actual issues of forming and implementation of monetary policy on different countries of the world. Monetary regulation in Russia is examined most thoroughly. The author shows changes in monetary policy at forming of market oil price. The article is dedicated to post-graduate students, fellow applicants, practical employees.

Key words: monetary policy, monetary control, transmission channel, accounting policy, reserve system, liquidity absorption, European currency snake, Central Bank of Russia.

Денежно-кредитная политика является частью экономической политики любого государства. ДКП – это современный механизм регулирования экономики с помощью денежных инструментов, направленный на снижение уровня инфляции, роста ВВП и снижения безработицы.

Объект исследования в данной статье – денежно-кредитная политика США, Евросоюза и России.

В условиях мирового приоритета доллара Соединенные Штаты Америки являются локомотивом мировой экономики, оказывая серьезное влияние на нее. Возникшие проблемы экономики США: дефицит бюджета, резкие колебания курса доллара, нестабильность экономического роста, все это отражается на экономике других стран и, конечно же, на России.

Формирование концепции денежно-кредитной политики США происходит на основе двух концепций денежно-кредитного регулирования: кейнсианской и монетаристской (табл. 1).

Таблица 1

Кейнсианский и монетаристский подход к денежно-кредитному регулированию

Кейнсианская теория денег в экономике (Keynesian theory of money and the economy)	Монетаризм (Monetarist theory)
Согласно кейнсианской теории, скорость обращения денег непостоянна и непредсказуема, поэтому использование монетарной политики для непосредственного регулирования экономики является проблематичным. Денежно-кредитная политика воздействует на экономику за счет изменения процентных ставок, которые в свою очередь влияют на потребителей и инвесторов при тратах своих денег	Представители теории утверждали, что если предложение денег превышает спрос на них, то население начинает тратить свои средства быстрее, при этом уровень экономической активности возрастает, растет ВВП. В случае же, если спрос превышает предложение, население сокращает расходы, осуществляя накопление, поэтому уровень деловой активности и естественно ВВП снизится, этот эффект является результатом дисбаланса между спросом на деньги и их предложением

Система денежно-кредитного регулирования в США представляет несомненный интерес. Структура ее органов уникальна и не имеет аналогов в мире. Схема ФРС представлена на рис. 1.

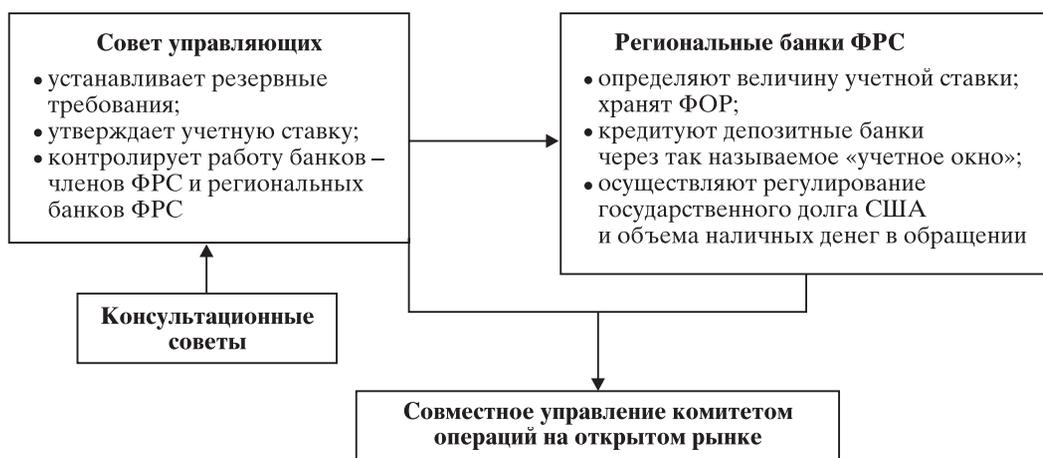

Рис. 1. Структура ФРС и ее функции

Особенности ФРС как органа, регулирующего денежно-кредитную массу, состоит в следующем. ФРС имеет акционерную форму собственности, акционерами которой являются коммерческие банки. И это позволяет усиливать контроль за ее деятельностью, в том числе в направлении денежно-кредитного регулирования.

Следующей особенностью деятельности ФРС в направлении регулирования денежно-кредитной массы является наличие консультационных советов. К ним относятся: Потребительский консультационный совет, Федеральный консультационный совет, Консультационный совет по работе со сберегательными учреждениями.

Консультационные советы усиливают деятельность совета управляющих в направлении формирования и регулирования ДКП.

Основными инструментами ДКП Федеральной резервной системы являются учетная политика, резервная система и операции на открытом рынке, последний инструмент является наиболее значимым.

Несомненный интерес представляет деятельность Европейского центрального банка в области регулирования денежно-кредитной массы.

Европейский центральный банк (ЕЦБ) был учрежден Маастрихтским договором и начал свою деятельность в январе 1999 г. Структура ЕЦБ похожа на ФРС США. Центральные банки отдельных стран выполняют те же функции, что и федеральные резервные банки в США. Монетарной политикой занимаются исполнительный совет ЕЦБ и Совет по монетарной политике. Европейский центральный банк является самым независимым банком в мире. Европейская валютная система (ЕВС) была основана в 1979 г. странами: Германия, Франция, Италия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Дания, Ирландия. Денежной единицей ЕВС стала эю. Стоимость эю определялась валютной корзиной установленного количества европейских валют. Каждый член ЕВС внес 20% золотых запасов в Европейский фонд валютного регулирования.

В основе ДКП Европейского центрального банка лежит таргетирование валютного курса. Регулирование осуществляется на основе валютного коридора, обозначенного как «Европейская валютная змея», границы которой определены рамками $\pm 2,25\%$, $\pm 15\%$.

В 1999 г. на смену эю пришло безналичное евро. Принципы обращения евро относительно эю не были изменены. В 2002 г. ЕВС ввел в обращение наличное евро. Денежная единица по-прежнему имеет 20% золотого обеспечения.

В начале 1990-х годов Россия перешла на новые рыночные отношения, в связи с чем коренным образом изменился подход к формированию и реализации ДКП.

Схема дорыночного регулирования денежной системы в бывшем СССР представлена на рис. 2.

Рис. 2. Механизмы регулирования денежной системы в СССР

Рис. 3. Условия реализации ДКП

Переход к рынку вызвал необходимость выбора новых подходов регулирования экономики. И таким основным подходом стал денежный подход.

В законе «О центральном банке России» отмечено, что основными инструментами ДКП являются учетная, резервная политика, операции на открытом рынке, валютное регулирование, ограничение денежной массы. Основные из них – это учетная и резервная политика (рис. 3).

Формирование и реализация ДКП в России осуществляются на основе формирования цены на нефть.

Реализация ДКП в 2011 г. происходила в условиях неопределенности в развитии мировой экономики, обостряемой региональными и межрегиональными финансово-экономическими дисбалансами, сохранения инфляционных рисков и рисков устойчивости экономического роста в России [5, с. 10] (табл. 2).

Таблица 2

Варианты условий проведения ДКП в 2011 г.

Цена на нефть «Юралс», \$ за баррель	Показатели	Сценарии развития ДКП		
		I в.	II в.	III в.
60 (I в.)	Денежные доходы	-2,5%	3,6%	4,8%
	Инвестиции в основной капитал	2,9%	10%	11%
75 (II в.)	Прирост ВВП	3,6%	4,2%	4,8%
90 (III в.)	Инфляция	6,7%	6-7%	6-7%
	Прирост денежного агрегата M ₂	11-23%	11-23%	11-23%

Используемые сценарии развития экономики на базе роста ВВП и монетарных показателей позволяют Центральному банку России применять следующие каналы трансмиссионного механизма:

- операции на открытом рынке государственных ценных бумаг;
- стерилизация излишней ликвидности с помощью депозитов и ОБР (облигаций Банка России);
- учетная политика, обеспечивающая расширение инструментов рефинансирования и активов, используемых в качестве обеспечения;
- резервная политика на основе повышения коэффициента усреднения обязательных резервов;
- регулирование валютного курса на базе бивалютной корзины.

Используя расширенные инструменты ДКП, Банк России исходил из определения задач как на текущий момент, так и на среднесрочную перспективу, направленных на снижение инфляции и рост экономики.

Литература

1. *Кидуэлл Д.С., Петерсов Р.Л., Блэкуэл Д.У.* Финансовые институты, рынки и деньги. СПб.: Питер, 2000.
2. *Миллер Р.Л., Ван Хуз Д.Д.* Современные деньги и банковское дело. М.: Инфра-М, 2000.
3. *Мишкин Ф.* Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков. М.: Аспект Пресс, 2000.
4. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2011 год и период 2012 и 2013 годов // Деньги и кредит. 2011. № 1. С. 3–21.
5. *Фетисов Г.Г., Лаврушин О.И., Мамонова И.Д.* Организация деятельности Центрального банка. М.: Кнорус, 2006.

Bibliography

1. *Kidujell D.S., Petersov R.L., Bljekujel D.U.* Finansovye instituty, rynki i den'gi. SPb.: Piter, 2000.
2. *Miller R.L., Van Huz D.D.* Sovremennye den'gi i bankovskoe delo. M.: Infra-M, 2000.
3. *Mishkin F.* Jekonomicheskaja teorija deneg, bankovskogo dela i finansovyh rynkov. M.: Aspekt Press, 2000.
4. Osnovnye napravlenija edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2011 god i period 2012 i 2013 godov // Den'gi i kredit. 2011. № 1. P. 3–21.
5. *Fetisov G.G., Lavrushin O.I., Mamonova I.D.* Organizacija dejatel'nosti Central'nogo banka. M.: Knorus, 2006.

УДК 338.23:336:339.923

ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ФИНАНСОВЫХ НАКОПЛЕНИЙ В КРУПНЫХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЯХ

В.О. Федорович, Н.В. Конципко

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: klania2002@mail.ru, koncipko_natalya@mail.ru

В статье представлены методические подходы к формированию и пополнению стратегических финансовых накоплений в крупных индустриальных корпорациях за счет собственных источников финансирования. А именно эффективной амортизационной политики и доли чистой нераспределенной прибыли дочерних обществ, направляемой в централизованный инвестиционный фонд материнского общества, при сохранении финансовой устойчивости и платежеспособности каждого ДЗО и обеспечения заданных темпов роста капитала бизнес-группы в целом.

Ключевые слова: финансовый механизм, эффективная амортизационная политика, рациональная доля чистой нераспределенной прибыли, стратегические финансовые накопления, индустриальная корпорация.

FINANCIAL MECHANISM OF FORMING OF STRATEGIC FINANCIAL SAVINGS IN INDUSTRIAL CORPORATE GIANTS

V.O. Fedorovich, N.V. Kontsipko

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: klania2002@mail.ru, koncipko_natalya@mail.ru

The article presents methodical approaches to forming and replenishment of strategic financial savings in industrial corporate giants at the expense of own financial sources. They include effective amortization policy and share of undistributed net profits of subsidiary enterprises that is forwarded to the centralized investment fund of parent company; with retention of financial stability and solvency of each subsidiary and associated enterprise, and provision of set rates of capital increase of the business group as a whole.

Key words: financial mechanism, effective amortization policy, rational share of undistributed net profits, strategic financial savings, industrial corporation.

Для индустриальной корпорации, осуществляющей свою хозяйственную деятельность в рамках крупной холдинговой структуры – группы дочерних и зависимых организаций (ДЗО) существует проблема определения собственных источников финансирования, достаточных для расширенного воспроизводства и опережающего по сравнению с товарной продукцией обновления основных производственных фондов (ОПФ), т.е. формирования стратегических финансовых накоплений. Реальная потребность в собственных источниках финансирования носит стратегический характер, является первостепенной и постоянной задачей для многих отечественных корпораций. Недостаточность собственных источников финансирования как более доступных и выгодных по сравнению с заемными и привлеченными подрывает инвестиционный процесс, направленный на техническое совершенствование и развитие производ-

ственной инфраструктуры, включая основные производственные мощности. Это, в конечном счете, ослабляет финансовую устойчивость индустриальной корпорации. В структуре источников финансирования в 2000–2008 гг. доля собственных средств находилась в пределах от 39,5 до 47,5% , при этом почти 50% инвестиций приходилось на амортизационные отчисления, причем доля амортизационных отчислений в инвестиционных расходах с 2002 по 2005 г. была выше, чем доля нераспределенной прибыли (см. таблицу).

Реальные инвестиции в основной капитал по источникам финансирования, %

Наименование показателя	Годы анализируемого периода									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	
Инвестиции в основной капитал – всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе по источникам финансирования:										
собственные средства	47,5	49,4	45,0	45,2	45,4	44,5	42,1	40,4	39,5	
из них:										
прибыль	23,4	24,0	19,1	17,8	19,2	20,3	19,9	19,4	18,4	
амортизация	18,1	18,5	21,9	24,2	22,8	20,9	19,2	17,6	17,3	
привлеченные средства	52,5	50,6	55,0	54,8	54,6	55,5	57,9	59,6	60,5	
из них:										
кредиты банков	2,9	4,4	5,9	6,4	7,9	8,1	9,5	10,4	11,8	
в том числе иностранных банков	0,6	0,9	0,9	1,2	1,1	1,0	1,6	1,7	3,0	
заемные средства других организаций	7,2	4,9	6,5	6,8	7,3	5,9	6,0	7,1	6,2	
бюджетные средства (средства консолидированного бюджета)	22,0	20,4	19,9	19,6	17,8	20,4	20,2	21,5	20,9	
в том числе:										
федерального бюджета	6,0	5,8	6,1	6,7	5,3	7,0	7,0	8,3	8,0	
бюджетов субъектов Российской Федерации	14,3	12,5	12,2	12,1	11,6	12,3	11,7	11,7	11,3	
средства внебюджетных фондов	4,8	2,6	2,4	0,9	0,8	0,5	0,5	0,5	0,4	
прочие	15,6	18,3	20,3	21,1	20,8	20,6	21,7	20,1	21,2	

Примечание. Источник: Россия в цифрах. 2010 / Крат. стат. сб. Росстат-М, 2010. 558 с.

Формирование и пополнение стратегических финансовых накоплений позволит на долговременной основе не только повысить инвестиционную активность, но и найти пути снижения фактического износа материально-технической базы отечественных корпораций в целях обеспечения конкурентных преимуществ и достижения их стратегических целей развития.

Индустриальная корпорация представляет собой сложную организационно-экономическую и финансовую систему со своим специфическим финансовым механизмом. Формирование и развитие финансовых механизмов не происходит само по себе, а всегда связано с функционированием различных ор-

ганизационных систем. Под такими организационными системами понимаются различные институциональные образования на уровне транснациональных мирохозяйственных связей, национальные экономики отдельных государств, отраслевые и территориальные комплексы, корпоративные структуры бизнеса, отдельные индустриальные корпорации и их структурные подразделения (филиалы, представительства) и т.д. [3].

Финансовый механизм формирования и пополнения стратегических финансовых накоплений за счет собственных источников финансирования – рационального распределения прибыли и эффективной амортизационной политики позволяет на основе сочетания экономических интересов собственников и производственного менеджмента рационально вкладывать средства, а затем развивать производственные мощности, осуществлять инновации для эффективной производственно-хозяйственной и финансовой деятельности индустриальной корпорации. Исследование влияния факторов эндогенного и экзогенного характера на выработку амортизационной политики позволяет дать обоснование интервалам допустимой финансовой устойчивости с учетом доли реинвестируемой прибыли для сохранения общего вектора экономического развития бизнес-группы.

Предлагаемый подход основан на экономической сущности и понятийном аппарате финансового механизма. Под финансовым механизмом формирования стратегических финансовых накоплений и их последующим пополнением за счет собственных источников понимается взаимозависимая совокупность следующих элементов:

- информационно-аналитическая система для мотивации и стимулирования оплаты труда персонала;
- формы и методы тактического и оперативного управления;
- рычаги и методы построения системы управления организационно-экономическими параметрами с элементами их самонастраивания (самоорганизации);
- система обоснованных ограничений финансового и административного характера;
- информационная система обоснования управленческих решений на основе законодательно-правовой и нормативной базы.

Таким образом, финансовый механизм формирования и пополнения стратегических финансовых накоплений представляет собой разноуровневую иерархическую взаимосвязь основных элементов и их типовых групп (субъектов, объектов, принципов, методов и инструментов и т.п.), а также способов их взаимодействия, включая интеграцию и дезинтеграцию отдельных элементов имущественных комплексов индустриальной корпорации.

Конечной целью функционирования финансового механизма для государства является создание благоприятных экономических условий для формирования достаточных собственных источников финансирования путем формирования рациональной амортизационной политики, позволяющей получать сбалансированные по налоговым и неналоговым поступлениям в бюджеты развития: федеральный государственный бюджет и консолидированные бюджеты субъектов РФ. Для уровня индустриальной корпорации конечная цель функционирования финансового механизма формирования и пополнения стратегических финансовых накоплений – это получение реальных источ-

ников, достаточных для финансирования инвестиций на стратегическое развитие, с использованием в качестве основных инструментов их планирования эффективной амортизационной политики и имитационной модели для расчетов доли инвестируемой прибыли. Указанные инструменты позволяют сочетать единство экономических интересов дочерних обществ и корпорации в целом.

Авторами предложена методика формирования системы финансирования расширенного производства основного капитала. Для разработки методики формирования стратегических финансовых накоплений были использованы:

- аналитический обзор нормативных документов РФ;
- методические рекомендации ведущих отечественных ученых;
- информационные материалы международных аналитических агентств.

На основании этого предложены этапы формирования собственных источников финансирования реальных инвестиций и пополнения стратегических финансовых накоплений с расчетом ключевых финансовых показателей, характеризующих финансовое состояние индустриальной корпорации. Этапы методики формирования собственных источников финансирования и пополнения стратегических финансовых накоплений приведены на рис. 1.

Реализация методики представлена по трем этапам и учитывает специфические особенности каждого дочернего общества: различия в стоимости капитала, денежной оценки стоимости имущественных комплексов, а также в структуре источников финансирования инвестиций, их стоимости, долях и стоимости собственного и заемного капитала и т.д. Предлагаемая методика используется для прогнозирования развития индустриальных корпораций с применением финансовых коэффициентов и включает ряд последовательных этапов:

1) определение вариантов комбинаций методов начисления амортизации основных производственных фондов, для формирования эффективных амортизационных отчислений с расчетом себестоимости товарной продукции и выделением величины внутренней добавленной стоимости (ВДС);

2) формирование имитационной модели для расчета суммы чистой (нераспределенной) прибыли группы с последующим определением индикативных значений финансовых показателей (коэффициентов). При этом метод выбора индикативных значений финансовых показателей основан на применении способа оценки уровня коэффициентов (с использованием приема нормирования) для расчета показателей комплексной оценки финансовой устойчивости дочерних обществ индустриальной корпорации;

3) расчет рациональной доли отчислений от чистой прибыли дочерних обществ для формирования централизованных стратегических финансовых накоплений корпорации с последующим определением годовых сумм их плановых пополнений для финансирования реальных инвестиций. Для оценки и проверки обоснованности полученных значений плановой доли отчислений от чистой прибыли определяются величины изменения финансовых коэффициентов (финансовой устойчивости, ликвидности и платежеспособности), которые должны находиться в рамках заданных интервалов их индикативных значений.

Используемый метод начисления амортизации должен отражать схему ожидаемого потребления индустриальной корпорацией будущих экономиче-

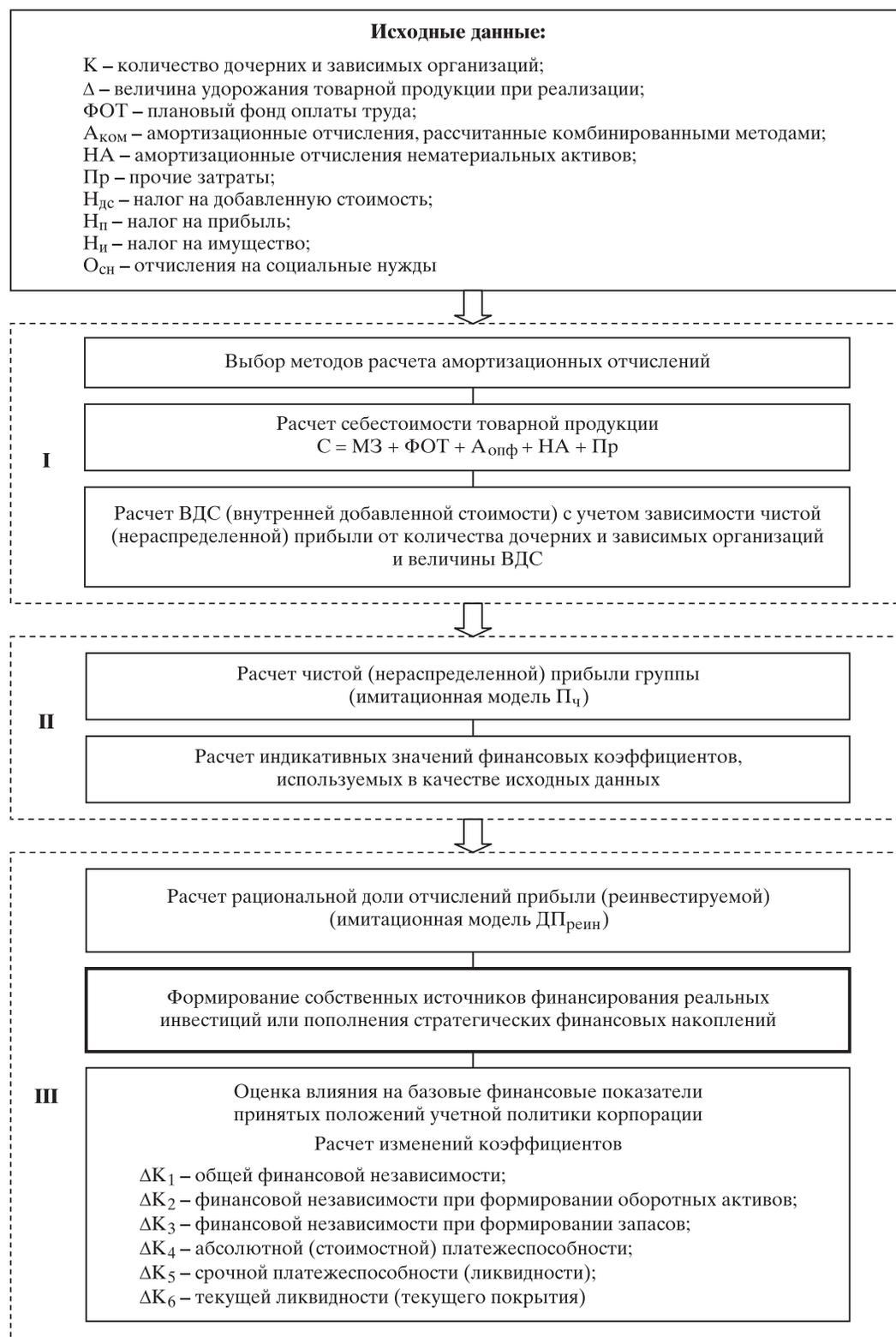

Рис. 1. Этапы формирования собственных источников финансирования реальных инвестиций и пополнения стратегических финансовых накоплений

ских выгод. Для систематического распределения амортизируемой стоимости актива на протяжении срока его полезного использования для целей налогового учета корпорация вправе выбрать для групп однородных объектов один из способов начисления амортизационных отчислений на реновацию ОПФ [2]. В процессе формирования амортизационной политики корпорации (как составляющей ее финансовой стратегии), определяющей уровень интенсивности обновления основных фондов, необходимо учитывать ряд факторов (рис. 2).

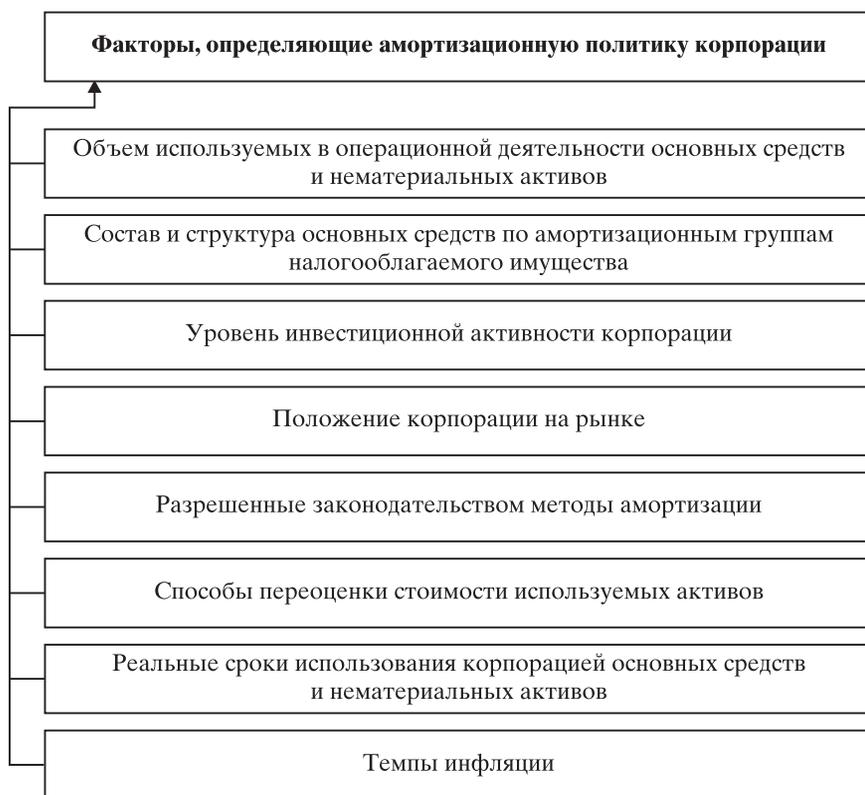

Рис. 2. Факторы, учитываемые при формировании эффективной амортизационной политики

Разработка эффективной амортизационной политики осуществляется посредством выбора требуемого (обоснованного или заданного) соотношения сумм амортизационных поступлений и налоговых изъятий. Так, разнонаправленные векторы амортизационных и налоговых денежных потоков обуславливают тот факт, что в благоприятных условиях рыночной конъюнктуры амортизационная политика должна обеспечивать максимизацию чистого денежного потока, полученного посредством применения нелинейной амортизации с одновременным сокращением бюджетных обязательств (налога на имущество и налога на прибыль).

Для минимизации налоговых выплат, предлагается следующая блок-схема выбора рациональных методов амортизации, на основе которой рекомендуется разработка эффективной амортизационной политики (рис. 3).

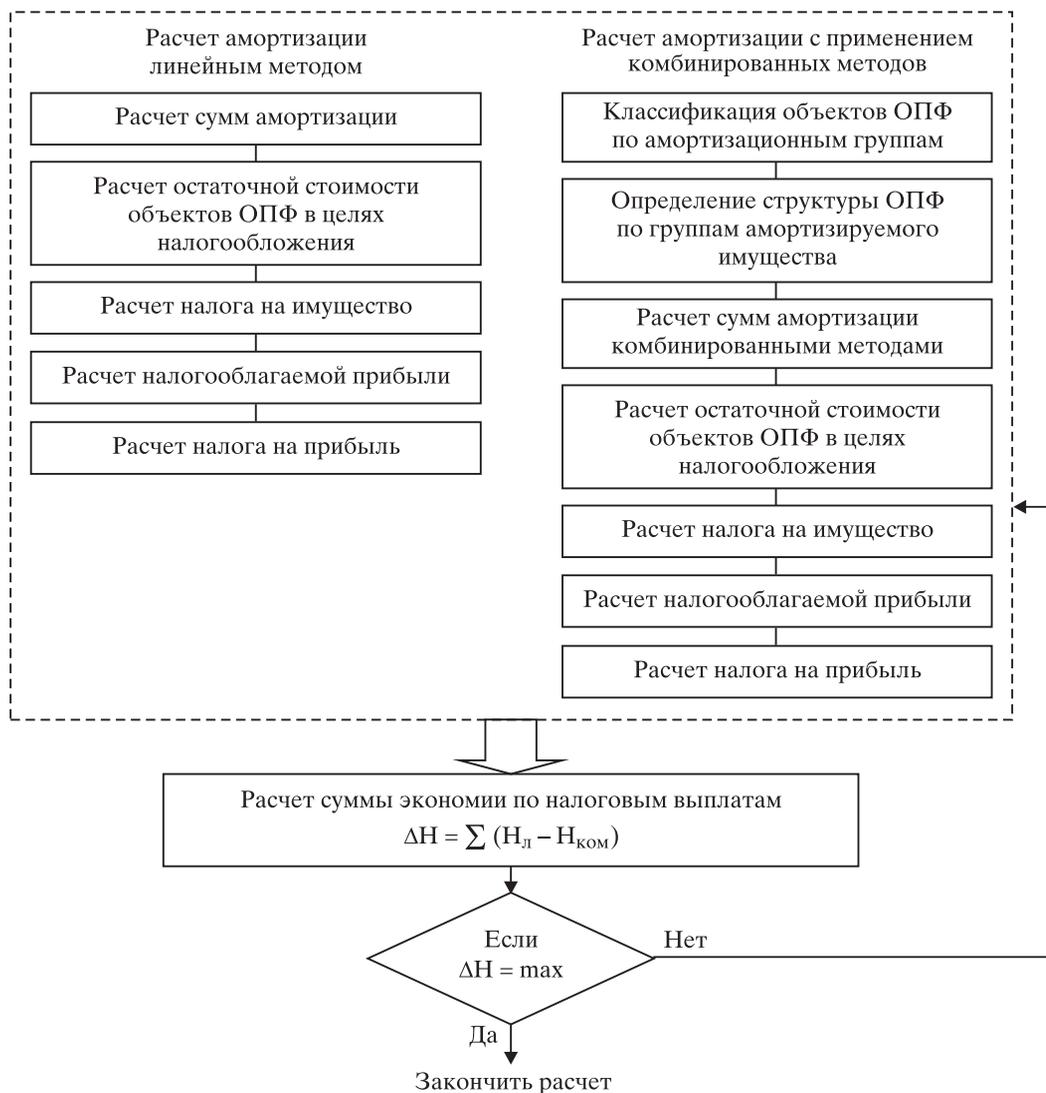

Рис. 3. Блок-схема для выбора рациональной комбинации методов амортизации для разработки эффективной амортизационной политики корпорации

Таким образом, под эффективной амортизационной политикой понимается адаптивное комбинирование методов для расчета годовых сумм амортизационных отчислений (сочетающих во времени ускоренный, линейный и замедленный методы амортизации), с учетом реальной структуры и фактического состояния всех групп ОПФ и соотношения сумм амортизационных поступлений и налоговых изъятий (налога на прибыль и налога на имущество) каждого дочернего общества и группы в целом.

Следующей составляющей методики формирования стратегических финансовых накоплений является прогнозирование чистой прибыли. На рис. 4 представлена графическая интерпретация прогнозирования чистой прибыли в зависимости от количества дочерних обществ и величины внутренней добавленной стоимости группы.

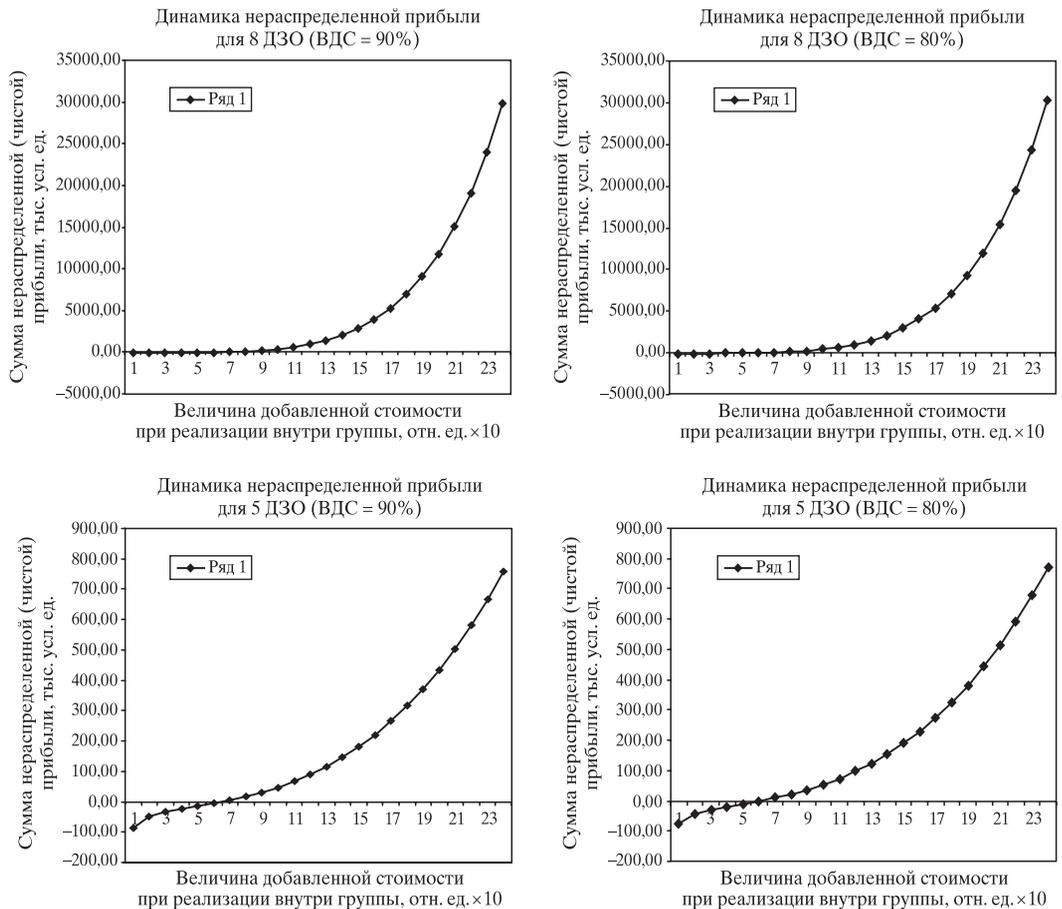

Рис. 4. Зависимости динамики чистой нераспределенной прибыли при внутренней добавленной стоимости (ВДС) – 90 и 80%

Реализацией третьего этапа предлагаемой методики является определение рациональной доли чистой прибыли каждой дочерней организации в централизованные инвестиционные фонды материнского общества для обеспечения заданных темпов роста капитала. Имитационная модель в общем виде характеризует субъект анализа и прогноза – сложную вертикально интегрированную организационную структуру (группу дочерних обществ во главе с материнским), ежегодно вкладывающую в свое экономическое развитие постоянную долю чистой прибыли. С экономической точки зрения это означает следующее: нераспределенная прибыль группы переходит в статус распределенной чистой прибыли. В начальный период осуществления инвестиций (t_0) происходит реинвестирование – финансирование капитальных вложений в определенной сумме (КВ), далее в период (t_1) имеет место отдача вложенных средств, т.е. поступление выручки (дохода), которая служит базой для определения новой величины прибыли, часть которой снова вкладывают в развитие. Соответственно, инвестированный на развитие капитал составит при этом величину (КВ¹). Поэтапно данный процесс будет повторяться ежегодно или с иным установленным временным интервалом в течение всего периода прогнозирования (3–5 лет).

Для построения имитационной модели были использованы следующие обозначения.

$R_{ин}$ – рентабельность инвестированного капитала, отн. ед. или %;

$ZK_{доля}$ – доля заемного капитала при финансировании операционной деятельности, отн. ед. или %;

C_3 – стоимость заемных источников финансирования (плата за использование заемных средств), отн. ед. или %;

$СК$ – стоимость собственного капитала группы, отн. ед. или %;

$C_{реф}$ – стоимость капитала, предоставляемого коммерческим банкам Центральным банком РФ, как правило, соответствует ставке рефинансирования, отн. ед. или %;

$K_{эиб}$ – коэффициент, учитывающий экономический интерес (экономическую выгоду) банка-кредитора, предоставляющего заемные средства для операционной деятельности, отн. ед. или %;

t_n – год периода планирования (1, 2, 3, ..., n), лет.

В имитационной модели учитываются особенности дочерних обществ: различия в стоимости капитала, структуре источников финансирования, доле и стоимости заемного капитала и т.д. Для математической интерпретации предлагаемого подхода в имитационную модель введен следующий параметр – уровень дочернего общества ($ДП_{страт}^{реинв}$), характеризующий предельно допустимую долю отчислений от чистой прибыли при заданных финансовых параметрах, при сохранении их финансовой устойчивости на всем протяжении планового периода:

$$ДП_{страт}^{реинв} = \frac{\Delta T_{кап}^{роста}}{T_{баз}^I} \times 100\%,$$

где $\Delta T_{кап}^{роста}$ – сумма ежегодного прироста капитальных вложений, финансируемых за счет чистой прибыли дочерних обществ, ден. ед.; $T_{баз}^I$ – сумма прироста чистой прибыли в I году планируемого периода, ден. ед.

Расчетная составляющая доли реинвестируемой прибыли в базовом году планирования при $ДП_{страт}^{реинв} = 0$ означает, что вся сумма (100% чистой прибыли) остается в распоряжении дочернего общества, что с учетом налога на прибыль составляет 80% от налогооблагаемой прибыли.

Представленная модель позволяет определять рациональную долю отчислений от чистой прибыли дочерних обществ и период (число лет), в течение которого прибыль направляется в централизованные инвестиционные фонды материнского общества для обеспечения заданных темпов роста капитала индустриальной корпорации. Необходимым условием реализации данной модели является финансовая устойчивость, заданная индикативными значениями финансовых коэффициентов [4]. На рис. 5 представлена методика расчета индикативных значений финансовых коэффициентов, состоящая из 7 этапов.

1-я группа – показатели платежеспособности индустриальных корпораций и ликвидности их активов;

2-я группа – показатели финансовой устойчивости;

3-я группа – показатели эффективности деятельности;

4-я группа – показатели деловой активности (внутрикорпоративной эффективности);

5-я группа – показатели рыночной привлекательности (стоимости).

Рис. 5. Этапы методики расчета индикативных значений финансовых коэффициентов

Для управления финансовой устойчивостью дочерних обществ при формировании собственных источников финансирования реальных инвестиций и пополнения стратегических финансовых накоплений разработан методический подход с формализацией расчетов следующих финансовых коэффициентов [1]:

- общей финансовой независимости;
- финансовой независимости при формировании оборотных активов;
- финансовой независимости при формировании запасов;
- абсолютной (стоимостной) платежеспособности;
- срочной платежеспособности (ликвидности);
- текущей ликвидности (текущего покрытия).

Таким образом, в статье представлен целостный подход к реализации потенциальных возможностей повышения инвестиционной привлекательности индустриальных корпораций посредством формирования и пополнения стратегических финансовых накоплений за счет собственных источников финансирования реальных инвестиций, направленных на реновацию их основных производственных фондов, а вследствие этого появления реальной возможности для экономического роста национальной экономики России.

Литература

1. *Кунгуров Ю.А., Конципко Н.В.* Оценка влияния амортизационной политики на финансовые показатели индустриальной корпорации // Сибирская финансовая школа. 2009. № 6. С. 100–106.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (части первая и вторая): Новосибирск: Изд-во Сиб. ун-та, 2009. 607 с.
3. *Федорович В.О.* Организационно-методические основы формирования бюджетов и финансовых прогнозов ФГУП на стадии акционирования (на примере ОАО «Сибирский химический комбинат») // Сибирская финансовая школа. 2010. № 1. С. 48–55.
4. *Федорович В.О., Федорович Т.В.* Обоснование показателей финансового механизма управления для оценки экономических интересов участников корпоративных отношений // Сибирская финансовая школа. 2007. № 1. С. 147–153.

Bibliography

1. *Kungurov Ju.A., Koncipko N.V.* Ocenka vlijanija amortizacionnoj politiki na finansovye pokazateli industrial'noj korporacii // Sibirskaja finansovaja shkola. 2009. № 6. P. 100–106.
2. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chasti pervaja i vtoraja): Novosibirsk: Izd-vo Sib. un-ta, 2009. 607 p.
3. *Fedorovich V.O.* Organizacionno-metodicheskie osnovy formirovanija bjudzhetov i finansovyh prognozov FGUP na stadii akcionirovanija (na primere ОАО «Sibirskij himicheskij kombinat») // Sibirskaja finansovaja shkola. 2010. № 1. P. 48–55.
4. *Fedorovich V.O., Fedorovich T.V.* Obosnovanie pokazatelej finansovogo mehanizma upravlenija dlja ocenki jekonomicheskikh interesov uchastnikov korporativnyh otnoshenij // Sibirskaja finansovaja shkola. 2007. № 1. P. 147–153.

УДК 658.15

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСЧЕТА ОПТИМАЛЬНОЙ ВЕЛИЧИНЫ РЕЗЕРВНОГО ОСТАТКА ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ОРГАНИЗАЦИИ

Н.С. Васильева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
e-mail: vasilekns@mail.ru

В статье рассмотрено понятие платежеспособности организации, раскрыта актуальность проблемы неплатежеспособности организаций РФ, рассмотрено понятие резервного остатка денежных средств организации, раскрыта проблема определения его величины, предложен подход к формированию оптимальной величины резервного остатка денежных средств организации.

Ключевые слова: платежеспособность, резервный остаток денежных средств, затраты ресурсов, формализованные методы.

METHODIC BASIS OF CALCULATION OF RESERVE CASH BALANCE OF COMPANY

N.S. Vasilyeva

Novosibirsk State University of Economics and Management
e-mail: vasilekns@mail.ru

The article considers the notion of solvency of company, the actuality of an issue of non-solvency of Russian companies. The notion of reserve cash balance of company is considered, the issue of its evaluation is revealed. An approach to forming of optimal value of reserve cash balance of company is offered.

Key words: solvency, reserve cash balance, resource expenses, formal approaches.

В настоящее время для коммерческих организаций при их взаимодействии с партнерами, инвесторами, кредиторами имеет большое значение обеспечение своей платежеспособности.

В определении платежеспособности организации в настоящей работе мы придерживаемся мнений Л.Т. Гиляровской, Г.В. Савицкой, А.Д. Шеремет, Н.Н. Селезневой, А.Ф. Ионовой и понимаем способность организации погашать все свои обязательства всеми своими активами [7, 13, 14, 17]. При этом, принимая во внимание такие факторы, как различная степень ликвидности активов и различные сроки погашения платежных обязательств организации, мы выделяем текущую абсолютную и перспективную платежеспособность организации. Авторское исследование посвящено проблеме несбалансированности денежных потоков во времени, в связи с чем внимание сконцентрировано на обеспечении текущей абсолютной платежеспособности организации, под которой мы будем понимать способность организации погашать краткосрочные обязательства, требующие немедленного погашения, исключительно денежными средствами.

Предпосылкой обеспечения платежеспособности организации являются эффективно организованные ее денежные потоки, под которыми, согласно

мнению многих российских экономистов, в частности И.А. Бланка, Л.Т. Гиляровой, В.В. Ковалева, О.Н. Овечкиной и др. [1, 6, 7, 10], мы понимаем совокупность распределенных по конкретным периодам времени поступлений и выплат денежных средств. Под воздействием внешних и внутренних факторов денежные потоки организации могут быть несбалансированны во времени. Несбалансированность денежных потоков организации во времени характеризуется несовпадением дат поступления денежных средств в организацию и дат осуществления платежей организации, следствием чего является дефицит денежных средств и неплатежеспособность организации. С использованием информации сайта Федеральной службы по финансовым рынкам РФ методом случайной выборки была сформирована совокупность открытых акционерных обществ (табл. 1) [18].

Таблица 1

Динамика удельного веса организаций РФ с кассовыми разрывами в движении денежных средств в общем числе организаций в 2005–2010 гг.

Вид экономической деятельности (по ОКВЭД)	Число органи- заций	Удельный вес организаций с кассовыми разрывами в движении денежных средств в общем числе организаций, %					
		2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Производство пищевых продуктов, напитков	72	50	48,6	48,6	55,5	55,5	52,7
Добыча полезных ископаемых	22	36,4	59,1	54,5	59,1	59,1	50
Оптовая и розничная торговля	36	16,7	27,8	30,55	33,3	33,3	27,8
Транспорт и связь	22	36,4	22,7	22,7	36,4	36,4	36,4
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	48	37,5	37,5	39,6	41,6	41,6	39,6
Производство прочих неметалли- ческих минеральных продуктов	44	45	45	41	50	50	45,0
Производство электрооборудования	42	40	38	40	42,3	42,3	42,3
Химическое производство	30	60	56,7	60	63,3	60	60
Текстильное и швейное производство	26	34,6	34,6	38,5	42,3	38,5	34,6
Производство хлебобулочных изделий	40	48	47,5	47,5	52,5	52,5	50
Металлургическое производство и производство металлических изделий	65	33,8	57	52,3	57	57	47,7
Операции с недвижимым имущест- вом, аренда и предоставление услуг	45	20	26,7	28,9	31,1	31,1	26,7
Хранение и складирование зерна	20	35	20	20	35	35	35
Строительство	20	35	35	40	45	45	40
Производство машин и оборудования	60	43,3	43,3	38,3	48,3	48,3	43,3
Производство транспортных средств и оборудования	30	33,33	33,33	36,67	40	40	40

Расчет на основе бухгалтерской отчетности и сравнение продолжительности одного оборота дебиторской и кредиторской задолженностей исследуемых организаций позволили выявить достаточно высокий удельный вес организаций, у которых продолжительность одного оборота дебиторской задолженности превышала продолжительность одного оборота кредиторской

задолженности, в среднем за 2005–2010 гг. 43% организаций. Такое соотношение оборотов дебиторской и кредиторской задолженностей организаций свидетельствует об опережении сроков выполнения платежных обязательств организаций сроков поступления средств в погашение дебиторской задолженности, соответственно, о возникновении кассовых разрывов в денежных потоках организаций и дефицита денежных средств.

Следствием дефицита денежных средств является нарушение сроков выполнения платежных обязательств организации, в результате чего у организации возникают издержки в виде штрафов, пеней, неустоек и т.п.

Дефицит денежных средств организации ведет к росту просроченной кредиторской задолженности организации перед контрагентами, повышается доля просроченной задолженности по полученным финансовым кредитам, возникают задержки выплаты заработной платы. В конечном итоге вследствие задержки выполнения платежных обязательств снижается рентабельность использования собственного капитала и активов организации, ухудшается ее кредитоспособность и инвестиционная привлекательность, снижается рыночная стоимость организации.

Актуальность проблемы дефицита денежных средств организации, а также многообразие и серьезность отрицательных последствий дефицита денежных средств организации обуславливают необходимость разработки мероприятий по предотвращению возникновения дефицита денежных средств организации вследствие несбалансированности денежных потоков во времени.

Из существующих методов предотвращения возникновения дефицита денежных средств рассматривается такой метод, как формирование резервного остатка денежных средств организации. Основываясь на определениях резервов организации Дж. К. Ван Хорна и Дж. М. Ваховича, Д.А. Ендовицкого, в экономических словарях [2, 4, 5, 9, 11], на определении термина «остаток» в толковом словаре [8], а также на определении состава денежных средств организации таких экономистов, как Р. Брейли, С. Майерс, С. Росс, Дж. К. Ван Хорн, И.А. Бланк, Е.М. Сорокина, Т.В. Тимофеева [1, 3, 4, 12, 15, 16], под резервным остатком денежных средств мы понимаем запас денежных средств в кассе и на расчетном счете организации, являющийся источником покрытия дефицита денежных средств организации вследствие несинхронного формирования ее денежных потоков во времени для обеспечения абсолютной платежеспособности организации.

Предпочтение формирования резервного остатка денежных средств организации в качестве метода предотвращения возникновения дефицита денежных средств объясняется следующим. Во-первых, предотвращение возникновения дефицита денежных средств организации мы основываем на умеренном подходе к формированию оборотных активов организации, при котором создаются нормальные их страховые резервы на случай сбоев в ходе текущей деятельности организации. Во-вторых, предпочтение формирования резервов денежных средств организации основано на учете его главного преимущества по сравнению с другими методами, заключающегося в способности мгновенно решать проблему недостаточности денежных средств организации. В-третьих, выбор формирования резервов денежных средств организации в качестве метода предотвращения дефицита денежных средств основан на опыте представителей бизнеса. Был проведен опрос ста слушателей Президентской про-

граммы и программы МВА НГУЭУ, показавший высокую степень значимости формирования резервного остатка денежных средств для организаций.

Формирование резервного остатка денежных средств вызывает издержки организации по обеспечению платежеспособности, т.е. потери потенциального дохода от использования денежных средств в резервном остатке, и издержки по неплатежеспособности, т.е. потери в результате недостаточности денежных средств. Организации в целях повышения своей прибыли стремятся к снижению издержек, возникающих в процессе их деятельности. Однако чем большая сумма денежных средств выведена из финансово-хозяйственной деятельности в резервный остаток, обеспечивающая более высокий уровень платежеспособности организации, тем большие потери потенциального дохода от использования денежных средств несет организация, и наоборот, что задает минимизацию величины резервного остатка. Чем меньшей суммой денежных средств, необходимых для выполнения платежных обязательств в периоды кассовых разрывов в движении денежных средств располагает организация, тем больше различного рода ее потери и наоборот, что задает максимизацию величины резервного остатка денежных средств организации. Необходимость минимизации издержек по формированию резервного остатка денежных средств организации, а также противоречивое их воздействие на величину резервного остатка обуславливает важность задачи определения его величины.

Задача определения величины резервного остатка денежных средств организации, при которой издержки по его формированию минимальные, по своей сути является оптимизационной задачей.

1. Допустимое множество величин резервного остатка денежных средств организации:

$$\text{РДС} \in \{0; \text{РДС}_{\max}\},$$

здесь РДС – величина резервного остатка денежных средств организации;

РДС_{\max} – максимально необходимая величина резервного остатка денежных средств организации, задаваемая величиной платежного обязательства, ден. ед.

2. Целевая функция:

$$I_{\text{сов}}(\text{РДС}) \rightarrow \min,$$

где $I_{\text{сов}}$ – совокупные издержки по формированию резервного остатка денежных средств организации в стоимостной оценке.

При этом функция совокупных издержек организации по формированию резервного остатка денежных средств ($I_{\text{сов}}(\text{РДС})$) – это сумма функции издержек по обеспечению платежеспособности и функции издержек по неплатежеспособности.

3. Критерий поиска оптимальной величины резервного остатка денежных средств организации на допустимом множестве $\text{РДС} \in \{0; \text{РДС}_{\max}\}$ – минимальная величина совокупных издержек по формированию резервного остатка в стоимостной оценке.

Оптимизационная задача расчета величины резервного остатка денежных средств организации определяет необходимость группировки ее платежных обязательств в последовательном расчете величин резервного остатка денежных средств организации для разных групп платежных обязательств:

1) возникновение издержек вследствие невыполнения платежного обязательства организации: платежные обязательства, вследствие невыполнения которых возникают издержки, и платежные обязательства, вследствие невыполнения которых не возникают издержки;

2) оценка издержек, возникающих вследствие невыполнения платежного обязательства организации: платежные обязательства, вследствие невыполнения которых возникают издержки в стоимостной оценке, и платежные обязательства, вследствие невыполнения которых возникают издержки в форме негативных последствий, не имеющих стоимостной оценки;

3) зависимость издержек, в стоимостной оценке от величины резервного остатка денежных средств организации: платежные обязательства, вследствие невыполнения которых возникают издержки в стоимостной оценке, зависящие от величины резервного остатка, и платежные обязательства, вследствие невыполнения которых возникают издержки в стоимостной оценке, не зависящие от величины резервного остатка.

Для осуществления группировки платежных обязательств организации на основе планового бюджета движения денежных средств изучаются платежные обязательства организации в предстоящем периоде времени, а также на основе договоров и (или) соответствующих нормативных документов, регулирующих выполнение платежных обязательств организации, изучаются условия выполнения платежных обязательств организации.

По платежным обязательствам, невыполнение которых не приводит к возникновению каких-либо издержек, резервный остаток денежных средств не формируется.

По платежным обязательствам, следствием невыполнения которых являются издержки в стоимостной оценке, в размере, зависящем от размера резервного остатка денежных средств, рассчитывается оптимальная величина резервного остатка денежных средств.

По платежным обязательствам, следствием невыполнения которых являются либо издержки в стоимостной оценке, в размере, не зависящем от размера резервного остатка денежных средств, либо издержки в форме негативных последствий, не имеющих стоимостную оценку, принимается решение о формировании резервного остатка денежных средств на основе оценки допустимости/недопустимости издержек для организации.

Нами было проведено эмпирическое исследование издержек по неплатежеспособности организаций на основе изучения нормативных документов, регулирующих выполнение платежных обязательств организации, а также договоров организаций с их поставщиками, покупателями, кредиторами. В результате исследования был выявлен факт существования различных видов зависимости между величиной издержек в стоимостной оценке и величиной резервного остатка денежных средств на допустимом множестве $РДС \in \{0; РДС_{max}\}$ (табл. 2).

По виду целевой функции и допустимого множества задачи оптимизации и методы их решения делятся на методы линейного и нелинейного программирования. В этой связи определение величины резервного остатка денежных средств организации основано на утверждении автора: вид зависимости между издержками по формированию резервного остатка и его величиной определяет математические методы оптимизации величины резервного остатка.

Таблица 2

Виды зависимости между величиной резервного остатка денежных средств организации и величиной издержек по его формированию

Вид зависимости	Характеристика	Вид функции
Прямая	Издержки организации изменяются в том же направлении, что и изменение величины резервного остатка, т.е. при увеличении резервного остатка издержки организации возрастают, при уменьшении резервного остатка величина издержек организации уменьшается	Функция издержек по формированию резервного остатка денежных средств на допустимом множестве $РДС \in \{0; РДС_{max}\}$ возрастающая
Обратная	Издержки организации изменяются в направлении, обратном направлению изменения величины резервного остатка, т.е. при увеличении резервного остатка издержки организации уменьшаются, при уменьшении резервного остатка величина издержек организации возрастает	Функция издержек по формированию резервного остатка денежных средств на допустимом множестве $РДС \in \{0; РДС_{max}\}$ убывающая
Линейная	Ставка издержек является постоянной и не зависит от величины резервного остатка денежных средств	Линейная функция
Нелинейная	Ставка издержек не является постоянной и зависит от величины резервного остатка денежных средств	Нелинейные функции вида параболы, гиперболы, ломаной

Для определения вида зависимости предлагается построение графика функции совокупных издержек по формированию резервного остатка организации. При этом функция издержек по обеспечению платежеспособности ($I_{пл}(РДС)$), по неплатежеспособности организации ($I_{непл}(РДС)$) и совокупных издержек ($I_{сов}(РДС)$) задаются с помощью следующих формул:

$$I_{пл}(РДС) = РДС \times r_{пл}, \tag{1}$$

где $РДС$ – величина формируемого резервного остатка денежных средств организации, ден. ед.;

$r_{пл}$ – ставка издержек по обеспечению платежеспособности организации.

$$I_{непл}(РДС) = \bar{R} \times r_{непл} \times (РДС_{max} - РДС), \tag{2}$$

здесь \bar{R} – средняя продолжительность вероятного кассового разрыва, дни;

$r_{непл}$ – ставка издержек, возникающих вследствие дефицита денежных средств, %;

$РДС_{max}$ – максимально необходимая величина резервного остатка денежных средств организации, ден. ед.

$$\bar{R} = \frac{\sum_{i=1}^k R_i \times m}{n}, \tag{3}$$

где R_i – кассовый разрыв i -й продолжительности, дни;

m – число раз возникновения кассового разрыва i -й продолжительности в периоде времени;

n – общее число раз возникновения дефицита денежных средств в периоде времени.

$$I_{\text{сов}}(\text{РДС}) = \text{РДС} \times r_{\text{пл}} + \bar{R} \times r_{\text{непл}} \times (\text{РДС}_{\text{max}} - \text{РДС}). \quad (4)$$

Формула (4) является базовой формулой и в зависимости от условий возникновения издержек может корректироваться.

Определение величины резервного остатка денежных средств для платежных обязательств основано на анализе поведения соответствующей функции на допустимом множестве $\text{РДС} \in \{0; \text{РДС}_{\text{max}}\}$, заключающемся в проверке выполнения условий возрастания и убывания функции. По результатам анализа определяется оптимальная величина резервного остатка денежных средств организации (табл. 3).

Покажем получение формулы расчета оптимальной величины резервного остатка денежных средств организации для случая нелинейной функции совокупных издержек вида вогнутой параболы.

Уравнение функции издержек организации, возникающих вследствие дефицита денежных средств, зададим с помощью формулы (2).

Таблица 3

Оптимальная величина резервного остатка денежных средств организации

Вид функции совокупных издержек	Поведение функции на допустимом множестве		
	Рост	Убывание	Изменение поведения
Линейная функция	$\text{РДС}_{\text{опт}} = 0$	$\text{РДС}_{\text{опт}} = \text{РДС}_{\text{max}}$	–
Гипербола вогнутая, выпуклая	$\text{РДС}_{\text{опт}} = 0$	$\text{РДС}_{\text{опт}} = \text{РДС}_{\text{max}}$	–
Парабола вогнутая	–	–	$\text{РДС}_{\text{опт}} = \text{РДС}_{\text{max}} - \frac{r_{\text{пл}} \times \text{РДС}_{\text{max}}}{2 \times \bar{R} \times r_{\text{max}}}$
Парабола выпуклая	–	–	Сравнение $I_{\text{сов}}(\text{РДС}_0)$ и $I_{\text{сов}}(\text{РДС}_{\text{max}})$
Ломаная функция	–	–	Сравнительный анализ значений функции во всех величинах резервного остатка денежных средств, соответствующих условиям договора или нормативных документов, регулирующих выполнение платежных обязательств организации. Выбор величины резервного остатка, при которой совокупные издержки по его формированию являются минимальными

Поскольку при нелинейной зависимости между издержками и величиной резервного остатка организации ставка издержек не является постоянной и зависит от величины резервного остатка денежных средств, то формулу расчета ставки издержек, возникающих вследствие дефицита денежных средств, представим в следующем виде:

$$r_{\text{непл}}^{\text{факт}} = r_{\text{max}} \times \frac{\text{РДС}_{\text{max}} - \text{РДС}}{\text{РДС}_{\text{max}}}, \quad (5)$$

где $r_{\text{непл}}^{\text{факт}}$ – фактическая ставка издержек вследствие дефицита денежных средств организации (доля);

r_{max} – максимальная ставка издержек вследствие дефицита денежных средств организации (доля).

Объединим формулы (2) и (5), в результате получим уравнение функции издержек организации, возникающих вследствие дефицита денежных средств:

$$I_{\text{непл}} = \bar{R} \times r_{\text{max}} \times \frac{\text{РДС}_{\text{max}} - \text{РДС}}{\text{РДС}_{\text{max}}} \times (\text{РДС}_{\text{max}} - \text{РДС}). \quad (6)$$

Найдем совокупные издержки организации по формированию резервного остатка денежных средств:

$$I_{\text{сов}} = \text{РДС} \times r_{\text{пл}} + \bar{R} \times r_{\text{max}} \times \frac{\text{РДС}_{\text{max}}^2 - 2 \times \text{РДС}_{\text{max}} \times \text{РДС} + \text{РДС}^2}{\text{РДС}_{\text{max}}}. \quad (7)$$

Рассчитаем производную функции совокупных издержек организации по формированию резервного остатка денежных средств в точке РДС:

$$I'_{\text{сов}}(\text{РДС}) = r_{\text{пл}} + \bar{R} \times r_{\text{max}} \times \frac{-2 \times \text{РДС}_{\text{max}} + 2 \times \text{РДС}}{\text{РДС}_{\text{max}}}. \quad (8)$$

Для определения величины резервного остатка денежных средств организации, при которой совокупные затраты по его формированию являются минимальными, производную функции совокупных издержек приравняем к нулю:

$$r_{\text{пл}} + \bar{R} \times r_{\text{max}} \times \frac{-2 \times \text{РДС}_{\text{max}} + 2 \times \text{РДС}}{\text{РДС}_{\text{max}}} = 0. \quad (9)$$

Выведем формулу расчета величины резервного остатка денежных средств организации:

$$\text{РДС}_{\text{опт}} = \text{РДС}_{\text{max}} - \frac{r_{\text{пл}} \times \text{РДС}_{\text{max}}}{2 \times \bar{R} \times r_{\text{max}}}. \quad (10)$$

Покажем пример применения формулы (10) для расчета оптимальной величины резервного остатка денежных средств по платежным обязательствам организации.

В соответствии с условиями допсоглашения к договору продажи между ООО «Х» (покупатель) и ООО «В» (продавец) за каждый день просрочки платежа предусмотрены штрафные санкции. Ставка штрафа за несвоевременное выполнение платежа 0,2% изменяется в тех же пропорциях, что и пропорции изменения суммы долга, т.е. при:

- сумме долга, составляющей 100% от суммы платежа, за каждый день просрочки платежа взимается штраф по ставке 0,2% от суммы долга,
- сумме долга, составляющей 90% от суммы платежа, за каждый день просрочки платежа взимается штраф по ставке 0,18% (0,2%×0,9) от суммы долга,
- сумме долга, составляющей 80% от суммы платежа, за каждый день просрочки платежа взимается штраф по ставке 0,16% (0,2%×0,8) от суммы долга и т.д.

Таблица 4

Платежи поставщику ООО «В» в соответствии с бюджетом движения денежных средств ООО «Х» в 2012 г., тыс. руб.

01.12	02.12	03.12	04.12	05.12	06.12	07.12	08.12	09.12	10.12	11.12	12.12
0	0	3063,3	598,72	1888,7	1483,8	2354,9	1676,6	4586,3	1669,6	823,2	3248,6

Определим допустимое множество величин резервного остатка по платежам ООО «В». Для этого рассчитаем среднюю величину платежей поставщику ООО «В» в 2012 г. исходя из количества месяцев, в которых запланированы платежи на основе бюджета движения денежных средств (табл. 4). Среднюю величину платежей примем за максимально необходимую величину резервного остатка по платежам ООО «В». Таким образом, допустимое множество величин резервных остатков по платежам ООО «В» составит: РДС $\in \{0; 2139\}$.

Выберем нескольких значений резервного остатка денежных средств организации на допустимом множестве РДС $\in \{0; 2139\}$ (табл. 5). Для каждого выбранного значения резервного остатка денежных средств рассчитаем величину издержек ООО «Х».

На основе ставки по депозиту 5,75% годовых по формуле (1) рассчитаем издержки по обеспечению платежеспособности ООО «Х».

$$I_{\text{пл}} = 213,9 \times \frac{0,0575}{12} = 1,03 \text{ тыс. руб.}$$

и т.д.

По формуле (2) рассчитаем издержки по неплатежеспособности ООО «Х».

Среднемесячная продолжительность вероятного кассового разрыва (\bar{R}) в денежных потоках ООО «Х» в 2012 г. составит:

$$\bar{R} = \frac{2 \times 2 + 3 \times 1 + 4 \times 2 + 5 \times 1 + 62}{12} = 2,67 \text{ дня;}$$

$$I_{\text{непл}} = 2,67 \times 0,002 \times \frac{2139 - 0}{2139} \times (2139 - 0) = 11,42 \text{ тыс. руб.}$$

и т.д.

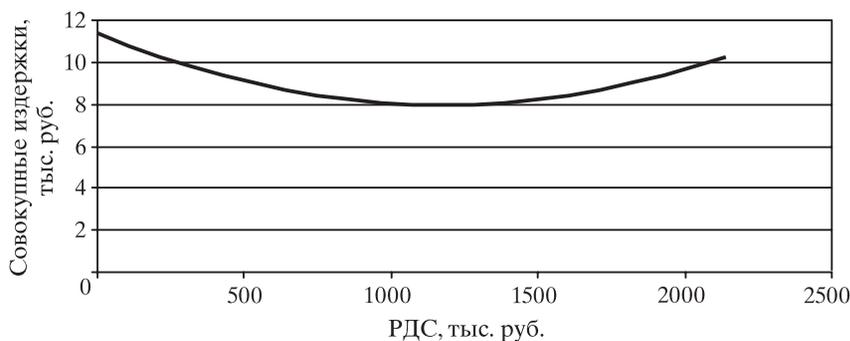
По формуле (4) был проведен расчет совокупных издержек по формированию резервного остатка денежных средств для платежных обязательств ООО «Х» (см. табл. 5).

Таблица 5

Совокупные издержки по формированию резервного остатка денежных средств по платежам поставщику ООО «В» на допустимом множестве РДС $\in \{0; 2139\}$

Показатель	Значение показателя, тыс. руб.										
	РДС	213,9	427,8	641,7	855,6	1069,6	1283,4	1497,3	1711,2	1925,1	2139
Совокупные издержки	10,28	9,35	8,67	8,21	7,98	7,98	8,2	8,657	9,334	10,25	

На основе данных табл. 5 построим график функции совокупных издержек по формированию резервного остатка денежных средств по платежам поставщику ООО «В» (см. рисунок).

Зависимость совокупных издержек по формированию резервного остатка денежных средств по платежным обязательствам ООО «Х» перед поставщиком ООО «В» от величины резервного остатка

График функции, представленный на рисунке, отражает нелинейную зависимость совокупных издержек по формированию резервных остатков по платежам поставщику «В» от величины резервного остатка денежных средств, о чем свидетельствует нелинейная функция совокупных издержек вида вогнутой параболы. В связи с этим для определения величины резервного остатка денежных средств по платежам поставщику ООО «В», при которой совокупные издержки по формированию будут минимальными, воспользуемся формулой (10). Величину резервного остатка денежных средств по платежам поставщику ООО «В» рассчитаем на примере марта 2012 г.

$$\begin{aligned} \text{РДС}_{\text{март}} &= 3063361 - \frac{0,0575}{12} \times 3063361 = 3063361 - \frac{14678,6}{0,01068} = \\ &= 1688961 \text{ руб.} \end{aligned}$$

Докажем, что рассчитанная величина резервного остатка является оптимальной. По формуле (7) рассчитаем совокупные издержки организации по формированию резервного остатка денежных средств в размере 1688,961 тыс. руб.

$$\begin{aligned} \text{И}_{\text{сов}} &= 1688,961 \times \frac{0,0575}{12} + 2,67 \times 0,002 \times \\ &\times \frac{3063,361^2 - 2 \times 3063,361 \times 1688,961 + 1688,961^2}{3063,361} = 11,38 \text{ тыс. руб.} \end{aligned}$$

Далее рассчитаем совокупные издержки для резервных остатков денежных средств 1300 тыс.руб., 1500 тыс.руб., 1800 тыс.руб., 2000 тыс.руб.

$$\begin{aligned} \text{И}_{\text{сов}} &= 1300 \times \frac{0,0575}{12} + 2,67 \times 0,002 \times \\ &\times \frac{3063,361^2 - 2 \times 3063,361 \times 1300 + 1300^2}{3063,361} = 11,65 \text{ тыс. руб.} \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{И}_{\text{сов}} &= 1500 \times \frac{0,0575}{12} + 2,67 \times 0,002 \times \\ &\times \frac{3063,361^2 - 2 \times 3063,361 \times 1500 + 1500^2}{3063,361} = 11,45 \text{ тыс. руб.} \end{aligned}$$

$$I_{\text{сов}} = 1800 \times \frac{0,0575}{12} + 2,67 \times 0,002 \times \\ \times \frac{3063,361^2 - 2 \times 3063,361 \times 1800 + 1800^2}{3063,361} = 11,41 \text{ тыс. руб.}$$

$$I_{\text{сов}} = 2000 \times \frac{0,0575}{12} + 2,67 \times 0,002 \times \\ \times \frac{3063,361^2 - 2 \times 3063,361 \times 2000 + 2000^2}{3063,361} = 11,55 \text{ тыс. руб.}$$

Результаты расчета совокупных издержек организации по формированию резервного остатка денежных средств на март 2012 г. в размере, отличном от оптимального размера (в большую или в меньшую сторону), свидетельствуют о росте совокупных издержек организации по формированию резервного остатка. Соответственно, резервный остаток денежных средств в размере 1688961 руб. является оптимальным по критерию минимизации совокупных затрат по его формированию.

Таким образом, в статье рассмотрены методические основы расчета оптимальной величины резервного остатка денежных средств организации.

Литература

1. *Бланк И.А.* Финансовый менеджмент. К.: Ника-Центр, Эльга, 2002. 512 с.
2. *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2009. 860 с.
3. *Брейли Р, Майерс С.* Принципы корпоративных финансов / Пер. с англ. Н. Барышниковой. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. 1008 с.
4. *Ван Хорн Дж. К., Вахович Дж. М.* Основы финансового менеджмента. 11-е изд. / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 992 с.
5. *Ендовицкий Д.А., Исаенко А.Н.* Финансовые резервы организации: анализ и контроль: научное издание / Под ред. проф. Д.А. Ендовицкого. М.: Кнорус, 2007. 302 с.
6. *Ковалев В.В.* Управление денежными потоками, прибылью и рентабельностью. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. 336 с.
7. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: Учебник / Л.Т. Гиляровская (и др.). М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006.
8. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. М.: Изд-во «Эксмо», 2006. 928 с.
9. Новый экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. 3-е изд. М.: Институт новой экономики, 2009. 1088 с.
10. *Овечкина О.Н.* Концепция и анализ денежных потоков: Учеб. пособие. Йошкар-Ола: Мар ГТУ, 2004. 100 с.
11. *Райзберг Б.А., Лозовский М.И., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. 480 с.
12. *Росс С. и др.* Основы корпоративных финансов / Пер. с англ. М.: Лаборатория Базовых Знаний, 2000. 720 с.
13. *Савицкая Г.В.* Анализ хозяйственной деятельности: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2004. 425 с.
14. *Селезнева Н.Н., Ионова А.Ф.* Финансовый анализ. Управление финансами: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 639 с.
15. *Сорокина Е.М.* Анализ денежных потоков предприятия: теория и практика в условиях реформирования российской экономики. М.: Финансы и статистика, 2004. 176 с.

16. Тимофеева Т.В. Анализ денежных потоков предприятия. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2010. 368 с.
17. Шеремет А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2006. 415 с.
18. www.fcsм.ru

Bibliography

1. Blank I.A. Finansovyj menedzhment. K.: Nika-Centr, Jel'ga, 2002. 512 p.
2. Borisov A.B. Bol'shoj jekonomicheskij slovar'. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Knizhnyj mir, 2009. 860 p.
3. Brejli R., Majers S. Principy korporativnyh finansov / Per. s angl. N. Baryshnikovoj. M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2004. 1008 p.
4. Van Horn Dzh. K., Vahovich Dzh. M. Osnovy finansovogo menedzhmenta, 11-e izd. / Per. s angl. M.: Izdatel'skij dom «Vil'jams», 2005. 992 p.
5. Endovickij D.A., Isaenko A.N. Finansovyje rezervy organizacii: analiz i kontrol': nauchnoe izdanie / Pod red. prof. D.A. Endovickogo. M.: Knorus, 2007. 302 p.
6. Kovalev V.V. Upravlenie denezhnymi potokami, pribyl'ju i rentabel'nost'ju. M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2007. 336 p.
7. Kompleksnyj jekonomicheskij analiz hozjajstvennoj dejatel'nosti: uchebnik / L.T. Giljarovskaja (i dr.). M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2006.
8. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Russkij tolkovyj slovar'. M.: Izd-vo «Jeksmo», 2006. 928 p.
9. Novyj jekonomicheskij slovar' / Pod red. A.N. Azrilijana. 3-e izd. M.: Institut novoj jekonomiki, 2009. 1088 p.
10. Ovechkina O.N. Konceptija i analiz denezhnyh potokov: Ucheb. posobie. Joshkar-Ola: Mar GTU, 2004. 100 p.
11. Rajzberg B.A., Lozovskij M.I., Starodubceva E.B. Sovremennyj jekonomicheskij slovar'. 4-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2005. 480 p.
12. Ross S. i dr. Osnovy korporativnyh finansov / Per. s angl. M.: Laboratorija Bazovyh Znanij, 2000. 720 p.
13. Savickaja G.V. Analiz hozjajstvennoj dejatel'nosti: Uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2004. 425 p.
14. Selezneva N.N., Ionova A.F. Finansovyj analiz. Upravlenie finansami: Ucheb. posobie dlja vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: JuNITI-DANA, 2006. 639 p.
15. Sorokina E.M. Analiz denezhnyh potokov predpriyatija: teorija i praktika v uslovijah reformirovanija rossijskoj jekonomiki. M.: Finansy i statistika, 2004. 176 p.
16. Timofeeva T.V. Analiz denezhnyh potokov predpriyatija. M.: Finansy i statistika; INFRA-M, 2010. 368 p.
17. Sheremet A.D. Kompleksnyj analiz hozjajstvennoj dejatel'nosti. M.: INFRA-M, 2006. 415 p.
18. www.fcsм.ru

УДК 339.737,738

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ВАЛЮТНОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН ЕВРАЗЭС

Д.А. Бригида

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»

E-mail: dabri@mail.ru

В статье рассмотрены основные критерии и параметры интеграционных процессов в рамках единого валютного пространства Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Автором определяются возможность и необходимость введения общей валюты. Выявляются возможные варианты объединения валютного пространства и обосновываются критерии выбора оптимального решения.

Ключевые слова: интеграция, оптимальная валютная зона, фиксированный и свободноплавающий режим валютного курса, уровень инфляции и процентных ставок, платежный баланс, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС).

INTEGRATION ASPECTS OF FORMING OF A SINGLE CURRENCY SPACE IN EURASIAN ECONOMIC COMMUNITY

D.A. Brigida

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: dabri@mail.ru

The article considers main criteria and parameters of integration processes within the limits of a single currency space in Eurasian Economic Community. The author defines the possibility and necessity of common currency introduction. Possible options of currency space integration are revealed, selection criteria of optimal solution are justified.

Key words: integration, optimal currency area, fixed and floating exchange rate, rate of inflation and interest level, balance of payment, Eurasian Economic Community.

В развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), объединяющего 5 стран СНГ (Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан), весьма важная роль принадлежит интеграции в финансовой сфере. В Договоре об учреждении Евразийского экономического сообщества, подписанном руководителями стран «пятерки» 10 октября 2000 г., обеспечение взаимодействия валютно-финансовых систем названо одной из главных задач ЕврАзЭС в области экономической политики.

Раньше вопрос об интеграции непосредственно в валютной сфере – в отличие от развития взаимодействия финансовых систем в целом – реально не стоял на повестке дня Сообщества. Положение изменилось в начале 2003 г., когда на Первом экономическом форуме ЕврАзЭС представителями Казахстана и России было внесено предложение о переходе к валютной интеграции и введении в перспективе единой валюты. Вопросы валютной интеграции нашли отражение в важнейшем документе Сообщества – Приоритетных направлениях развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы, в соответствии с которым в указанный период, в частности, должны быть разработаны

принципы и условия формирования интегрированного валютного рынка, согласованы принципы и условия перехода на единую валюту.

Прежде всего, внимание уделялось процессам валютной интеграции, в рамках которых страны обязуются жестко зафиксировать взаимные обменные курсы или перейти к единой валюте (ввести новую валюту или использовать в обращении валюту одной из стран). Данная проблема в экономической теории получила название проблемы оптимальных валютных зон (ОВЗ) – «оптимальных» в географическом смысле областей, на территории которых общеупотребительным средством платежа является либо единая валюта, либо группа валют, двусторонние обменные курсы которых жестко фиксированы, тогда как по отношению к остальным мировым валютам используется режим плавающего обменного курса.

Выгоды единой валюты в первую очередь вытекают из основных функций денег в экономике. В частности, в процессе валютной интеграции повышается ценность денег с точки зрения средства сбережения, средства обмена и меры стоимости из-за снижения транзакционных издержек, устранения валютных рисков и необходимости форвардных покрытий, а также увеличения числа экономических агентов, использующих единую валюту для совершения транзакций. Другим благоприятным последствием валютной интеграции является увеличение «глубины» и «ширины» валютного рынка, что снижает его волатильность и уменьшает возможность отдельных спекулянтов воздействовать на курс единой валюты.

Все страны «пятерки» едины во мнении, что интеграционный процесс должен начинаться с введения общей валюты.

Валютный союз может быть успешным лишь при обеспечении стабильности создаваемой единой валюты, а это в свою очередь требует сближения ряда основных макроэкономических показателей стран-участниц.

1. Уровень инфляции и процентных ставок.

Одним из таких критериев является сходство темпов инфляции. Известно, что при существенных различиях в темпах роста цен для корректировки покупательной способности национальных валют может потребоваться изменение взаимного обменного курса, либо страна с меньшей инфляцией будет вынуждена допустить более быстрый рост цен и ослабление контроля над собственной денежно-кредитной политикой. Таким образом, сходство темпов инфляции могло свидетельствовать об относительно меньших издержках для стран при введении единой валюты или жесткой фиксации взаимных обменных курсов.

В качестве индикатора инфляции возьмем показатель – индекс потребительских цен (рис. 1).

Согласно данным графика рис. 1, индекс потребительских цен сопоставим и достаточно стабилен в странах ЕврАзЭС, это положительно характеризует возможности перехода к единой валюте. В случае перехода к единой валюте при нестабильной инфляции и ее значительном отличии между странами единая валюта была бы подвержена большей волатильности, что было бы связано с определенными потерями.

Индекс потребительских цен влияет на принятие решения об изменении учетной ставки (ставки рефинансирования) центральными банками, поэтому следует проанализировать и этот показатель.

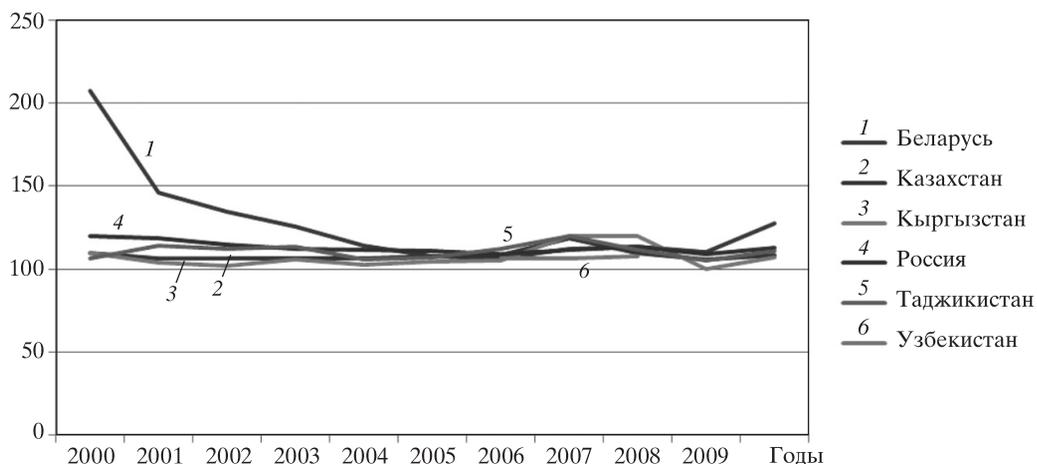

Рис. 1. Индекс потребительских цен стран ЕврАзЭС в 2000–2009 гг.

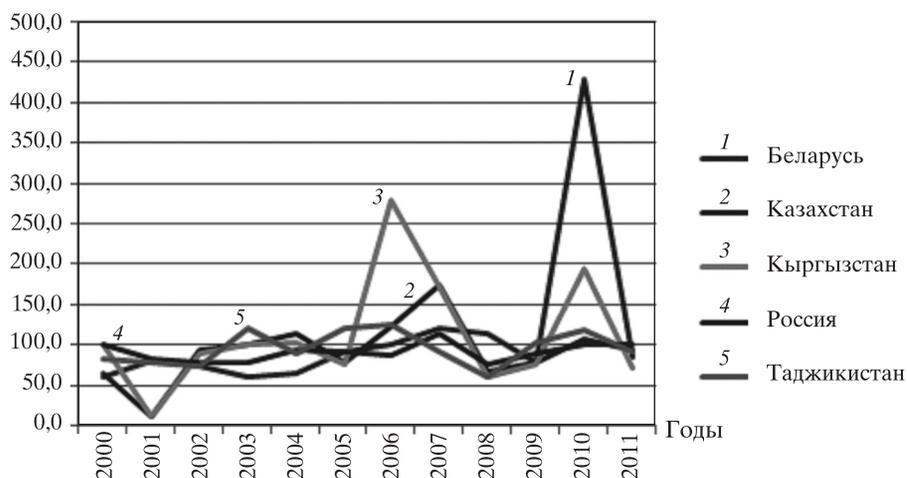

Рис. 2. Учетные ставки Национальных банков

На основании информации, представленной на графике рис. 2, можно сделать вывод о том, что процентные ставки не так стабильны, как инфляция. Наиболее благоприятная ситуация в России, Таджикистане и Казахстане. Рост ставок будет приводить к удорожанию заимствований, что может пошатнуть единую валюту.

Сравним эти два показателя (индекс потребительских цен и уровень процентных ставок) и оценим связь между ними.

Таблица 1

Характеристика взаимосвязи индекса потребительских цен и процентных ставок

	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Таджикистан
Коэффициент корреляции	0,3	0,6	0,13	0,2	0,1
Оценка уровня взаимосвязи	Связь слабая	Связь средняя	Связь отсутствует	Связь отсутствует	Связь отсутствует

В целом связь между показателями слабая, кроме того, можно сделать вывод о том, что страны проводят различную денежно-кредитную политику, что будет невозможно при введении единой валюты, тогда проблемы гибкости цен в отдельных странах будут сказываться на всех странах ЕврАзЭС. С другой стороны, единая валюта окажет положительное влияние на стабильность денежно-кредитной политики.

2. Величина государственного долга.

Перейдем к следующему показателю: величина государственного долга. Рассмотрим этот показатель относительно уровня ВВП, что позволит сравнить страны друг с другом (рис. 3).

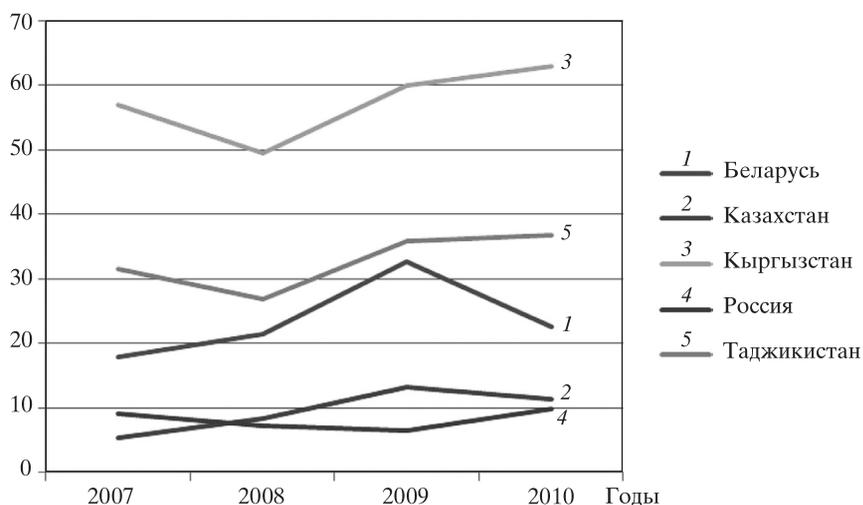

Рис. 3. Величина государственного долга стран ЕврАзЭС

Уровень государственного долга в Кыргызстане достигает огромных значений, причем имеет тенденцию к увеличению. С точки зрения валютной интеграции, государственный долг Кыргызстана и Таджикистана может отрицательно влиять на курс единой валюты, так как увеличение государственного долга в одной из стран валютного союза может отразиться на величине процентных ставок на территории союза и, таким образом, увеличить издержки по привлечению заимствований для других его членов. Значительный рост заимствований всего валютного союза может вызвать приток капитала и привести к обесцениванию единой валюты, что отразится на конкурентоспособности товаропроизводителей и темпах экономического роста.

Однако если принять во внимание тот факт, что при введении евро допустимая величина государственного долга была 60%, то валютная интеграция стран ЕврАзЭС относительно этого показателя выглядит вполне допустимо.

3. Курсы национальных валют.

Одним из основных преимуществ валютной интеграции является устранение транзакционных издержек, присущих внешнеторговым операциям (например, комиссия по валютно-обменным операциям и ряд других).

Введение рубля в качестве единой валюты из-за низкой волатильности курсов не приведет к большим издержкам при интеграции стран и упростит фиксацию валют относительно друг друга. Дополнительный аргумент – зависимость курса национальных валют по отношению к доллару и рублю (табл. 2).

Таблица 2

Зависимость курса национальных валют по отношению к доллару и рублю

	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан
Коэффициент корреляции	0,97	0,18	0,16	0,64
Оценка уровня взаимосвязи	Связь сильная	Связь отсутствует	Связь отсутствует	Связь средняя

Связь разных валют различная и в большинстве случаев не зависит от доллара, что еще раз подтверждает необходимость введения рубля в качестве единой валюты.

Рубль, обладающий полной конвертируемостью, несомненно, может стать ведущей валютой в ЕврАзЭС. Но уже сейчас целесообразно сделать первые шаги в этом направлении. Прежде всего, необходимо обеспечить регулярную котировку рубля и валют других стран «пятерки» и вводить в практику расчеты в этих валютах, обменивая их не через доллар, а напрямую.

4. Профицит платежного баланса.

Важно проанализировать платежные балансы государств ЕврАзЭС и оценить масштабы внешней торговли стран. Если будет получено, что определенная группа стран характеризуется стабильным профицитом платежного баланса, то этот факт можно рассматривать в качестве положительного аргумента в пользу интеграции, поскольку в данном случае будет гарантироваться стабильность единой валюты как за счет самого профицита баланса, так и за счет увеличения «глубины» и «ширины» рынка единой валюты, гарантирующих его относительно более низкую волатильность.

Внутри платежного баланса рассмотрим величину платежей стран ЕврАзЭС в Россию и из России (табл. 3).

Таблица 3

Взаимные платежи и инвестиции

Страна	2006 г.			2008 г.			2009 г.			2010 г.		
	В Россию	Из России	Сальдо									
Беларусь	4683	2899	1784	20674	10777	9897	14670	7081	7589	15802	10151	5651
Казахстан	3413	1241	2172	11558	4378	7180	8365	3258	5107	11134	4577	6557
Кыргызстан	210	234	-24	1375	1439	-64	780	1230	-450	739	351	388
Таджикистан	120	34	86	618	129	489	393	134	259	523	230	293

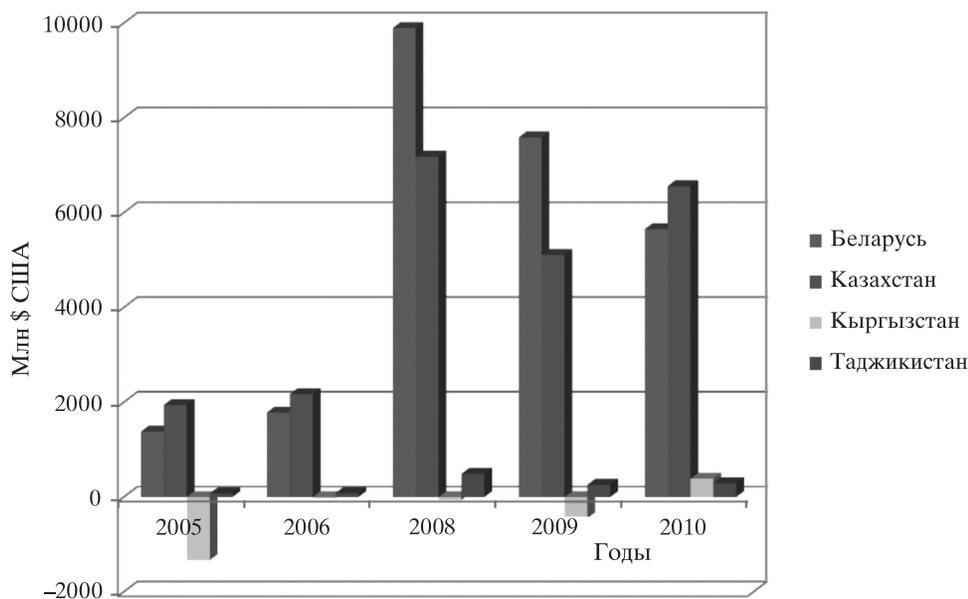

Рис. 4. Сальдо платежей стран ЕврАзЭС при расчетах с Россией

Сальдо платежей в основном положительное, что говорит о том, что страны ЕврАзЭС прочно связаны с Россией (рис. 4). Кроме того, при положительном балансе рубль можно использовать в качестве резервной валюты, что позволит сглаживать различные шоки. Проанализируем использование рубля при двусторонних расчетах с остальными странами (табл. 4).

Таблица 4

Доля рублевых платежей в общем объеме платежей

Страна	2008 г.	2009 г.		2010 г.	
	Общий объем	Направлено	Получено	Направлено	Получено
Беларусь	55,7	91,3	51,9	91,9	61,5
Казахстан	52,7	78,7	48,5	79,7	49,8
Кыргызстан	26,3	58,7	25,2	61,7	26,8
Таджикистан	42,5	62,4	45,8	57,8	40,8

Как видно из табл. 4, в валютной структуре платежей преобладает российский рубль, по направленным платежам особенно. В общем объеме его использование в 2008 г. составило по объему – 53,6% по направленным платежам, 51,5% по полученным платежам и 52,6% в целом по направленным и полученным платежам. Вторым по значению компонентом валютной структуры платежей продолжает оставаться доллар США: по объему – 32,9, 34,5 и 33,6% соответственно. В общем объеме направленных и полученных платежей доля российского рубля также оставалась наибольшей, однако сократилась с 52,6% в 2008 г. до 48,8% в 2009 г. Доля платежей в долларах США в общем объеме направленных и полученных платежей за 2009 г. выросла и составила 40,6%. В 2010 г. в валютной структуре направленных и полученных платежей госу-

дарств – участников ЕврАзЭС как по количеству, так и по объему преобладали платежи в российских рублях: 77,6 и 56,0% соответственно. Доля платежей в долларах США в общем количестве и объеме составила 14,3 и 35,0%.

Проанализируем инвестиции из стран ЕврАзЭС в экономику России и оборот (табл. 5).

Таблица 5

Профицит полученных и направленных инвестиций

	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Беларусь								
инвестиции всего, млн \$	-0,993	-16	19	377,135	42	-431	-3545	-4704,6
прямые инвестиции, млн \$	-1	1	1,9	0,5	-0,1	-633	-662,6	-627
Казахстан								
инвестиции всего, млн \$	2,2	36	265	588,7	580	604	157	498,1
прямые инвестиции, млн \$	0,2	0	0	-0,3	-11	32	27	14
Кыргызстан								
инвестиции всего, млн \$	0,493	4	64	137,997	418	448	423	118,4
прямые инвестиции, млн \$	0,839	0	0	0,003	4	0,4	0	0
Таджикистан								
инвестиции всего, млн \$	0,027	0	2	13,347	13	3	11	-83,016

Инвестиции в Россию направлены со всех стран ЕврАзЭС, к тому же в России наблюдается профицит по инвестициям, поэтому Россия является той страной-донором, за счет которой можно сглаживать шоки.

В целом взаимные инвестиционные потоки стран ЕврАзЭС не столь значимы в их валовых инвестициях. Как правило, страны ЕврАзЭС ориентируются на прямые иностранные инвестиции из развитых стран, которые подразумевают более высокий уровень внедряемых технологий. Кроме того, для развития взаимного инвестирования, на сегодняшний день существует ряд препятствий. Во-первых, существенные различия в структуре экономик стран ЕврАзЭС, что уже потенциально ограничивает взаимные инвестиционные потоки. Во-вторых, уровень технологического развития отраслей экономики относительно однороден в большинстве стран, что также снижает мотивацию взаимного инвестирования. В-третьих, все страны в первую очередь ориентированы на привлечение иностранного капитала, нежели на его инвестирование за границу. В-четвертых, до сих пор не решен ряд фундаментальных вопросов в рамках ЕврАзЭС, в частности, создание полноценного таможенного союза, гармонизация законодательства в области торговой, инвестиционной, валютной и других видов политики. Таким образом, на наш взгляд, данные факторы снижают потенциальный объем взаимных инвестиций внутри ЕврАзЭС. В их случае перечисленные факторы не столь актуальны: помимо импорта капитала они могут выступать и его экспортными, а уровень их технологического развития несколько превышает уровень большинства стран региона.

Странам ЕврАзЭС пока рано вводить единую валюту из-за различий в экономике. Введение единой валюты требует создания единого эмиссионного центра, единого органа, который бы занимался денежно-кредитным регули-

рованием. Платежный и торговый оборот между странами пока не так высок, поэтому на данном этапе выгоднее прибегнуть к стабилизации платежей путем фиксации курсов относительно друг друга.

Резюмируя, необходимо отметить, что интеграционные процессы требуют определенной этапности. По классической схеме это: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок и, наконец, единое валютное и экономическое пространство. Для достижения этой цели необходимо решить вопросы согласования денежно-кредитной и, в частности, валютной политики: введение единых норм валютного регулирования; определение общих целей денежно-кредитной политики; создание единого эмиссионного центра. Но возможно, что проведение активной интеграции в валютной сфере может послужить катализатором для успешного экономического объединения стран ЕврАзЭС.

Литература

1. *Дробышевский С.М., Полевой Д.И.* Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. С. 110.
2. *Дробышевский С.М., Полевой Д.И.* Финансовые аспекты валютной интеграции на территории СНГ // Научные труды / Ин-т экономики переход. периода. № 109Р. М.: ИЭПП, 2007.
3. *Моисеев С.Р.* Парадигма оптимальной валютной зоны // Бизнес и банки. 2000. Янв. (№ 4). С. 1–4.
4. *Моисеев С.Р.* Оптимальность российско-белорусской валютной зоны // Бизнес и банки. 2000. Февр. (№ 7). С. 1–3.
5. *Любский М.С.* Возможности использования коллективной валюты в интеграционных объединениях стран СНГ // Противоречия процессов валютно-финансовой интеграции в регионе СНГ: Материалы «круглого стола». URL: <http://imepi-eurasia.ru/baner/CIS.doc>
6. *Шурубович А.В.* Опыт Евросоюза и возможности развития валютной интеграции в ЕврАзЭС и других субрегиональных группировках на пространстве СНГ // Противоречия процессов валютно-финансовой интеграции в регионе СНГ: Материалы «круглого стола». URL: <http://imepi-eurasia.ru/baner/CIS.doc>

Bibliography

1. *Drobyshevskij S.M., Polevoj D.I.* Problemy sozdaniya edinoj valjutnoj zony v stranah SNG. M.: IJePP, 2004. P. 110.
2. *Drobyshevskij S.M., Polevoj D.I.* Finansovye aspekty valjutnoj integracii na territorii SNG // Nauchnye trudy / In-t jekonomiki perehod. perioda. № 109R. M.: IJePP, 2007.
3. *Moiseev S.R.* Paradigma optimal'noj valjutnoj zony // Biznes i banki. 2000. Janv. (№ 4). P. 1–4.
4. *Moiseev S.R.* Optimal'nost' rossijsko-belorusskoj valjutnoj zony // Biznes i banki. 2000. Fevr. (№ 7). P. 1–3.
5. *Ljubskij M.S.* Vozmozhnosti ispol'zovaniya kollektivnoj valjuty v integracionnyh ob#edinenijah stran SNG // Protivorechija processov valjutno-finansovoj integracii v regione SNG: Materialy «kruglogo stola». URL: <http://imepi-eurasia.ru/baner/CIS.doc>
6. *Shurubovich A.V.* Opyt Evrosojuza i vozmozhnosti razvitija valjutnoj integracii v EvrAzJeS i drugih subregional'nyh gruppировках na prostranstve SNG // Protivorechija processov valjutno-finansovoj integracii v regione SNG: Materialy «kruglogo stola». URL: <http://imepi-eurasia.ru/baner/CIS.doc>

УДК 657.1:338.45

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К БУХГАЛТЕРСКОМУ УЧЕТУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПОТЕРЬ

О.С. Ерохина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: o.s.erohina@gmail.com

Дано определение технологических потерь в бухгалтерском учете. Предложена классификация технологических потерь для целей организации синтетического и аналитического учета, а также формирования аналитической информации. Рассмотрены требования к документальному оформлению технологических потерь. Определены факторы, влияющие на оценку технологических потерь в бухгалтерском учете.

Ключевые слова: технологические потери, классификация технологических потерь, документальное оформление технологических потерь, оценка технологических потерь.

METHODICAL APPROACH TO PROCESS LOSSES ACCOUNTING

O.S. Erokhina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: o.s.erohina@gmail.com

The notion of process losses in accounting is given. Classification of process losses for the purposes of organization of synthetic and analytical accounting, as well as for forming of analytical information is offered. Requirements for documentation of process losses are considered. Factors that affect the evaluation of process losses in accounting are defined.

Key words: process losses, classification of process losses, documentation of process losses, evaluation of process losses.

Четкая организация и ведение учета затрат на производство в значительной степени предопределяют достоверность и полноту информации о финансовых результатах организации, а следовательно, объективность аналитических процедур и эффективность управленческих решений, базирующихся на них.

Качественная организация учета затрат на производство основывается на соблюдении нормативных актов в области бухгалтерского учета при отражении хозяйственных операций, связанных с движением имущества и обязательств организации и приводящих к возникновению расходов. Это зависит, прежде всего, от точности классификации расходов и, в частности, деления их на расходы текущего характера (в том числе расходы по обычным видам деятельности) и расходы капитального характера.

Расходами текущего характера согласно п. 2 ПБУ 10/99 «Расходы организации» «...признается уменьшение экономических выгод в результате выбытия активов (денежных средств, иного имущества) и (или) возникновения обязательств, приводящее к уменьшению капитала этой организации, за исключением уменьшения вкладов по решению участников (собственников имущества)». Расходами по обычным видам деятельности являются расходы, связанные с изготовлением продукции и продажей продукции, приобретением

и продажей товаров. Такими расходами также считаются расходы, осуществление которых связано с выполнением работ, оказанием услуг.

Расходы по обычным видам деятельности формируют:

– расходы, связанные с приобретением сырья, материалов, товаров и иных материально-производственных запасов;

– расходы, возникающие непосредственно в процессе переработки (доработки) материально-производственных запасов для целей производства продукции, выполнения работ и оказания услуг и их продажи, а также продажи (перепродажи) товаров (расходы по содержанию и эксплуатации основных средств и иных внеоборотных активов, а также по поддержанию их в исправном состоянии, коммерческие расходы, управленческие расходы и др.).

Кроме того, к расходам, возникающим непосредственно в процессе переработки материально-производственных запасов для целей производства продукции, выполнения работ и оказания услуг и их продажи, принято относить и потери.

Учет потерь необходим, во-первых, для определения размера потерь; во-вторых, для выявления причин и виновников; в-третьих, для определения сумм, подлежащих возмещению.

Под потерями в экономической литературе, как правило, понимают непроизводительные расходы. При этом непроизводительные расходы – это расходы, вызванные недостатками в технологии и организации производства, системе сохранности имущества, а также внешними обстоятельствами и не приносящие доход.

Потери возникают при приобретении товарно-материальных ценностей, их хранении, на стадии производства и продажи.

Правильная организация учета потерь в первую очередь зависит от причины их возникновения.

По причинам возникновения принято выделять следующие виды потерь:

– недостачи при приемке товаров от поставщиков;

– потери в виде естественной убыли;

– потери при хранении товарно-материальных ценностей;

– потери от простоев и брака;

– технологические потери при производстве и транспортировке;

– потери в результате чрезвычайных ситуаций.

Причины потерь по видам представлены в таблице.

В сложившейся практике производственного учета технологическим потерям не уделяется должного внимания и на сегодняшний день технологические потери не рассматриваются как отдельный объект бухгалтерского учета, а учитываются вместе с образующим их сырьем в качестве расходов по обычным видам деятельности.

Нормативные правовые документы, регулирующие бухгалтерский учет и отчетность, не содержат определения технологических потерь.

Для целей налогового учета технологические потери учитывают в составе материальных затрат. Налоговое законодательство довольно полно рассматривает содержание технологических потерь. В соответствии с п. 3 и п. 7 ст. 254 Налогового кодекса «технологическими потерями признаются потери при производстве и (или) транспортировке товаров (работ, услуг), обусловленные технологическими особенностями производственного цикла и (или)

Причины возникновения потерь

Вид потерь	Причины потерь
Недостачи при приемке товаров от поставщиков	Потери, возникшие в результате транспортировки (погодные условия, авария, некачественная упаковка), естественная убыль
Потери в виде естественной убыли	Потеря массы товара при сохранении его качества, являющаяся следствием изменения его биологических и (или) физико-химических свойств
Потери при хранении товарно-материальных ценностей	Потери от недостачи и (или) порчи при хранении товарно-материальных ценностей
Потери от простоев и брака	Потери, вызванные простоем оборудования и рабочих, потери в результате выпуска бракованной продукции
Технологические потери при производстве и транспортировке	Потери, обусловленные технологией производства и транспортировки
Потери в результате чрезвычайных ситуаций	Потери, вызванные стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями (пожар, наводнение)

процесса транспортировки, а также физико-химическими характеристиками применяемого сырья».

С нашей точки зрения для целей бухгалтерского учета технологические потери необходимо рассматривать как расходы организации, возникающие при производстве и (или) транспортировке товаров (работ, услуг), обусловленные технологическими особенностями производственного цикла и (или) процесса транспортировки. Применение дефиниции «расходы» в данном определении уместно, так как, во-первых, происходит выбытие актива, приводящее к уменьшению капитала; во-вторых, уменьшаются экономические выгоды организации; в-третьих, эти расходы связаны с изготовлением продукции и продажей продукции, приобретением и продажей товаров.

Принципиальным отличием определения технологических потерь в бухгалтерском учете является рассмотрение их в качестве расходов.

В бухгалтерском учете при квалификации потерь в качестве технологических необходимо:

- отличать данные потери от естественной убыли;
- отличать потери, являющиеся следствием нарушений;
- устанавливать, какая сторона договора вправе учесть данные потери в составе расходов.

Основная проблема при квалификации потерь в качестве технологических – умение провести границу между технологическими потерями и естественной убылью. В соответствии с Методическими рекомендациями по разработке норм естественной убыли, утв. приказом Минэкономразвития № 95 от 31.10.2003 г., под естественной убылью товарно-материальных ценностей следует понимать потерю (уменьшение массы товара при сохранении его качества в пределах требований (норм), устанавливаемых нормативными правовыми актами), являющуюся следствием естественного изменения биологических и (или) физико-химических свойств товаров. Многие авторы утверждают, что если потери являются следствием естественного изменения биологических и (или) физико-химических свойств товаров, то это естественная убыль, а не технологические потери.

В соответствии с Письмом Минфина России № 03-03-01-04/1/195 от 19.04.2005 г. к технологическим потерям не относятся потери товарно-материальных ценностей, которые возникают при их хранении и транспортировке в случае нарушения требований стандартов, технических и технологических условий, правил технической эксплуатации, повреждения тары, несовершенства средств защиты товаров от потерь и состояния применяемого технологического оборудования.

В случае образования технологических потерь при транспортировке товарно-материальных ценностей необходимо обращать внимание на то, какой из контрагентов – поставщик или покупатель вправе учесть их в расходах. Это напрямую зависит от условий договора, а именно: в договоре прямо указано лицо, учитывающее данные потери; либо из условий договора следует, в чьей собственности (поставщика, покупателя, иной организации) находились товарно-материальные ценности в период их транспортировки, обработки.

На рациональную организацию бухгалтерского учета технологических потерь оказывает влияние научно обоснованная их классификация. Следует отметить, что на сегодняшний день не существует единого подхода к классификации технологических потерь.

Исходя из экономического содержания потерь и учетной практики, можно предложить следующие признаки классификации технологических потерь для целей организации синтетического и аналитического учета, а также формирования аналитической информации:

- по хозяйственным процессам;
- по местам возникновения;
- по причинам возникновения;
- по возможности нормирования;
- по степени оптимальности;
- по отражению в первичных документах;
- по возможности планирования.

На организацию синтетического и аналитического учета технологических потерь оказывают влияние такие признаки, как группировка по хозяйственным процессам, по местам возникновения; по причинам возникновения; по степени оптимальности.

По хозяйственным процессам выделяют технологические потери при приобретении товарно-материальных ценностей, на стадии производства и реализации. Технологические потери при приобретении товарно-материальных ценностей и при реализации возникают в ходе процесса транспортировки. В процессе производства технологические потери обуславливаются особенностью производственного цикла и принятой технологией производства.

Группировка технологических потерь по местам возникновения зависит, с одной стороны, от видов деятельности, характера производственного процесса, организационной структуры предприятия, а с другой – от потребностей пользователей в информации при принятии управленческих решений и рациональности ее создания (величины затрат на ее сбор и обработку). Местами возникновения технологических потерь можно считать и в целом основное производство, и цех, участок, бригаду или рабочее место, на котором происходит первоначальное потребление материальных ресурсов.

На возникновения технологических потерь в рамках производственного цикла могут оказывать влияние разные факторы. Группировка технологических потерь по причинам возникновения подразумевает их группировку по каждой причине в рамках производственного цикла.

По возможности нормирования выделяют нормируемые и ненормируемые технологические потери. Нормируемые технологические потери – это потери, по которым можно применить технологически обоснованные нормы. Норма технологических потерь – максимально допустимое плановое количество потерь сырья, материалов, топлива, тепловой и электрической энергии и других видов ресурсов на производство единицы продукции установленного качества. Ненормируемые потери – это потери, по которым невозможно обосновать нормы расчета, они не выделяются из стоимости исходного сырья.

По степени оптимальности технологические потери подразделяются на нормативные и сверхнормативные. Нормативные технологические потери – это потери в пределах технологически обоснованных норм, сверхнормативные – превышающие нормы. В этой связи сверхнормативные потери должны быть предметом тщательного анализа.

По отражению в первичных документах выделяют фиксируемые в первичных документах и нефиксируемые потери. К фиксируемым в первичных документах относят технологические потери, которые отражаются в первичных документах, например, технологических картах. Нефиксируемые технологические потери не отражаются отдельно в первичных документах. Они списываются в общей сумме сырья на основании первичных документов по отпуску материальных ценностей в производство.

По возможности планирования выделяют планируемые и непланируемые технологические потери. Планируемые технологические потери рассчитываются на определенный объем производства в соответствии с установленными нормами, включаются в плановую себестоимость продукции. Непланируемые – не включаются в план и отражаются только в фактической себестоимости продукции.

Любые расходы отражаются в бухгалтерском учете на основании первичных учетных документов. Согласно новому закону «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ от 06.12.2011 г. (вступает в силу с 01.01.2013 г.) формы первичных учетных документов утверждает руководитель экономического субъекта по представлению должностного лица, на которое возложено ведение бухгалтерского учета. В соответствии с п. 2. ст. 9 указанного закона обязательными реквизитами первичного учетного документа должны быть:

- 1) наименование документа;
- 2) дата составления документа;
- 3) наименование экономического субъекта, составившего документ;
- 4) содержание факта хозяйственной жизни;
- 5) величина натурального и (или) денежного измерения факта хозяйственной жизни с указанием единиц измерения;
- 6) наименование должности лица (лиц), совершившего (совершивших) сделку, операцию и ответственного (ответственных) за правильность ее оформления, либо наименование должности лица (лиц), ответственного (ответственных) за правильность оформления свершившегося события;

7) подписи лиц, предусмотренных пунктом 6 настоящей части, с указанием их фамилий и инициалов либо иных реквизитов, необходимых для идентификации этих лиц.

В письме Минфина России от 02.09.2003 г. № 04-02-05/1/85 разъясняется, что исходя из особенностей технологического процесса норма образования потерь каждого конкретного вида сырья и материалов, используемых в процессе производства, организация определяет самостоятельно. Данная норма устанавливается в технологической карте либо в ином аналогичном внутреннем документе. Технологическая карта не имеет унифицированной формы, поэтому организация самостоятельно разрабатывает и утверждает ее в качестве внутреннего документа. В технологической карте должна быть указана норма возможных потерь сырья или материалов по каждому виду производимой продукции.

Технологические потери в бухгалтерском учете признаются расходами по обычным видам деятельности. В соответствии с п. 16 ПБУ 10/99 «Расходы организации» расходы признаются в бухгалтерском учете при наличии следующих условий:

- расход производится в соответствии с конкретным договором, требованием законодательных и нормативных актов, обычаями делового оборота;
- сумма расхода может быть определена;
- уверенность в том, что в результате конкретной операции произойдет уменьшение экономических выгод организации (имеется в случае, когда организация передала актив либо отсутствует неопределенность в отношении передачи актива).

Сложным вопросом является определение суммы технологических потерь как специфических расходов организации. Возникает необходимость технологического обоснования норм технологических потерь.

При технологическом обосновании норм технологических потерь учитываются следующие факторы:

- несоответствие качества сырьевых и упаковочных материалов и готового продукта;
- требования нормативной документации;
- погрешности весового оборудования;
- потери при технологических чистках оборудования;
- при смене марки исходного сырья или материалов;
- превышение веса готового продукта над весом, указанным на упаковке товара;
- просыпи (проливы) сырьевых материалов и готового продукта из-за негерметичности оборудования;
- особенности, обусловленные конкретными условиями производства и спецификой используемых в производстве материалов.

Фактические технологические потери за месяц могут определяться следующим образом.

Ежемесячно на предприятии выявляется разница между фактическим расходом сырья на производство продукции и расходом, рассчитанным по норме исходя из количества произведенной готовой продукции.

Если имеет место перерасход сырья, то его причины анализируются.

На основе полученных данных рассчитывается количество сырья, перерасход которого объясняется технологическими потерями с учетом установленных норм потерь.

Порядок определения технологических потерь необходимо утверждать в учетной политике организации.

Специалисты организации должны постоянно отслеживать размер фактических технологических потерь. Если имеет место превышение, то оно должно быть проанализировано. Такое превышение возможно, например, в случае использования в процессе производства некачественного сырья либо нарушения технологии.

В случае регулярного превышения фактически произведенных потерь над плановыми показателями нормы технологических потерь следует пересматривать.

Рассмотренный подход к учету технологических потерь позволит организациям своевременно выявлять сверхнормативные потери и определять причины их возникновения, что даст возможность принимать эффективные управленческие решения по снижению технологических потерь и выявлению скрытых резервов снижения себестоимости продукции.

Литература

1. *Башкатова Л.И.* Учет при производственных и торговых потерях // Бухгалтерский учет. 2011. № 7. С. 43–47.
2. *Коваленко Т.Ю.* Технологические потери при производстве и транспортировке: налоговый и бухгалтерский учет // Бухгалтерский бюллетень. 2006. № 11. С. 46–56.
3. *Никитин В.В.* Учет технологических потерь в составе расходов // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2010. № 9. СПС ГАРАНТ ЭКСПЕРТ.

Bibliography

1. *Bashkatova L.I.* Uchet pri proizvodstvennyh i torgovyh poterjah // Buhgalterskij uchet. 2011. № 7. P. 43–47.
2. *Kovalenko T.Ju.* Tehnologicheskie poteri pri proizvodstve i transportirovke: nalogovyy i buhgalterskij uchet // Buhgalterskij bjulleten'. 2006. № 11. P. 46–56.
3. *Nikitin V.V.* Uchet tehnologicheskikh poter' v sostave rashodov // Aktual'nye voprosy buhgalterskogo ucheta i nalogooblozhenija. 2010. № 9. SPS GARANT JeKSPERT.

СТАТИСТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

УДК 311.42, 316.014

ПРИМЕНЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА СООТВЕТСТВИЙ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Ю.В. Сажин, Ю.В. Сарайкин

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru

В статье на основе множественного анализа соответствий (Multiple Correspondence Analysis (MCA)) изучаются результаты социологического опроса преподавателей исследовательского университета. В зависимости от социально-профессионального капитала и социальной комфортности выделяются кластеры преподавателей. Показана взаимозависимость между выделенными группами и их ориентированностью в профессиональном плане.

Ключевые слова: множественный анализ соответствий, карта соответствий, социально-профессиональный капитал, социальная комфортность, воспроизводство научно-педагогических кадров, исследовательский университет.

APPLICATION OF MULTIPLE CORRESPONDENCE ANALYSIS FOR THE INVESTIGATION OF STRUCTURE OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGIC PERSONNEL OF THE RESEARCH UNIVERSITY

Yu. V. Sazhin, Yu. V. Saraikin

Ogarev Mordovia State University

E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru

The article considers the results of the personnel of the research university poll on the basis of the multiple correspondence analysis. The clusters of the personnel are defined in accordance with social and professional capital and social comfort. The correlation between selected groups and their professional directivity is revealed.

Key words: multiple correspondence analysis, correspondence map, social and professional capital, social comfort, reproduction of scientific and pedagogic personnel, research university.

¹ Работа выполнена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010–2013 годы. Государственный контракт № 14.740.11.0225.

Введение

В настоящее время в современной России особое значение приобрела проблема воспроизводства кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук). Возможность для России в обозримом будущем приблизиться по технологическому уровню к развитым странам мира во многом зависит от интеллектуального потенциала, воспроизводство которого осуществляют высшая школа и научные учреждения.

Шансы осуществления технологических прорывов зависят не столько от состояния отечественной промышленности, сколько от масштабов и качества подготовки специалистов высшей квалификации. Потери таких кадров за годы реформ оказались столь велики, что необходима их расширенная подготовка наряду с устранением негативных последствий от ошибочных решений, обусловленных прежней кадровой политикой [8].

Программные документы в России и за рубежом указывают на решающую роль образования в глобализованном, транскультурном, информационном обществе. В докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005) эксперты международного уровня (Л. Демаре, Ж. Плуэн и др.) утверждают, что современные наиболее эффективные способы использования человеческого капитала требуют новых моделей развития высшего образования, основанных на знании. С этим же связана позиция авторов концепции информационного общества (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, А. Тофлер), которые выдвинули положение о том, что высшее образование превратится в определяющий социальный институт.

Необходимость восстановления нормального процесса воспроизводства кадрового потенциала науки, который в значительной степени оказался разрушенным в последние десятилетия, отмечается и авторами стратегии развития Российской Федерации «Инновационная Россия – 2020» [14].

Кадровая проблема вузов и сектора науки является в настоящее время достаточно острой, так как наблюдаются процессы старения кадров, с одной стороны, и снижение престижа научного и научно-педагогического труда – с другой. Вместе с тем одним из ключевых целевых индикаторов реализации задач государственной программы развития научно-педагогических кадров является существенное омоложение кадров науки. Так, к 2020 г. планируется, что средний возраст исследователей составит 40 лет (против 49 лет в 2008 г.), а доля исследователей в возрасте до 40 лет вырастет до 25% (против 14,2% в 2008 г.) [14]. Вместе с тем кадровая политика многих вузов характеризуется тем, что в последние 5–6 лет существенно сократился или прекратился совсем приток молодежи в высшую школу, что вызвано последствиями демографического кризиса 1990-х. Так, например, программа развития Мордовского университета даже в случае реализации оптимистичного сценария развития предполагает сокращение ставок профессорско-преподавательского состава университета к 2015 г. на 25%. Реализация такого сценария явно не способствует омоложению кадров, учитывая высокий уровень консервативности вузовских структур.

Реализация задачи по увеличению притока молодежи в фундаментальную и прикладную науку не может быть реализована только за счет прироста численности занятых в этой сфере. Процесс омоложения научных кадров должен идти параллельно с неизбежным сокращением неэффективно работающих

щих научных работников и подразделений. Основными критериями оценки качества и результативности фундаментальных исследований должны быть международное признание, публикационная и конференционная активность сотрудников и коллективов. Для прикладной науки важнейшим критерием является востребованность результатов проводимых исследований российскими и зарубежными предприятиями, органами власти различного уровня, общественными организациями и т.п. [9, 14].

Одна из самых острых задач российского образования и науки – построение современных национальных исследовательских университетов. Немаловажную роль в построении такого вуза играет формирование его кадровой структуры. То что именно процедура формирования структуры исследовательских кадров является ключевым элементом создания исследовательского университета, подчеркивают в статье, открывшей широкую дискуссию о практике академического найма в России, ректор ГУ-Высшей школы экономики Я. Кузьминов и руководитель Лаборатории институционального анализа М. Юдкевич. О том же самом свидетельствует опыт зарубежных университетов. Например, Гарвардский университет в США, возглавляющий мировой список исследовательских университетов, специально указывает среди основных принципов управления исследовательской деятельностью, что основной формой контроля качества являются высокие стандарты отбора профессоров [5].

Российские ученые рассматривают проблемы изменений научно-педагогических кадров в разрезе должностей, возрастного и квалификационного состава и т.д. Формирование кадровой структуры вуза происходит с учетом динамики профессорско-преподавательского состава, квалификационных, демографических, должностных и других характеристик [3, 7, 10].

Таким образом, одной из самых актуальных задач современного исследовательского университета является формирование оптимальной, эффективной структуры кадров научно-педагогических кадров вуза. Сложность и многогранность данного процесса требуют применения адекватных методов для его изучения. Для анализа структуры кадров исследовательского университета нами был выбран метод множественного анализа соответствий (МСА).

Методика исследования

Выборка. В исследовании приняло участие 126 преподавателей НИ МГУ им Н.П. Огарева (8% выборка). В выборке пропорционально представлены все структурные подразделения вуза (факультеты, институты).

Инструментарий. Источником информации выступил социологический опрос профессорско-преподавательского состава НИ Мордовского государственного университета, проведенный в 2011 г. НОЦ «Социум-М». Анкета, состоящая из четырех частей, заполнялась методом самозаполнения.

В процессе анкетирования респонденты отвечали на блоки вопросов, связанные со здоровьем, социальной комфортностью, отношением к профессии, карьере и мобильности. Первоначально для выделения кластеров преподавателей с точки зрения их отношения к вузу и профессиональной деятельности были выбраны девять ключевых параметров, характеризующих их социаль-

но-демографическое положение, статус в вузе, ожидаемое финансовое положение, социальную комфортность.

Описание метода. Так как данные, собранные в ходе социологического исследования, были категориальными, измеренными в порядковой или номинальной шкале, то формой представления таких данных явилось построение таблиц сопряженности. Анализ соответствий позволил исследовать эти таблицы путем графического представления строк и столбцов таблицы в качестве точек в пространстве низкой размерности, что существенно упрощает интерпретацию полученных результатов [1, 3].

Отметим, что при анализе многомерных социологических данных традиционные методы параметрической статистики как правило оказываются неэффективными, так как разработаны в рамках естественно-научного подхода или промышленной статистики. Предназначаясь для проверки статистических гипотез, они не уделяют внимания задачам описания и комплексного анализа структуры данных, тогда как подобные задачи являются актуальными в социологических исследованиях. Кроме того, накладывая ряд существенных ограничений на исходные данные (нормальность распределения, независимость признаков), традиционные методы существенно сужают практику их использования в социологии, где данные ограничения практически никогда не выполняются [12].

Преимущества МСА в практике социологических исследований несомненны. Прежде всего, данный метод может работать с большими массивами данных, не накладывая никаких ограничений на них, позволяя получить четкое представление об их структуре. Особенностью метода является то, что он призван порождать гипотезы о распределении и взаимосвязях данных. В анализе соответствий процесс тестирования гипотез, использующийся в классических методах статистики, замещается интерпретацией графического представления данных, – так называемых «карт соответствия» (correspondence map). Такой способ описания данных через визуализацию опирается на особую исследовательскую стратегию, характерную, прежде всего, для французских социологов и специалистов по статистике. В анализе соответствий категории, имеющие сходные распределения, будут представлены точками, лежащими близко друг к другу; и, напротив, категории с сильно различающимися распределениями сформируют далеко лежащие друг от друга точки [1, 2, 12].

Результаты множественного анализа соответствий и их интерпретация

На основе результатов анкетирования была построена матрица Берта, для которой и проводился множественный анализ соответствий, строились карты соответствий.

Анализ карты соответствий (рис. 1) показывает, что в левом верхнем квадранте расположились доктора наук старших возрастных групп, примыкает к ним группа преподавателей предпенсионных возрастов, в центре карты оказываются кандидаты наук возрастных групп 30–40 лет, в отдельный квадрант выделяется группа молодых неостепененных преподавателей в возрасте до 30 лет.

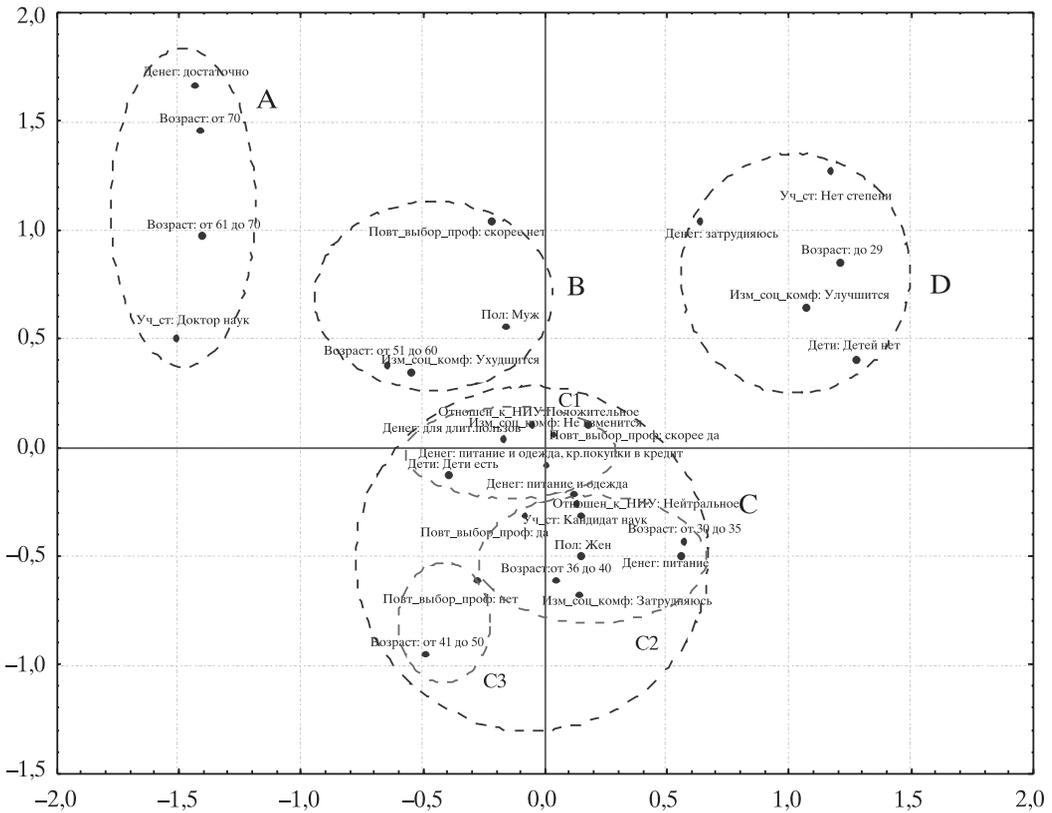

Рис. 1. Карта ассоциированности ответов на основе множественного анализа соответствий

С учетом того, что для вузов характерна тесная корреляционная зависимость между возрастной категорией преподавателя и его ученой степенью, целесообразным представляется определить горизонтальную ось, используя понятия различных форм капитала, рассматриваемых П. Бурдьё [1]. Абсолютные и относительные вклады, а также графический анализ показывают, что ось X в наибольшей степени характеризует образование: точка «Ученая степень: доктор наук» – на левом полюсе, против точки «Ученая степень: нет степени» – на правом. Кроме того, существенный вклад в координаты по горизонтальной оси имеет категория возраста: лица старших возрастов, преимущественно пенсионного возраста – слева, против молодежи – справа. Таким образом, логичным представляется интерпретировать данную ось как ось «социально-профессионального капитала» в смысле «совокупности накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход – в виде заработной платы, процента или прибыли» [6].

Точки, располагающиеся справа, характеризуют относительно низкий уровень социально-профессионального капитала: это молодые преподаватели без ученой степени. Крайние точки слева описывают высокий уровень социально-профессионального капитала преподавателей вуза – это доктора наук преимущественно пенсионного возраста.

Вертикальную ось представляется целесообразным определить как ось социальной комфортности, понимаемую как соотношение субъективных оценок человека и объективного состояния благополучия, формируемых под влиянием совокупности различных условий, наиболее благоприятных для выполнения функций в социальной сфере. Так, вдоль вертикальной оси расположены ответы относительно финансового благополучия, оценки социального самочувствия, отношение к выбору профессии. Следует отметить, что статистическая связь между этими ответами весьма сложная и явно нелинейная.

В итоге получено двумерное социальное пространство, в котором главными осями являются социально-профессиональный капитал и ось комфортности. Анализируя совместное распределение точек ответов в заданном социальном пространстве, можно выделить следующие кластеры преподавателей (см. рис. 1).

Кластер «А» – это доктора наук возраста старше 60 лет. Единственная группа респондентов, для которой относительно близко стоит ответ о том, что «денег достаточно». Это преподаватели социально и профессионально себя реализовавшие, утвердившие свой статус в вузе, уверенные в настоящем и будущем. Данная группа составляет 5–10% от общей численности преподавателей вуза.

Кластер «В» – это возрастная группа предпенсионных возрастов (50–60 лет), преимущественно ассоциированная с мужчинами, считающими, что социальная комфортность проживания в ближайшее время ухудшится, разочаровавшимися в выборе профессии. Особенностью данного кластера является то, что ответы респондентов данной группы практически не связаны с категорией ученой степени. Данный кластер составляет примерно 15–20% от общего числа преподавателей.

Кластер «С» – это наиболее сложная для интерпретации группа, включающая в себя преподавателей с ученой степенью кандидата наук преимущественно возрастной группы 30–40 лет. Это наиболее многочисленная (50–60%), составляющая кадровую основу вуза группа преподавателей. Анализ сгущений расположения точек в данном блоке позволяет выделить в нем три субкластера:

– субкластер «С1»: группа положительно ориентированных преподавателей, преимущественно семейных, не сомневающих в выборе профессии, отвечающих, что денег вполне достаточно для беспрепятственного приобретения товаров длительного пользования (20–30%);

– субкластер «С2»: преимущественно женщины возраста 30–40 лет, нейтрально относящиеся к происходящим изменениям в вузе и отвечающие, что денег им достаточно преимущественно на товары первой необходимости, затрудняющиеся определить изменение своей комфортности в ближайшее время, тем не менее уверенные в правильности выбранной профессии (20–25%);

– субкластер «С3»: группа 40–50-летних преподавателей, считающая неудачным выбор своей профессии (5–10%). Данный субкластер образует поколение, начавшее свою профессиональную деятельность в вузе в начале 1990-х, когда происходившая в этот период социально-экономическая трансформация российского общества вызвала мощный отток из вузов наиболее активной и мобильной части преподавателей, сформировав так называемый разрыв поколений [11]. В настоящее время это проявляется как в возрастном

вакууме 40–50-летних преподавателей, так и неким недовольством в выборе профессии оставшихся в вузе преподавателей данных возрастов.

Кластер «D»: группа молодых преподавателей без ученых степеней, без детей. Эта группа считает, что социальная комфортность в ближайшее время улучшится, однако в финансовом плане затрудняется дать определение своего финансового положения. В процентном соотношении они составляют 10–15% от общей численности преподавателей университета.

В рамках анализа процесса изменений структуры научно-педагогических кадров исследовательского университета нам представляется важным проанализировать карту соответствия ответов выделенных кластеров преподавателей с ответами на вопрос анкеты «Как вы планируете Вашу профессиональную деятельность в ближайшей и отдаленной перспективе?» Респондентам были предложены следующие варианты ответов (с временным горизонтом от одного года до десяти лет): работа над кандидатской диссертацией и ее защита; работа над докторской диссертацией и ее защита; управленческая деятельность; организация инновационной структуры при вузе; другое. Графический результат приведен на рис. 2.

Для интерпретации результатов ранее выявленные кластеры выделены соответствующим образом. В итоге получено, что кластеры «А» и «В» не ассоциируют свою дальнейшую работу ни с одним из видов деятельности, т.е.,

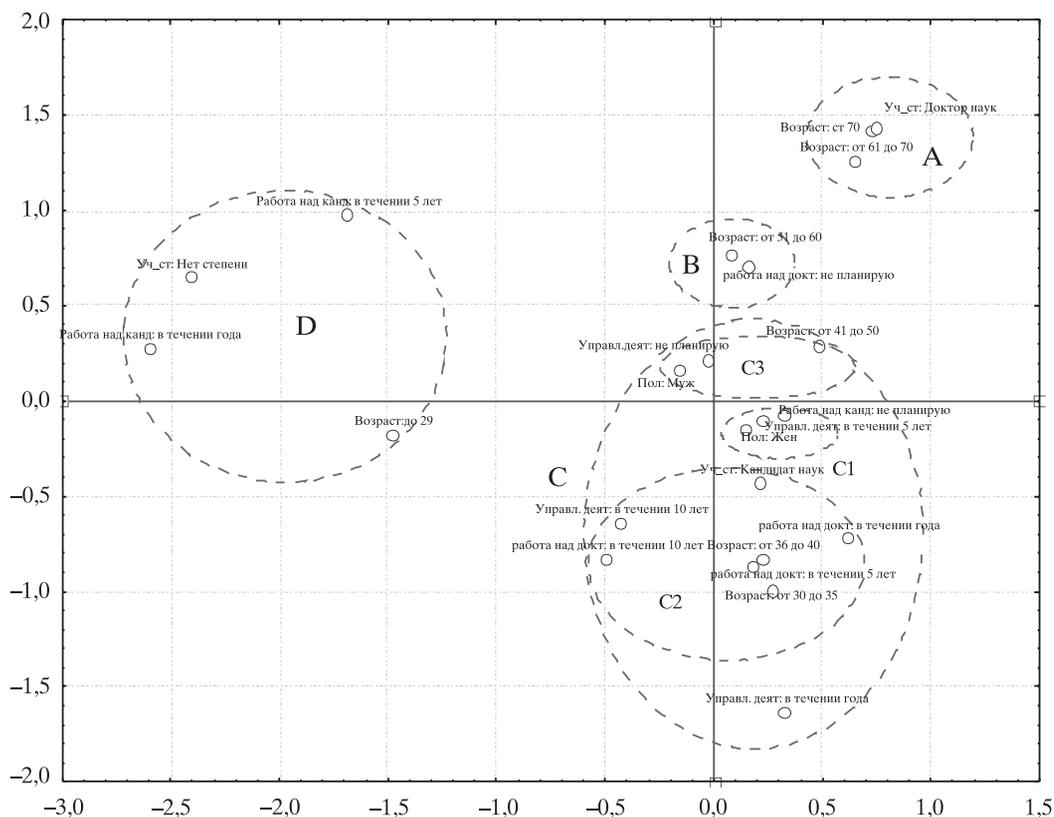

Рис. 2. Карта ассоциированности ответов выделенных кластеров и планирования дальнейшей деятельности в вузе

с одной стороны, это доктора наук старших возрастных групп, достигшие статусного положения в вузе, с другой – это «разочарованная» группа преподавателей предпенсионных возрастов.

С нашей точки зрения, выявленная самодостаточность и удовлетворенность имеющимся, отсутствие явной связи с инновационной деятельностью в вузе его элитной части (докторский, профессорский состав) свидетельствует о нарастающей проблеме изоляции региональной науки. Не способствует положительному опыту молодежи и негативный опыт старших преподавателей, чей наиболее активный этап пришелся на проблемные 1990-е годы. Руководству вуза необходимо преломить сложившуюся ситуацию, например путем поддержки существующих или формирования новых научных школ и научно-педагогических коллективов.

Ситуация с «неэффективными» в современных условиях преподавателями (кластеры «В», «С3») гораздо более сложная. В условиях существенного ограничения ресурсов вуза (финансовых, материально-технических) сложившаяся ситуация рассматривается ими как неблагоприятная и требующая борьбы за оставшиеся ресурсы. Задачей руководства в этом случае является введение новых отношений между сотрудниками для включения их в задачи НИУ и постепенная оптимизация структуры внутренних подразделений вуза.

Наиболее активно планируют свою дальнейшую судьбу преподаватели кластера «С». Следует отметить, что данная группа ориентирована прежде всего на кратко- и среднесрочно планируемую деятельность. Присутствуют здесь и свои особенности. Преподаватели субкластера «С1» в большей степени ориентированы на управленческую деятельность и планируют ей заняться в течение ближайших пяти лет, преподаватели субкластера «С2» ориентированы на научную карьеру, планируя в среднесрочной перспективе начать работу над докторской диссертацией. Преподаватели кластера «С3» не ориентированы на планирование своей профессиональной деятельности в вузе. На карте соответствий видно, что эта группа преподавателей примыкает к кластерам «А» и «В».

Отметим выявленную взаимозависимость: кандидаты наук, которых в целом устраивает их доход, в большей мере ориентированы на управленческую деятельность (субкластер «С1»), преподаватели, ответившие, что «денег хватает только на питание и одежду», в среднесрочной перспективе более ориентированы на научную деятельность (субкластер «С2»). Данная группа готова затрачивать значительные усилия для того, чтобы обеспечивать себе не столько карьерный рост, сколько рост доходов за счет повышения научной квалификации и появившихся за счет этого возможностей дополнительной занятости. Следует отметить также, что наши результаты хорошо согласуются с результатами отечественных ученых [8, с. 88–89].

Актуальной задачей руководства для наиболее активной и плодотворной части преподавателей вуза видится в создании условий для реализации их творческого потенциала ученого, расширения их научных контактов, публикации результатов научных исследований, поддержки диссертационных исследований.

Настораживающим фактом является то, что для группы молодых преподавателей без ученых степеней (кластер «D») весьма далеко ассоциированы на карте соответствий ответы о возможном сроке работы над кандидатской диссертацией. Вероятнее всего данная ситуация связана с низким престижем

сферы науки и высшей школы как области профессиональной деятельности. Также ситуация усугубляется тем, что ухудшающаяся демографическая ситуация в стране, сокращение контрольных цифр приема в вузы, а также уменьшение численности студентов, обучающихся на коммерческой основе, приведут к уменьшению численности профессорско-преподавательского состава университета. Переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования, когда на первой ступени (бакалавриате) как наиболее массовой, студенты будут обучаться 4 года вместо 5 лет, также приведет к снижению учебной нагрузки. Данные обстоятельства вызывают высокую степень неопределенности в дальнейшей профессиональной судьбе молодых преподавателей и неуверенности в необходимости защиты диссертации в связи с надвигающейся угрозой возможного сокращения.

Следовательно, весьма важной задачей кадровой политики вуза является формирование благоприятных условий и стимулов для прихода в науку талантливой молодежи, склонной к исследовательской работе, что будет способствовать закреплению способных молодых исследователей в науке.

Использование множественного анализа соответствий для исследования структуры научно-педагогических кадров исследовательского университета позволило идентифицировать достаточно неоднородную по своей структуре преподавательскую среду, дифференцированную как по уровню социально-профессионального капитала, так и готовности к дальнейшему развитию. Применение данного метода в процессе мониторинга преподавательских кадров вуза позволит оценить успешность реализации стратегических задач развития человеческого капитала вуза, оценить эффективность изменений в его системе управления.

Подводя итог, сделаем следующие выводы:

- на основе множественного анализа соответствий можно выделить двумерное социальное пространство, в котором ключевыми осями являются социально-профессиональный капитал и социальная комфортность;

- в выявленном социальном пространстве выделены 4 кластера преподавателей, определяемых в первую очередь осью социально-профессионального капитала: от докторов наук старших возрастных групп до молодых преподавателей без ученых степеней;

- выявлена социолого-статистическая взаимосвязь между выделенными кластерами преподавателей и планами их профессиональной деятельности: не ассоциируют свою дальнейшую работу ни с одним из видов деятельности доктора наук, достигшие статусного положения в вузе, и «разочарованная» группа преподавателей; кандидаты, в целом удовлетворенные своим доходом, в большей степени ориентированы на управленческую деятельность, те из них, кого не устраивают достигнутые доходы, в основном направлены на научную карьеру и планируют работу над докторской диссертацией; группа молодых преподавателей без ученой степени по всей видимости находится в ситуации высокой степени неопределенности относительно карьерных планов и необходимости подготовки кандидатской диссертации;

- дифференцированная кадровая структура вуза требует реализации различных задач управления человеческими ресурсами на основе их стратегического и системного видения, объединяя в себе различные направления политики университета, подкрепленных как финансово, так и организационно.

Литература

1. Айвазян С.А., Бухштабер В.М., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности. М.: Финансы и статистика, 1989.
2. Большаков А.А., Каримов Р.Н. Методы обработки многомерных данных и временных рядов. М.: Горячая линия – Телеком, 2007. 522 с.
3. Глинский В.В., Макаридина Е.В. О модели жизненного цикла высшего профессионального образования России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 3. С. 12–18.
4. Крыштановский А. Анализ социологических данных. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
5. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Академическая свобода и стандарты поведения // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 80–93.
6. Радаев В. Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
7. Сажин Ю.В., Сарайкин Ю.В., Соколова М.Ю. Инновационное развитие и научный потенциал региона: модели взаимосвязи // Финансы и бизнес. 2011. № 4. С. 61–68.
8. Саралиева З. Х.-М., Балабанов С.С. Воспроизводство научно-педагогических кадров // Социологические исследования. 2002. № 11.
9. Сонин К., Хованская И. Информационная теория исследовательского университета // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 132–143.
10. Стриханов М., Рубецков Д., Короновский А., Храмов А. Анализ и прогноз изменений научно-педагогического потенциала высшей школы // Высшее образование в России. 2003. № 3. С. 3–17.
11. Фадеева И.М. Высшая школа в современном российском обществе. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004.
12. Шафур М.А. Анализ соответствий: представление метода // Социология: 4М. № 28. С. 29–44.
13. Bourdieu P. Distinction. A social critique of the judgment of taste. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1984.
14. Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года). URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/innovations/doc20101231_016?presentationtemplate=docHTMLTemplate1&presentationtemplateid=2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e

Bibliography

1. Ajvazjan S.A., Buhshaber V.M., Enjukov I.S., Meshalkin L.D. Prikladnaja statistika: Klassifikacija i snizhenie razmernosti. M.: Finansy i statistika, 1989.
2. Bol'shakov A.A., Karimov R.N. Metody obrabotki mnogomernyh dannyh i vremennyh rjadov. M.: Gorjachaja linija – Telekom, 2007. 522 p.
3. Glinskij V.V., Makaridina E.V. O modeli zhiznennogo cikla vysshego professional'nogo obrazovanija Rossii // Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'. 2011. № 3. P. 12–18.
4. Kryshtanovskij A. Analiz sociologicheskikh dannyh. M.: GU-VShJe, 2006.
5. Kuz'minov Ja.I., Judkevich M.M. Akademicheskaja svoboda i standarty povedenija // Voprosy jekonomiki. 2007. № 6. P. 80–93.
6. Radaev V. Jekonomicheskaja sociologija. M.: GU-VShJe, 2005.
7. Sazhin Ju.V., Sarajkin Ju.V., Sokolova M.Ju. Innovacionnoe razvitie i nauchnyj potencial regiona: modeli vzaimosvjazi // Finansy i biznes. 2011. № 4. P. 61–68.
8. Saraliev Z. H.-M., Balabanov S.S. Vosproizvodstvo nauchno-pedagogicheskikh kadrov // Sociologicheskie issledovanija. 2002. № 11.
9. Sonin K., Hovanskaja I. Informacionnaja teorija issledovatel'skogo universiteta // Voprosy jekonomiki. 2009. № 7. P. 132–143.
10. Strihanov M., Rubeckov D., Koronovskij A., Hramov A. Analiz i prognoz izmenenij nauchno-pedagogicheskogo potenciala vysshej shkoly // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2003. № 3. P. 3–17.

11. *Fadeeva I.M.* Vysshaja shkola v sovremennom rossijskom obwestve. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2004.
12. *Shafir M.A.* Analiz sootvetstvij: predstavlenie metoda // Sociologija: 4M. № 28. P. 29–44.
13. *Bourdieu P.* Distinction. A social critique of the judgment of taste. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1984.
14. Innovacionnaja Rossija – 2020 (Strategija innovacionnogo razvitija Rossij-skoj Federacii na period do 2020 goda). URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016?presentationtemplate=docHTMLTemplate1&presentationtemplateid=2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e

УДК 336.77

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ КРЕДИТНЫМ РИСКОМ

В.Н. Афанасьев

Оренбургский государственный университет

А.В. Афанасьева

РКЦ ЦБ по Оренбургской области

E-mail: Afanassiev@rambler.ru

В статье обсуждаются статистические методы исследования кредитных рисков, рассмотрены примеры использования статистического инструментария в анализе кредитования товаропроизводителей, предлагаются мероприятия по управлению кредитными рисками. В качестве информационной базы исследования использованы данные ЦБ России, ведомственная статистика кредитных учреждений.

Ключевые слова: кредитные риски, классификация банковских рисков, финансовые коэффициенты, регрессионный анализ кредитоспособности, типологизация предприятий заемщиков.

ELABORATION OF THE STATISTICAL RESEARCH METHODOLOGY IN CREDIT RISK MANAGEMENT

V.N. Afanasyev

Orenburg State University

A.V. Afanasyeva

Central Bank Payment Processing Center in Orenburg Region

E-mail: Afanassiev@rambler.ru

The article discusses the statistical research methods of credit risks, examples of the use of statistical tools in the manufacturers crediting analysis are considered, credit risk management practices are offered. Russian Central Bank records and department statistics of credit institutions were used as the research data base.

Key words: credit risks, bank risk classification, financial ratios, regression analysis of credit solvency, typologization of borrowing companies.

В сложившихся экономических условиях в РФ все большую актуальность приобретают вопросы исследования различного рода рисков. Первостепенное место при этом отведено банковским рискам, так как для экономики России в последние годы банковская деятельность приобрела большое значение в большей степени благодаря интенсивно развивающемуся кредитованию физических и юридических лиц. При этом, как известно, кредитование является наиболее прибыльной и рискованной частью банковских операций. Поскольку оценка степени риска и определение его величины носит вероятностный характер, то приоритетными методами при этом являются статистические.

Вследствие существенного влияния банков на экономику и общественные отношения, при эффективном управлении банковскими, и в частности кредитными рисками, можно ожидать расширения сферы банковского кредитования реального сектора и как следствие улучшение ситуации в экономике и банковской системе страны.

Система основных факторов риска в банковской сфере, классификация их по признакам

Проведенный обзор различных классификаций банковских рисков позволил нам систематизировать их по основным признакам (табл. 1).

Таблица 1

Классификация банковских рисков по основным признакам

Признак	Виды риска
Функциональное воздействие на хозяйственную деятельность фирмы	Коммерческий или отраслевой
	Деловой или производственный
	Финансовый
	Риск ликвидности
	Кредитный риск
	Операционный риск
Банковская практика	Конкретные риски: риски неоправданного увеличения операционных расходов; риски неоправданного увеличения неоперационных расходов; риски уменьшения доходов от пассивных операций; риски уменьшения доходов от активных операций; риски потерь и обесценения активов; риски упущенных выгод
	Собирательные риски: риск неликвидности; риск уменьшения доходов; риск уменьшения прибыли, возникновения убытков; риск уменьшения капитала до опасно низкого уровня; риск неплатежеспособности
Характер учета	Риск по балансовым операциям
	Риск по забалансовым операциям
Возможность снижения риска	Систематические или недиверсифицированные
	Несистематические или диверсифицированные
Сфера возникновения рисков	Внутренние
	Внешние
Состав клиентов банка	Форма собственности
	Отрасль экономики
	Объем собственного капитала
Вид банковской операции	Кредитные
	Депозитные
	Валютные
Уровень (степень) банковских рисков	Полный
	Умеренный
	Низкий

Основными областями банковской деятельности, генерирующими кредитные риски, являются: кредитование клиентов; инвестиции в ценные бумаги; межбанковское размещение; деятельность дочерних компаний; взаимоотношения с дебиторами.

В настоящей работе рассматриваются кредитные риски, проявляющиеся в кредитной деятельности банка при кредитовании юридических лиц.

Кредитный риск лежит в основе взаимоотношений между банком и клиентом по договору займа (гарантии, аккредитива и др.) и зависит как от клиента, так и от банка. В зависимости от источников проявления факторы, влияющие на кредитный риск, могут быть внутренними и внешними (рис. 1).

Рис. 1. Источники кредитного риска банка

Внешние причины возникновения кредитного риска находятся вне банка. Они подразделяются на кредиторские – это причины возникновения кредитного риска, которые зависят от заемщика, т. е. получателя банковского кредита. К ним относятся положение заемщика на рынке, уровень его прибыльности, масштабы деятельности, величина располагаемого и собственного капиталов и т. п.; рыночные – это причины возникновения кредитного риска, которые определяются конъюнктурой всего рынка. К ним относятся факторы, определяющие общерыночную конъюнктуру: изменения рыночных цен, валютных курсов, процентных ставок, состава участников рынка и др.; внерыночные – это причины возникновения кредитного рынка, которые находятся вне рынка. К таким причинам относятся политические действия государства, изменения в законодательстве, природные события (землетрясения, наводнения и т. п.) и др.

Внутренние причины возникновения кредитного риска многогранны. В целом к ним можно отнести такие причины: ошибки в управлении, например, ошибочную кредитную политику банка, ошибки в принятии решений о кредитовании конкретных клиентов банка, ошибки в документации и др.; неготовность к проведению кредитных операций, например необученность соответствующего персонала банка, нехватку нужного оборудования, неготовность нормативной документации и т. п.

В ходе управления внешними факторами возможности банков достаточно ограничены, но оперативными действиями банк может в какой-то мере смягчить их влияние и предотвратить крупные потери.

Система показателей, влияющих на кредитный риск

Среди аналитиков нет единого мнения относительно состава, классификации и даже названий коэффициентов, позволяющих проанализировать финансовое состояние и кредитоспособность заемщиков.

Методика Сбербанка оценки класса кредитоспособности заемщиков опирается на расчет и анализ ограниченной группы финансовых коэффициентов: коэффициент абсолютной ликвидности K_1 , промежуточный коэффициент покрытия K_2 , коэффициент текущей ликвидности (общий коэффициент покрытия) K_3 , коэффициент соотношения собственных и заемных средств K_4 , рентабельность продукции (или рентабельность продаж) K_5 . Данный анализ мы предлагаем дополнить рядом показателей, позволяющих более разносторонне оценить кредитоспособность заемщиков:

X_1 – коэффициент соотношения собственных и заемных средств (K_4);

X_2 – коэффициент абсолютной ликвидности (K_1);

- X_3 – промежуточный коэффициент покрытия (K_2);
- X_4 – коэффициент текущей ликвидности (K_3);
- X_5 – рентабельность продукции (продаж), % (K_5);
- X_6 – оборачиваемость дебиторской задолженности, дней;
- X_7 – оборачиваемость кредиторской задолженности, дней;
- X_8 – оборачиваемость оборотных средств, дней;
- X_9 – коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами;
- X_{10} – коэффициент маневренности собственного капитала;
- X_{11} – коэффициент обеспеченности материальных запасов;
- X_{12} – коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности;
- X_{13} – коэффициент концентрации собственного капитала.

Типологизация предприятий заемщиков Оренбургского отделения Сбербанка РФ и их кредитный рейтинг

В результате проведенного анализа вариации показателей X_1 – X_{13} выявлено, что все рассматриваемые показатели образуют неоднородную совокупность, так как превышен «порог однородности» (33%).

Неоднородность заемщиков по уровню исследуемых признаков требует необходимости их классификации. Если необходимо классифицировать объекты наблюдения по множеству признаков, притом что отсутствует информация о характере распределения внутри классов, то проводится многомерная классификация методами кластерного анализа.

Результатом кластеризации заемщиков Сбербанка различных ВЭД по состоянию на 01.01.2008 г. является иерархическое дерево, представленное на рис. 2.

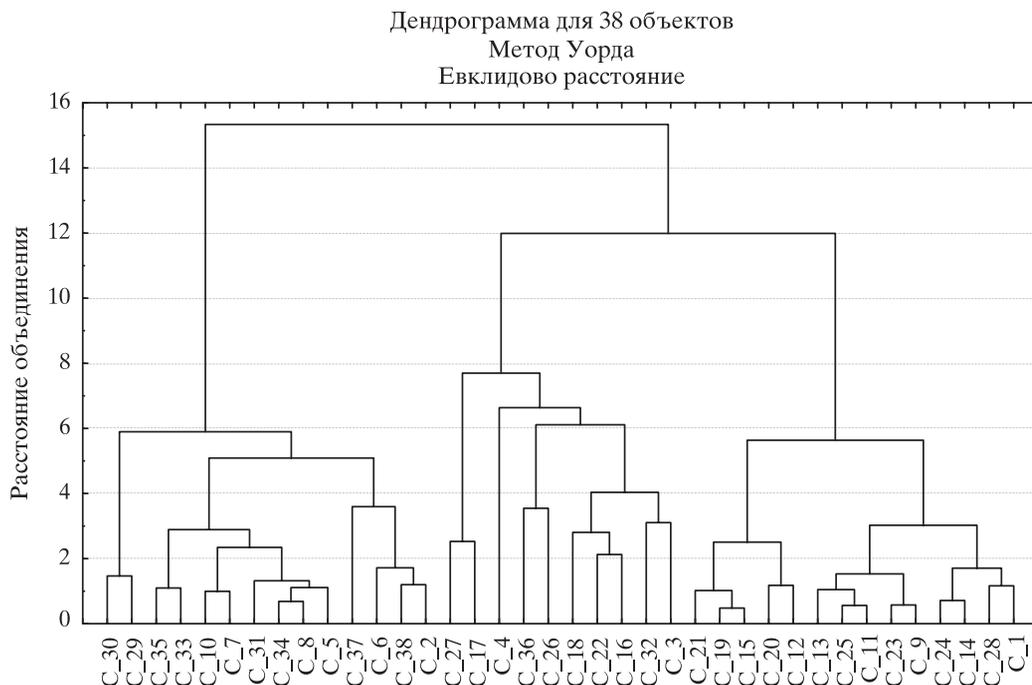

Рис. 2. Дендрограмма объединения классов методом Уорда

Нами получена объективная оценка количества групп и их состав. Метод Уорда приводит к образованию кластеров примерно равных размеров с минимальной внутриклассовой дисперсией. В итоге все объекты объединяются в один класс. Однако недостатком данного метода является необходимость перебора всех возможных вариантов включения нового объекта в кластер.

Для более детального рассмотрения кластеров проведена многомерная группировка по различным вариантам метода k -средних.

Метод k -средних позволил получить оптимальное разбиение, при котором сумма внутриклассовых дисперсий минимальна.

Состав полученных в результате разбиения кластеров представлен в табл. 2.

Таблица 2

Структура классов

Класс	Вид деятельности и номера субъектов, вошедших в кластер
1 (7)	«Производство, заготовка и реализация сельхозпродукции» (3, 4, 12, 16, 20), «Оптовая торговля» (32, 36)
2 (15)	«Металлургическое производство» (6), «Обрабатывающие производства» (9), «Производство и реализация сельхозпродукции» (11, 13, 15, 17–19, 21–27)
3 (16)	«Производство промышленных товаров» (1), «Производство машин и оборудования» (2), «Производство строительных материалов» (5), «Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых» (7, 10), «Производство и реализация сельхозпродукции» (8, 14), «Строительство» (28–30), «Транспорт» (31), «Оптовая торговля» (33–35, 37), «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (38)

Распределение средних значений нормированных признаков для кластеров отражено на рис. 3.

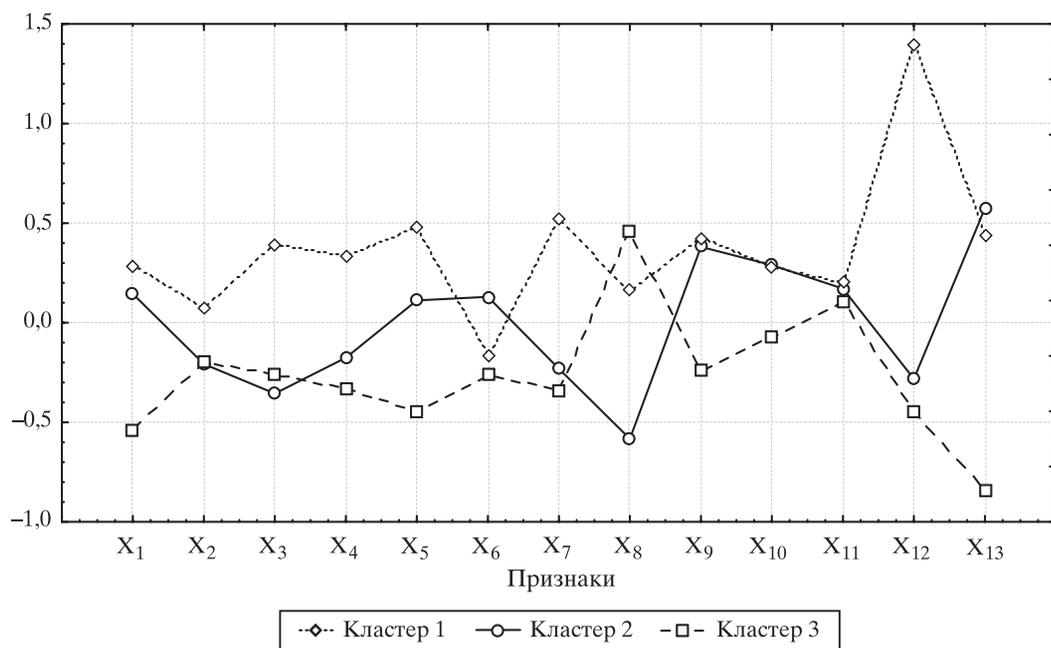

Рис. 3. График средних нормированных значений в каждом кластере

Согласно полученной классификации в первый класс вошли 4 сельскохозяйственные организации и 2 организации, занимающиеся оптовой торговлей. Данный класс объединяет заемщиков с высоким уровнем кредитоспособности. График средних значений нормированных признаков (см. рис. 3) свидетельствует о том, что по большинству рассматриваемых признаков в классе наблюдаются наилучшие значения, за исключением показателей X_6 – оборачиваемость оборотных средств и X_{13} – коэффициент концентрации собственного капитала, которые несколько ниже, чем во втором кластере.

Второй класс (организации со средним уровнем кредитоспособности) практически на 90% составляют сельскохозяйственные организации. График средних значений в классе отражает более высокие по сравнению с третьим классом средние значения по признакам $X_1, X_4, X_5, X_6, X_7, X_9, X_{10}, X_{11}, X_{12}, X_{13}$. Менее высоки, чем в третьем классе, средние значения таких признаков, как X_3 – промежуточный коэффициент покрытия и X_8 – оборачиваемость оборотных средств. Практически на одном уровне с организациями третьего класса во втором классе показатель X_2 – коэффициент абсолютной ликвидности.

Третий класс представлен, в основном, организациями обрабатывающих производств, оптовой торговли и строительства. Наиболее низкими значениями в данном классе по сравнению с первым и вторым классами характеризуются такие показатели, как X_1 – коэффициент соотношения собственных и заемных средств, X_5 – рентабельность продукции (продаж), X_9 – коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами и X_{13} – коэффициент концентрации собственного капитала.

Таблица 3

Сравнительный анализ кредитоспособности заемщиков

№ заемщика	Число заемщиков	№ класса по результатам кластерного анализа	Кредитный рейтинг, присвоенный Сбербанком РФ
4, 12, 16, 20, 32	5	1	1
3, 36	2	1	2
11, 15, 18, 21, 25, 26, 27	7	2	2
9, 13, 17, 19, 22, 23, 24	7	2	1
6	1	2	3
29, 30, 33, 38	4	3	3
1, 2, 5, 7, 8, 10, 14, 28, 31, 34, 35, 37	12	3	2

Как показывают данные табл. 3, при многомерной классификации к распределению заемщиков по классам были предъявлены более жесткие требования. Особенно это касается распределения между вторым и третьим классом заемщиков. Около половины организаций (46,7%), отнесенных по результатам кластерного анализа ко второму классу, по методологии Сбербанка получили более высокий рейтинг и были оценены как организации с первым классом кредитоспособности, а 75% организаций, отнесенных по результатам кластеризации к третьему классу, получили по банковской оценке более высокий (второй) класс кредитоспособности.

Результаты корреляционного и регрессионного анализа показателей, характеризующих кредитоспособность организаций в Оренбургской области

Установлена тесная статистическая связь между коэффициентом соотношения собственных и заемных средств, коэффициентом покрытия и коэффициентом концентрации собственного капитала.

Для исследования зависимости между набором представленных признаков (X_1 – X_{13}) необходимо определить резульативный показатель (Y), с которым наиболее тесно коррелируют отобранные в ходе анализа признаки.

Показатели оборачиваемости X_6 – X_8 взяты как прямые характеристики (в кластерном анализе для облегчения интерпретации полученных классов были использованы их обратные значения).

По матрице парных коэффициентов корреляции установлено, что в качестве резульативного признака можно рассмотреть показатель X_1 – коэффициент соотношения собственных и заемных средств (K_4). Введем для него обозначение Y .

Результаты регрессионного анализа резульативного признака с факторными признаками, имеющими статистически значимую связь, и неколлинеарными представлены на рис. 4.

Regression Summary for Dependent Variable: X1						
R= ,84776867 R²= ,71871172 Adjusted R²= ,70263811						
F(2,35)=44,714 p<,00000 Std. Error of estimate: 1,6821						
	Beta	Std. Err. of Beta	B	Std. Err. of B	t(35)	p-level
N=38						
Свободный член			-1,70095	0,595810	-2,85485	0,007190
X3	0,585991	0,093230	1,31535	0,209269	6,28545	0,000000
X13	0,472543	0,093230	5,16941	1,019892	5,06859	0,000013

Рис. 4. Оценки уравнения множественной регрессии

Полученная модель значима и значимы коэффициенты регрессии. Проверка нормальности распределения остатков показала, что построенная модель адекватна реальным данным. Остатки распределены нормально.

Значение критерия Дарбина – Уотсона $d_{набл} = 2,2395$. Верхние и нижние табличные значения критерия составили 1,5 и 1,28 (при $n = 38, k = 2$). Так как полученное значение критерия больше двух, вычисляем $(4 - 1,28) = 2,72$ и $(4 - 1,5) = 2,5$. Таким образом, наблюдаемое значение больше 2, но меньше 2,72, следовательно, гипотеза о наличии автокорреляции отклоняется. В полученной модели стандартные отклонения оценок коэффициентов регрессии оказались малы, значит, можно говорить об отсутствии гетероскедастичности остатков.

Коэффициент детерминации, равный 0,7187, говорит о том, что изменение резульативного признака в среднем на 71,9% объясняется изменением факторных признаков и на 28,1% – влиянием неконтролируемых факторов.

Уравнение регрессии в стандартизованном масштабе показывает, что при росте промежуточного коэффициента покрытия на одну сигму коэффициент соотношения собственных и заемных средств возрастает на 0,59 сигмы; при росте коэффициента концентрации собственного капитала на одну сигму резульативный показатель увеличивается соответственно на 0,47 сигмы. Попытка введения новых объясняющих переменных с целью повышения каче-

ства модели не привела к повышению значения коэффициента детерминации и получению статистически значимых коэффициентов при переменных.

Статистический анализ динамики и структуры кредитного портфеля Оренбургского отделения Сбербанка РФ позволил выявить тенденцию повышения кредитного риска, связанную с прогнозируемым ростом задолженности перед банковской системой по предоставленным кредитам юридическим лицам, а также ссуд по отдельным группам риска

На рис. 5 представлена структура пяти групп кредитов в среднем за 2006–2008 гг. в поквартальной динамике по Оренбургскому отделению Сбербанка РФ.

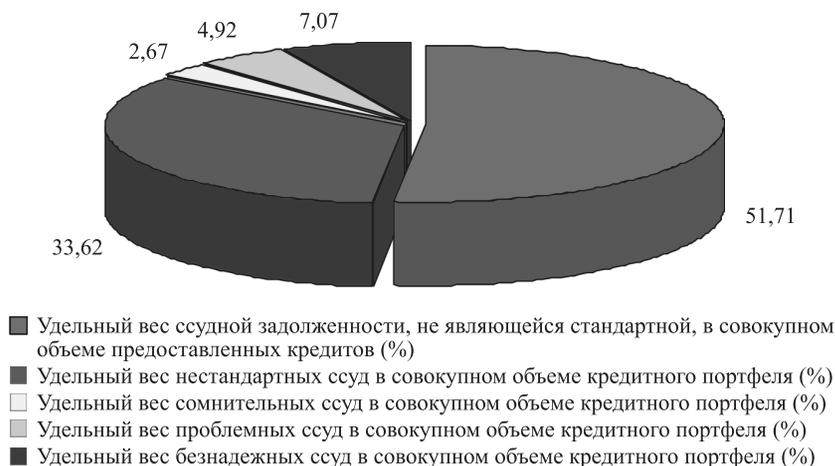

Рис. 5. Удельные веса групп кредитов по фактическому состоянию с их погашением

Наибольший удельный вес в анализируемом периоде составляют ссуды 1-й группы риска, а наименьший – 3-й группы. В качестве негативного факта можно отметить превышение удельного веса безнадежных ссуд (5-я группа риска) над 3-й и 4-й группами.

Анализ колеблемости и устойчивости уровней ряда и тенденции динамики просроченной задолженности по группам, а также суммы общей задолженности перед банковской системой по предоставленным кредитам юридическим лицам позволил выявить следующее (табл. 4):

1) в динамике ряда суммы общей задолженности перед банковской системой по предоставленным кредитам юридическим лицам, удельного веса ссудной задолженности, не являющейся стандартной, удельного веса нестандартных ссуд и удельного веса безнадежных ссуд наблюдается высокая устойчивость уровней ряда относительно выявленной тенденции;

2) высокая устойчивость роста уровней наблюдается в динамике суммы общей задолженности и удельного веса ссудной задолженности, не являющейся стандартной;

3) высокая устойчивость снижения уровней характерна только для удельного веса проблемных ссуд;

4) для временных рядов удельного веса проблемных ссуд и удельного веса сомнительных ссуд устойчивость уровней составила лишь 59,9% и 60,52% соответственно.

Проведенный анализ точности и адекватности моделей тренда, экспоненциального сглаживания, ARIMA, построенных по временным рядам групп задолженностей позволяет сделать вывод, что для прогнозирования целесообразно использовать модели тренда и экспоненциального сглаживания.

Прогноз, выполненный по выбранным моделям анализируемых показателей, позволил установить, что в 2009 г. в поквартальном разрезе ожидается рост суммы общей задолженности, удельного веса ссудной задолженности 1, 3 и 4-й групп и снижение 2-й и 5-й групп. Из вышеизложенного следует, что в Оренбургском отделении Сбербанка РФ сложилась тенденция повышения кредитного риска, связанная с ростом задолженности перед банковской системой по предоставленным кредитам юридическим лицам, а также ссуд по отдельным группам риска.

Таблица 4

**Коэффициенты колеблемости и устойчивости уровней временного ряда
и тенденции динамики**

Наименование	Среднее квадратическое отклонение уровней от тренда	Коэффициент колеблемости, %	Коэффициент устойчивости, %	Коэффициент Спирмена	Индекс корреляции
Сумма общей задолженности перед банковской системой по предоставленным кредитам юридическим лицам (тыс. руб.)	1550299,82	13,27	86,73	0,76	0,73
Удельный вес ссудной задолженности, не являющейся стандартной, в совокупном объеме предоставленных кредитов (%)	4,78	9,25	90,75	0,61	0,51
Удельный вес нестандартных ссуд в совокупном объеме кредитного портфеля (%)	3,32	9,88	90,12	0,22	0,65
Удельный вес сомнительных ссуд в совокупном объеме кредитного портфеля (%)	1,07	40,10	59,90	-0,37	0,76
Удельный вес проблемных ссуд в совокупном объеме кредитного портфеля (%)	1,94	39,48	60,52	-0,75	0,89
Удельный вес безнадежных ссуд в совокупном объеме кредитного портфеля (%)	1,31	18,52	81,48	0,44	0,64

Статистическая оценка результатов экспертного метода; показатели, влияющие на кредитный риск

В процессе предоставления кредита сотрудники кредитного отдела должны сыграть двойную роль – роль продавца и эксперта. После идентификации потенциального заемщика, сотрудник кредитного отдела начинает процесс принятия решения посредством получения информации у этого заемщика с тем, чтобы решить, совместима ли его просьба о предоставлении кредита с текущей политикой банка.

В достаточно простых ситуациях принятия решений удастся ограничиться единственным критерием оптимальности. Соответствующие задачи принятия

решений называют одноцелевыми или однокритериальными, в противном случае имеют место многоцелевые или многокритериальные.

Так как нами предложен набор показателей, характеризующих кредитоспособность организаций и факторов, влияющих на уровень кредитоспособности заемщиков (X_1 – X_{13}), которые и будут являться критериями, то для управления кредитным риском необходимо использовать многокритериальные задачи принятия решений.

При решении многокритериальных задач принятия решений возникает ряд специфических проблем, носящих не формальный, а концептуальный характер. Одна из них – учет приоритета критериев вследствие того, что локальные критерии имеют различную важность.

Для ранжирования критериев по степени важности нами применен метод экспертных оценок – анкетирование. Экспертами выступили работники кредитного отдела банка (15 человек), имеющие опыт работы по кредитованию юридических лиц более 5 лет. Им было предложено расположить критерии X_1 – X_{13} по степени убывания их влияния на вероятность наступления кредитного риска. Коэффициент конкордации мнений экспертов составил 0,78.

$\chi^2_{\text{набл}} = \frac{12 \cdot 37038}{13 \cdot 15 \cdot 16} = 142,45$. Из таблицы критических значений распределения

Пирсона для 5%-го уровня значимости и 14 степеней свободы критическое значение $\chi^2_{\text{крит}} = 23,68$. Следовательно, можно считать, что оценки важности критериев представляют единое мнение данной группы экспертов. Среди наиболее важных эксперты выделили показатели ликвидности (X_2 – X_4), менее важными, по их мнению, являются показатели оборачиваемости и обеспеченности материальными запасами (табл. 5).

Таблица 5

Результаты экспертной оценки важности критериев

Критерий	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}	X_{11}	X_{12}	X_{13}
Ранг	4	1	2	3	5	11	12	7	6	9	13	10	8

Определение пороговых значений локальных критериев с низким, средним и высоким уровнем кредитного риска; кластерный анализ показателей, влияющих на кредитоспособность предприятия в динамике

Одной из основных проблем, связанных с решением задачи векторной оптимизации, является определение области компромисса Ω_X^k из области допустимых решений. В области компромисса есть противоречие между некоторыми критериями: улучшение качества решения по одним критериям ухудшает качество решения по другим. Выделение области компромисса Ω_X^k обычно является первым этапом решения векторных задач принятия решений. Важный практический результат этого этапа – сужение области возможных решений, что уже само по себе улучшает качество принимаемых решений. В отдельных случаях поиск оптимальных решений с приемлемой для практики точностью можно ограничить выделением области компромисса.

Для решения данной проблемы нами применен кластерный анализ с целью выделения устойчивых в динамике классов предприятий по отобранным критериям. Из совокупности заемщиков Оренбургского отделения Сбербанка

РФ отобраны 20 предприятий различных видов экономической деятельности, представившие отчетность в поквартальном разрезе за 2003–2008 гг. По 13 выделенным критериям на первый квартал каждого года проведен кластерный анализ, при этом для соблюдения условия стремления всех показателей к максимуму вместо показателей X_6, X_7, X_8 взяты их обратные значения. Как видно из табл. 6, состав кластеров в динамике отличается нестабильностью. В 2003, 2005 и 2006 гг. нами выделены 2 кластера, в 2004, 2007 и 2008 гг. – 3 кластера, при этом в 2008 г. предприятие под номером 4 не вошло ни в один из кластеров. Для формирования «стабильных» кластеров мы включали в него только те предприятия, которые не менее 4-х лет входили в состав одного и того же кластера. В результате получен состав кластеров, представленный в последней строке табл. 6.

Таблица 6

Состав кластеров в динамике

Годы	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер
2003	5, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 20	1, 2, 3, 4, 6, 7, 14, 16, 18, 19	–
2004	9, 12	11, 13, 15, 17, 20	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 14, 16, 18, 19
2005	4, 9, 12, 13, 17	1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 14, 15, 16, 18, 19, 20	–
2006	9, 11, 12, 13, 15, 17, 20	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 14, 16, 18, 19	–
2007	8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20	5, 3, 6, 1, 2, 16	4, 7
2008	9, 13	8, 10, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19	1, 2, 3, 5, 6, 7, 16, 20
«Стабильный»	9, 12, 13, 17	1, 2, 3, 6, 10, 11, 14, 15, 16, 18, 19	4, 5, 7, 8, 20

По «стабильным» кластерам рассчитаны средние значения критериев. В первый кластер вошли предприятия с наибольшими значениями критериев, третий кластер включает предприятия наихудшие по критериям. Следовательно, можно заключить, что в первый кластер вошли предприятия с наименьшим уровнем риска, во второй со средним, в третий – с наибольшим. Вместе с тем по трем рассматриваемым критериям ($X_{10}, 1/X_6, 1/X_8$) эта градация нарушается.

Таким образом, областью компромисса можно считать принятие решения по критериям X_1 – $X_5, 1/X_7, X_9, X_{11}$ – X_{13} , пренебрегая $X_{10}, 1/X_6, 1/X_8$.

Статистические методы в управленческих решениях по снижению кредитного риска

С учетом особенностей выделенных критериев для выбора заемщика с минимальным уровнем риска мы предлагаем применять принцип выделения главного критерия, основанный на том, что из совокупности локальных критериев e_1, e_2, \dots, e_k выделяется один, например e_1 , и принимается в качестве главного критерия. К уровням остальных локальных критериев предъявляет-

ся требование, чтобы они были не меньше некоторых заданных значений e_q^3 . В результате векторная задача оптимизации сводится к скалярной:

$$\text{opt } E = \max_{e_1 \in \Omega_E^3} e_1,$$

где Ω_E^3 – та часть области компромиссов Ω_E^k , в которой выполняются условия:

$$e_q \geq e_q^3, q \in \overline{2, k}.$$

Выбранный принцип оптимальности нами применен к произвольно взятым предприятиям из каждого кластера: из первого кластера взято предприятие № 13, из второго № 19, из третьего № 20. В качестве главного критерия принят X_2 – коэффициент абсолютной ликвидности, так как по мнению экспертов он является одним из главных показателей кредитоспособности заемщика. Наибольшее значение главного критерия у предприятия № 13 ($X_2 = 0,31$), наименьшее у предприятия № 20 ($X_2 = 0,03$). К уровням остальных локальных критериев наложены требования, представленные в табл. 7 (1-й класс – предприятия с низким уровнем кредитного риска, 2-й класс – предприятия со средним уровнем риска, 3-й класс – предприятия с высоким уровнем риска).

Таблица 7

Значения локальных критериев

Локальный критерий	1-й класс	2-й класс	3-й класс
X_1	Более 0,544	0,372–0,544	Менее 0,372
X_3	Более 0,382	0,263–0,382	Менее 0,263
X_4	Более 2,141	1,112–2,141	Менее 1,112
X_5	Более 0,115	0,086–0,115	Менее 0,086
$1/X_7$	Более 0,029	0,023–0,029	Менее 0,023
X_9	Более 0,196	–0,446–0,196	Менее –0,446
X_{11}	Более –0,053	–0,053– –2,35	Менее –2,347
X_{12}	Более 0,835	0,318–0,835	Менее 0,318
X_{13}	Более 0,451	0,326–0,451	Менее 0,326

Результаты сравнения локальных критериев с наложенными требованиями представлены в табл. 8. Предприятию из 1-го кластера присвоен 1-й класс, а предприятиям из 2-го и 3-го кластера – 2-й класс кредитоспособности (присвоенные классы совпали с рейтингом, установленным банком при анализе кредитоспособности данных заемщиков). Вместе с тем по главному критерию предприятие № 20 имеет наихудший рейтинг. Поэтому при выборе заемщика из предприятий № 20 и 19 предпочтение следует отдать предприятию № 19, которому и по главному и по локальным критериям присвоен 2-й класс.

Таблица 8

Определение класса предприятия по локальным критериям

Номер предприятия	X_1	X_3	X_4	X_5	$1/X_7$	X_9	X_{11}	X_{12}	X_{13}	Сумма	В среднем
13	1	1	1	1	1	1	1	2	1	10	1
19	1	2	2	1	2	1	1	2	2	14	2
20	1	1	2	2	3	1	1	2	2	15	2

Для более надежного установления уровня кредитоспособности предприятия необходимо прогнозировать на срок кредитования динамику критериев. При этом если прогнозируется положительная тенденция большинства критериев, то предприятию присваивается 1-й или 2-й класс (в зависимости от количества критериев с положительной динамикой – чем больше их количество, тем выше класс), в противном случае – 3-й класс.

Прогноз показателей, выполненный по моделям тренда, показал, что у предприятия № 13 в последующие 3 года в поквартальном разрезе ожидается рост показателей, за исключением X_5 и X_{10} . У предприятия № 19 прогнозируется убывающая тенденция по трем показателям: X_5 , X_{10} , X_{11} . А для предприятия № 20 прогнозируется отрицательная тенденция для большинства показателей, за исключением X_5 , $1/X_6$, $1/X_8$ и X_{11} .

Исходя из проведенного анализа показателей, нами сделан вывод, что предприятие № 13 имеет низкий уровень кредитного риска и попадает в первый класс, предприятие № 19, со средним уровнем кредитного риска – во второй класс и предприятие № 20 с высоким уровнем кредитного риска – в третий класс.

Процесс управления кредитным риском при кредитовании юридического лица можно представить в виде поэтапной схемы (рис. 6).

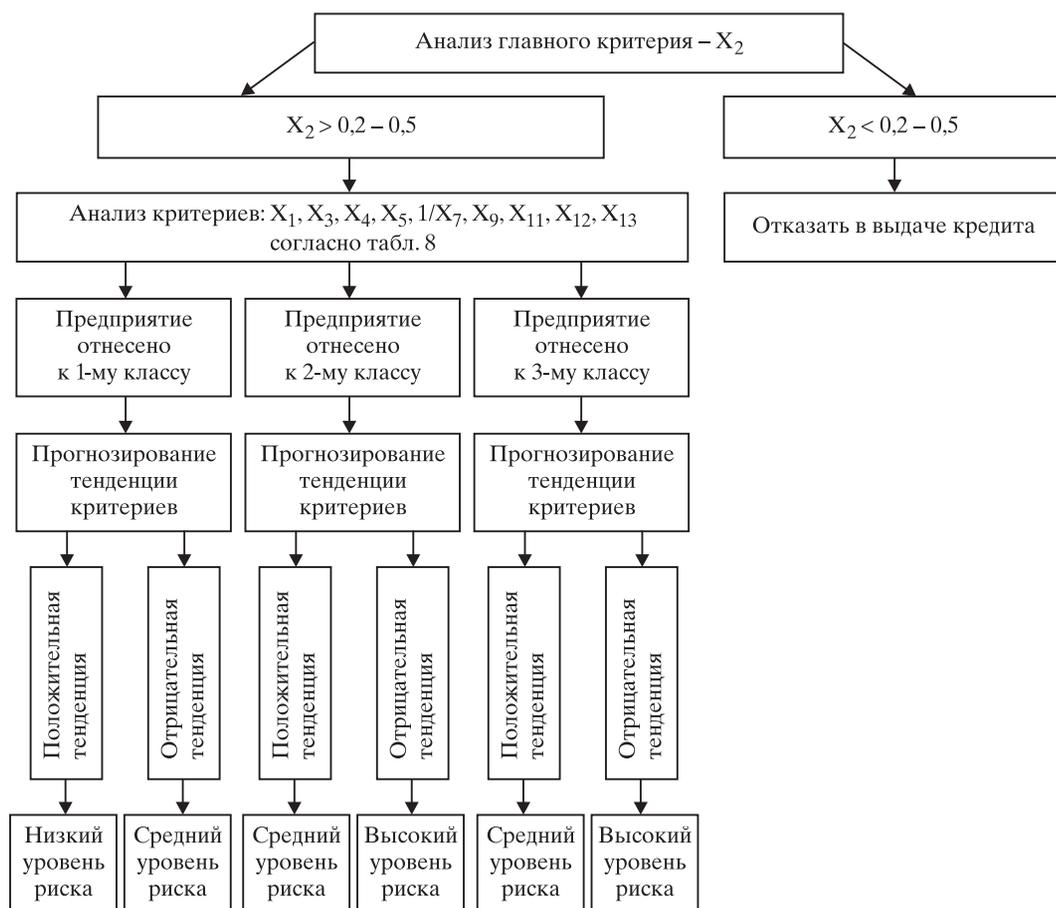

Рис. 6. Схема управления кредитным риском при кредитовании юридического лица

Литература

1. *Афанасьев В.Н., Леушина Т.В.* Статистическое исследование банковского кредитования: Учеб. пособие для вузов. Оренбург: ОГУ, 2011. 300 с.
2. *Дубров А.М., Лагоша Б.А., Хрусталеv Е.Ю., Барановская Т.П.* Моделирование рисковvх ситуаций в экономике и бизнесе: Учеб. пособие / Под ред. Б.А. Лагоша. М.: Финансы и статистика, 2001. 224 с.
3. *Шапкин А.С.* Экономические и финансовые риски. Оценка, управление, портфель инвестиций. М.: Дашков и Ко, 2003. 544 с.

Bibliography

1. *Afanas'ev V.N., Leushina T.V.* Statisticheskoe issledovanie bankovskogo kreditovaniya: Ucheb. posobie dlja vuzov. Orenburg: OGU, 2011. 300 p.
2. *Dubrov A.M., Lagosha B.A., Hrustalev E.Ju., Baranovskaja T.P.* Modelirovanie riskovyh situacij v jekonomike i biznese: Ucheb. posobie / Pod red. B.A. Lagosha. M.: Finansy i statistika, 2001. 224 p.
3. *Shapkin A.S.* Jekonomicheskie i finansovye riski. Ocenka, upravlenie, portfel' investicij. M.: Dashkov i Ko, 2003. 544 p.

УДК 311.12:338.24

ПРИКЛАДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПОРТФЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Л.К. Серга, М.И. Никифорова, Е.С. Румынская, М.С. Хван

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: s444@ngs.ru

Разработка концепций развития и стратегий достижения конкретных планов основывается на обязательной предварительной типологизации не только регионов страны или хозяйствующих субъектов, но и определении места самой страны относительно других государств. Отсюда значительно повышается роль типологической группировки в разработке стратегий развития. Одним из методов типологии хозяйствующих субъектов, понятным для широкого круга лиц, принимающих решения, выступает портфолио-анализ. В бизнес-среде портфельный анализ – это инструмент сравнительного анализа стратегических бизнес-единиц компании для определения их относительной приоритетности при распределении инвестиционных ресурсов, а также получения в первом приближении типовых стратегических рекомендаций. Портфельный анализ также является важным этапом разработки маркетинговой стратегии.

Ключевые слова: типология, портфельный анализ, типологическая группировка, инвестиционная привлекательность, теневая экономика.

APPLIED USE OF PORTFOLIO ANALYSIS METHODS

L.K. Serga, M.I. Nikiforova, E.S. Rumynskaya, M.S. Khvan

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: s444@ngs.ru

Design of development concepts and plans achievement strategies is based on a mandatory preliminary typologization of not only regions of the country or economic agents, but also positioning if the country among other countries. Therefore, the role of typological grouping in the development strategies generation greatly increases. Portfolio analysis is one of the methods of typologization of economic agents. It is understandable to a large set of decision making people. Portfolio analysis in business environment is a tool of comparative analysis of strategic business units of company for the purpose of determination of their relative priority at distribution of investment resources, as well as obtaining of typical strategic recommendations as a first approximation. Portfolio analysis is also an important development phase of marketing strategy.

Key words: typology, portfolio analysis, typological grouping, investment attractiveness, black economy.

Введение. В традиционном применении содержание портфельного анализа заключается в том, что компания рассматривается как совокупность стратегических бизнес-единиц, каждая из которых относительно самостоятельна. Цель портфельного анализа – согласование стратегий и наиболее эффективное использование имеющихся инвестиционных ресурсов с точки зрения достижения устойчивого положения компании в целом и роста финансовых результатов. Для наиболее эффективного распределения инвестиционных ресурсов между стратегическими бизнес-единицами необходимо оценить потенциальную рентабельность, риски и стратегические перспективы развития

каждой из них. В общем случае портфельный анализ построен на правиле, что чем выше потенциал развития бизнес-единицы (рост продаж и прибыли) и чем ниже риски – тем выгоднее для компании в целом инвестирование в развитие этой бизнес-единицы. Инвестиционные ресурсы при этом могут быть как внешние, так и внутренние (прибыль других бизнес-единиц). Основные принципы формирования оптимального портфеля: диверсифицированность портфеля по рискам; диверсифицированность портфеля по стадиям жизненного цикла объектов; диверсифицированность портфеля по объектам инвестирования и донорам.

Также следует отметить, что портфельный анализ помогает избегать «унификационного» подхода к развитию этих бизнес-единиц при разработке корпоративных стратегий. Для каждой бизнес-единицы обозначаются самостоятельные приоритеты и цели, соответствующие ее положению на рынке и роли в портфеле.

Матричные методы портфельного анализа. Наиболее распространенными методами портфельного анализа являются матричные методы. Матрицы для портфельного анализа обычно являются двумерными таблицами (нам известна лишь одна трехмерная матрица стратегического анализа – вариация матрицы Ансофа), где по осям откладываются пограничные значения рассматриваемых факторов (важное условие: между факторами не должно быть строгой функциональной зависимости). Квадранты образуются пересечением пограничных значений обоих факторов. Попадание бизнес-единиц в тот или иной квадрант означает применимость к ним типовых стратегических рекомендаций. Наиболее известные матрицы для портфельного анализа: Матрица БКГ (BCG) – Анализ темпов роста и доли рынка; Матрица МКК (MCC) – Анализ соответствия бизнеса миссии предприятия и его ключевым компетенциям; Матрица GE/McKinsey – Анализ сравнительной привлекательности рынка и конкурентоспособности бизнеса; Матрица Shell – Анализ привлекательности ресурсоемкой отрасли в зависимости от конкурентоспособности; Матрица Ансофа – Анализ стратегии по отношению к рынкам и продуктам; Матрица ADL – Анализ жизненного цикла отрасли и относительного положения на рынке.

Этапы портфельного анализа:

- определение стратегических бизнес-единиц компании;
- выбор матричного метода анализа;
- сбор необходимой для построения матрицы информации. Такой информацией может быть: состояние и тенденции развития отраслей, в которых работают бизнес-единицы; конкурентоспособность бизнесов; доля бизнес-единиц на их рынках; стадии жизненного цикла продуктов и отраслей;
- построение выбранных матриц портфельного анализа;
- на базе типовых рекомендаций выбранного метода матричного анализа разрабатываются общие стратегии для бизнес-единиц.

В рамках типологической группировки функциональные возможности матриц портфельного анализа значительно расширяются по сравнению с классическим их назначением [1–3]. Опыт применения матриц портфельного анализа для типологизации стран, регионов, отраслей и непосредственно предприятий доказал возможность такого приложения портфельного ана-

лиза. Вместе с тем ряд вопросов, связанных со статистическими аспектами построения матриц портфельного анализа в научной литературе, рассмотрены не в полной мере, в частности к таким относится проблема определения критических точек перехода одного типа в другой, решение которой предлагается в данной работе. Авторы предлагают использовать для этих целей следующие варианты решений: применение нормативных границ перехода; использование средних значений показателей динамики, в частности средних темпов роста; многомерной средней; разбиение искусственное на 2, 3 равные группы; применение функции принадлежности, лингвистической кривой; дискриминантного анализа [7].

Типология состояния развития экономики государств. Для анализа экономики государства была использована матрица «привлекательность отрасли – конкурентоспособность» (известная в настоящее время как «матрица GE/McKinsey»), адаптированная в матрицу «Привлекательность – конкурентоспособность экономики государства» (рис. 1).

На основе классических совокупностей стратегий была проведена типологическая группировка с выделением трех состояний развития каждого государства:

- стабильное состояние (экономическая и политическая стабильность, динамичное и устойчивое развитие) – Победитель 1, Победитель 2, Победитель 3;
- турбулентное состояние (разбалансировка микро- и макроэкономики, образование диспропорции важнейших экономических процессов: производства, потребления и распределения) – Вопрос, Средний бизнес, Создатель прибыли;
- кризисное состояние (неблагоприятный процесс с одной стороны, а с другой – отправная точка для дальнейшего роста экономики при мобилизации всех средств) – Проигравший 1, Проигравший 2, Проигравший 3.

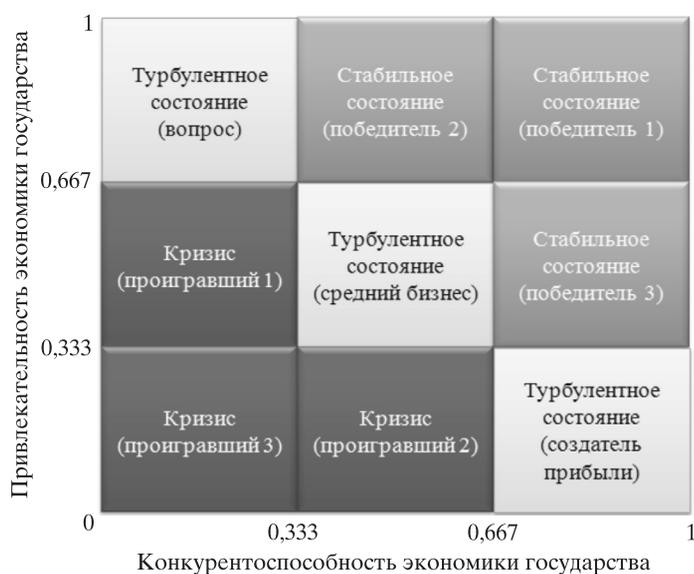

Рис. 1. Матрица «Привлекательность – конкурентоспособность экономики государства»

Конкурентоспособность и привлекательность в адаптированной матрице представляют собой интегральные оценки нескольких факторов, рассчитанные на основе многомерной средней, нормированной по максимальному значению. Поскольку интегральные оценки принимают значение от 0 до 1, это позволяет выделить в матрице 3 равных интервала по привлекательности и конкурентоспособности, формирующие 9 квадрантов – стратегических альтернатив [3, с. 82].

При расчете интегрального показателя необходимо учитывать направленность влияния факторов, так если влияние прямое, то они берутся со знаком плюс, если обратное, то со знаком минус. Эта операция позволяет получить однонаправленные слагаемые [4, с. 136].

На основе разработанной матрицы «Привлекательность – конкурентоспособность экономики государства» проведена диагностика состояния конкурентоспособности и привлекательности экономики различных стран, в том числе и России (рис. 2).

Результаты исследования позволили установить, что экономика России находится в состоянии стагнации. Что касается Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Финляндии, то они занимают среднее положение по конкурентоспособности и имеют слабо привлекательную экономику. Только лишь Германия занимает турбулентное состояние, заняв квадрант «Средний бизнес». Такое положение Германии достигается устойчивостью ее инновационного малого и среднего бизнеса.

Выявление позиции России на мировом рынке позволяет сформировать сценарии ее дальнейшего развития:

1. Нейтральный сценарий развития предполагает переоценку антикризисных мероприятий, которые были приняты в нашей стране для преодоления экономического кризиса 2008 г., и осуществление структурных преобразований;

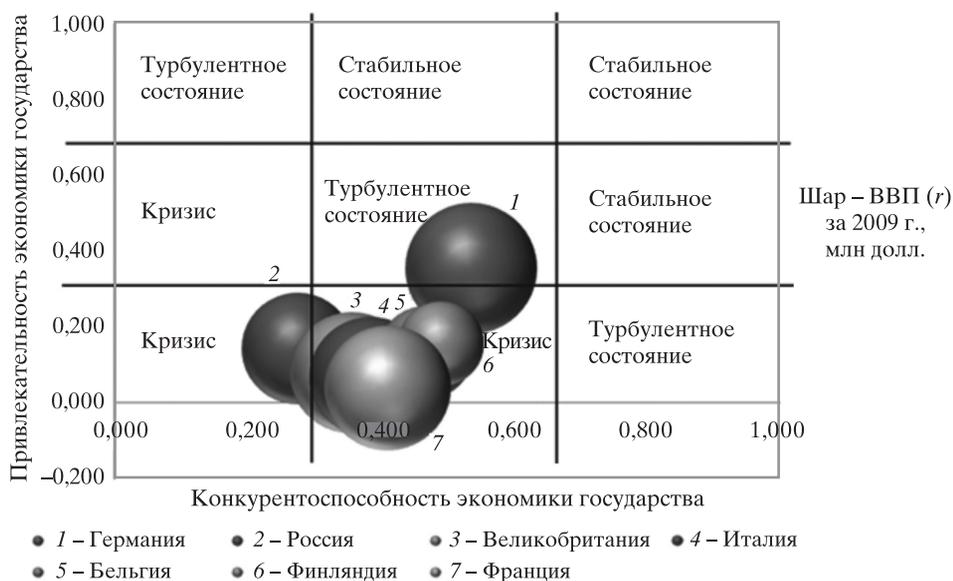

Рис. 2. Матрица «Привлекательность – конкурентоспособность экономики государства» за 2009 г.

2. Оптимистический сценарий развития предусматривает совершенствование частно-государственного партнерства, концептуальное изменение роли банковского сектора, направленное на поддержку реального сектора экономики;

3. Пессимистический сценарий развития – дальнейшая «распродажа природных ресурсов». Однако ресурсозависимость экономики РФ может стать базой для повышения ее конкурентоспособности за счет инвестирования полученных средств от экспорта ресурсов в НИОКР-сферу с последующим внедрением полученных результатов в реальный сектор экономики и развитие ресурсосберегающих технологий.

Таким образом, приоритетной задачей для России является повышение привлекательности и конкурентоспособности экономики на основе разработки и внедрения инновационных проектов в реальный сектор экономики.

Исследование теневой экономики с использованием портфельного анализа. Применение такого инструмента, как Бостонская матрица, позволит оценить одно из сложнейших экономических явлений – теневую экономику. Для исследования теневого бизнеса Бостонская матрица будет называться «Уровень – Рост рынка теневого бизнеса» [5].

По оси X матрицы откладывается соотношение средних долей теневого бизнеса в конечном продукте НСО и России (внутренние факторы); по оси Y – темп прироста теневого сектора отрасли по НСО (внешние факторы). Критической точкой перехода из одного типа в другой по оси X будет 1, когда уровень теневого бизнеса НСО соответствует среднероссийскому; критической точкой перехода по оси Y – темп прироста теневого бизнеса по России. По полученным координатам откладывается объем теневого бизнеса отдельных отраслей экономики в виде круга с радиусом, соответствующим их уровню. В результате получаем типологию отраслей в координатах внутренних и внешних факторов развития теневого бизнеса (рис. 3):

- Ростки «тени» – доля теневого бизнеса в отраслях ниже среднего по России, но темпы прироста выше;
- «Черные дыры» экономики – доля и темпы прироста теневого бизнеса в отраслях выше среднероссийских;
- «Под зорким оком Фемиды» («законопослушники») – доля и темпы прироста теневого бизнеса в отраслях ниже среднего по России;
- «Теневая стабильность» – доля теневого бизнеса в отраслях выше среднего по России при низком приросте [5, с. 56–59].

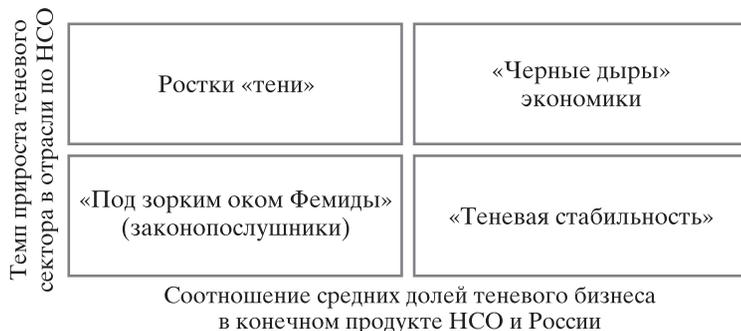

Рис. 3. Матрица «Уровень – Рост рынка теневого бизнеса»

Распределим отрасли экономики Новосибирской области по секторам стратегической матрицы. Отрасли, в которых теневой бизнес отсутствует или досчеты по этим отраслям не производятся, при создании матрицы не учитывались (рис. 4).

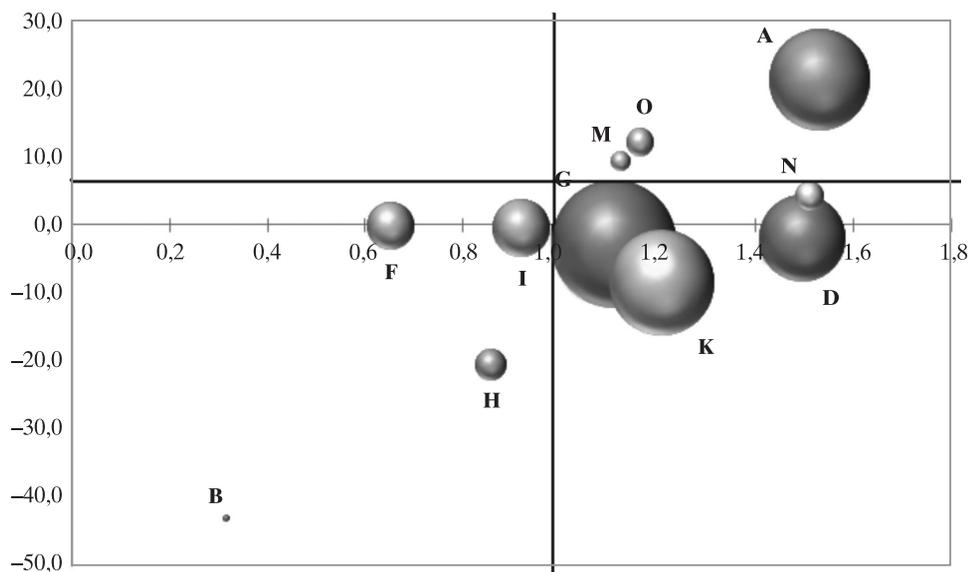

Рис. 4. Матрица «Уровень – Рост рынка теневого бизнеса» Новосибирской области в 2009 г.

Как показала матрица, в 2009 г. наиболее теновыми видами экономической деятельности (сегмент «черные дыры экономики») были сельское хозяйство (A), образование (M) и предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (O). Основной объем теневого бизнеса расположился в «теневой стабильности» с долей теневого бизнеса в валовом выпуске отрасли выше среднероссийского, но с низкими темпами прироста ненаблюдаемой экономики (обрабатывающие производства (D), оптовая и розничная торговля (G) и операции с недвижимым имуществом (K)).

Самыми «чистыми» видами экономической деятельности явились рыболовство и рыбоводство (B), строительство (F), гостиничный и ресторанный бизнес (H), транспорт и связь (I).

В частности, рассмотрим подробнее ситуацию в отрасли «Строительство». Вроде бы располагается в секторе «Под зорким оком Фемиды», но можно ли с полной уверенностью судить о том, что это именно та отрасль, которая полностью контролируется властью и исключает из своего оборота «тень»? Большую роль здесь сыграл кризис 2009 г. Многочисленные строительные площадки прекратили свою деятельность. Неформальному производству просто негде было наращивать свои объемы.

Матрица «Уровень – Рост рынка теневого бизнеса» показывает ситуацию в экономике Новосибирской области 2009 г., основываясь на абсолютных значениях показателей.

Таким образом, теневой сектор оттягивает на себя значительные ресурсы экономики Новосибирской области, несмотря на то, что развивается значи-

тельно медленнее, чем в среднем по России. Об этом свидетельствуют низкие темпы прироста теневого бизнеса по отраслям экономики (8 видов экономической деятельности из 11 расположились ниже среднероссийского темпа прироста) в 2009 г.

Применение портфельного анализа при изучении такого противоречивого явления, как теневой бизнес, позволяет выделить отрасли, на которые следует обратить особое внимание при изучении экономики области.

Метод портфельного анализа в оценке инвестиционного климата субъектов экономики. В Российской Федерации законодательством не определена конкретная методика оценки инвестиционного климата регионов. Это определяет актуальность научных разработок в данном направлении. В ходе исследования был разработан подход к оценке инвестиционного климата регионов РФ на примере Новосибирской области как субъекта Сибирского федерального округа. Был проведен качественный анализ теоретических основ инвестиционного климата и его составляющих: инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности регионов, критический анализ существующих методик оценки инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности. Анализ влияния отдельных факторов на инвестиционный климат регионов позволил составить комплексную систему факторов для оценки инвестиционного климата региона.

Модифицированная матрица GE/McKinsey при оценке инвестиционного климата региона позволяет выявить наличие функциональной зависимости инвестиционной активности в регионах от их инвестиционной привлекательности. Модифицированная матрица была построена на основе интегральных показателей, полученных по методу многомерной средней. Проведя расчеты, получаем матрицы портфолио-анализа «Инвестиционная привлекательность – инвестиционная активность региона» в 2008–2010 гг., которые позволят разрабатывать индивидуальные стратегии развития для каждого региона. Построение матриц возможно как в масштабах региона (в данном случае – СФО), так и в масштабе страны в целом.

Данные матрицы помогают оценить инвестиционный климат региона. Так, можно выделить 4 типа инвестиционного климата регионов: регионы-«локомотивы», регионы «особого внимания», депрессивные регионы и регионы роста. Регионы-«локомотивы» являются оптимальным вариантом инвестирования для потенциального инвестора, так как они имеют высокую инвестиционную привлекательность, которая и обуславливает высокую инвестиционную активность. Анализ показал, что таких регионов в Сибирском федеральном округе нет. Регионам, входящим во второй тип инвестиционного климата – «особого внимания» – нужно иметь в виду, что высокая инвестиционная активность должна соответствовать высокой привлекательности. В противном случае регион может оказаться в «депрессивной» зоне. Регионов с инвестиционным климатом «особого внимания» в СФО оказалось абсолютное большинство в 2008 и 2010 гг. «Депрессивные» регионы характеризуются довольно низкой инвестиционной привлекательностью в сочетании с низкой активностью инвесторов. Количество таких регионов в 2009 г. увеличилось в 3,3 раза по сравнению с 2008 г. Регионы, попавшие в «зону роста», обладают высоким потенциалом для развития инвестиционной деятельности. В эту зону попал лишь 1 регион в 2010 г. (рис. 5).

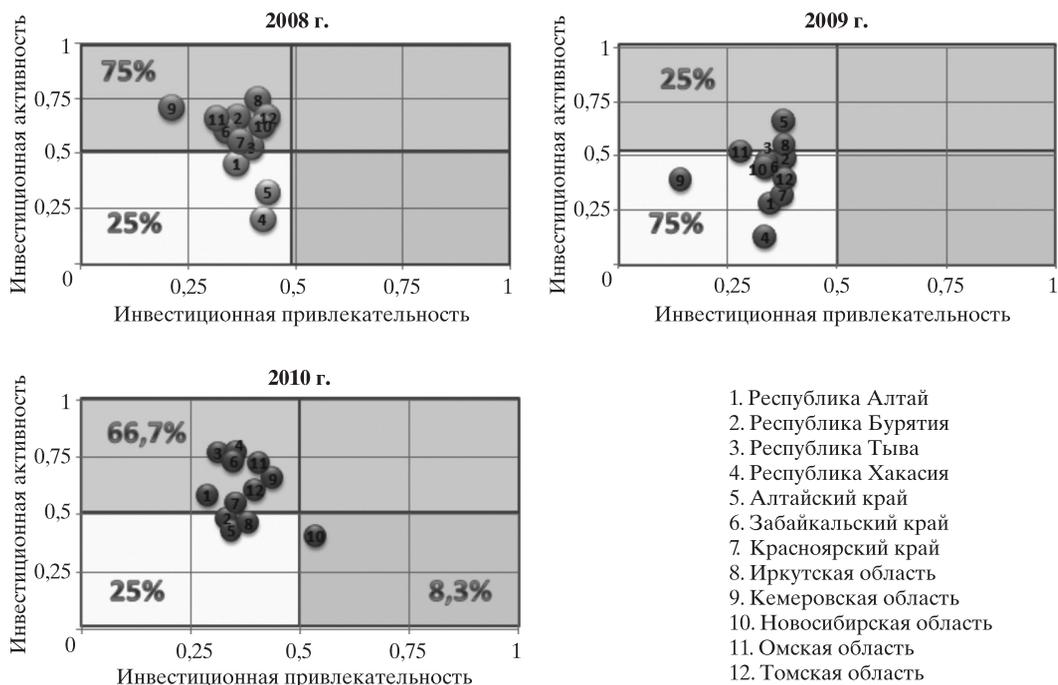

Рис. 5. Матрица «Инвестиционная привлекательность – инвестиционная активность региона» для Сибирского федерального округа

Как показывают расчеты, в Новосибирской области наметилась тенденция к улучшению инвестиционного климата. Так, в 2008 г. Новосибирская область относилась к регионам «особого внимания», в 2009 г. инвестиционный климат области характеризовался тем же типом, но привлекательность и активность в регионе значительно снизились. В 2010 г. Новосибирская область попала в «зону роста». Для попадания в зону регионов-«локомотивов» в Новосибирской области надо продолжать создавать условия, формирующие благоприятный инвестиционный климат.

Комплексная оценка хозяйствующих объектов методами портфельного анализа. Результативным является использование портфельного анализа для оценки хозяйствующих субъектов экономики, но не в классическом его виде, когда оцениваются отдельные бизнес-единицы, а в предлагаемом нами разрезе, при котором предприятие оценивается комплексно с учетом его финансовой состоятельности и отраслевой специфики.

Для оценки состояния предприятий была использована матрица БКГ, адаптированная в матрицу «Индекс выполнения финансовых нормативов – устойчивость на отраслевом рынке». В адаптированной матрице по оси Y располагается темп прироста объема произведенной продукции предприятием, характеризующий устойчивость организации на рынке ($T_{пр}$). По оси X – средний индекс выполнения нормативов финансового состояния (\bar{I}). Критическими точками перехода по вертикали будем считать темп прироста отраслевого рынка в целом по России, по горизонтали – средний индекс выполнения нормативов финансового состояния, равный, 1.

Интегральный коэффициент финансовой устойчивости предприятия был определен на основе среднего индекса выполнения нормативов финансового состояния:

$$\bar{I} = \frac{\sum_{i=1}^n I_i}{n},$$

где n – число учитываемых индексов;

$$I_i = \frac{K_{\text{факт}}^i}{K_{\text{норм}}^i} - \text{индекс выполнения норматива } i\text{-го коэффициента финансо-}$$

вого состояния.

В качестве исходных показателей (K^i) взяты коэффициенты, отражающие все стороны финансового состояния предприятия¹: коэффициент текущей ликвидности – норматив ≥ 1 ; степень платежеспособности по текущим обязательствам – норматив ≤ 3 ; коэффициент рентабельности активов – норматив $\geq 0,06$; коэффициент финансовой активности – норматив $\leq 0,37$; коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами – норматив $\geq 0,1$.

При расчете индексов выполнения нормативов необходимо учитывать направленность влияния факторов на состояние предприятия, если влияние прямое, то данный индекс рассчитываем как отношение фактического уровня к нормативному, если обратное – индекс рассчитываем как отношение нормативного уровня к фактическому. Коэффициент текущей ликвидности, коэффициент рентабельности активов, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами имеют прямую зависимость с устойчивостью предприятия, а степень платежеспособности по текущим обязательствам и коэффициент финансовой активности обратно зависимы с уровнем устойчивости предприятия.

Адаптированная матрица выглядит следующим образом (рис. 6) [8, с. 160].

Темп прироста произведенной продукции, тыс. руб.	Нестабильное состояние	Устойчивое состояние
	Кризис	Нестабильное состояние
	Индекс выполнения нормативов финансового состояния	

Рис. 6. Матрица «Индекс выполнения финансовых нормативов – устойчивость на отраслевом рынке»

Для проверки разработанной модели были взяты данные предприятия «Ревик» за период с 2006 по 2010 г. и проведена его оценка на основе портфельного анализа с учетом отраслевой специфики.

¹ Данные коэффициенты рассчитываются следующим образом: $K_{\text{тек.ликвид}} = \text{ликвидные активы} / \text{текущие обязательства}$; $K_{\text{рентаб.активов}} = \text{чистая прибыль} / \text{активы}$; Степень платежеспособности по текущим обязательствам = текущие обязательства / среднемесячная выручка; $K_{\text{фин. активности}} = \text{заемные средства} / \text{активы}$; $K_{\text{ОСОС}} = (\text{собств. ср-ва} - \text{скор. ВА}) / \text{оборотные А}$.

На основе рассчитанных показателей была построена матрица для каждого анализируемого года (см. таблицу).

**Параметры, необходимые для построения матрицы
«Индекс выполнения финансовых нормативов – устойчивость на отраслевом рынке»²**

Год	Интегральный индекс финансовой устойчивости предприятия в 2010 г. (\bar{I})	Объем произведенных комплектующих для пластиковых окон, тыс. руб.		Темп прироста, %	Прибыль, тыс. руб.
		Базовый период	Отчетный период		
2006	2,1	249 272	272 416	9,28	40 920
2007	6,8	272 416	350 965	28,83	51 981
2008	3,0	350 965	260 933	-25,65	40 389
2009	0,6	260 933	107 886	-58,65	7 451
2010	0,6	107 886	129 406	19,95	16 467
Российская Федерация	1	*	*	*	×

Проведенная диагностика состояния предприятия позволяет установить следующие тенденции развития предприятия:

1. Деятельность предприятия достаточно нестабильна, однако с 2006 по 2008 г. финансовое положение предприятия устойчиво, при этом устойчивость на рынке низкая, что обусловлено малой долей занимаемого рынка и высокой конкуренцией на рынке производства комплектующих для пластиковых окон (рис. 7).

2. В 2009 г. предприятие впало в состояние кризиса, что явилось следствием мирового финансового кризиса, который в первую очередь затронул строительство, что не могло не отразиться на производстве комплектующих для пластиковых окон. В результате наблюдалось сокращение производства и снижение финансовой устойчивости до 0,6 (см. рис. 7).

3. 2010 г. ознаменовался для предприятия ростом объема производства и наращивания объема продаж своей продукции на общем фоне сокращения строительного рынка, однако финансовое состояние предприятия осталось на уровне 0,6, что является неблагоприятным фактором для дальнейшего развития предприятия (см. рис. 7).

Оценив состояние предприятия на основе портфельного анализа, можно предложить следующие мероприятия для его стабилизации на последнюю отчетную дату: привлечение инвестиций; вложения в основные средства; создание резервов по сомнительным долгам для предупреждения проблем с дебиторами; использование факторинга, овердрафта для увеличения оборотов хозяйственной деятельности; наращивание объемов производства и продаж.

² Темп прироста объема работ, выполненных в 2006 г. – 33,55%; 2007 г. – 34,00%; 2008 г. – 40,09%; 2009 г. – 37,49%; 2010 г. – (-11,7%).

Так как информацию об объеме произведенных комплектующих для пластиковых окон по России найти проблематично, возьмем в качестве оценки объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство», предварительно рассчитав линейный коэффициент корреляции (полученное значение 0,59), который свидетельствует о наличии тесной, прямой и близкой к линейной зависимости между этими показателями.

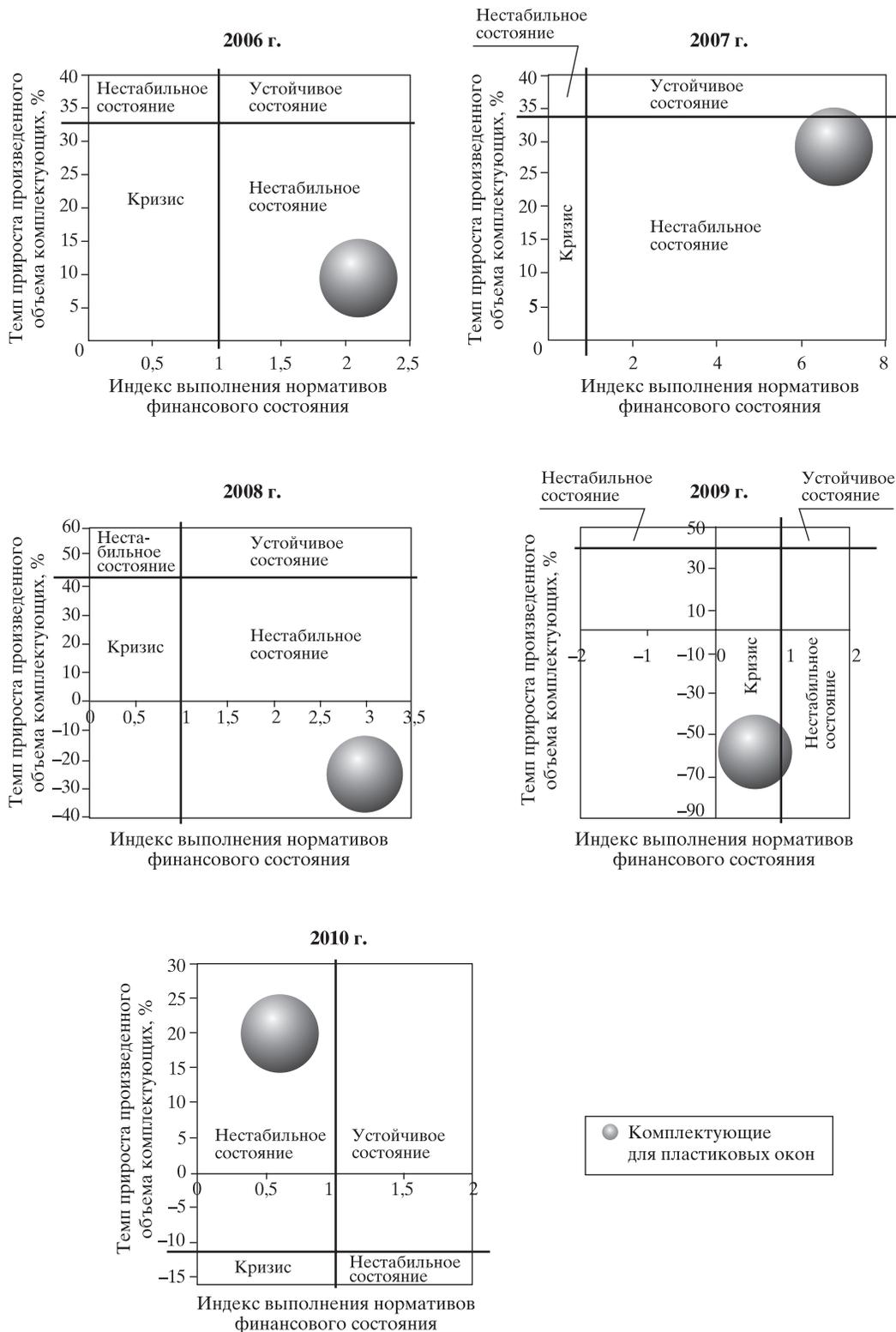

Рис. 7. Матрица «Индекс выполнения финансовых нормативов – устойчивость на отраслевом рынке» ООО «Ревик» за 2006–2010 гг.

Результаты использования разработанной модели показали, что примененные матрицы «Индекс выполнения финансовых нормативов – устойчивость на отраслевом рынке» и полученная в результате типология позволяет дать комплексную оценку стабильности предприятия: выявить, в каком из квадрантов матрицы (стабильное, нестабильное, кризисное состояние) оно находится, и разработать конкретную стратегию его дальнейшего развития.

Таким образом, портфельный анализ – удобная, наглядная модель, демонстрирующая возможности той или иной стратегической единицы. Корректное использование методов портфельного анализа дает возможность хозяйствующей единице увеличить прибыль, улучшить свою ликвидность путем развития перспективных направлений деятельности.

Литература

1. Глинский В.В. Портфельный анализ: сущность и применение // Финансы и бизнес. 2008. № 4. С. 105–109.
2. Глинский В.В. Портфельный анализ в статистическом исследовании клиентов предприятия // Финансы и бизнес. 2009. № 1. С. 91–95.
3. Глинский В.В., Гусев Ю.В., Золотаренко С.Г., Серга Л.К. Портфельный анализ в типологии данных: методология и применение в поддержке управленческих решений // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 25–54.
4. Глинский В.В., Ионин В.Г. Статистический анализ. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. С. 168.
5. Никифорова М.И. Статистическая оценка теневого бизнеса / Сб. науч. трудов по результатам проведения Всерос. студ. конкурса Выпускных квалификационных работ и Всерос. студ. Олимпиады по направлению «Статистика» и «Математические методы в экономике». М.: МЭСИ, 2010.
6. Серга Л.К. Об одном подходе к определению пороговых значений в решении задачи классификации // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 54–60.
7. Хван М.С. Разработка стратегии экономического роста на основе оценки привлекательности и конкурентоспособности экономики России // Материалы XI междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы экономики и новые технологии преподавания (Смирновские чтения)» (16 марта 2012 г., Санкт-Петербург). В 3-х т. Т. 2. СПб.: Изд-во МБИ, 2012. С. 122.
8. Хван М.С. Диагностика состояния предприятия на основе портфельного анализа // Всерос. конкурс науч.-исслед. работ бакалавров, магистров и аспирантов в области экономических наук (июнь–октябрь 2011 г.): сб. статей: в 2 ч. Ч. 2. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2011. С. 188.

Bibliography

1. Glinskij V.V. Portfel'nyj analiz: suwnost' i primenenie // Finansy i biznes. 2008. № 4. P. 105–109.
2. Glinskij V.V. Portfel'nyj analiz v statisticheskom issledovanii klientov predpriyatija // Finansy i biznes. 2009. № 1. P. 91–95.
3. Glinskij V.V., Gusev Ju.V., Zolotareno S.G., Serga L.K. Portfel'nyj analiz v tipologii dannyh: metodologija i primenenie v podderzhke upravlencheskih reshenij // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 25–54.
4. Glinskij V.V., Ionin V.G. Statisticheskij analiz. Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaja izdatel'skaja firma, 1993. P. 168.
5. Nikiiforova M.I. Statisticheskaja ocenka tenevogo biznesa / Sb. nauch. trudov po rezul'tatam provedenija Vseros. stud. konkursa Vypusknih kvalifikacionnyh rabot i Vseros. stud. Olimpiady po napravleniju «Statistika» i «Matematicheskie metody v jekonomike». M.: MJeSI, 2010.

6. *Serga L.K.* Ob odnom podhode k opredeleniju porogovyh znachenij v reshenii zadachi klassifikacii // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 54–60.
7. *Hvan M.S.* Razrabotka strategii jekonomicheskogo rosta na osnove ocenki privlekatel'nosti i konkurentosposobnosti jekonomiki Rossii // Materialy XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Aktual'nye problemy jekonomiki i novye tehnologii prepodavanija (Smirnovskie chtenija)» (16 marta 2012 g., Sankt-Peterburg). V 3-h t. T. 2. SPb.: Izd-vo MBI, 2012. P. 122.
8. *Hvan M.S.* Diagnostika sostojanija predprijatija na osnove portfel'nogo analiza // Vseros. konkurs nauch.-issled. rabot bakalavrov, magistrov i aspirantov v oblasti jekonomicheskikh nauk (ijun'–oktjabr' 2011 g.): sb. statej: v 2 ch. Ch. 2. M.: FGBOU VPO «RJeU im. G.V. Plehanova», 2011. P. 188.

УДК 330.55

ВАЛОВОЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РАЙОНОВ И ГОРОДОВ

В.Л. Пуляевская

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: valyapll@mail.ru

В статье содержится методика расчета валового муниципального продукта по институциональным секторам экономики по видам экономической деятельности. Определены методологические принципы построения секторов для расчета ВМП по муниципальным образованиям. Приведена сравнительная оценка видовой структуры муниципальных районов и городских округов Республики Саха (Якутия) за 2010 г.

Ключевые слова: валовой муниципальный продукт, сектора экономики, валовая добавленная стоимость, видовая структура муниципальных образований.

GROSS MUNICIPAL PRODUCT AS MEASURE OF ESTIMATION OF ECONOMIC POTENTIAL OF DISTRICTS AND CITIES

V.L. Pulyaevskaya

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: valyapll@mail.ru

The article presents the calculation technique of the gross municipal product by institutional economy sectors by industries. Methodological principles of sectors generation for the calculation of the gross municipal product by municipal formations are defined. Comparative evaluation of species composition of metropolitan regions and urban districts of Republic of Sakha (Yakutia) for 2010 is given.

Key words: gross municipal product, economy sectors, gross value added, species composition of metropolitan regions.

Муниципальные образования являются составной частью экономики региона и страны в целом. Совершенствование механизма регулирования их социально-экономического развития и эффективная оценка реального положения в муниципальных образованиях являются одним из ключевых факторов экономического и политического развития России.

В настоящее время остро встает проблема оценки социально-экономического положения муниципальных образований. На уровне страны основным экономическим индикатором в зарубежной и российской статистике является валовой внутренний продукт, на региональном – валовой региональный продукт. Если валовой региональный продукт является аналогом ВВП на региональном уровне, то на уровне муниципальных образований таким показателем выступает валовой муниципальный продукт.

Валовой муниципальный продукт (ВМП) – агрегированный показатель, обобщающий состояние экономики муниципальных районов и городских округов республики. По своему экономическому содержанию ВМП является близким аналогом показателя ВРП, рассчитанного производственным мето-

дом. Он определяется как сумма валовой добавленной стоимости (ВДС) видов экономической деятельности и секторов экономики, созданной институциональными единицами на территории отдельного муниципального образования.

С общими методологическими подходами СНС методология ВМП в основном совпадает с положениями расчета ВРП и имеет довольно тесную взаимозависимость, однако также как на региональном уровне, на муниципальном уровне возникают проблемы, связанные с ограниченностью информации.

Расчеты производятся после завершения построения счета производства в целом по республике за год. Выпуск, промежуточное потребление и валовая добавленная стоимость распределяются по городам и районам в разрезе хозяйственных видов деятельности (рис. 1).

Основным информационным источником для построения матрицы выпуска крупных и средних предприятий **сектора нефинансовых корпораций** являются данные структурного обследования по форме № 1-предприятие «Основные сведения о деятельности организации». Для получения выпуска по «чистой» территории необходимо учитывать территориальный аспект мест-

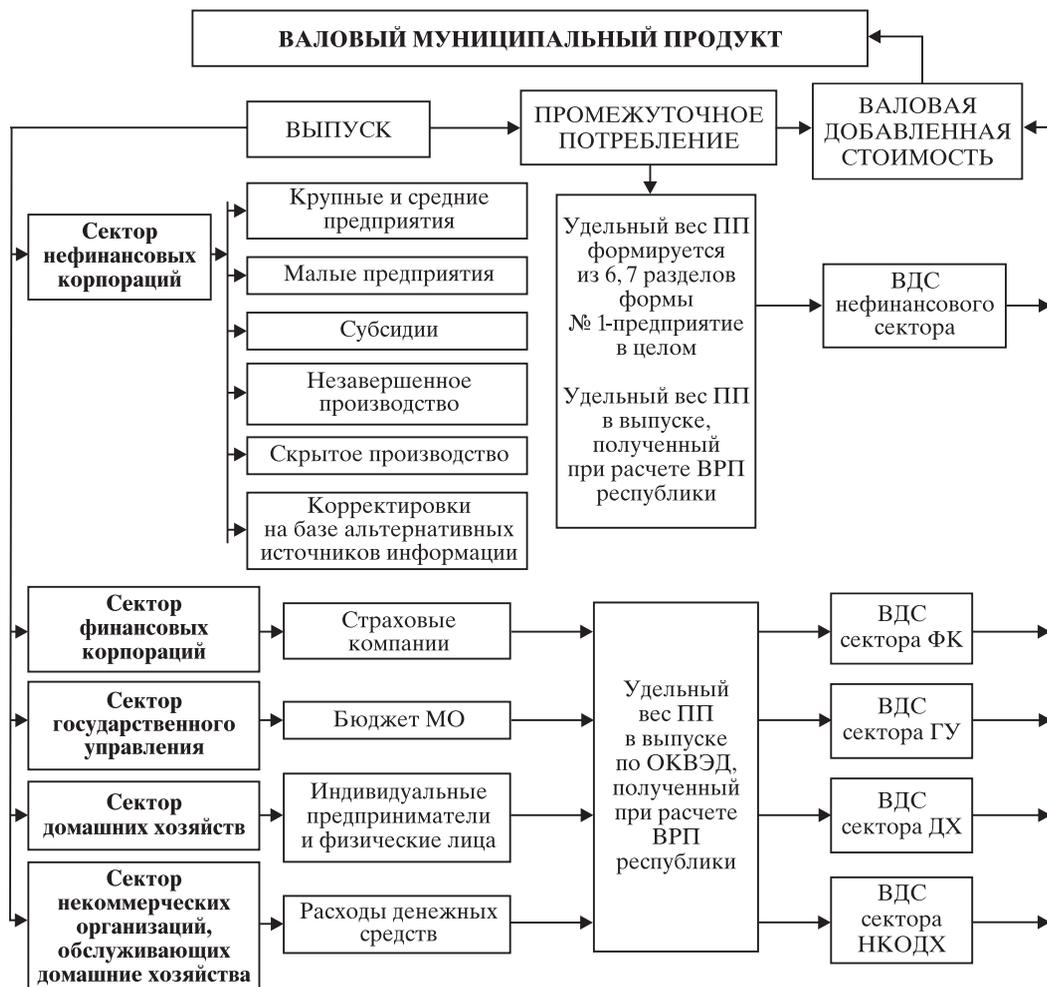

Рис. 1. Схема расчета ВМП

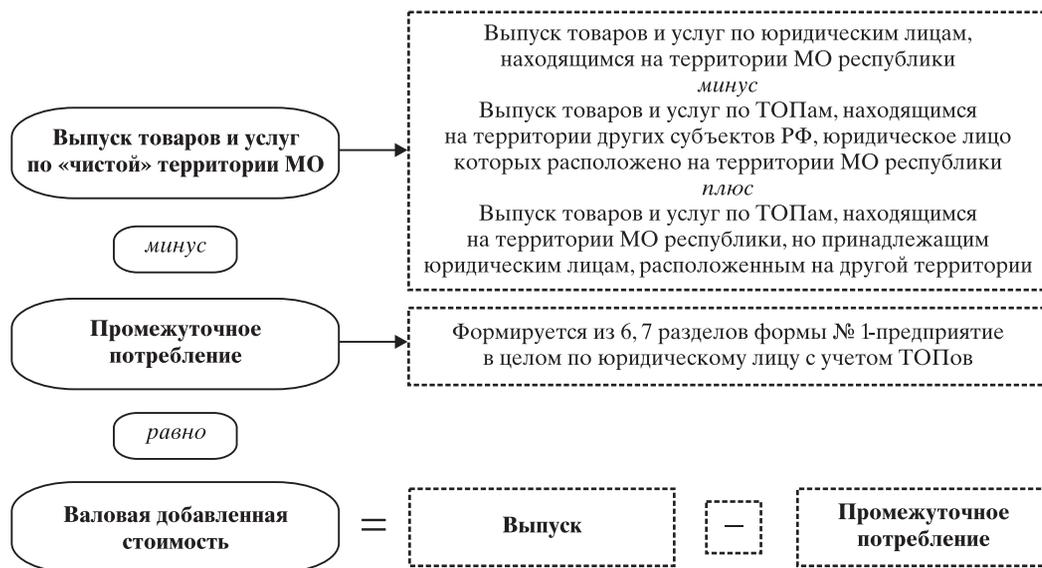

Рис. 2. Алгоритм расчета валового муниципального продукта

ных единиц. Для этого обеспечивается учет результатов производства институциональных единиц-резидентов, выполненного за пределами МО, и результаты производства, осуществленного в пределах МО резидентами другого МО [7] (рис. 2).

Таким образом, формируется выпуск по муниципальным районам и городским округам с учетом ТОПов, затем находится доля промежуточного потребления в выпуске в каждом районе и распространяется на выпуск с учетом ТОПов. В итоге рассчитывается добавленная стоимость, которая определяется как разность между стоимостью произведенных товаров и услуг (выпуском) и стоимостью товаров и услуг, потребленных в процессе производства (промежуточным потреблением).

Информацию об изменении остатков незавершенного производства получаем из формы № 1-предприятие.

В сектор нефинансовых корпораций добавляется строка 49 «Произведено строительно-монтажных работ для собственного потребления (хозяйственным способом)» из формы № 1-предприятие и распределяется по соответствующему муниципальному образованию и виду экономической деятельности.

Далее необходимо оценить выпуск по малым предприятиям, исходной информацией для проведения расчетов являются данные по форме федерального статистического наблюдения № ПМ «Сведения об основных показателях деятельности малого предприятия» и данные о выручке из формы № 2 «Отчет о прибылях и убытках» годовой бухгалтерской отчетности. Исключение составляет выпуск по торговле, розничная торговля рассчитывается исходя из структуры оборота розничной торговли по районам и городам, а оптовая торговля исходя из структуры выручки по форме № ПМ. Для расчета промежуточного потребления по малым предприятиям муниципальных районов и городских округов используется доля промежуточного потребления по крупным и средним предприятиям.

Объем субсидий на продукты формируется из сведений о субсидиях на продукцию растениеводства и животноводства, форм № 22-ЖКХ (сводная) «Сведения о работе жилищно-коммунальных организаций в условиях реформы» и № 1-предприятие.

Произвести расчет скрытой деятельности по муниципальным образованиям с использованием методов СНС аналогично расчетам ВРП не всегда возможно из-за отсутствия необходимой информационной базы в муниципальном разрезе. В связи с этим рассчитанные по республике в целом объемы сокрытия распределяются по муниципальным районам и городским округам пропорционально выпуску крупных и средних предприятий по каждому муниципальному району.

В целях обеспечения наиболее полного охвата расчета ВМП необходимо учитывать специфику региона. Для этого в матрице корректировки выпуска на базе альтернативных источников информации необходимо распределить объемы выпуска по соответствующим муниципальным районам и городским округам, которые не включены в матрицу крупных и средних предприятий.

В соответствии с действующей методологией в настоящее время в расчетах ВРП по **сектору финансовых корпораций** учитываются только страховые компании. Расчеты осуществляются на основе данных формы № 1-ск «Сведения о деятельности страховой организации». Анализ деятельности страховых организаций РС(Я) свидетельствует о том, что на территории республики осуществляют свою деятельность страховые компании, которые находятся только на территории г. Якутска.

К сожалению, в настоящее время получить показатели, необходимые для расчетов **сектора государственного управления** в территориальном разрезе не представляется возможным. Учитывая такую ситуацию, в качестве косвенного показателя для расчета выпуска по данному сектору используем форму № 1-Т «Сведения о численности и заработной плате работников по видам деятельности». Выпуск, сложившийся по республике, распределяется по муниципальным образованиям пропорционально фонду оплаты труда по соответствующим ОКВЭД.

Сектор домашних хозяйств включает выпуск индивидуальных предпринимателей и валовые доходы физических лиц от продажи товаров на вещевых, смешанных и продовольственных рынках, производство в личных подсобных хозяйствах.[1, 4, 6–8] Расчет выпуска производится в специально разработанных таблицах в зависимости от вида деятельности:

- «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» – расчет производится исходя из объемов валовой продукции хозяйства населения и валовой продукции сельских хозяйств и индивидуальных предпринимателей.

- «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» – из выработки на одного работающего на малых предприятиях и количества индивидуальных предпринимателей, прошедших перерегистрацию.

- «Строительство» – в объеме выпуска учитывается ввод в действие индивидуальных жилых домов по районам и городам с учетом стоимости одного квадратного метра жилых домов, построенных населением.

- «Оптовая и розничная торговля» – за основу выпуска принимается по розничной торговле выручка на одного индивидуального предпринимателя

по каждому району и городу и выпуск на одного индивидуального предпринимателя в оптовой торговле республики и распространяется на количество индивидуальных предпринимателей, прошедших перерегистрацию по состоянию на начало года по каждому муниципальному району и городскому округу.

- «Гостиницы и рестораны» – из выручки индивидуальных предпринимателей по общественному питанию.

- «Транспорт и связь» – учитываются грузовые перевозки, транспортные и туристские услуги. В расчетах используется информация по обследованию перевозочной деятельности предпринимателей-владельцев грузовых автомобилей по форме № 1-ИП (автогруз), данные форм № 65-автотранс «Сведения о продукции автомобильного транспорта» и № 1-услуги «Сведения об объеме платных услуг населению».

- «Образование», «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» и «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» – в качестве информационной базы для расчетов выпуска используются данные формы № 1-услуги.

Основным информационным источником для расчета выпуска по **сектору некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства** являются данные формы № 12-ф «Сведения об использовании денежных средств».

После проведения всех выше описанных расчетов и сложения матриц по всем институциональным секторам получается итоговая матрица выпуска. В итоге добавленная стоимость, рассчитанная как разность между выпуском и промежуточным потреблением, формируется по каждому муниципальному району и городскому округу в разрезе видов экономической деятельности.

Снижение неравенства в уровнях экономического развития муниципальных образований занимает ключевое место в стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия). Данная стратегия нужна для сглаживания межтерриториальных различий, для этого необходим постоянный мониторинг экономических процессов [3, 5].

Экономическое развитие муниципальных районов и городских округов во многом зависит от структуры ВМП по видам экономической деятельности. Суммарный объем ВМП распределяется по республике крайне неравномерно. Так, в 2010 г. наибольший вклад в общий объем ВМП вносил г. Якутск – 27,5%, а наименьший – Эвено-Бытантайский – 0,09%.

В первую шестерку по формированию ВМП республики вошли: г. Якутск, Мирнинский, Ленский, г. Нерюнги, Алданский и Нюрбинский улусы, в них производится 80,5% ВМП республики. Характерная специализация экономики этих городов и районов на добывающих видах деятельности объясняет их высокий вклад в суммарный ВМП республики. Далее следуют шесть районов, в которых сосредоточено 9,7% суммарного ВМП: Оймяконский, Олекминский, Анабарский, Хангаласский, Вилюйский, Мегино-Кангаласский. Все остальные 23 района имеют небольшую долю в ВМП республики, причины такого неравномерного территориального распределения связаны с труднодоступностью территорий и экстремальными природно-климатическими условиями жизни отдаленных районов.

Одним из важнейших показателей, характеризующих структуру валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности, является доля вида экономической деятельности в общем объеме производства.

Для оценки развития муниципальных образований и городских округов и исследования возможных направлений их развития представляем таблицу сравнительной оценки видовой структуры с позиций главных видов экономической деятельности (занимающих в ВРП республики порядка 40% и более) и ведущих ВЭД (порядка 15% и более), дополнительных (примерно от 7 до 15%) и подсобных (менее 7%).

**Сравнительная оценка видовой структуры муниципальных районов
и городских округов в 2010 г.**

	Главные и ведущие	Дополнительные	Подсобные
ВРП Республики Саха (Якутия) – 100%	Добыча полезных ископаемых (40,1%)	Транспорт и связь (11,2%); строительство (8,6%); торговля (7,9%)	Операции с недвижимым имуществом (5,0%); производство и распределение электроэнергии, газа и воды (4,3%); сельское и лесное хозяйство (3,2%)
1-я группа (80,5% ВМП республики) г. Якутск Мирнинский район Ленский район г. Нерюнгри Алданский район Нюрбинский район	Добыча полезных ископаемых (44,9%)	Транспорт и связь (11,1%); строительство (8,9%); торговля (7,5%)	Операции с недвижимым имуществом (5,3%); производство и распределение электроэнергии, газа и воды (4,1%); обрабатывающие производства (2,1%); сельское и лесное хозяйство (1,3%)
2-я группа (9,7% ВМП республики) Оймяконский район Олекминский район Анабарский Хангаласский Вилуйский Мегино-Кангаласский	Добыча полезных ископаемых (34,1%); транспорт и связь (15,7%)	Строительство (8,4%); сельское и лесное хозяйство (8,3%); торговля (7,0%)	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (3,0%); Обрабатывающие производства (2,5%); Операции с недвижимым имуществом (2,2%)
3-я группа (9,8% ВМП республики) 23 района	–	Сельское и лесное хозяйство (13,8%); торговля (11,7); транспорт и связь (8,2%); добыча полезных ископаемых (7,2%)	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (6,4%); строительство (5,8%); операции с недвижимым имуществом (4,5%)

В 2010 г. в республике основная часть ВРП создавалась организациями, осуществляющими добычу полезных ископаемых – 40,1%. Важнейшей составляющей экономики республики является добыча алмазов и добыча нефти (20,5 и 10,5% соответственно).

Из общего объема ВМП по виду экономической деятельности добыча полезных ископаемых составила: Мирнинский район – 32,2%, Ленский – 25,1%, г. Нерюнгри – 13,9%, Нюрбинский – 10,6%, Алданский – 4,2%, в этих районах в основном концентрируется развитие алмазодобывающей промышленности.

Помимо добычи полезных ископаемых, лидирующее положение в структуре ВРП занимает вид деятельности «транспорт и связь», на долю которого в 2010 г. приходилось 11,2% (в 2006 г. – 7,2%), сюда вошли г. Нерюнгри, Алданский, Ленский и Олекминский районы, через эти районы на территории республики проходит трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан». В структуре транспорта отмечается тенденция ежегодного увеличения доли воздушного транспорта за счет г. Якутска, высокая доля связана с деятельностью крупного предприятия – авиакомпанией ОАО «Якутия».

Вместе с тем заметный вклад в формирование валового регионального продукта республики вносят и другие виды экономической деятельности. Значительную долю в структуре ВРП в 2010 г. занимали строительство, оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг.

Сравнительная оценка видовой структуры по группам районов распределась следующим образом:

– в 1-й группе районов, составляющей 80,5% от ВРМ республики, структура по видам деятельности полностью соответствует республиканской, кроме ВЭД сельское и лесное хозяйство – 1,3% (в целом по республике – 3,2%);

– во 2-ю группу районов «главные и ведущие» вошли виды экономической деятельности: добыча полезных ископаемых – 34,1%, транспорт и связь – 15,7%; в разрез «дополнительные» добавился ВЭД сельское и лесное хозяйство – 8,3%;

– в 3-й группе районов нет распределения в разрезе «главные и ведущие», наибольшие доли занимают сельское и лесное хозяйство – 13,8%, торговля – 11,7%, транспорт и связь – 8,2%; эти виды деятельности относятся к «дополнительным».

Таким образом, проведенный матричный расчет ВМП позволяет сделать выводы о неоднородности экономики среди муниципальных образований Республики Саха (Якутия).

Литература

1. Башкатов Б.И., Назарова О.В., Нестеров Л.И. Национальное счетоводство: Учебник / Под ред. Б.И. Башкатова. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 2002. 608 с.
2. Глинский В.В. Опыт применения портфельного анализа // Финансы и бизнес. 2008. № 4. С. 105–110.
3. Глинский В.В. Как измерить малый бизнес? // Вопросы статистики. 2008. № 7. С. 73–75.
4. Глинский В.В., Серга Л.К., Шербак И.В. Оценка мультипликативного эффекта туристической индустрии на региональном уровне // Вопросы статистики. 2012. № 1. С. 48–52.
5. Глинский В.В., Серга Л.К. О государственном регулировании малого предпринимательства в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 19. С. 2–8.
6. Курс социально-экономической статистики: Учебник / Под ред. М.Г. Назарова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Омега-Л, 2006. 984 с.
7. Указания о порядке разработки в органах государственной статистики показателей формы федерального статистического наблюдения № 1-предприятие / Росстат. М.: Росстат, 2010. 68 с.
8. Экономика районов и городов Республики Саха (Якутия): Статистический сборник / ТО ФС по РС(Я). Якутск: ТО ФС по РС(Я), 2011. 186 с.

Bibliography

1. *Bashkatov B.I., Nazarova O.V., Nesterov L.I.* Nacional'noe schetovodstvo: Uchebnik / Pod red. B.I. Bashkatova 2-e izd. M.: Finansy i statistika, 2002. 608 p.
2. *Glinskij V.V.* Opyt primeneniya portfel'nogo analiza // Finansy i biznes. 2008. № 4. P. 105–110.
3. *Glinskij V.V.* Kak izmerit' malyj biznes? // Voprosy statistiki. 2008. № 7. P. 73–75.
4. *Glinskij V.V., Serga L.K., Werbak I.V.* Ocenka mul'tiplikativnogo jeffekta turisticheckoj industrii na regional'nom urovne // Voprosy statistiki. 2012. № 1. P. 48–52.
5. *Glinskij V.V., Serga L.K.* O gosudarstvennom regulirovanii malogo predprinimatel'stva v Rossii // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2011. № 19. P. 2–8.
6. Kurs social'no-jekonomicheskoj statistiki: Uchebnik. / Pod red. M.G. Nazarova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Omega-L, 2006. 984 p.
7. Ukazaniya o porjadke razrabotki v organah gosudarstvennoj statistiki pokazatelej formy federal'nogo statističeskogo nabljudeniya № 1-predpriyatie / Rosstat. M.: Rosstat, 2010. 68 p.
8. Jekonomika rajonov i gorodov Respubliki Saha (Jakutija): Statističeskij sbornik / TO FS po RS(Ja). Jakutsk: TO FS po RS(Ja), 2011. 186 p.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 616. 334.4

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ДОХОДОВ И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОКИ, ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ

Г.С. Пошевнев

Сибирский институт – филиал ФБГОУ ВПО Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
E-mail: poshevnev@sapa.nsk.su

Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: volovskaya@nsaem.ru

В статье рассмотрены вопросы формирования политики в области доходов и заработной платы в России в исторической ретроспективе и на современном этапе, во взаимосвязи с преобразованием системы социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, политика в области доходов, заработная плата, дифференциация доходов.

INCOMES AND WAGES POLICY IN MODERN RUSSIA: BACKGROUND, PRINCIPLES AND TRENDS

G.S. Poshevnev

Siberian Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
E-mail: poshevnev@sapa.nsk.su

N.M. Volovskaya, L.K. Plyusnina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: volovskaya@nsaem.ru

The article considers the issues of forming of incomes and wages policy in Russia in historical retrospect and in the present state, in interrelation with reformation of system of social and labour relations.

Key words: social and labour relations, incomes policy, wages, income spread.

Особенности развития отечественных трудовых отношений и политика доходов в XX веке. В любом обществе политика в области доходов и заработной платы является частью государственной социально-экономической политики и обусловлена как конкретными условиями и существующими приоритетами общественного развития, так и историческими традициями и инструментами ее реализации. В самом общем виде политика доходов определяется степенью нормативного и распределительного вмешательства государства в экономику. В доктринальном плане есть два полярных варианта условий, определяющих политику доходов и заработной платы – административная экономика и свободный рынок, но в реальной действительности имеется лишь смешанный вариант с акцентом в ту или иную сторону. Испытав на себе оба варианта, Россия все еще находится в поиске адекватной политики в области доходов и системы заработной платы.

В начале XX века в царской России, впрочем, как и в конце XX века в демократической России, власти мало занимались проблемами формирования доходов широких слоев населения (если вообще ими занимались). После Октябрьской революции 1917 г. вехами на пути формирования такой политики явились «военный коммунизм» и «новая экономическая политика» (НЭП). Началом же устойчивой и именно советской (в 30-х, 40-х и до 1953 г. – «сталинской») политики в области доходов у нас в стране следует считать 1929 г. («год великого перелома»), когда в Советском Союзе произошел отказ сталинского руководства от политики НЭПа и начался возврат к первоначальной ленинской политике «единой фабрики», дополненной троцкистской политикой «трудоустройственной армии», т.е. фактическим введением трудовой повинности.

Авторам посленэповской экономической политики удалось создать метод, который позволил (хотя бы в среднесрочной перспективе) решить противоречивую задачу: одновременно увеличивать сумму взимаемых с населения налогов (что по логике рыночной экономики должно приводить к снижению предложения труда и уменьшению ВВП) и наращивать объемы ВВП (что по той же логике возможно главным образом при увеличении предложения труда). «Суть метода состоит в создании для всего общества такой системы ставок заработной платы для каждой профессии и уровня способностей, чтобы получить от каждого физического лица, заинтересованного в экономической системе, максимум дохода, необходимого для реализации целей автократата» [3, с. 107].

В любом обществе формирование доходов различных групп населения обусловлено структурой социально-трудовых отношений.

Социально-трудовая сфера советского типа базировалась на двух основаниях:

а) *конкретно-эмпирическом*, когда рыночные отношения фактически, несмотря на неоднократные (и порой настойчивые) попытки их полного искоренения, сохранялись (хотя и в деформированном виде) в структуре социума;

б) *абстрактно-доктринальном*, когда провозглашалась и настойчиво проводилась в жизнь установка на то, что доходы населения в планово-индустриальном (социалистическом) обществе могут быть только трудовыми (здесь рантье объявлялись тунеядцами, биржевые спекулянты не могли существовать по причине отсутствия бирж, а «обычные» спекулянты, как порож-

дение товарного дефицита, преследовались в административном и уголовном порядке).

Система оплаты труда как важнейшего института советской социально-трудовой сферы была ориентирована на извлечение максимального дохода в пользу государства, который расходовался в условиях авторитарного государства на цели «автократа» и на формирование общественных фондов потребления. В данной связи, во-первых, были установлены крайне низкие ставки оплаты труда рабочих и служащих, чтобы люди практически не могли позволить себе досуг. Во-вторых, была разработана система премий и специальных поощрений для стахановцев и образцовых работников. В-третьих, были введены прогрессивные сдельные ставки оплаты труда, т. е. ставки, предусматривающие рост оплаты за единицу продукции по мере возрастания количества единиц, производимых конкретным лицом. «Сталинская система оплаты труда, по сути, неявно вводила для представителей разных профессий или лиц с различным уровнем способностей неодинаковые шкалы налоговых ставок. Благодаря этому появилась возможность устанавливать для более способных работников, обеспечивающих более высокий по сравнению с прожиточным минимумом прибавочный продукт, повышенные средние ставки налога...» [3, с. 108]. Последнее обстоятельство представляет особый интерес для характеристики социально-трудовых отношений советского типа.

Западные авторы достаточно единодушны в том, что «сталинизм в основе своей представлял систему фиска» (Бьюкенен Дж.), и тем самым объяснялось то обстоятельство, что «система максимально высокого налогообложения... стремилась... взимать большие налоги именно с тех, кто работал более производительно» [3, с. 108]. С такой постановкой вопроса о дифференцированном налогообложении в советской социально-трудовой сфере можно согласиться, если признать, что «фискальный аспект» не был единственным и даже не был главным. Главной целью изымания «излишней» заработной платы и в целом уравниловки оплаты труда («уравниловки») было стремление не допустить значительного расслоения социума по имущественному признаку, т. е. преследовалась не только и даже не столько экономическая цель, сколько социальная и политическая.

Внутренне противоречивый принцип уравниловки сыграл свою отрицательную роль в развитии советских социально-трудовых отношений. Парадоксальный характер уравниловки заключался в том, что, с одной стороны, государство (и соответственно хозяйственные руководители на местах) понимало, признавало и даже периодически провозглашало важность и необходимость материального стимулирования труда, но с другой – столь же периодически из-за опасения роста неравенства в уровне благосостояния и, соответственно, социального расслоения общества (которое воспринималось как угроза существованию советского политического строя) возвращало «равенство» на свое место, т. е. на деле по политическим соображениям уравниловка не исчезала.

И тем не менее дифференциация по доходам в структуре советских социально-трудовых отношений и в целом в социальной структуре общества, представленной в известной формуле «два класса и одна прослойка» (рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция), нарастала как внутри классов, так и между ними.

В данной связи интерес представляет формирование в советской социально-трудовой сфере отношения к двум категориям рабочей силы: а) рабочей аристократии и б) передовикам производства (табл. 1).

Таблица 1

**Отношение к рабочей аристократии и передовикам
в советской социально-трудовой сфере**

Отношение к работнику	Передовики	Рабочая аристократия	
Со стороны коллег	(0, -)	(+, 0)	(+, 0) – положительное или нейтральное;
Со стороны работодателя	(+, 0)	(0, -)	(0, -) – нейтральное или отрицательное

Термин «рабочая аристократия» впервые был введен в лексический оборот в Англии в конце XIX века, а уже в начале XX века применялся Лениным для обозначения категории высокооплачиваемых рабочих-профессионалов. Формирование советского рабочего класса в 1930-е годы сопровождалось популяризацией средствами массовой информации и хозяйственными руководителями сначала стахановцев (30–40-е гг.), затем передовиков производства (50–60-е гг.). Но эта категория работников не являлась рабочей аристократией, главным образом, в силу того, что: а) была близка к структурам работодателей, т. е. партийному и хозяйственному руководству и б) главным поощрением для них должен был служить *почет*, а не материальное вознаграждение, хотя и это допускалось, но, как правило, не прямо (за выполненный объем работы), а в виде различных поощрений (премий, путевок и т. д.).

Рабочая аристократия возродилась в структуре социально-трудовых отношений советского периода в 50-е годы, главным образом среди профессионалов-станочников и инструментальщиков. Первое поколение рабочей аристократии, как правило, было представлено выходцами из числа индустриального набора первых пятилеток (30-е годы). Лояльность к советскому строю и российский патриотизм сочетались у представителей этой когорты рабочей аристократии с равнодушием к почету передовиков. Им нужен был хороший заработок, и они могли хорошо работать. Начиная с 1950-х годов возможность хорошо зарабатывать появилась на сдельщине (сдельная оплата труда), как правило, в отраслях ВПК (военно-промышленного комплекса) на волне крупных военных заказов.

Вместе с тем и передовики не были однородной группой и различались главным образом своими реальными или мнимыми (плата за лояльность руководству) трудовыми заслугами. Говоря в целом, следует отметить, что в советское время были периоды действительно героического труда (годы Великой Отечественной войны и годы первых пятилеток). Но за все советские годы социально-трудовая сфера не изменила своего «материального» характера (который только усиливался), а надежды на появление коммунистического отношения к труду в социально значимом масштабе не оправдались.

В годы перестройки и особенно постперестройки (90-е): 1) страна в силу начавшихся процессов деиндустриализации практически полностью потеря-

ла «рабочую аристократию», т. е. высокопрофессиональных и высокооплачиваемых рабочих; 2) не получили должного развития процессы возрождения «крестьянской аристократии», т. е. фермерства; 3) был потерян общественный интерес к индустриальному труду; 4) фрагментарная реформа социально-трудовой сферы не получила предусмотренной документами материальной направленности и надлежащей правовой базы, а социально-трудовые отношения на практике ориентировались на времена первоначального накопления капитала.

Сегодня можно только предполагать, по какому пути могло пойти развитие рыночных отношений российского общества, если бы в основу перестройки (и постперестройки – капиталистической реставрации) был положен не *спекулятивный* (выросший на дефиците – «родовой травме» социализма), а *трудовой этос* рабочей аристократии, никогда органически не вмещавшийся в рамки посленэповского социализма. Но в любом случае без возрождения трудового этоса в должном масштабе на успех рыночных реформ рассчитывать трудно. «В России надо воссоздать рабочую аристократию (выделено нами. – Авт.). К 2020 году она должна составить не меньше трети квалифицированных работников – около десяти миллионов человек (с семьями – 25 миллионов)» [5, с. 2].

Различие между двумя основными типами индустриальной социально-трудовой сферы (индустриально-рыночной и индустриально-плановой) заключается не только в том, что во втором случае государство становится главным работодателем. Дело в том, что государство (в лице его полномочных структур) взяло на себя три важные, но *противоречащие* друг другу функции: а) *работодателя*; б) *защитника прав и интересов работника*; в) *творца правил поведения* в социально-трудовой сфере. Такая концентрация функций в руках одного субъекта социального действия только на первый взгляд может говорить о его больших возможностях в качестве *регулятора* трудовых отношений. На самом деле здесь срабатывает своеобразный *компенсаторный* политический механизм. Государство, взявшее на себя функции работодателя и одновременно функции защитника интересов рабочего класса, было под постоянным прессом угрозы социально-трудового конфликта, у него не было возможности для политического маневра в случае возникновения такового: в результате любой даже не очень масштабный социально-трудовой конфликт при социализме неизбежно становился политическим (пример – события в Новочеркасске в 1963 г.). В итоге ситуация в социально-трудовой сфере социалистического типа сложилась так, что в среднем уровень социальной защищенности работника был выше, а производительность его труда ниже, чем в капиталистической системе. «Социальные гарантии были различны по своей реальности и весомости в различных сферах общественной жизни для различных слоев населения и различных территорий, но тем не менее в целом они создавали ситуацию определенной социальной защищенности основной массы населения, и эта защищенность на фоне общего невысокого жизненного уровня либо представлялась достаточной, либо вообще не мыслилась иной» [2, с. 10].

Таким образом, именно чрезмерная политизация социально-трудовой сферы (как своеобразный способ обеспечения социально-экономической стабильности в обществе) и сослужила в конечном итоге плохую службу «реальному»

социализму. Вместе с тем сама по себе задача обеспечения экономической и социально-политической стабильности может быть отнесена к стержневым направлениям проводимой хозяйственной политики. По сути, речь идет о цене обеспечения макроэкономического равновесия, которое, в свою очередь, выступает центральной проблемой современного экономического роста.

Если в советский период политика в области доходов сводилась к регулированию заработной платы и выплатам из общественных фондов потребления, то перестройка и особенно постперестройка (реставрация капитализма) привели к радикальной смене социально-трудовых отношений и диверсификации всей структуры формирования доходов. Был взят ориентир на северо-американский образец. «Распределение доходов в США <...> представляет собой как бы эталон, к которому стремится, приближаясь в той или иной степени, распределение доходов в других странах с развитой рыночной экономикой» [4, с. 386]. В общем объеме денежных доходов населения в США в конце 1990-х годов заработная плата составляет 60–70 %, доходы от предпринимательства (неакционерного) – 6–8 %, доходы от собственности – 14–16 %, социальные трансферты – 10–15 %. Динамика структуры личных доходов населения в постперестроечной России приведена в табл. 2 [1, с. 240], из которой видно, какие резкие и крайне неблагоприятные (для широких слоев населения) изменения в структуре распределения доходов произошли в России.

Таблица 2

Динамика структуры личных доходов в России в 1990-е гг., %

Слагаемые личного дохода	Годы		
	1992	1994	1996
Оплата труда	69,9	46,6	42,5
Социальные трансферты	14,0	15,4	13,9
Предпринимательские доходы и доходы от собственности	16,1	38,8	43,6
Всего	100	100	100

Из сравнения данных табл. 2 и данных предыдущего материала видно, что Россия отличается по структуре доходов от США. Кроме того, за постперестроечное время в этой структуре произошли существенные сдвиги. Общий объем денежных доходов населения стал распределяться еще более неравномерно как в среднестатистическом выражении, так и по различным группам населения. «На нижней границе шкалы у первых 20% семей сосредоточено от 5,9 до 9,8% от общего объема доходов. На другом полюсе, в пятой группе семей с наивысшими доходами (также составляющей 20% от общей численности семей. – *Авт.*) сосредоточено от 32,7 до 47,5% совокупного личного дохода. За годы реформ (точнее, за постперестроечные годы. – *Авт.*) неравномерность в распределении общего фонда личных доходов значительно выросла» [6, с. 171].

В этой связи стала очевидной необходимость корректировки политики в области доходов. Уже в начале нового столетия, в 2002 г. был принят и вступил в законную силу новый Трудовой кодекс Российской Федерации, закре-

пляющий систему социального партнерства и паритетные отношения работодателей и работников как в области заключения коллективных договоров (которые призваны стать своего рода «малыми трудовыми кодексами» организаций), так и в других аспектах социально-трудовой сферы, в том числе и в вопросах заработной платы. Но это только первые шаги.

Реформа социально-трудовых отношений и соответственно системы формирования доходов в России начнет приобретать более конструктивный характер, когда начнется реализация подходов, выработанных Международной организацией труда в данной области, и будут учитываться национальные особенности социально-трудовой сферы и реализовываться программно-целевой подход в развитии занятости населения.

Следует отметить, завершая тему «истоков», три обстоятельства.

1. «Реальный» социализм, а вместе с ним и государство нового типа – СССР – как возникли «по Ленину», так и распались по нему же. Речь прежде всего идет о развитии производительности труда. В 1919 г. в работе «Очередные задачи советской власти» В.И. Ульянов (Ленин) выдвинул две важные (для судеб страны и рассматриваемой нами тематики) идеи. *Первая* – идея социализма как «единой фабрики», *вторая* – идея окончательной победы социализма при условии обеспечения более высокой производительности труда. Что касается второй идеи, то, как теперь известно, «реальный» (советский) социализм так и не смог (по объективным и главным образом субъективным причинам) обеспечить более высокую производительность труда (см. рис. 2) и поэтому сошел с арены мировой истории.

2. Что касается первой идеи (социализм как суперцентрализованная плановая система), то уже в 1922 г. Ленин предложил «коренным образом переменить точку зрения на социализм». У него возникла идея НЭПа, по существу открывавшая простор для развития рыночных отношений и смешанной экономики. Современный Китай фактически развивается по этому пути и достиг весомых результатов во многих областях экономики и общественной жизни. Конечно, предполагать для политико-экономических условий современной России реставрацию НЭПа не только не научно, но и просто бессмысленно. Этот этап нашей истории безусловно пройден.

3. Однако необходимо отказаться и от другого наследия «реального» социализма – низкого уровня оплаты труда, характерного для подавляющего числа профессиональных групп занятого населения современной России. Безусловно, решение данной проблемы в конечном счете зависит от роста производительности труда, а значит – от качества (а не только от количества) рабочих мест. А в социальном государстве, кроме того, точнее вместе с тем, и от государственной политики в области доходов и заработной платы. Однажды нобелевский лауреат С. Кузнец высказал предположение, которому с легкой руки одного экономиста было присвоено громкое имя закона Кузнецца, согласно которому в первые десять лет интенсивного экономического роста для развивающейся страны обычно характерно увеличение неравенства доходов и богатства, после чего начинается процесс уменьшения неравенства. За истекшее время российских реформ перспектива уменьшения неравенства доходов даже не обозначилась, так же, как и нет пока позитивных сдвигов в структуре занятости населения. *«Недопустимо, вызывающе велика дифференциация*

доходов (выделено нами. – *Авт.*). Каждый восьмой гражданин России живет за официальной чертой бедности» [5, с. 1]. Это сказано компетентным лицом по истечении 20 лет «рыночных» преобразований в нашей стране, в феврале 2012 г., что является более чем ярким свидетельством остроты проблемы.

Политика в области доходов и заработной платы начинается с постулирования и ранжирования принципов их формирования. В самом общем виде (на макроуровне) выделяют следующие принципы формирования доходов в современном индустриальном обществе: *по потребностям, по способностям, по лотерее*. В свою очередь принцип по способностям можно структурировать на мезоуровне, т.е. в масштабе социально значимых сфер занятости на подразделы: *по труду, по творчеству, по собственности*. На микроуровне (для отдельного индивида) принцип по труду дифференцируется на две группы: по затратам и по результатам, а принцип по собственности подразделяется на *доход предпринимателя* и *доход рантье*.

Отметим некоторые особенности реализации представленных принципов. При распределении по труду и по собственности владелец собственности получает основную массу потребительских благ. Проблема относительной значимости этих принципов является предметом научной (и не только научной) дискуссии на протяжении многих лет, но строгого научного решения до сих пор нет, поскольку не найдено удовлетворяющего всех разрешения противоречия между мотивирующей ролью борьбы за собственность и мотивирующей ролью равенства стартовых позиций людей (в том числе молодежи). Впрочем это не единственное противоречие сложившейся системы формирования доходов населения.

Находятся, например, в противоречии принципы распределения *по потребностям* (или *по способностям*) и *по лотерее*. Еще В. Петти в свое время отмечал, что лотереи устраиваются для использования «в своих выгодах людской глупости» [1, с. 237].

Особого внимания требует реализация принципа вознаграждения по творчеству. Если в современной России не удастся создать надежную систему защиты авторских прав, то это нанесет значительный ущерб как творческому потенциалу социально-трудовой сферы, так и перспективам социально-экономического развития России.

Политика государства в области доходов в различные периоды развития имеет блок субполитик, решение которых в значительной степени определяет успех социальных реформ в целом, так как они имеют непосредственные выходы на уровень и качество жизни населения. Но здесь важно подчеркнуть, что политика доходов должна коррелировать с политикой занятости и политикой цен. Рассогласованность в их проведении снижает общий эффект.

Итак, *политика доходов* – это система мер, направленных на поддержание определенного уровня доходов у населения страны, регулирование их дифференциации и создание стимулов у трудоспособных граждан работать более производительно.

Различают два направления или два типа политики доходов:

1) *активная политика доходов* является основным реформирующим звеном. Проведение этой политики решающим образом влияет на прочие параметры экономического развития, в том числе на занятость и цены;

2) *пассивная политика доходов* служит лишь «группой поддержки». Меры, принимаемые в области доходов и заработной платы, выполняют вспомогательные функции, а ключевую роль играет реформирование финансовой системы страны.

Активная политика доходов имеет три основные формы реализации.

1. *Политика замораживания заработной платы* представляет собой тип прямого государственного регулирования уровня доходов в обществе, когда правительство «замораживает» заработную плату, сохраняет стабильные цены и обеспечивает высокую занятость (используя методы переговоров с профсоюзами, а также методы прямых запретов и ограничений). Такая политика доходов проводится при наличии глубокого кризиса в стране и рассчитана на краткосрочную перспективу. Долгосрочный характер ее осуществления может вызвать скачок цен (и заработной платы), и ситуация выйдет из-под контроля.

2. *Политика выравнивания заработной платы*. В соответствии с отраслевыми и межотраслевыми соглашениями все предприятия выплачивают одинаковую заработную плату за равный труд, несмотря на уровень прибыли. Прибыльные предприятия оказываются в выигрыше, а слабые (нерентабельные) разоряются быстрее, чем при выплачивании более низкой заработной платы. Такая политика доходов ускоряет процесс банкротства (т. е. играет роль своеобразного «санитара»).

3. *Политика развития*. Ориентирована на поощрение (развитие) предложения труда. Идея заключается во вмешательстве (прямом и косвенном) государства в процессы распределения и формирования уровня заработной платы через снижение подоходного налогообложения и принятие законов против крупных повышений заработной платы. Тем самым у работодателей снизятся издержки на персонал и они могут проявить склонность к расширению производства, созданию новых рабочих мест, а у работников сохранится реальный уровень заработной платы за счет снижения подоходного налога. При этом используется и поддерживается ряд мер: обучение, повышение квалификации и т. п. Однако и в теории, и в политике пока отсутствуют меры прямого активного воздействия на систему рабочих мест в стране.

Пассивная политика доходов имеет две основные формы реализации.

1. *Политика сокращения государственных расходов* представляет собой ряд чисто монетаристских решений по выводу страны и общества из кризиса. Политика заключается в сокращении государственных расходов, что приводит к уменьшению бюджетного дефицита и, следовательно, ограничению прироста денежной массы. В результате этого происходит «смягчение» инфляции. Одновременно идет сужение спроса, что способствует росту безработицы, которая считается «меньшим злом». Далее «укрошенная» инфляция снизит ожидания роста цен, следовательно, спрос работников и работодателей вернется к уровню начала реформ, а значит, и уровень безработицы снизится до исходного уровня, инфляция же останется под контролем. Под удар такой политики доходов попадают прежде всего безработные и нетрудоспособные граждане.

2. *Политика поощрения традиционных (доиндустриальных) форм занятости населения* является одним из опробованных и эффективных рецептов выживания (но не развития).

При определенных условиях эта политика может быть выгодна и работодателям, и работникам, и государству, поскольку влияет на занятость через ограничение предложения рабочей силы на открытом рынке труда. При этом ограничивается масштабное высвобождение занятых и предупреждается всплеск безработицы, что в свою очередь позволяет:

- женщинам и молодежи сочетать работу с учебой, воспитанием детей и пр.;
- сократить издержки, связанные с увольнением, а позднее – наймом рабочей силы;
- повысить эффективность некоторых видов труда, прежде всего для лиц творческих профессий;
- снизить остроту проблем занятости за счет обеспечения наиболее уязвимых на рынке труда категорий населения доступными способами получения дохода.

Вместе с тем такая политика не может быть главной (и тем более единственной) в обществе, ориентированном на современный рост.

В современных условиях важную значимость приобретают не только содержательные аспекты политики формирования доходов, но и организационные формы. С началом рыночных реформ в нашей стране появилась такая форма организации сферы занятости, как *программы содействия занятости*. И если в 1990-е годы основным источником их финансирования был фонд занятости, находившийся в распоряжении государственной службы занятости, и основные мероприятия этих программ были ориентированы на возможности самих этих служб, то в начале 2000-х годов «содержательная» часть программ пополнилась действиями заинтересованных работодателей и соответственно появились новые источники финансирования.

В настоящее время значимость (и статус) программ содействия занятости заметно повысилась, больше внимания этим программам стали уделять региональные органы власти и высшее руководство страны. Главное звено, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь социально-экономического развития страны (и соответственно улучшить структуру доходов населения), – это создание системы новых современных эффективных рабочих мест. И представляется вполне очевидным, что без усиления научной составляющей этих программ, а также государственной финансовой поддержки и без усиления социальной ответственности бизнеса эту задачу решить будет сложно (если вообще возможно).

Литература

1. *Генкин В.Л.* Экономика и социология труда : учебник для вузов. М., 1998.
2. *Микульский К.И.* Социально ориентированная рыночная экономика – выбор России // *Общество и экономика*. 1997. № 1–2.
3. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / Пер. с англ. Новосибирск, 1998.
4. Политика доходов и заработной платы: учебник / Под ред. П.В. Савченко и Ю.П. Коккина. М., 2000.
5. *Путин В.В.* Строительство справедливости. Социальная политика для России // *Комсомольская правда*. 2012. 13 февр.
6. Рынок труда и доходы населения: учеб. пособие / Под ред. Н.А. Волгина. М., 1999.

Bibliography

1. *Genkin V.L.* Jekonomika i sociologija truda : uchebnik dlja vuzov. M., 1998.
2. *Mikul'skij K.I.* Social'no orientirovannaja rynochnaja jekonomika – vybor Rossii // Obwestvo i jekonomika. 1997. № 1–2.
3. *Olson M.* Vozvyshenie i upadok narodov. Jekonomicheskij rost, stagfljacija, social'nyj skleroz / Per. s angl. Novosibirsk, 1998.
4. Politika dohodov i zarabotnoj platy: uchebnik / Pod red. P.V. Savchenko i Ju.P. Kokina. M., 2000.
5. *Putin V.V.* Stroitel'stvo spravedlivosti. Social'naja politika dlja Rossii // Komsomol'skaja pravda. 2012. 13 fevr.
6. Rynok truda i dohody naselenija: ucheb. posobie / Pod red. N. A. Volgina. M., 1999.

УДК 316.354

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РАБОТНИКОВ: РАЗЛИЧИЕ ПОЗИЦИЙ ГЕН. ДИРЕКТОРА И МЕНЕДЖЕРА ПО УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ

И.З. Гарафиев

Казанский национальный исследовательский
технологический университет
E-mail: giz05@mail.ru

На основе контент-анализа текстов статей журнала «Генеральный директор» рассмотрены отношения руководителей организации к развитию инновационного человеческого капитала работников. Выявлена специфика и различие в понимании генеральным директором и менеджером по управлению персоналом инвестиционного и сетевого характера труда работников.

Ключевые слова: инновационный человеческий капитал, генеральный директор, менеджер по управлению персоналом.

DEVELOPMENT OF INNOVATION HUMAN CAPITAL OF STAFF: DIFFERENCE BETWEEN POSITIONS OF DIRECTOR GENERAL AND HUMAN RESOURCES MANAGER

I.Z. Garafiev

Kazan National Research Technological University
E-mail: giz05@mail.ru

Attitude of management to the development of innovation human capital of the staff on the basis of content analysis of the «Director General» magazine articles is considered. The specificity and difference in understanding of investment and network nature of work of the staff is revealed.

Key words: innovation human capital, director general, human resources manager.

Современная постоянно меняющаяся внешняя среда ставит перед компаниями новые цели и задачи. Меняется роль работника в компании – он становится инициатором инновационных идей и тем самым преобразует знание в основной фактор производства. В связи с этим меняется и специфика труда в компании, который приобретает инвестиционный и сетевой характер. Инвестиционный характер когнитивного труда – это постоянное инвестирование работником в собственный человеческий капитал. Сетевой характер – способ организации деятельности когнитивных работников, связанный с их взаимодействием в рамках сетевых структур и проектов.

В качестве интегрирующего понятия, объясняющего процесс преобразования работниками знания в экономический, производственный ресурс, предлагается категория «инновационный человеческий капитал». Инновационный человеческий капитал – профессиональные знания и навыки, способствующие получению дохода от работы только в данной отрасли и необходимые для появления на рынке нового продукта (товара или услуги) отрасли, для использования в деятельности предприятия отрасли новых производственных процессов, нового метода маркетинга, нового организационного метода. Ав-

торская трактовка обусловлена качественной характеристикой знания, направленного на производство товаров и услуг с целью получения прибыли. Наиболее «знаниеемкой» является способ производства, основанный на внедрении инноваций. Мы не понимаем инновационный человеческий капитал узко, как специальный человеческий капитал фирмы, так как инновационные знания, применимые только в одной отдельно взятой фирме, в большинстве случаев оказываются неинновационными для других фирм. В то же время мы не понимаем его слишком широко как общий человеческий капитал, так как внедрение инноваций всегда имеет определенную отраслевую специфику [1].

Объектом нашего исследования выступает экспертное сообщество руководителей организаций (генеральные директора, руководители отделов управления персоналом и их заместители и другие должностные лица, непосредственно принимающие решения об управлении персоналом в организации). Предметом исследования является понимание и интерпретация экспертами особенностей состояния и развития инновационного человеческого капитала работников.

Цель данной статьи – выявление специфики и различий в понимании генеральным директором и менеджером по управлению персоналом особенностей развития инновационного человеческого капитала работников.

Методология исследования. Для определения специфики дискурса инновационного человеческого капитала в сообществе руководителей организации мы воспользовались подходом М.А. Клупта [2, с. 110] и Л.Г. Хадиевой, которые применили количественный (М.А. Клупт) и качественный (Л.Г. Хадиева) контент-анализ при анализе демографических проблем [3, с. 59]. В количественном случае на первом плане находятся такие понятия, как характер выборки (слов, текстов или их частей), частотность, статистические ассоциации. В качественном анализе – символы, их контекст и интерпретация. Мы в своем исследовании проводили качественный контент-анализ. Взяв за основу методологию, предложенную А.Н. Олейником [4], мы сделали акцент на анализе связей внутри кодировочного словаря. Анализ осуществлялся с использованием программы QDA Miner v. 4.0, разработанной компанией Provalis Research (г. Монреаль).

Характеристики выборки исследуемых текстов. В качестве объекта анализа выступает текст статей в журнале «Генеральный директор» за период с января 2010 г. по январь 2011 г. ($N = 76$), критерием отбора статей было наличие в них высказываний руководителей организации. С целью персонификации экспертов обычно их группируют по какому-то общему признаку: принадлежность к отрасли, научному сообществу, школе и т.д. Мы в качестве критерия группировки экспертов взяли их положение в управленческой иерархии организации. Нами было выделено три группы экспертов: генеральные директора – собственники бизнеса ($n = 46$), генеральные директора – наемные менеджеры ($n = 29$), не генеральные директора – наемные менеджеры ($n = 43$). Основанием для отбора экспертов явилась возможность их идентификации как представителя одной из трех групп, также учитывался объем высказываний экспертов, который не должен быть менее 2 абзацев текста статьи. Непосредственной единицей анализа выступал формализованный текст – совокупность высказываний в исходном тексте журнальной статьи экспертов каждой из трех групп. В результате по количеству групп экспертов мы получили три формализованных текста для контент-анализа.

Инструменты контент-анализа. Ключевым моментом контент-анализа является кодирование: соотнесение частей текста с категориями, с помощью которых осуществляется анализ. Список категорий образует своеобразный «словарь» для чтения и интерпретации текстов статей. Мы выделили словарь, основанный на замещении, который строится на основе того, что каждое из слов, относящихся к той или иной категории словаря, является взаимозаменяемым. Такой словарь представляет собой «эвристическим образом образованный список слов, каждое из которых можно заменить другим благодаря их отнесению к одному и тому же коду» [5, р. 2].

Эвристический характер данного словаря заключается в том, что список кодов (категорий) и слов отражает не только специфику самого текста, но и интересы «читателя», в том числе и теоретические конструкции, которые у него возникли еще до чтения текста.

Используемый нами метод отбора статей, в которых приводятся прямые высказывания руководителей организаций, представляет собой выбор текстов, отражающих уникальное мнение эксперта в данной области. Следовательно, в нашей работе мы будем использовать словарь, основанный на замещениях.

Словарь, используемый в контент-анализе текстов статей. Словарь А – список кодов – произведен от основных исследовательских задач, обусловлен интересами исследователя и имеет инструментальный характер.

Словарь А включает 8 кодов, организованных в 3 «ядра»: «Инновационный человеческий капитал», «Инвестиционный характер труда», «Сетевой характер труда» (табл. 1).

Таблица 1

Коды для качественного контент-анализа. Словарь (А)

Ядро	Код	Слова, фразы
1	2	3
Инновационный человеческий капитал	Стимулирование инновации	инновац* AND работн* поощр* AND инновац* внедрен* AND инновац* изобретен* AND инновац* нов* AND иде* стимулирова* AND работник* рационализатор* исследователь разработчик инициатор занятых исследованиями и разработками создан* _ новых _ рабочих мест в инновационной инноватор
	Оплата труда	оплата деньги зарплата заработн* плат* занятость занятых рабочее место повышение _ качества _ жизни уровень жизни уровень благосостояния производственные силы человеческий капитал

Окончание табл. 1

1	2	3
Инновационный человеческий капитал	Знания	знание AND прибыль интеллектуальн* AND собственност* экономика _ знаний общество _ знаний база _ знаний управление _ знаниями новые _ знания генерация _ знаний
Инвестиционный характер труда	Образование	образование _ профессиональное образование _ высшее вуз студент выпускник диплом кадровое _ обеспечение подготовка _ кадров
	Саморазвитие	переподготовка непрерывная _ подготовка непрерывное _ образование курсы наставник тренинг профессиональный _ рост повышен* _ квалификации лидерские _ качества
	Профессиональный опыт, навыки	молод* _ работник* молод* _ люди специалист* опыт работы стаж квалификац* специалист компетенц* кадры недостаток _ кадров переток _ кадров
Сетевой характер труда	Обмен идеями – инновационная среда	информационный _ обмен информационное _ обеспечение обмен _ иде* инфраструктур* технопарк, бизнес-инкубатор, промышленн* парк, бизнес-парк, центр _ трансфера _ технологий, центр _ коммерциализации стимулирование _ предприятий образовательная _ среда, информационная _ среда коммуникационная _ среда инновационная _ среда инновационная _ система
	Бизнес-проекты	инновации AND бизнес-партнер конкуренция целевая _ подготовка бизнес-сообщество инновационн* _ бизнес кластер проект партнер

Примечание: * означает любую букву или набор букв; AND – присутствие двух ключевых слов в одной и той же фразе; _ два ключевых слова следуют строго одно за другим.

Совместно встречающиеся коды. Вначале мы выясним, насколько часто коды пересекаются, т.е. в рамках форматизированного текста они могут быть разделены не более чем одним кодом. Знакомство с группировкой кодов для качественного контент-анализа, осуществленной по критерию частоты их совместного появления в статьях – коэффициенту Жаккарда (Jaccard's coefficient), который вычисляется как отношение числа элементов пересечения двух множеств к числу элементов объединения этих множеств. Коэффициент равен нулю, когда множества не имеют общих элементов, и единице, когда множества равны, в остальных случаях значение где-то посередине. Особый интерес представляет выяснение позиций представителей различных групп экспертов с целью определения сходства и различий в их взглядах. В нашем случае, ввиду того что количество формализованных текстов было менее 6, а точнее три по количеству групп экспертов, коэффициент Жаккарда мог быть вычислен по тесноте связей кодов не в текстах, а в параграфах текстов. Такой подход, безусловно, предполагает выявление более тесной связи между кодами, так как количество параграфов во много раз превышает количество текстов.

Близость совместно встречающихся кодов для группы ген. директоров – собственников, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Пересечение кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для ген. директоров – собственников

	Business projects	Development	Education	Exchange of ideas	Incentives for innovation	Knowledge	Professional experience	Wages
Business projects	1							
Development	0,077	1						
Education	0	0,03	1					
Exchange of ideas	0,258	0,065	0,015	1				
Incentives for innovation	0,094	0,09	0	0,161	1			
Knowledge	0,045	0,088	0,033	0,089	0,014	1		
Professional experience	0,066	0,182	0,12	0,103	0,082	0,097	1	
Wages	0,012	0,031	0,029	0,087	0,134	0,05	0,148	1

Наибольшее значение коэффициента Жаккарда 0,258, что позволяет говорить о наличии устойчивой связи между кодами «обмен идеями» и «бизнес-проекты». Близость совместно встречающихся кодов для группы ген. директоров – наемных менеджеров представлена в табл. 3.

Наибольшее значение коэффициента Жаккарда 0,232, что позволяет говорить о наличии устойчивой связи между кодами «оплата труда» и «стимулирование инноваций». Как видим, здесь происходят изменения направления дискурса, если для ген. директоров – собственников важны больше сетевые взаимодействия (близость кодов «обмен идеями» и «бизнес-проекты»), то ген. директора – наемные менеджеры акцентируют внимание на составных частях

Таблица 3

Пересечение кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для ген. директоров – наемных менеджеров

	Business projects	Development	Education	Exchange of ideas	Incentives for innovation	Knowledge	Professional experience	Wages
Business projects	1							
Development	0,078	1						
Education	0,026	0,022	1					
Exchange of ideas	0,159	0,116	0,038	1				
Incentives for innovation	0,2	0,038	0,022	0,176	1			
Knowledge	0,101	0,081	0,095	0,016	0,021	1		
Professional experience	0,11	0,198	0,066	0,05	0,052	0,122	1	
Wages	0,04	0,038	0,016	0,053	0,232	0,029	0,139	1

инновационного человеческого капитала («близость кодов оплата труда» и «стимулирование инноваций»). Немного другой вид принимает модель кластеризации кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для ген. директоров – наемных менеджеров.

На основе полученных данных коэффициента Жаккарда мы можем построить модель кластеризации кодов. Модель кластеризации кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для ген. директоров – собственников представлена на рис. 1.

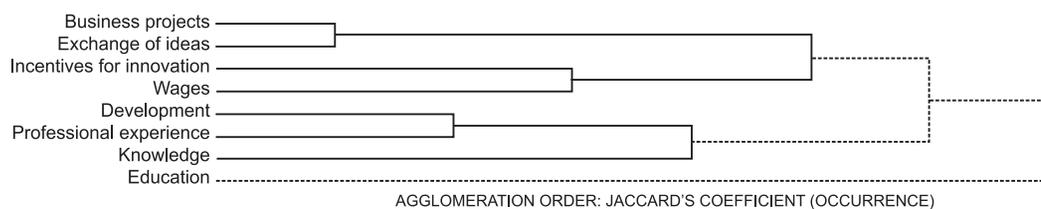

Рис. 1. Модель кластеризации кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для ген. директоров – собственников

Изначальной предпосылкой для выделения кодов качественного контент-анализа было наличие трех ядер: инновационный человеческий капитал, инвестиционный характер когнитивного труда, сетевой характер когнитивного труда. При кластеризации кодов на основе коэффициента Жаккарда при заданном количестве кластеров – три видим совпадение получившихся кластеров с выделенными нами ядрами только в одном случае. Коды «бизнес-проекты» и «обмен идеями» в дискурсе руководителей организации стоят рядом и совпадают с выделенным нами ядром «сетевой характер когнитивного труда».

Полученные результаты позволяют говорить о том, что для ген. директоров-собственников участие их сотрудников в бизнес-проектах предполагает обмен идеями, оплату труда сотрудников и стимулирование их инновационной деятельности. Данная конфигурация первого кластера может быть интерпре-

тирована как понимание подконтрольной ген. директору деятельности, напрямую связанной с достижением бизнес-целей. Близость кодов «профессиональный опыт, навыки» и «саморазвитие» позволяет говорить о том, что в модели кластеризации частично проявилось ядро «инвестиционный характер когнитивного труда». Ядро «инновационный человеческий капитал» идентифицируется благодаря близости кодов «оплата труда» и «стимулирование инноваций».

Модель кластеризации кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для ген. директоров – наемных менеджеров представлена на рис. 2.

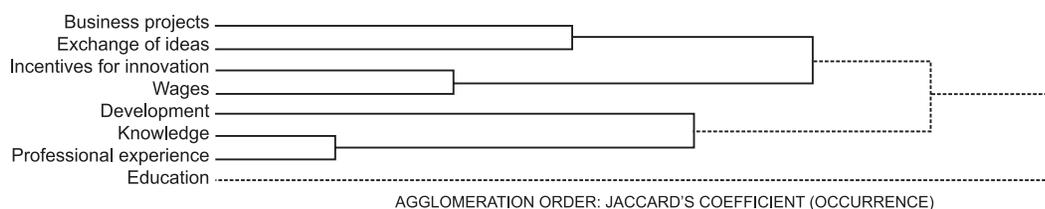

Рис. 2. Модель кластеризации кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для ген. директоров – наемных менеджеров

Модель кластеризации в целом еще осталась прежней, изменения произошли лишь в степени близости кодов внутри второго кластера. Связь кода «профессиональный опыт, навыки» оказалась более тесной с кодом «знание», чем с кодом «саморазвитие». Причиной этого во многом стал принцип группировки кодов в кластеры, когда в основу берется близость кодов по относительному значению коэффициента Жаккарда. Так, коэффициент Жаккарда между кодами «профессиональный опыт, навыки» и «саморазвитие» равен 0,198, а между кодами «профессиональный опыт, навыки» и «знание» равен 0,122.

Существенные изменения произошли при распределении кодов в третьей группе экспертов, не являющихся генеральными директорами, а выполняющих функции менеджеров по управлению персоналом. Близость совместно встречающихся кодов для группы не ген. директоров, представлена в табл. 4.

Таблица 4

Пересечение кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для не ген. директоров

	Business projects	Development	Education	Exchange of ideas	Incentives for innovation	Knowledge	Professional experience	Wages
Business projects	1							
Development	0,02	1						
Education	0,014	0,182	1					
Exchange of ideas	0,356	0,063	0,05	1				
Incentives for innovation	0,107	0,039	0,013	0,215	1			
Knowledge	0,05	0,037	0,038	0,011	0,062	1		
Professional experience	0,038	0,229	0,053	0,056	0,127	0,083	1	
Wages	0,01	0,111	0,109	0,032	0,184	0,13	0,168	1

Наибольшее значение коэффициента Жаккарда 0,356, что позволяет говорить о наличии устойчивой связи между кодами «обмен идеями» и «бизнес-проекты». Однако модель кластеризации принимает совершенно другой вид во многом из-за того, что наибольшее значение коэффициента Жаккарда превышает все другие его значения. Модель кластеризации кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для не ген. директоров представлена на рис. 3.

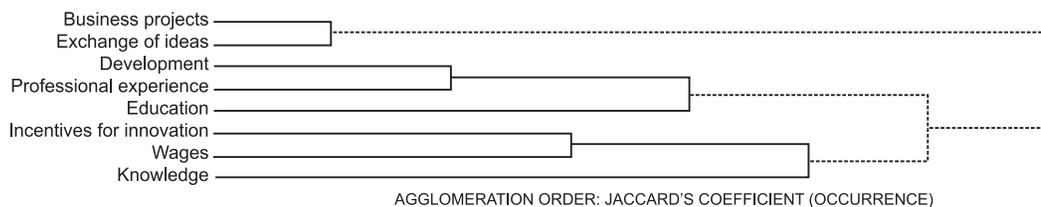

Рис. 3. Модель кластеризации кодов качественного контент-анализа на основе коэффициента Жаккарда для не ген. директоров

Полученная модель полностью совпадает с изначально сконструированной нами моделью для качественного контент-анализа. Изначальной предпосылкой для выделения кодов качественного контент-анализа было наличие трех ядер: инновационный человеческий капитал, инвестиционный характер когнитивного труда, сетевой характер когнитивного труда. В дискурсе экспертов не ген. директоров данная модель полностью подтвердилась.

Подводя итог анализу схожести кодов в дискурсе различных групп экспертов, мы можем говорить о близости позиции ген. директоров – собственников и ген. директоров – наемных менеджеров. Позиция не ген. директоров совпала с выделенной нами исследовательской моделью. Объяснением этого может служить стилистика текстов групп экспертов, если ген. директорам больше присуще описание ситуации, направленное на выявление реальных условий функционирования бизнеса, то для не ген. директоров – сравнение ситуации с некой идеальной моделью, выявление не только существующего, но и определение должного.

Литература

1. *Гарафиев И.З.* Роль инновационного человеческого капитала в процессах регионализации и глобализации // Регионология. 2011. № 4. С. 9–15.
2. *Клунт М.А.* Демографическая политика как предмет контент-анализа // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 10–117.
3. *Олейник А.Н.* Триангуляция в контент-анализе: вопросы методологии и эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 65–99.
4. *Хадиева Л.Г.* Конструирование репродуктивных установок: феноменологический анализ. Дис. ... к.с.н. Казань, 2007. 153 с.
5. *Hogenraad R., Mckenzie D., Peladeau N.* Force and influence in contentanalysis: the production of new social knowledge // Quality & Quantity. 2003. № 37. P. 2–14.

Bibliography

1. *Garafiev I.Z.* Rol' innovacionnogo chelovecheskogo kapitala v processah regionalizacii i globalizacii // Regionologija. 2011. № 4. P. 9–15.

2. *Klupt M.A.* Demograficheskaja politika kak predmet kontent-analiza // Sociologicheskie issledovanija. 2003. № 12. P. 10–117.
3. *Olejnik A.N.* Trianguljacija v kontent-analize. voprosy metodologii i jempiricheskaja proverka // Sociologicheskie issledovanija. 2009. № 2. P. 65–99.
4. *Hadieva L.G.* Konstruirovanie reproduktivnyh ustanovok: fenomenologicheskij analiz. Dis. ... k.s.n. Kazan', 2007. 153 p.
5. *Hogenraad R., Mckenzie D., Peladeau N.* Force and influence in contentanalysis: the production of new social knowledge // Quality & Quantity. 2003. № 37. P. 2–14.

ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 338.436.33

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ СФЕРЫ УСЛУГ В РЕГИОНЕ

С.Н. Чикин

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: uprav551@mail.ru

Н.И. Востриков, А.Н. Козлов

Сибирский университет потребительской кооперации
E-mail: vostrikovnik@yandex.ru, a.n.kozlov22@gmail.com

В статье изложены методические подходы к оценке влияния факторов на развитие сферы услуг в регионе. Проведена оценка состава и структуры сферы услуг и ее влияние на экономику региона. Определены количественные и качественные характеристики торговых сетей Республики Алтай. Сформулированы предложения по повышению эффективности деятельности сферы услуг. Показаны основные проблемы и перспективы развития различных форматов розничной торговли с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: эффективность сферы услуг, экономико-статистический анализ, группировка торговых предприятий, интегральный анализ влияния факторов, торговые сети, анализ структуры сферы услуг.

ECONOMICS AND STATISTICS ANALYSIS OF EFFICIENCY FACTORS OF SERVICES SECTOR IN THE REGION

S.N. Chikin

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: uprav551@mail.ru

N.I. Vostrikov, A.N. Kozlov

Siberian University of Consumer Cooperation
E-mail: vostrikovnik@yandex.ru, a.n.kozlov22@gmail.com

The article considers methodical approaches to the evaluation of factors influence on the development of services sector in the region. Evaluation of structure of services sector and its influence on the economy of the region is made. Quantitative and qualitative characteristics of distributive networks of the Altai Republic are defined. Main issues and outlook for various types of retail trade considering regional features are revealed.

Key words: efficiency of services sector, economics and statistical analysis, grouping of trading companies, integral analysis of factors influence, distributive networks, analysis of services sector structure.

Актуальность и проблемы повышения эффективности деятельности предприятий сферы услуг в регионе. В 2006 г. Республика Алтай была определена одним из 7 регионов-победителей федерального конкурса на создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа, что закреплено Постановлением Правительства Российской Федерации «О создании на территориях муниципального образования «Майминский район» и муниципального образования «Чемальский район» Республики Алтай особой экономической зоны туристско-рекреационного типа». В рамках данной программы запланировано осуществление комплекса мероприятий по строительству гостиничных комплексов, объектов питания и торговли, инфраструктуры особой экономической зоны (инженерных сетей, связи, подъездных дорог, электрических сетей).

Сфера услуг представляет собой одну из самых перспективных и динамично развивающихся подсистем в экономике Республике Алтай, и в настоящее время ее вклад в ВРП составляет около 60%. Следует подчеркнуть, что данный регион является дотационным, объем безвозмездных поступлений из федерального бюджета составляет около 80% доходов бюджета Республики Алтай.

В ходе реализации программы социально-экономического развития Республики Алтай на 2006–2009 гг., в результате проведенных в 2007 г. мероприятий была создана структура по управлению ОЭЗ туристско-рекреационного типа на территории республики (решен вопрос по размещению и укомплектованию кадрами). В 2008 г. были осуществлены мероприятия по разработке проекта планировки территории, межеванию и формированию земельных участков. В 2009 г. в связи с мировым финансовым кризисом реализация проекта была приостановлена. Впоследствии Правительством РФ было принято решение о возобновлении реализации проекта.

По состоянию на 1 июля 2011 г. из бюджетных средств было затрачено 1135,4 млн руб.; из частных 33,3 млн руб. частных вложений. Таким образом, на 1 руб. государственных инвестиций приходится 0,03 руб. привлеченных частных инвестиций. Эффективность привлечения составляет 3%, что свидетельствует о низкой доли участия частных инвесторов в реализации проекта. В будущем данный показатель будет увеличиваться. Так, в данный момент по заключенным с резидентами соглашениям уже заявлено 3,9 млрд руб. частных инвестиций.

По предварительным расчетам специалистов ОАО «ОЭЗ Алтайская долина» реализация проекта позволит создать дополнительно около 2500 рабочих мест. Объем производства услуг резидентами составит 80,3 млрд руб., объем налоговых отчислений – 21,2 млрд руб. В соответствии с прогнозами доля производства ОЭЗ в ВРП региона составит 64,4%. Вследствие создания ОЭЗ и развития туризма в Республике Алтай наблюдается мультипликативный эффект на экономику и социальную сферу на региональном уровне [1].

В свою очередь, развитость сферы услуг определяется экономикой региона, которая обеспечивает повышение доходов населения, создает условия для увеличения спроса на разнообразные услуги.

Методические подходы к оценке влияния основных факторов на развитие сферы услуг. Одним из методов оценки соотношений, зависимостей и тенденций является метод, основывающийся на характеристике удельных весов в

различных объемных показателях. Для исследования состояния и тенденций развития сферы услуг в регионе нами использованы абсолютные и относительные показатели, такие как оборот розничной торговли, оборот розничной торговли на душу населения, оборот общественного питания, объем произведенных услуг, производительность труда и ряд других.

Для получения качественной характеристики различий структуры производства товарооборота используются индексы Рябцева и Салаи. Преимущество индекса Рябцева по сравнению с другими для оценки структурных различий состоит в том, что его значения не зависят от числа градаций структур и означают максимально возможную величину расхождений между компонентами структуры. Смысл расчета индекса Рябцева состоит в отношении фактической меры расхождения значений компонентов двух структур с их максимально возможным значением, а также наличие шкалы оценки меры существенности структурных различий по индексу. В свою очередь индекс Салаи наиболее чувствителен к изменению структур, занимающих меньшие доли, что заметно отличает его от индекса Рябцева [6].

В дополнение этому может использоваться метод аналитических группировок. В качестве факторного признака нами используются численность работников и средний чек предприятия торговли. В свою очередь результирующими показателями в данном случае являются производительность труда и эффективность деятельности предприятия, рассчитанная как отношение товарооборота и площади торгового зала.

Оценка влияния факторов на развитие сферы услуг. Для оценки тенденций развития сферы услуг рассмотрим отношение показателей СФО и Республики Алтай к соответствующим в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика оборота сферы услуг в СФО и Республики Алтай в 2006–2010 гг.
(в % к показателям Российской Федерации)**

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Сибирский федеральный округ					
Оборот розничной торговли	11,8	11,7	11,6	10,9	10,7
Оборот розничной торговли на душу населения	85,6	85,2	84,1	79,2	79,2
Оборот общественного питания	10,9	10,9	10,8	9,3	8,8
Объем оказанных услуг населению	10,4	10,1	10,1	9,8	9,7
Республика Алтай					
Оборот розничной торговли	0,06	0,07	0,08	0,07	0,07
Оборот розничной торговли на душу населения	41,2	46,3	51,7	50,5	51,1
Оборот общественного питания	0,04	0,05	0,06	0,06	0,06
Объем оказанных услуг населению	0,04	0,04	0,05	0,05	0,05

Как видно из данных табл. 1, удельный вес оборота розничной торговли СФО в РФ в анализируемом периоде оставался стабильным и составлял в 2010 г. 10,7%, что на 1,1 процентный пункт ниже по сравнению с уровнем 2006 г. Незначительное снижение данного показателя было связано с уменьшением его в Кемеровской области и Алтайском крае. В свою очередь, стоит

отметить, что он по Республике Алтай остался на постоянном уровне. Отсюда следует вывод, что повышение эффективности деятельности сферы услуг за счет функционирования ОЭЗ ТРТ «Алтайская долина» позволит улучшить позицию СФО. Показатель оборота розничной торговли на душу населения по СФО составил около 85% от общего по стране, по Республике Алтай он составил в среднем 50%. Это свидетельствует об отставании уровня развития торговли от СФО и России в целом.

Вместе с тем динамика объема деятельности предприятий сферы услуг в СФО, Республике Алтай и Российской Федерации имеет аналогичные тенденции роста. Стоит заметить, что в 2008 г. значительный рост оборота сферы услуг обусловлен прежде всего ростом объема оказанных населению услуг, последующее резкое снижение связано в первую очередь с общим экономическим спадом в условиях кризисных явлений в стране.

Структура предприятий сферы услуг в основном представлена следующими отраслями:

- оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. По данным статистического ежегодника Республики Алтай доля их вклада в создание продукта сферы услуг составляет 15%;
- государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение – 32%;
- образование – 16% [7].

Для получения качественной характеристики различий структуры производства товарооборота сферы услуг по видам экономической деятельности в Республике Алтай за 2006–2010 гг. воспользуемся индексом В.М. Рябцева (I_r) и Салаи (I_s)

$$I_r = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{1i} - d_{0i})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{1i} + d_{0i})^2}},$$

где d_{1i}, d_{0i} – удельные веса признаков в совокупности;
 i – число градаций в структурах.

Таблица 2

Шкала оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева [4]

Интервал значений I_r	Характеристика меры структурных различий
0,000–0,030	Тождественность структур
0,031–0,07	Весьма низкий уровень различий структур
0,071–0,15	Низкий уровень различия структур
0,151–0,3	Существенный уровень различия
0,301–0,5	Значительный уровень различия
0,501–0,7	Весьма значительный уровень различия
0,701–0,9	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Индекс Салаи (I_s):

$$I_s = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n ((d_{1i} - d_{0i})(d_{1i} + d_{0i}))^2}{n}}$$

Расчет данных индексов показал весьма низкий уровень различия отраслевых структур сферы услуг по видам экономической деятельности. Полученные данные, приведенные в табл. 3, относятся к первой группе, что свидетельствует об отсутствии сдвигов в структуре сферы услуг в исследуемом периоде.

Таблица 3

Структурно-динамический анализ сферы услуг по видам экономической деятельности Республики Алтай

Период	Значение индекса Рябцева	Значение индекса Салаи
2006–2007	0	0,0195
2007–2008	0	0,0065
2008–2009	0	0,0071
2009–2010	0,0034	0,0125
2006–2010	0,0034	0,0715

Оценка структуры сферы услуг проведена с помощью коэффициента равномерности. Динамики коэффициента равномерности структуры сферы услуг в Республике Алтай за 2006–2010 гг. свидетельствует о том, что в экономике региона происходило уменьшение неравномерности вклада отдельных видов деятельности в создание добавленной стоимости, так как коэффициент равномерности, хотя и незначительно, но увеличился: с 0,08 до 0,11. В общем данный показатель характеризует неравномерное распределение в структуре сферы услуг.

Одним из основных результирующих показателей сферы услуг является оборот предприятий сферы услуг. По нашему мнению, целесообразно рассмотреть и оценить факторы, влияющие на его объем.

Значительное влияние на объем валового оборота предприятий сферы услуг оказывают трудовые факторы: производительность труда и численность работников. В таком случае модель имеет вид

$$T = B \times \text{Ч},$$

где T – объем валового оборота; Ч – среднесписочная численность по отрасли, чел.; B – производительность труда одного работника, тыс. руб. [5].

В условиях инфляции данный анализ необходимо проводить по валовому обороту и производительности в сопоставимых ценах. Рассмотрим основные показатели деятельности сферы услуг в Республике Алтай в 2008–2010 гг. (табл. 4).

Данные табл. 4 свидетельствуют, что в исследуемом периоде наблюдается увеличение объема товарооборота как в фактических, так и в сопоставимых ценах. В фактических ценах прирост составил около 20%, а в ценах 2008 г. наблюдается снижение на 1 проц. пункт.

Таблица 4

**Основные экономические факторы функционирования предприятий сферы услуг
в Республике Алтай**

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Оборот предприятий сферы услуг, млн руб.	13842,1	14893,4	16629,8
Индекс цен	1,12	1,1	1,09
Оборот предприятий сферы услуг в сопоставимых ценах прошлого года, млн руб.	12359	13417,5	15256,7
Среднесписочная численность работников	46910	46264	45721
Производительность труда в фактических ценах	295,1	321,9	363,7
Производительность труда в сопоставимых ценах	263,5	290	333,7

Для расчета влияния факторов на объем товарооборота используем интегральный метод. В его основе лежит расчет показателей производительности труда и изменения среднесписочной численности работников. Полученные данные представлены в табл. 5.

Таблица 5

Влияние факторов на объем валового оборота сферы услуг

Показатель	2009 г.	2010 г.
Изменение производительности труда одного работника за счет интенсификации труда, тыс. руб.	-5,1	11,8
Изменение производительности труда одного работника за счет изменения цен на товары, тыс. руб.	31,9	30
Изменение среднесписочной численности работников, тыс. руб.	-181,8	-161,1
Изменение производительности труда одного работника, тыс. руб.	-228,5	558,2
Изменение цен на товары, тыс. руб.	1505,3	1403,2

Из данных табл. 5 следует, что:

- производительность труда за счет интенсификации снизилась на 5,1 тыс. руб. в 2009 г. и увеличилась на 11,8 в 2010 г.;
- производительность труда за счет цен на товары увеличилась на 31,9 тыс. руб. в 2009 г. и на 30 тыс. руб. в 2010 г.;
- товарооборот снизился за счет изменения среднесписочной численности на 181 и 161 тыс. руб. в 2009 и 2010 гг. соответственно;
- произошло снижение товарооборота на 228 тыс. руб. в 2009 г. и увеличение на 558 тыс. руб. в 2010 г. за счет изменения производительности труда одного работника;
- изменение цен на товары позволило повысить товарооборот на 1505 тыс. руб. и 1403 тыс. руб. в 2009 и 2010 гг. соответственно.

Данный анализ показал, что основным фактором, оказавшим наибольшее влияние на изменение объема оборота сферы услуг в Республике Алтай, является изменение цен на товары, т.е. отсутствует качественное улучшение деятельности предприятий сферы услуг в данном регионе.

Качественным улучшением может послужить развитие торговых сетей в регионе. В соответствии с Федеральным законом РФ от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ

«Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» торговой сетью является совокупность двух и более торговых объектов, которые находятся под общим управлением, или совокупность двух и более торговых объектов, которые используются под единым коммерческим обозначением или иным средством индивидуализации [8]. К примеру, по данным центра экономических исследований «РИА-Аналитика» в Санкт-Петербурге на долю торговых сетей приходится около половины оборота розничной торговли, в Москве они формируют всего 14,2%. Определяющими предприятиями среди торговых сетей Республики Алтай являются торговые сети продовольственного ритейла. В табл. 6 представлены основные показатели их деятельности.

Таблица 6

Ведущие торговые сети продовольственного ритейла Республики Алтай

Наименование торговой сети	Торговый формат	Количество торговых точек	Общая площадь торговых точек (кв. м)	Количество сотрудников*	Средний чек в торговой точке (руб.)*	Товарооборот (млн руб.)	
						Всего	В том числе продовольственные товары
«Мария-Ра»	Супермаркет	3	2443	123	490	644,8	614,1
Торговый двор «Аникс»	Супермаркет	5	807,3	154	424	285,8	276,8
«Парламент»	Магазин шаговой доступности	7	581,9	74	387	131,1	103,2
ООО «Подгорный 1»	Магазин шаговой доступности	9	1470	91	260	118,7	109,3
«Эдельвейс»	Магазин шаговой доступности	4	164	28	172	31,2	26,6
ООО «Мясная лавка Мецкер»	Магазин шаговой доступности	2	147,6	42	225	11,5	11,5
ООО «Ивушка»	Магазин шаговой доступности	2	128,5	16	170	10,9	10,9
ООО «Чингиз»	Магазин шаговой доступности	5	204	6	131	9,2	5,4

* По оценке экспертов министерства экономического развития и инвестиций Республики Алтай.

Согласно табл. 6, крупнейшими торговыми сетями являются «Мария-Ра», торговый двор «Аникс» и ООО «Парламент», данными сетями обеспечивается около 8% розничного товарооборота республики и примерно 15% товарооборота административного центра г. Горно-Алтайска. Всего на торговые сети г. Горно-Алтайска приходится примерно 10% от общего товарооборота региона. В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о недостаточной развитости этого сегмента в сравнении с развитыми странами.

Для более детального анализа необходимо провести группировку торговых сетей Республики Алтай по следующим группировочным признакам:

- территориальный признак;
- средний чек;
- количество сотрудников.

Полученные данные представлены в табл. 7.

Таблица 7

Группировка торговых сетей Республики Алтай

№ п/п	Группировочный признак	Группы	Наименование сетей, входящих в группу
1	По территориальному признаку	Расположенные в городе	«Мария-Ра», торговый двор «Аникс», «Парламент», ООО «Подгорный 1», ООО «Мясная лавка Мецкер», ООО «Ивушка»
		Расположенные в селах	«Эдельвейс», ООО «Чингиз»
2	По среднему чеку	130–220 руб.	ООО «Ивушка», «Эдельвейс», ООО «Чингиз»
		220–310 руб.	ООО «Подгорный 1», ООО «Мясная лавка Мецкер»
		310–400 руб.	«Парламент»
		400–490 руб.	«Мария-Ра», торговый двор «Аникс»
3	По количеству сотрудников	Менее 40 чел.	ООО «Ивушка», «Эдельвейс», ООО «Чингиз»
		40–80 чел.	«Парламент», ООО «Мясная лавка Мецкер»
		80–120 чел.	ООО «Подгорный 1»
		Более 120 чел.	«Мария-Ра», торговый двор «Аникс»

Оценка эффективности деятельности торговых сетей по 2- и 3-группировочному признаку показывает примерно равные по производственному потенциалу предприятия. По нашему мнению, данные группировочные признаки являются наиболее подходящими для дальнейшего анализа эффективности деятельности торговых сетей. В качестве показателя эффективности был выбран показатель товарооборота на один квадратный метр площади и показатель производительности труда (табл. 8).

Таблица 8

Взаимосвязь эффективности деятельности и численности сотрудников торговых сетей продовольственного ритейла региона

№ п/п	Группа	Наименование сетей, входящих в группу	Средний показатель эффективности деятельности по группе (тыс. руб./м ²)	Средний показатель производительности труда по группе (тыс. руб./чел.)
1	Менее 40 чел.	ООО «Ивушка», «Эдельвейс», ООО «Чингиз»	91,4	1109,6
2	40–80 чел.	«Парламент», ООО «Мясная лавка Мецкер»	99,2	1022,7
3	80–120 чел.	ООО «Подгорный 1»	74,4	1304,4
4	Более 120 чел.	«Мария-Ра», торговый двор «Аникс»	308,03	3549,1

Анализ данных показывает, что наиболее эффективными предприятиями по рассчитанным нами показателям являются торговые сети первой группы. Данные торговые сети – региональные и в отличие от местных торговых сетей используют передовые методы ведения торговли, такие как:

- терминалы безналичной оплаты услуг, с развитием «зарплатного» проекта в Республике Алтай данный инструмент способен привлечь значительную часть клиентов;
- проведение акций по снижению цен на товары определенной группы;
- введение карт для оплаты услуг мобильной связи через кассы магазина;
- использование современных средств расчетно-кассового обслуживания [2].

Сравнительно высокий показатель эффективности деятельности в первой группе в значительной мере обусловлен его величиной в торговой сети «Эдельвейс», который примерно в 2 раза выше, чем у остальных предприятий группы.

В табл. 9 приведена взаимосвязь эффективности деятельности и среднего чека.

Таблица 9

Взаимосвязь эффективности деятельности и среднего чека торговых сетей продовольственного ритейла региона

№ п/п	Группа	Наименование сетей, входящих в группу	Средний показатель эффективности деятельности по группе (тыс. руб./м ²)	Средний показатель производительности труда по группе (тыс. руб./чел.)
1	130–220 руб.	ООО «Ивушка», «Эдельвейс», ООО «Чингиз»	91,4	1109,6
2	220–310 руб.	ООО «Мясная лавка Мецкер», ООО «Подгорный 1»	76,1	789,1
3	310–400 руб.	«Парламент»	177,4	1771,6
4	400–490 руб.	«Мария-Ра», торговый двор «Аникс»	303,5	3549,1

В данной группировке наибольший интерес, по нашему мнению, представляют предприятия второй и третьей группы, так как остальные группы аналогичны по составу с вышеизложенной. Показатели торговой сети «Парламент» более чем вдвое превосходят показатели предприятий третьей группы. Во-первых, это связано с тем обстоятельством, что все торговые точки сети в основном сконцентрированы в г. Горно-Алтайск и с. Майма. При этом следует подчеркнуть, что уровень доходов населения в с. Майма сравним с городскими, и вследствие этого покупательная способность в данном населенном пункте аналогична г. Горно-Алтайск. Во-вторых, как правило, во всех торговых точках этой сети имеются аптечные киоски, что также привлекает дополнительных покупателей. В-третьих, все магазины данной торговой сети действуют как магазины самообслуживания, в отличие от магазинов торговых сетей второй группы.

Исходя из того, что торговая сеть «Парламент» является местной, в отличие от предприятий 4-й группы, можно сделать вывод, что данное предприятие является наиболее эффективным зарегистрированным на территории Республики Алтай.

Розничная торговля на территории республики также представлена предприятиями потребительской кооперации. На сегодняшний день на территории Республики Алтай находится 13 потребительских обществ, которые охватывают 6 районов (из 10 районов, расположенных на территории республики) и г. Горно-Алтайск. В сфере потребительской кооперации осуществляют свою деятельность 39 магазинов (или 2% от общего количества торговых предприятий республики), из них 7 в городе, 9 предприятий общественного питания (или 4,4% от общего количества по республике), из них 2 в городе, 6 предприятий хлебопечения (1 в городе), 6 кондитерских цехов (1 в городе), 3 цеха по производству безалкогольной продукции (1 в городе) и 1 цех по производству колбасных изделий. Удельный вес предприятий потребительской кооперации в настоящее время составляет лишь 1,5% от общего объема товарооборота республики, хотя в 1990 г. он составлял более половины.

Учитывая то, что система потребительской кооперации Республики Алтай в настоящее время не решает тех задач, которые необходимо решать в современных условиях в обеспечении населения продовольственными товарами, осуществлении деятельности по заготовкам сельскохозяйственных продуктов и сырья, основными путями ее развития должны стать:

- увеличение степени охвата розничным оборотом (не менее 50%) денежных доходов сельского населения, направляемых на покупку потребительских товаров в сельской местности;

- формирование спроса сельского населения, увеличение доли продукции собственного производства в розничном обороте;

- рациональное использование имеющихся площадей организаций розничной торговли (в малых населенных пунктах) на основе преобразования их в магазины – приемозаготовительные пункты, занимающиеся наряду с торговлей продовольственными и непродовольственными потребительскими товарами, закупкой у населения сельскохозяйственной продукции, лекарственно-технического сырья, дикорастущих плодов, ягод, грибов, изделий народных промыслов и др.;

- реконструкция и техническое перевооружение организаций розничной торговли с целью создания условий для приема от населения сельскохозяйственных продуктов, первичной их переработки, реализации продукции предприятий общественного питания, оказания населению бытовых услуг;

- установление удобных для покупателей режимов работы торговых организаций потребительской кооперации.

Формирование и размещение розничной торговой сети потребительской кооперации должно быть направлено на создание полноценной социально ориентированной рыночной среды. Каждый житель любого сельского населенного пункта должен иметь возможность совершить покупку товаров первой необходимости (основных продовольственных и непродовольственных товаров повседневного спроса) в пределах пешеходной доступности и по приемлемым ценам.

Одна из важнейших целей деятельности организаций общественного питания потребительской кооперации – увеличение выпуска продукции собственного производства и ее дальнейшая реализация в розничной торговой сети потребительских обществ за счет продукции, выращенной сельским населением. Это позволит повысить эффективность использования производственных мощностей, качество выпускаемой продукции и оказываемых услуг.

Для достижения данных целей авторами предлагается сформировать кластер на основе потребительской кооперации региона.

Структурно кластер представляет собой сложную многоуровневую систему, обеспечивающую экономический рост и повышение конкурентоспособности регионального хозяйства. Субъектами кооперационного взаимодействия в региональном бизнес-кластере на основе потребительской кооперации являются организации и предприятия, составляющие его основу, отраслевые образовательные и научно-исследовательские центры, региональные органы власти, финансово-кредитные учреждения, транспортные организации и др.

Сложная структура бизнес-кластера представлена собственно кластером – «ядром» и «научным блоком», «периферией», «инфраструктурной средой» [3].

В результате проведенного исследования можно назвать основные факторы повышения эффективности сферы услуг в регионе.

1. Существенным резервом для повышения эффективности деятельности сферы услуг и ее доли в формировании ВРП республики является развитие ОЭЗ ТРТ «Алтайская долина».

2. Развитие инфраструктуры и оптимальное размещение торговых объектов, обеспечивающих доступность товаров на всей территории Республики Алтай, особенно в сельской местности. В настоящее время большинство предприятий торговли располагается на территории г. Горно-Алтайска и в двух из десяти районах республики, в то время как в сельской местности, особенно в отдаленных районах, таких как Улаганский, Кош-Агачский, Усть-Канский, наблюдается нехватка торговых точек.

3. Одним из резервов развития сферы услуг является развитие торговли в системе потребительской кооперации, поэтому для радикального изменения отношения к данной системе и ее возрождения возможно, на наш взгляд, применение кластерного подхода. Формирование кластера приведет к созданию новых рабочих мест и повышению конкурентоспособности предприятий потребительской кооперации, внедрению новых технологий и повышению эффективности соответствующих услуг.

4. Ускорение внедрения инноваций в торговле. Проведенные оценки эффективности деятельности предприятий сферы услуг показывают, что наиболее эффективными предприятиями являются региональные, которые, в свою очередь, используют инновационные методы ведения торговли.

Предложенные рекомендации позволят в краткосрочной перспективе (к 2015 г.) увеличить долю сферы услуг в формировании ВРП на 12% и составить свыше 65%, при этом рентабельность предприятий сферы услуг возрастет на 23%, что позволит увеличить количество занятых в данной сфере на 7%.

Литература

1. Глинский В.В., Серга Л.К., Золотаренко В.С., Щербак И.В., Мызин А.А. К вопросу оценки мультипликативного эффекта отрасли // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2.
2. Козлов А.Н. Повышение конкурентоспособности предприятий розничной торговли через инновационное развитие (на примере Республики Алтай) // Торговые отношения в инновационной экономике: социальные и экономические аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (12–13 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Т.В. Елисеева. Новосибирск: НФ РГТЭУ, 2012.
3. Козлов А.Н. Повышение эффективности деятельности потребительской кооперации на основе кластерного подхода // Вестник МичРУК. 2012. № 1.

4. *Подзоров Н.Г.* Анализ влияния факторов на объем и структуру валового регионального продукта Республики Мордовия // Системное управление. 2010. № 1.
5. Статистика: Учеб. пособие / Л.П. Харченко, В.Г. Ионин, В.В. Глинский и др.; под ред. канд. экон. наук, проф. В.Г. Ионина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2008. 445 с.
6. Статистический ежегодник Республики Алтай. 2011: Статистический сборник / Алтайстат. Горно-Алтайск, 2011. 436 с.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».
8. Экономика, анализ и планирование на предприятии торговли: Учебник для вузов / Под ред. А.Н. Соломатина. СПб.: Питер, 2009. 560 с.

Bibliography

1. *Glinskij V.V., Serga L.K., Zolotareno V.S., Werbak I.V., Myzin A.A.* K voprosu ocenki mul'tiplikativnogo jeffekta otrasli // Vestnik NGUJeU. 2011. № 2.
2. *Kozlov A.N.* Povyshenie konkurentosposobnosti predpriyatij roznichnoj trgovli cherez innovacionnoe razvitie (naprimere Respubliki Altaj) // Torgovye otnoshenija v innovacionnoj jekonomike: social'nye i jekonomicheskie aspekty: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchenyh (12–13 aprelja 2012 g.) / Otv. red. T.V. Eliseeva. Novosibirsk: NF RGTJeU, 2012.
3. *Kozlov A.N.* Povyshenie jeffektivnosti dejatel'nosti potrebitel'skoj kooperacii na osnove klasternogo podhoda // Vestnik MichRUK. 2012. № 1.
4. *Podzorov N.G.* Analiz vlijanija faktorov na ob'em i strukturu valovogo regional'nogo produkta Respubliki Mordovija // Sistemnoe upravlenie. 2010. № 1.
5. Статистика: Учеб. пособие / Л.П. Харченко, В.Г. Ионин, В.В. Глинский и др.; под ред. канд. экон. наук, проф. В.Г. Ионина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2008. 445 с.
6. Статистический ежегодник Республики Алтай. 2011: Статистический сборник / Алтайстат. Горно-Алтайск, 2011. 436 с.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».
8. Экономика, анализ и планирование на предприятии торговли: Учебник для вузов / Под ред. А.Н. Соломатина. СПб.: Питер, 2009. 560 с.

УДК 338.48

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛЕЧЕБНО-РЕКРЕАЦИОННОГО ТУРИЗМА В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОВИНЦИИ ГУАНСИ

Лэй Сунь, Л.К. Бобров

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
e-mail: sunlei@list.ru, bobrov@nsuem.ru

Приводятся данные о развитии туризма в России и Китайской Народной Республике. Дается характеристика Новосибирской области и Гуанси-Чжуанского автономного района КНР как регионов развития лечебно-рекреационного туризма. Обсуждаются результаты сравнительного анализа указанных регионов. Формулируются ключевые факторы успеха развития туризма в НСО и ГЧАР.

Ключевые слова: лечебно-рекреационный туризм, Россия, Китай, сравнительный анализ.

STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF MEDICAL AND RECREATIVE TOURISM IN NOVOSIBIRSK REGION AND GUANGXI

Lay Sun, L.K. Bobrov

Novosibirsk State University of Economics and Management
e-mail: sunlei@list.ru, bobrov@nsuem.ru

Data on development of tourism in Russia and People's republic of China is presented. The characteristic of Novosibirsk Region and Guangxi Zhuang Autonomous Region as regions of development of medical and recreative tourism is given. The SWOT analysis results of the mentioned regions are discussed. Key success factors of development of tourism in Novosibirsk Region and Guangxi Zhuang Autonomous Region are formulated.

Key words: medical and recreative tourism, Russia, China, SWOT-analysis.

Введение

На современном этапе туристическая отрасль стала одной из наиболее прибыльных и, следовательно, привлекательных – ее доля составляет [1]:

- в объеме мирового валового дохода – около 10%;
- в общем объеме мирового экспорта – 8%;
- в мировом объеме реализации услуг – от 30 до 35%.

Мировой туризм сегодня характеризуется прогрессирующим ростом. Это обусловлено активизацией хозяйственных процессов в сфере туризма, когда страны и регионы отдают приоритет развитию въездного и внутреннего туризма, стремясь увеличить ввоз иностранного капитала и валютных сбережений зарубежных граждан с целью улучшения своего платежного баланса.

В статье исследуется туристический потенциал Новосибирской области Российской Федерации (далее – НСО РФ) и Гуанси-Чжуанский автономный район Китайской Народной Республики (далее – ГЧАР КНР), которые богаты лечебно-рекреационными ресурсами, но не отвечают международным

требованиям по развитию въездного туризма. Проанализированы внутренняя и внешняя среда, сложившаяся и желаемая ситуация в развитии лечебно-рекреационного туризма обоих регионов. Представлены предложения по повышению конкурентоспособности въездного лечебно-рекреационного туризма НСО и ГЧАР.

Сфера туризма в России и КНР: цифры и факты

Экономическая привлекательность сферы туризма является побудительным фактором интенсивного развития туристической отрасли РФ и КНР. Приведенные ниже данные убедительно показывают, что обе страны прилагают немалые усилия для активизации работ в данном направлении, что и отражают достигнутые положительные результаты.

Табл. 1 и 2 характеризуют состояние выездного и въездного туризма в России¹.

Таблица 1

Выездной туризм в России

Страна	По данным Росстата в период январь–сентябрь 2011 г.	Изменение по данным Росстата в период январь–сентябрь 2011 г. (%)	Среднее изменение по показателям туроператоров в 2011 г., (%)
Турция	2 471 039	+14,1%	+27%
Китай	1 098 939	+8,9%	+5%
Египет	905 623	-39,5%	-40%
Финляндия	681 449	+32,4%	+15%
Греция	568 226	+58,0%	+50%
Испания	563 811	+58,8%	+50%
Германия	527 876	+51,2%	+30%
Таиланд	514 844	+95,0%	+40%
Италия	465 268	+28,6%	+15%
Болгария	323 366	+28,4%	+20%
Кипр	272 492	+40,5%	+20%
Чехия	267 722	+35,2%	+25%
ОАЭ	244 051	+32,4%	+25%
Украина	225 700	+32,8%	+30%
Франция	201 706	+16,3%	+15%
Израиль	162 334	+31,4%	+25%
Черногория	154 300	+16,1%	+10%
Австрия	144 122	+41,8%	+20%
Тунис	128 038	-17,9%	-25%
Великобритания	118 603	+30,1%	+15%
Швейцария	112 130	+18,6%	+15%
Хорватия	103 970	+7,6%	+30%
По всем странам	11 366 224	+16,2%	+20%

¹ Источник: аналитическая служба АТОР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slidshare.net/ATORUS/ator2011-new>

Таблица 2

Въездной туризм в России

Страна	Январь–сентябрь 2010 г.	Январь–сентябрь 2011 г.	% изменения
Германия	306 261	306 872	0,2
Китай	127 944	195 907	53,1
Соединенные Штаты	145 290	150 683	3,7
Великобритания	145 290	110 152	-24,2
Финляндия	109 789	109 737	0,0
Италия	105 913	107 103	1,1
Испания	79 697	92 277	15,8
Франция	79 714	80 902	1,5
Израиль	47 485	59 358	25,0
Турция	40 862	58 463	43,1
Республика Корея	36 006	41 440	15,1
Япония	35 585	32 050	-9,9
Нидерланды	29 243	31 601	8,1
Канада	28 238	30 683	8,7
Латвия	28 345	26 207	-7,5
Эстония	27 950	25 991	-7,0
Польша	21 343	25 598	19,9
Австрия	25 179	24 535	-2,6
Швеция	18 204	23 030	26,5
Швейцария	20 739	22 784	9,9
Австралия	18 747	22 186	18,3
Норвегия	19 169	19 748	3,0
Всего	1 807 086	1 975 783	9,3

Из табл. 1 видно, что Китай занимает второе место в части въезда российских туристов. В то же время по данным 2010 и 2011 гг. (см. табл. 2) Китай занимает второе место и в перечне стран, туристы которых посетили Россию, причем популярность России стремительно растет – прирост китайских туристов в 2011 г. увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. на 53,1%. Подтверждением этого могут служить также данные за 2011 г., приведенные в справочнике по туризму и отдыху TOURest (рис. 1, 2)².

Сравнительная таблица въезда – выезда туристов³ (табл. 3) свидетельствует о том, что в 2011 г. объемы туристических услуг существенно приросли сравнительно с предыдущим годом. При этом отдельные отрицательные результаты связаны с геополитическими событиями и природными катаклизмами в ряде стран (например, Египет и Тунис, а также Япония). Въездной туризм вырос на 15%, т.е. поток туристов увеличился почти на 2 млн человек. Въездной туризм также отражает хорошую положительную тенденцию, он возрос на 9%, и это в четыре с лишним раза превышает соответствующий показатель 2010 г., составлявший 2%.

² http://tourest.ru/publ/statistika_turizma_2011

³ http://tourest.ru/publ/statistika_turizma_2011

Выезд российских граждан за рубеж в 2011 г., чел.

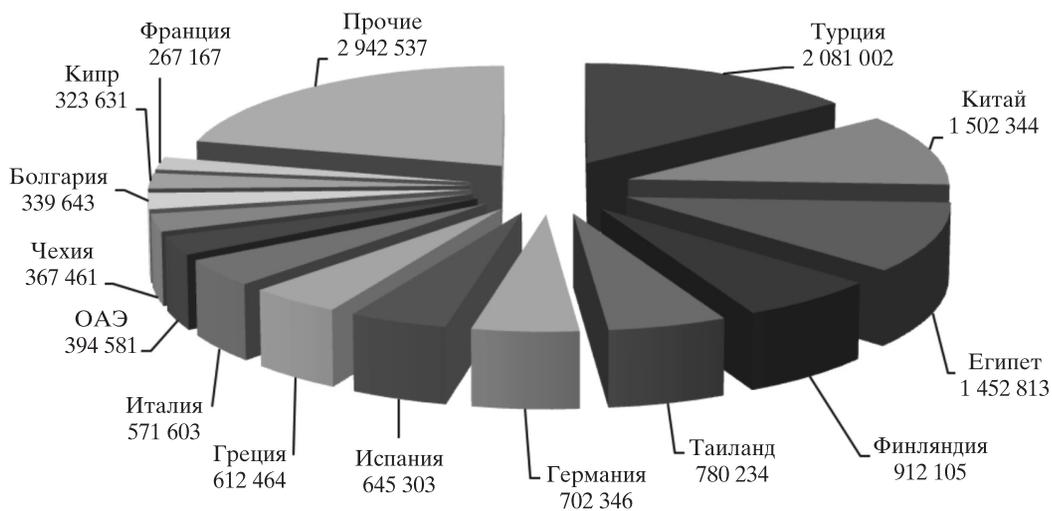

Рис. 1. Выездной туризм в России (по странам)

Въезд иностранных граждан в Россию в 2011 г., чел.

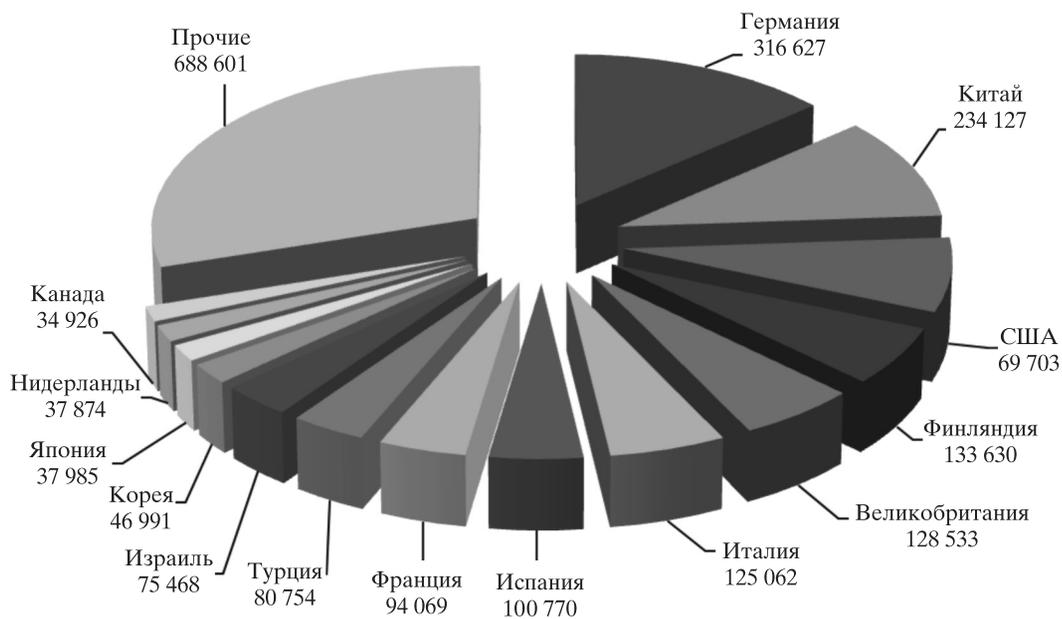

Рис. 2. Въездной туризм в России (по странам)

Таблица 3

Сравнительная таблица въезда – выезда туристов

Сравнительная таблица показателей выезда российских граждан за рубеж с целью туризма за 2010 и 2011 гг.					Сравнительная таблица показателей въезда иностранных граждан за рубеж с целью туризма за 2010 и 2011 гг.				
№ п/п	Страна	2010 г.	2011 г.	Изм, %	№ п/п	Страна	2010 г.	2011 г.	Изм, %
1	Турция	2 367 560	2 681 662	13	1	Германия	347 214	346 627	0
2	Китай	1 440 364	1 502 344	4	2	Китай	158 061	234 127	48
3	Египет	2 198 320	1 452 813	-34	3	США	162 383	169 763	5
4	Финляндия	709 009	912 105	29	4	Финляндия	139 216	133 630	-4
5	Таиланд	264 046	780 234	195	5	Великобритания	126 454	128 533	2
6	Германия	470 730	702 346	49	6	Италия	122 973	125 062	2
7	Испания	411 438	645 303	57	7	Испания	86 732	100 773	16
8	Греция	386 700	612 464	58	8	Франция	94 282	94 863	1
9	Италия	451 452	571 603	27	9	Турция	56 376	80 754	43
10	ОАЭ	286 856	394 581	38	10	Израиль	58 694	75 468	29
11	Чехия	267 494	367 461	37	11	Корея	42 573	46 991	10
12	Болгария	263 225	339 643	29	12	Япония	42 176	37 985	-10
13	Кипр	234 312	323 631	38	13	Нидерланды	34 907	37 874	8
14	Франция	222 718	267 167	20	14	Канада	31 536	34 926	11
15	Израиль	184 776	225 976	22	15	Латвия	33 796	33 522	-1
16	Австрия	135 536	190 840	41	16	Эстония	34 589	31 255	-10
17	Великобритания	119 783	153 998	29	17	Польша	25 616	29 908	17
18	Швейцария	121 338	148 694	23	18	Австрия	28 290	28 034	-1
19	Тунис	180 080	145 359	-19	19	Швеция	22 061	27 408	24
20	США	85 829	112 213	31	20	Швейцария	23 918	26 277	10
21	Хорватия	99 198	106 447	7	21	Австралия	21 167	24 775	17
22	Латвия	72 644	89 646	23	22	Норвегия	22 527	23 338	4
23	Нидерланды	72 774	89 496	23	23	Литва	22 761	22 114	-3
24	Корея	74 233	74 960	1	24	Греция	18 117	17 060	-6
25	Куба	37 796	57 008	51	25	Чехия	11 457	12 972	13
26	Швеция	25 323	50 359	99	26	Таиланд	7 521	9 402	25
27	Польша	43 018	48 895	14	27	Болгария	6 004	6 800	13
28	Литва	58 142	47 192	-19	28	Венгрия	6 436	6 463	0
29	Венгрия	31 721	43 905	38	29	Румыния	5 192	6 142	18
30	Норвегия	12 805	25 581	100	30	Хорватия	4 348	4 511	4
31	Эстония	11 509	25 079	118	31	Малайзия	3 435	4 249	24
32	Мальта	17 929	20 131	12	32	Словакия	3 421	4 080	19
33	Япония	26 124	13 096	-50	33	Кипр	3 291	4 077	24
34	Иордания	10 204	8 555	-16	34	Филиппины	3 123	2 944	-6
35	Канада	4 898	5 494	12	35	Египет	2 425	2 705	12
36	Словакия	755	1 556	106	36	Куба	1 107	1 572	42
37	Румыния	2 018	1 533	-24	37	Мальта	1 031	1 092	6
					38	Иордания	950	967	2
					39	Тунис	507	440	-13
					40	ОАЭ	304	393	29
Всего по всем странам		12 605 053	14 495 894	15	Всего по всем странам		2 133 869	2 335 977	9

Ситуацию на китайском рынке в части выездного туризма наглядно иллюстрирует рис. 3, а, б, отражающий уверенный рост числа поездок на протяжении 17 лет с 1993 по 2009 г.⁴

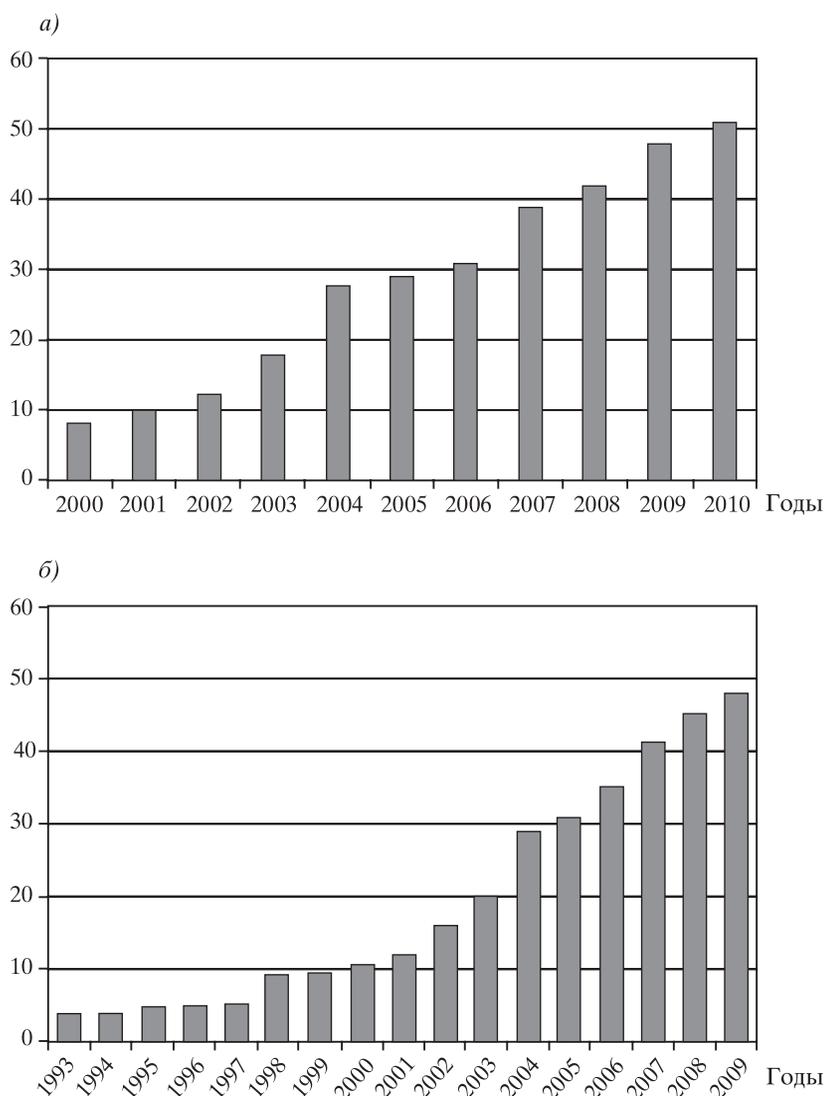

Рис. 3. Динамика выездного туризма в Китае

Объемы въездного туризма наглядно характеризует тот факт, что хотя к концу сентября 2011 г. в КНР было принято на 1% меньше иностранных туристов, чем в 2010 г., но их число составляло внушительную цифру в 100 млн человек, принесших 35 млрд долл. дохода (т.е. на 2% больше по сравнению с аналогичным периодом 2010 г.). В табл. 4 приводятся данные по приему туристов различными городами и провинциями Китая в 2011 г. в сравнении с 2010 г.⁵

⁴ Источники: Pacific Asia Travel Association, China Outbound Tourism Research Institute, <http://www.china-mike.com/china-travel-tips/china-tourism-statistics/>

⁵ По данным сайта <http://www.travelchinaguide.com/tourism>

При этом в топ-листе стран, лидирующих по числу въездов в Китай с целью туризма, Россия занимает третье место, а по прогнозам Всемирной туристской организации предполагается, что в Китае число иностранных туристов будет ежегодно возрастать на 43 млн чел. в течение ближайших 20 лет и к 2030 г. их количество может достигнуть 1,8 млрд⁶.

Таблица 4

Прием туристов различными городами и провинциями Китая

№ п/п	Провинции и города	Доходы от туризма (в сотнях млн долл. США)	Рост (%)	Прием туристов (в десятках тыс. чел.)	Рост (%)
1	Гуандун	100,28	9,30	2747,80	7,0
2	Шанхай	47,44	-4,58	533,39	1,3
3	Пекин	43,57	-2,30	412,51	8,8
4	Цзянсу	40,16	3,50	556,83	2,3
5	Чжэцзян	32,42	6,60	570,64	5,7
6	Фуцзянь	25,99	8,59	312,03	6,4
7	Ляонин	18,56	21,62	293,20	21,2
8	Шаньдун	17,65	26,90	310,04	22,2
9	Тяньцзинь	11,83	18,10	141,02	15,6
10	Юньнань	11,72	16,34	284,49	13,7
11	Шэньси	7,71	16,81	145,08	15,4
12	Хунань	6,73	8,95	130,87	17,9
13	Гуанси	6,43	6,93	209,85	4,4
14	Хэйлунцзян	6,39	-26,58	142,51	-29,0
15	Аньхой	5,66	24,51	156,16	18,2
16	Внутренняя Монголия	5,58	-3,27	128,96	-16,8
17	Чунцин	5,37	19,44	104,81	20,2
18	Хубэй	5,10	15,29	133,46	12,4
19	Хэнань	4,33	15,65	125,85	20,6
20	Шаньси	3,78	25,71	106,78	13,7
21	Хэбэй	3,08	12,36	84,22	12,3
22	Цзянси	2,90	15,12	96,43	20,2
23	Сычуань	2,89	25,42	84,99	21,5
24	Хайнань	2,77	-11,86	55,15	-21,9
25	Цзилин	2,43	14,90	68,05	10,2
26	Синьцзян	1,37	0,63	35,49	-2,3
27	Гуйчжоу	1,10	-5,58	39,95	1,0
28	Тибет	0,79	152,99	17,49	157,2
29	Цинхай	0,15	52,00	3,61	20,9
30	Ганьсу	0,13	-21,80	6,07	-27,0
31	Нинся	0,04	47,16	1,45	25,3

⁶ По данным сайта <http://www.travelchinaguide.com/tourism/2006statistics/inbound/>

Туризм в Новосибирской области и провинции Гуанси

В табл. 5 приведено краткое описание НСО и ГЧАР как туристических регионов Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Таблица 5

Краткая характеристика НСО и ГЧАР

Новосибирская область	Гуанси-Чжуанский автономный район
<p>Расположена в центре России, занимает юго-восточную часть Западной Сибири. Климат континентальный, умеренно холодный. Зима в области продолжительная и холодная, в январе средняя температура составляет -19°C. Снежный покров устанавливается примерно в первой декаде ноября на 5 мес. Лето длится со второй половины мая до середины сентября. С 10 июня до 15 августа обычно днем выше 20°C, а ночью не ниже 10°C. По территории области протекает 430 рек, в том числе одна из крупнейших рек мира – Обь, образуемая при слиянии горных алтайских рек Бия и Катунь и впадающая в Северный Ледовитый океан. Новосибирская область имеет 9 разведанных месторождений минеральных вод. В Новосибирской области зарегистрировано около 50 памятников природы и имеется более двух десятков заказников, область обладает богатыми охотничьими ресурсами, что создает определенный потенциал для развития туризма</p>	<p>Расположен на юге Китая, соседствует с провинцией Гуандун и Гонконгом, Макао, Юго-Восточной Азией, граничит с Вьетнамом, площадь территории 230 тыс. кв. км. Северный залив расположен на юге Гуанси, имеет 1595 км морского берега, климат Гуанси относится к субтропическому морскому, средняя годовая температура от 16 до 23°C, в самом холодном месяце (январе) средняя температура $5,5-15,2^{\circ}\text{C}$. Туристский сезон продолжается круглый год. На пляжах Гуанси много солнечных дней, длина серебряного пляжа Бэйхайя 24 км. В Гуанси имеются соответствующие ресурсы для повышения долголетия. Уезд Бама – один из пяти крупнейших «краев долгожителей мира». В связи с секретами долголетия развитие научно-исследовательского туризма по способам укрепления здоровья рассматривается как фактор привлечения въездного потока. Помимо этого в Гуанси имеются достаточные ресурсы для развития этнического и познавательного туризма</p>

Туризм в провинции Гуанси

Как видно из табл. 4, провинция Гуанси является заметным участником туристического рынка, занимая 13 позицию в списке наиболее значимых провинций и городов Китая, имея годовой доход от туристических услуг в 643 млн долл. и ежегодно принимая более двухсот десятков тысяч туристов.

Управление по делам туризма ГЧАР констатирует прирост (21%) иностранных туристов в 2011 г. по сравнению с предыдущим годом (общее число человеко-поездов более трех млрд), и это принесло 1 млрд 51,875 млн долл. выручки (на 30,32% больше, чем в 2010 г.). Топ-лист стран по количеству посетивших Гуанси туристов включает соответственно Вьетнам, Малайзию, Республику Корея, США, Францию, Сингапур, Индонезию, Японию, Великобританию и Германию⁷.

Провинция Гуанси активно устанавливает связи с другими странами, стремясь увеличить приток туристов. В частности, в Гуанси-Чжуанском автономном районе предполагается специально для привлечения российских туристов открыть курортную базу. В результате двухстороннего обсуждения этого вопроса российские и китайские участники выразили намерение создать Бэйхайскую туристическую компанию, нацеленную на развитие въездного туризма в г. Бэйхай и улучшение туристической инфраструктуры города с тем,

⁷ По данным сайта <http://www.cntv.ru/2012/07/11/ARTI1341974266415785.shtml>

чтобы привлекать больше туристов из России и стран ближнего зарубежья⁸. Фактически это означает намерение развивать такую пока еще недостаточно представительную область российско-китайского сотрудничества, как лечебно-рекреационный туризм.

Одним из важных вопросов развития туризма является подготовка соответствующих кадров. В Китае этому уделяется серьезное внимание. К концу 2009 г. там насчитывалось 1733 колледжа туризма с общим контингентом 952 400 учащихся.

С учетом развития российско-китайского сотрудничества в сфере туризма провинция Гуанси проявляет интерес к российско-китайскому межвузовскому сотрудничеству и международным образовательным программам, имеющимся в российских вузах [1].

Туризм в Новосибирской области

В последние годы Новосибирская область прилагает усилия для развития практически всех видов туризма (в том числе деловой, лечебно-оздоровительный и рекреационный, спортивный, образовательный, научный, сельский, охоту и рыбалку).

Для этих целей имеется 124 гостиницы, 31 база отдыха, более четырех десятков санаториев и курортов, 11 современных горнолыжных комплексов, 26 охотничьих баз и др. (всего свыше 300 туристско-рекреационных объектов).

Однако по данным Национального рейтингового агентства «Эксперт РА», в Новосибирской области наметилась отрицательная тенденция как по инвестиционной привлекательности (в рейтинге субъектов РФ область занимала 19-е место в 2009 г., тогда как в 2007 г. – 17-е), так и по туристическому потенциалу (46-е место в 2007 г. и 29-е в 2005 г.)⁹.

Особо следует отметить то, что из 240 новосибирских туристических фирм только примерно четверть занимается въездным туризмом, в то время как внутренним туризмом занимается около 80% фирм, и все 100% заняты выездным туризмом¹⁰.

С целью исправления данного положения в 2011 г. Правительство Новосибирской области приняло долгосрочную целевую программу развития туризма на 2012–2016 гг. [7]. В программе констатируется, что развитие туризма в Новосибирской области сдерживают такие факторы, как недостаточно активное оформление земель и закрепление за ними статуса земель рекреационного назначения, слабое развитие инженерной инфраструктуры, слабая поддержка туристского бизнеса органами местного самоуправления и др., а также слабое продвижение туристского потенциала Новосибирской области (в том числе через использование индустрии баз данных [2] и ресурсов Интернет).

Программа ориентирована на использование программно-целевого подхода, в рамках которого предполагается создать условия для развития сети туристско-рекреационных объектов, стимулировать инвестиционную активность, а также построить систему информирования туристско-рекреационного потенциала Новосибирской области.

⁸ По данным сайта http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-08/28/content_706422.htm

⁹ <http://www.rg.ru/2011/11/17/novosib-prog-turizm-reg-dok.html>

¹⁰ По данным сайта <http://nprospekt.ru/razvitie-turizma-v-novosibirskoj-oblasti-page-55.html>

Лечебно-рекреационный туризм в НСО и ГЧАР: SWOT-анализ

Для более тщательного исследования развития лечебно-рекреационного туризма НСО и ГЧАР воспользуемся инструментарием SWOT-анализа, позволяющим строить стратегию развития с учетом внутренних возможностей территории (ее сильные и слабые стороны) и внешней ситуации, находящей отражение в возможностях и угрозах (табл. 6).

Таблица 6

SWOT-анализ НСО РФ и ГЧАР КНР

Категории	НСО РФ	ГЧАР КНР
1	2	3
Сильные стороны	<ol style="list-style-type: none"> 1. Хороший природный и ресурсный потенциал. 2. Статус центра Сибирского федерального округа (СФО) и развитая институциональная структура федеральных и региональных государственных органов. 3. Близость к государствам азиатского континента. 4. Наличие пригородных рекреационных зон. 5. Наличие достаточного количества водных ресурсов высокого качества. 6. Высокий научно-образовательный уровень населения. 7. Самобытное культурно-историческое наследие. 8. Развитая научно-инновационная инфраструктура. 9. Наличие ряда передовых медицинских технологий, предприятий разработки и производства лекарственных средств. 10. Высококвалифицированные кадры в области информатики и программирования. 11. Поддержка развития туризма на федеральном и региональном уровнях. 12. Положительная динамика потока туристов (в том числе наличие внутреннего спроса). 13. Хорошая транспортная доступность г. Новосибирска. 14. Наличие развитых международных и внутригосударственных связей. 15. Наличие федеральных и областных стимулирующих программ. 16. Разнообразие флоры и фауны 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Удачное географическое расположение, близость к государствам Юго-Восточной Азии. 2. Благоприятный климат. 3. Экзотическая природа. 4. Богатейшее историческое наследие. 5. Большое количество культурно-исторических памятников. 6. Наличие рекреационных ресурсов (море, пляж, побережья, реки и горы, водопады, парки). 7. Эффективность традиционной чжуанской медицины. 8. Уникальная самобытная культура и национальные традиции. 9. Поддержка программ развития туризма на государственном уровне. 10. Растущий из года в год поток туристов (в том числе наличие внутреннего спроса). 11. Хорошая транспортная доступность. 12. Наличие развитых международных и внутригосударственных связей. 13. Наличие федеральных и областных стимулирующих программ. 14. Помощь международных организаций
Слабые стороны	<ol style="list-style-type: none"> 1. Удаленное положение относительно важных центров России, Европы и мира. 2. Ярко выраженная сезонность. 3. Недостаточно высокая квалификация персонала в туристической сфере. 4. Отсутствие высококлассных гостиниц и другой современной инфраструктуры. 5. Отсутствие единых стандартов обслуживания. 6. Дороговизна размещения и сервиса при их общем невысоком уровне. 7. Высокие транспортные тарифы. 8. Недостаточная подготовленность многих потенциально привлекательных туристических объектов для приема иностранных туристов и нехватка инвестиций. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Недостаточный уровень развития туристской инфраструктуры. 2. Недостаточная развитость системы коммуникаций (связь, транспорт и др.). 3. Нехватка прямых международных рейсов в направлении России. 4. Недостаточный уровень образования, культуры обслуживания, квалификации персонала в туристической сфере. 5. Слабая информированность иностранных туристов, в частности русских, о туристских ресурсах ГЧАР.

Окончание табл. 6

1	2	3
Слабые стороны	9. Нехватка прямых международных рейсов. 10. Слабая информированность иностранных туристов, в частности китайских, о туристических ресурсах региона. 11. Низкая конкурентоспособность лечебно-рекреационного туризма на внутреннем и внешнем рынках. 12. Недостаточно активное и целенаправленное проведение охранных мероприятий для объектов культурного наследия. 13. Слабая поддержка туристского бизнеса органами местного самоуправления. 14. Недостаточно активное оформление земель и закрепление за ними статуса земель рекреационного назначения	6. Низкая конкурентоспособность лечебно-рекреационного туризма на внутреннем и внешнем рынках. 7. Невысокий уровень менеджмента. 8. Низкие доходы на душу населения. 9. Слабое проведение охранных мероприятий для объектов культурного наследия. 10. Низкий уровень бюджетной обеспеченности для освоения лечебно-рекреационных ресурсов. 11. Недостаточный ассортимент лечебно-рекреационных услуг. 12. Нехватка инвестиций
Возможности	1. Развитие разносторонних видов туризма. 2. Строительство и ввод в эксплуатацию новых горно-лыжных трасс. 3. Использование статуса Новосибирска как центра СФО для привлечения инвесторов. 4. Эффективное использование геополитического и географического положения города. 5. Доведение уровня туристского обслуживания до международных стандартов. 6. Формирование благоприятных условий для развития предпринимательства в сфере туризма. 7. Финансовая поддержка туризма со стороны государства и правительства области. 8. Стимулирование интереса сетей мировых и российских гостиниц. 9. Рост финансовых доходов населения и увеличение платежеспособного спроса. 10. Развитие сотрудничества с другими регионами РФ и международного сотрудничества. 11. Внедрение инновационного менеджмента в туристической индустрии. 12. Использование высокого научного, образовательного и инновационного потенциала для развития научного и образовательного туризма. 13. Формирование эффективной экологической инфраструктуры	1. Быстрый рост экономики района. 2. Рост интереса к району со стороны иностранных туристов. 3. Заинтересованность госаппарата в поддержке быстрого темпа роста отрасли туризма. 4. Использование географического положения для привлечения иностранных инвесторов. 5. Стабильное улучшение социально-экономического положения района. 6. Рост частного сектора, задействованного в туризме. 7. Восстановление и реконструкция основных достопримечательностей с помощью международных организаций. 8. Заинтересованность соседних государств в реализации совместных проектов в области туризма. 9. Стимулирование интереса сетей мировых и российских гостиниц. 10. Рост финансовых доходов населения и увеличение платежеспособного спроса. 11. Развитие геронтологического лечебно-рекреационного туризма. 12. Расширение сфер китайско-российского сотрудничества
Угрозы	1. Продолжение спада численности населения. 2. Экологические проблемы. 3. Угроза существованию объектов культурного наследия из-за бурного роста объемов строительства на объектах туристической инфраструктуры без проведения охранных мероприятий. 4. Истощение природных ресурсов. 5. Сокращение зеленого фонда. 6. Несоответствие транспортной инфраструктуры растущим потребностям автомобилизации. 7. Большое количество сильных конкурентов из других регионов Сибири. 8. Дальнейший вывоз туристами денежных средств за рубеж в связи с отсутствием туристского продукта высокого качества в Новосибирской области	1. Занятие иностранным капиталом основных экономических ниш рынка туристических услуг района. 2. Рост расходов на ведение и развитие туристического бизнеса. 3. Рост инфляции. 4. Экологические проблемы. 5. Угроза существованию объектов культурного наследия из-за бурного роста объемов строительства на объектах туристической инфраструктуры без проведения охранных мероприятий. 6. Истощение природных ресурсов. 7. Появление большого количества конкурентов

На основании проведенного анализа можно констатировать, что исследуемые регионы имеют хорошие перспективы в плане развития туризма. При этом в обоих регионах существуют благоприятные предпосылки для активизации лечебно-рекреационного туризма. Новосибирская область и Гуанси-Чжуанский автономный район обладают необходимыми рекреационными ресурсами (в частности, это бальнеологические ресурсы и лечебные грязи уникального состава, минеральные воды НСО и традиционные Чжуанские лечебные средства) для интенсивного развития лечебно-оздоровительного туризма. В соответствии с этим одним из приоритетных направлений развития экономики НСО и ГЧАР должна быть санаторно-курортная рекреация.

В Новосибирской области и ее ближнем окружении также имеются ресурсы для развития спортивного туризма (есть места, где можно заняться альпинизмом и скалолазанием, пройти на плотках по горным рекам и др.), а в Гуанси имеются ресурсы для развития морского и речного туризма. Наличие в Новосибирске и провинции Гуанси крупных вузов, научно-исследовательских организаций и технопарков как основы инновационной инфраструктуры [6] создает благоприятные предпосылки для активного научного и образовательного туризма. Дополнительным направлением и источником доходов обоих регионов может служить также развитие делового, этнического и событийного туризма.

В то же время рассмотрение слабых сторон и угроз отчетливо показывает, что развитие лечебно-рекреационного туризма как в Новосибирской области, так и в Гуанси-Чжуанском автономном районе КНР сопряжено с рисками не востребоваемости туристических продуктов ввиду высокой конкуренции, а также требует преодоления серьезных проблем политического, экономического и организационного характера. Задачи управления рисками каждая из сторон может решать самостоятельно, используя уже имеющиеся инструментальные наработки [3, 4], а решение отмеченных проблем сторонам целесообразно проводить, используя преимущества международной кооперации и партнерства.

Выводы

Поддержка туристической индустрии со стороны государств и регионов, наличие стимулирующих программ могут содействовать активному развитию лечебно-рекреационного туризма и формированию качественного ассортимента туристических услуг обоих регионов. В то же время разработка соответствующих региональных целевых программ должна вестись исходя из сильных сторон и возможностей с обязательным учетом слабостей, рисков и возможных угроз развитию туризма.

Ключевыми факторами успеха стратегического развития лечебно-рекреационного туризма в Новосибирской области и Гуанси-Чжуанском автономном районе являются:

- сохранение и развитие уникальных особенностей регионов в долгосрочной перспективе;
- развитие лечебно-оздоровительной инфраструктуры и системы информационных и транспортных коммуникаций НСО и ГЧАР;
- стимулирование инвестиций в туристическую отрасль обоих регионов;

- согласованная подготовка высококвалифицированных кадров для сферы туризма, совершенствование и развитие системы непрерывного и дополнительного образования;
- развитие инновационных подходов к управлению лечебно-рекреационным туризмом, внедрение и совершенствование системы оценки и мониторинга качества туристических услуг обоих регионов;
- интенсификация интеграционных процессов в деле развития лечебно-рекреационного туризма НСО и ГЧАР с целью расширения экспорта туристских услуг, ребрендинга и взаимного продвижения туристского потенциала сторон.

Литература

1. *Бобров Л.К.* В контексте интернационализации образования // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 49–56.
2. *Бобров Л.К.* Мировая индустрия онлайн-баз данных // Вычислительные технологии. 1997. Т. 2. № 3. С. 7–24.
3. *Бобров Л.К., Рыжков О.Ю.* Расчет страхового тарифа на основе обобщенного актуарного базиса с учетом деления риска // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 188–196.
4. *Бобров Л.К., Щеглов Ю.А.* Учет рисков при выборе стратегий управления информационными продуктами и услугами // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 233–243.
5. *Крюкова Е.В.* Оценка возможностей межрегиональных туристских проектов и их влияние на развитие внутреннего туризма // Туризм и рекреация: инновации и ГИСТехнологии: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 13–25 мая 2010 г.). Астрахань, 2010. С. 8.
6. *Шокин Ю.И., Гришняков Б.Ю., Бобров Л.К.* Технопарк «Новосибирск» как звено инновационной инфраструктуры региона // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 10–20.
7. Долгосрочная целевая программа «Развитие туризма в Новосибирской области на 2012–2016 годы». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/17/novosib-prog-turizm-reg-dok.html>

Bibliography

1. *Bobrov L.K.* V kontekste internacionalizacii obrazovanija // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2009. № 9. P. 49–56.
2. *Bobrov L.K.* Mirovaja industrija onlajnovyh baz dannyh // Vychislitel'nye tehnologii. 1997. T. 2. № 3. P. 7–24.
3. *Bobrov L.K., Ryzhkov O.Ju.* Raschet strahovogo tarifa na osnove obobwennogo aktuar-nogo bazisa s uchetom delenija riska // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 188–196.
4. *Bobrov L.K., Weglov Ju.A.* Uchet riskov pri vybore strategij upravlenija informacionnymi produktami i uslugami // Vestnik NGUJeU. 2012. № 2. P. 233–243.
5. *Krjukova E.V.* Ocenka vozmozhnostej mezhregional'nyh turistskih proektov i ih vlijanie na razvitie vnutrennego turizma // Turizm i rekreacija: inovacii i GIS-tehnologii: materialy III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Astrahan', 13–25 maja 2010 g.). Astrahan', 2010. P. 8.
6. *Shokin Ju.I., Grishnjakov B.Ju., Bobrov L.K.* Tehnopark «Novosibirsk» kak zveno innovacionnoj infrastruktury regiona // Vestnik NGUJeU. 2012. № 2. P. 10–20.
7. Dolgosrochnaja celevaja programma «Razvitie turizma v Novosibirskoj oblasti na 2012–2016 gody». [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/17/novosib-prog-turizm-reg-dok.html>

УДК 332.05:005

**ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ:
НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ****Ю.С. Пиньковецкая**

Ульяновский государственный университет

E-mail: judy54@yandex.ru

Представлены результаты исследований закономерностей развития индивидуальных предпринимателей в стране и ее субъектах. Приведен методический подход и разработанные автором экономико-математические модели, характеризующие распределение индивидуальных предпринимателей, специализированных на пяти основных видах деятельности. Рассмотрены средние значения и интервалы изменения значений численности работников, выручки от реализации товаров (работ и услуг), приходящейся на одного работника и на одного предпринимателя.

Ключевые слова: индивидуальные предприниматели, экономико-математические модели, численность работников, выручка, нормальное распределение.

**INDIVIDUAL ENTERPRISE IN RUSSIA:
SOME REGULARITIES IN DEVELOPMENT****Yu. S. Pinkovetskaya**

Ulyanovsk State University

E-mail: judy54@yandex.ru

The results of the investigation of regularities in the development of individual entrepreneurs in the country and its subjects are presented. Methodical approach together with authors economic and mathematical models characterizing the distribution of individual entrepreneurs that specialize in five primary activities is given. Mean values and labour force range, sales proceeds per one employee and one entrepreneur are considered.

Key words: individual entrepreneurs, economic and mathematical models, labour force, proceeds, normal distribution.

К настоящему времени роль индивидуального предпринимательства в нашей стране существенно возросла. В этом секторе экономики страны в 2010 г. работало более 5,3 млн чел. Общее количество индивидуальных предпринимателей составило 2 млн 913 тыс. Выручка от реализации товаров (работ и услуг) достигла 4,5 млрд руб. [10]. Таким образом, индивидуальное предпринимательство заняло существенное место в экономической жизни Российской Федерации. К сожалению, на сегодняшний день в научных исследованиях уделяется недостаточно внимания основным аспектам деятельности индивидуальных предпринимателей. Вместе с тем дальнейшее совершенствование предпринимательства и повышение его эффективности требует анализа закономерностей развития индивидуального предпринимательства. Поэтому актуальным представляется проведение соответствующих исследований, направленных на установление закономерностей, характерных для этого сектора экономики.

Основным правовым актом, определяющим законодательную базу деятельности индивидуальных предпринимателей, является закон «О развитии

малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [8]. Он устанавливает критерии отнесения к предпринимательским структурам, предельные значения средней численности наемных работников, которые не должны превышать 249 человек. В законе указано, что каждый год устанавливаются максимальные значения выручки от реализации товаров (работ, услуг), а также стоимости основных фондов.

В процессе исследований была выдвинута гипотеза о том, что формирование индивидуального предпринимательства в нашей стране и достигнутый им уровень может быть описан с использованием экономико-математических моделей. В частности, моделей, которые характеризуют структуру индивидуальных предпринимателей в зависимости от численности их работников, распределение таких показателей, как выручка от реализации товаров, приходящихся на одного предпринимателя, а также на одного работника по видам экономической деятельности. Полученные закономерности могут использоваться для решения широкого круга управленческих задач, помощи и поддержки индивидуальных предпринимателей, институционального обеспечения их деятельности, а также планирования и прогнозирования развития этого сектора экономики страны.

Исследование закономерностей, характерных для индивидуальных предпринимателей, основывалось на предложенном автором методическом подходе. Его главной особенностью является рассмотрение совокупностей индивидуальных предпринимателей в регионах.

Именно в регионах предприниматели функционируют в условиях единой институциональной политики, как правило, их продукция реализуется на внутрирегиональных рынках, взаимодействуют в процессах разделения труда, обеспечивают необходимой продукцией население, а также другие предприятия и организации. Учитывая это, в процессе исследований была рассмотрена возможность построения моделей, отражающих показатели совокупности всех индивидуальных предпринимателей каждого из регионов страны.

Разработка экономико-математических моделей основана на решении следующих задач:

- определение информационной базы;
- сбор и обработка исходных данных;
- выбор вида зависимости между показателями в моделях;
- определение используемых программных средств;
- проведение вычислительных экспериментов и получение альтернативных вариантов искомых зависимостей;
- логический и статистический анализ качества полученных зависимостей;
- выбор моделей, наилучшим образом аппроксимирующих исходные данные.

При построении моделей в качестве исходных данных были использованы показатели, характеризующие совокупности индивидуальных предпринимателей во всех субъектах Российской Федерации. Рассматривались данные по 21 республике, 9 краям и 46 областям страны. Для исключения двойного счета не рассматривались данные по автономным округам и автономной области. В процессе исследований автор использовал статистические сборники [4, 5] и материалы сплошного наблюдения, проведенного в 2011 г. Федеральной службой государственной статистики.

Для описания закономерностей использовались функции плотности распределения. В качестве предполагаемых моделей, описывающих распределение, были рассмотрены равномерный, экспоненциальный, логарифмически-нормальный и нормальный законы распределения.

В процессе исследования использовались методы логического, экономико-статистического анализа, математической статистики и эконометрики. Для решения поставленных задач и обработки информации применены компьютерные программы «Statistica», «Microsoft Excel», «Mathcad».

Проверка полученных функций производилась по критериям Пирсона [3], Колмогорова-Смирнова [1], Шапиро-Вилка [2].

Проведенный анализ показал, что индивидуальные предприниматели в настоящее время специализируются на пяти основных видах деятельности [9].

Первым видом являются обрабатывающие производства, специализированные на изготовлении пищевых продуктов, текстильной и швейной продукции, изделий из кожи, из дерева, ведущие издательскую и полиграфическую деятельность, предприниматели в химической, металлургической, машиностроительной промышленности.

К такому виду экономической деятельности, как строительство, относятся предприниматели, ведущие новое строительство, реконструкцию, капитальный и текущий ремонт зданий и сооружений, включая индивидуальное строительство и ремонт по заказам населения.

Следующим видом экономической деятельности является оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. В дальнейшем этот вид деятельности будет называться кратко – торговля.

В сфере транспорта и связи предприниматели работают в автомобильном транспорте, а также осуществляют услуги связи.

Сфера экономической деятельности, связанная с операциями с недвижимым имуществом, включает в себя не только различные операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление сопутствующих услуг, но и научную деятельность, а также ряд вспомогательных услуг.

В процессе исследований было доказано, что наилучшим образом аппроксимируют исходные данные модели, соответствующие нормальному закону распределения, приведенные ниже.

Экономико-математические модели описывают закономерности распределения трех указанных выше экономических показателей индивидуальных предпринимателей по пяти основным видам деятельности.

Были рассмотрены следующие показатели: средняя численность работников, занятых в индивидуальном предпринимательстве, с учетом наемных работников (x_1 , чел.), соответствующего вида деятельности, средняя выручка от реализации товаров в расчете на одного предпринимателя (x_2 , млн руб.), а также значения выручки в расчете на одного работника (x_3 , тыс. руб.).

Соответствующие функции плотности вероятности имеют вид (все приведенные в статье формулы и таблицы разработаны автором):

– для индивидуальных предпринимателей в торговле

$$y(x_1) = \frac{26,52}{0,47 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 2,0)^2}{2 \cdot 0,22}} ; \quad (1)$$

$$y(x_2) = \frac{39}{0,92 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 2,31)^2}{2 \cdot 0,85}} ; \quad (2)$$

$$y(x_3) = \frac{20280}{369,63 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 1087,03)^2}{2 \cdot 1,4 \cdot 10^5}} ; \quad (3)$$

– для индивидуальных предпринимателей в обрабатывающих производствах

$$y(x_1) = \frac{54,6}{1,04 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 2,9)^2}{2 \cdot 1,08}} ; \quad (4)$$

$$y(x_2) = \frac{35,1}{0,71 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 1,54)^2}{2 \cdot 0,50}} ; \quad (5)$$

$$y(x_3) = \frac{8190}{161,63 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 513,20)^2}{2 \cdot 2,6 \cdot 10^4}} ; \quad (6)$$

– для индивидуальных предпринимателей в строительстве

$$y(x_1) = \frac{17,16}{0,32 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 1,5)^2}{2 \cdot 0,1}} ; \quad (7)$$

$$y(x_2) = \frac{7,8}{0,24 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 0,75)^2}{2 \cdot 0,058}} ; \quad (8)$$

$$y(x_3) = \frac{7020}{141,59 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 477,23)^2}{2 \cdot 2 \cdot 10^4}} ; \quad (9)$$

– для индивидуальных предпринимателей на транспорте и в связи

$$y(x_1) = \frac{19,5}{0,42 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 1,5)^2}{2 \cdot 0,18}} ; \quad (10)$$

$$y(x_2) = \frac{11,05}{0,29 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 0,74)^2}{2 \cdot 0,08}} ; \quad (11)$$

$$y(x_3) = \frac{8580}{163,62 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 481,65)^2}{2 \cdot 2,7 \cdot 10^4}} ; \quad (12)$$

– для индивидуальных предпринимателей, специализированных на операциях с недвижимым имуществом

$$y(x_1) = \frac{20,28}{0,31 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1 - 1,3)^2}{2 \cdot 0,096}} ; \quad (13)$$

$$y(x_2) = \frac{11,7}{0,29 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2 - 0,99)^2}{2 \cdot 0,08}}; \quad (14)$$

$$y(x_3) = \frac{19500}{268,42 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3 - 748,13)^2}{2 \cdot 7,2 \cdot 10^4}}. \quad (15)$$

Логический анализ показал, что все приведенные модели хорошо аппроксимируют исходные данные. Проверка по критериям Пирсона, Колмогорова-Смирнова, Шапиро-Вилка показала высокое качество всех построенных моделей, что следует из данных табл. 1. При этом значения статистик по критерию Пирсона сравнивались с табличным значением, равным 4,61, по критерию Колмогорова-Смирнова – со значением, равным 0,15, а по критерию Шапиро они должны быть близки к единице.

Таблица 1

Результаты проверки полученных моделей

Номер функции	Расчетное значение по критерию качества		
	Колмогорова-Смирнова	Пирсона	Шапиро-Вилка
(1)	0,05	4,51	0,97
(2)	0,04	1,41	0,97
(3)	0,05	3,60	0,94
(4)	0,04	4,39	0,97
(5)	0,03	2,81	0,96
(6)	0,04	1,93	0,97
(7)	0,03	1,60	0,92
(8)	0,06	3,97	0,97
(9)	0,04	1,22	0,96
(10)	0,06	2,05	0,98
(11)	0,04	3,36	0,98
(12)	0,06	3,20	0,98
(13)	0,07	3,53	0,95
(14)	0,05	3,94	0,97
(15)	0,06	3,14	0,98

Построенные модели позволили определить средние значения трех описанных в них показателей. Эти значения приведены в табл. 2.

Анализ данных, приведенных в табл. 2, показывает, что средняя численность работников в обрабатывающих производствах почти в два раза больше, чем в строительстве, транспорте и операциях с недвижимостью. Численность работников в торговле меньше, чем в обрабатывающих производствах, но существенно больше, чем в других видах экономической деятельности. Наибольшие значения средней выручки в расчете на одного предпринимателя и одного работника характерны для торговли. Несколько меньшие значения этих показателей наблюдаются в обрабатывающих производствах. Для трех остальных видов деятельности выручка в расчете на одного предпринимателя значительно меньше по сравнению с обрабатывающими производствами и тем более торговлей.

Таблица 2

Средние значения показателей по индивидуальным предпринимателям за 2010 г.

Вид деятельности	Средняя выручка в расчете на одного индивидуального предпринимателя, млн руб.	Средняя выручка в расчете на одного работающего, тыс. руб.	Средняя численность работников, включая наемных работников, чел.
Обрабатывающие производства	1,54	513,20	2,9
Торговля	2,31	1087,03	2,0
Строительство	0,75	477,23	1,5
Транспорт и связь	0,74	481,65	1,5
Операции с недвижимостью	0,99	748,13	1,3

Разработанные модели позволили вычислить интервалы изменения значений рассматриваемых показателей. В качестве примера, в табл. 3 представлены интервалы, определяемые исходя из значений средних квадратических отклонений рассматриваемых показателей. При этом для расчета границ интервалов к средним значениям показателей соответственно прибавляются и вычитаются указанные отклонения. Поскольку функции (1)–(15) соответствуют нормальному закону распределения, значения показателей большинства (68%) предпринимательских структур находятся в этих интервалах.

Таблица 3

Интервал изменения значения показателя по индивидуальным предпринимателям за 2010 г.

Вид деятельности	Интервал изменения значения показателя		
	Выручка в расчете на одного индивидуального предпринимателя, млн руб.	Выручка в расчете на одного работающего, тыс. руб.	Численность работников, включая наемных работников, чел.
Обрабатывающие производства	0,83–2,25	351,57–674,83	1,9–4,0
Торговля	1,39–3,23	717,40–1457,00	1,5–2,5
Строительство	0,51–0,99	335,64–618,82	1,2–1,9
Транспорт и связь	0,45–1,03	318,03–645,27	1,1–1,9
Операции с недвижимостью	0,70–1,28	479,71–1017,00	1,0–1,6

Анализ данных, приведенных в табл. 3, позволяет говорить о том, что численность работников, занятых у большинства индивидуальных предпринимателей, специализированных на строительстве, находится в диапазоне от 1,2 до 1,9 чел. Соответственно значение выручки по этим предпринимателям лежит в диапазоне от 0,51 до 0,99 млн руб. Выручка в расчете на одного работника находится в интервале от 335,64 до 618,82 тыс. руб.

Представленные в настоящей статье экономико-математические модели наряду с результатами исследований, приведенными в предыдущих работах [6, 7], могут быть использованы для подготовки рекомендаций и предложений по оценке состояния индивидуального предпринимательства в Российской Федерации и ее субъектах, для мониторинга достигнутого уровня развития этого сектора экономики, обоснования перспективных планов и прогнозов.

Литература

1. *Большев Л.Н., Смирнов Н.В.* Таблицы математической статистики. М.: Наука, 1983. 416 с.
2. *Вуколов Э.А.* Основы статистического анализа. Практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов STATISTICA и EXCEL. М.: Форум: ИНФРА-М, 2004. 464 с.
3. *Кремер Н.Ш., Путко Б.А.* Эконометрика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 311 с.
4. Малое и среднее предпринимательство в России: статистический сборник. М.: ФСГС, 2009. 151 с.
5. Малое и среднее предпринимательство в России: статистический сборник. М.: ФСГС, 2010. 172 с.
6. *Пиньковецкая Ю.С.* Сравнительный анализ предпринимательских структур в России // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1.
7. *Пиньковецкая Ю.С.* Численность предприятий малого бизнеса в Российской Федерации: результаты анализа // Экономика региона. 2009. № 2(18). С. 224–230.
8. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. № 4427. 31.07.2007.
9. Система «Налоговая справка». Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. URL: <http://www.okvad.ru> (дата обращения: 19.01.2012).
10. Федеральная служба государственной статистики. Предварительные итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в 2010 году. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/pred_itog.htm (дата обращения: 10.04.2012).

Bibliography

1. *Bol'shev L.N., Smirnov N.V.* Tablicy matematicheskoj statistiki. M.: Nauka, 1983. 416 p.
2. *Vukolov Je.A.* Osnovy statisticheskogo analiza. Praktikum po statisticheskim metodam i issledovaniju operacij s ispol'zovaniem paketov STATISTICA i EXCEL. M.: Forum: INFRA-M, 2004. 464 p.
3. *Kremer N.Sh., Putko B.A.* Jekonometrika. M.: JuNITI-DANA, 2002. 311 p.
4. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii: statisticheskij sbornik. M.: FSGS, 2009. 151 p.
5. Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Rossii: statisticheskij sbornik. M.: FSGS, 2010. 172 p.
6. *Pin'koveckaja Ju.S.* Sravnitel'nyj analiz predprinimatel'skih struktur v Rossii // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1.
7. *Pin'koveckaja Ju.S.* Chislennost' predpriyatij malogo biznesa v Rossijskoj Federacii: rezul'taty analiza // Jekonomika regiona. 2009. № 2(18). P. 224–230.
8. Federal'nyj zakon ot 24.07.2007 g. № 209-FZ «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 2007. № 4427. 31.07.2007.
9. Sistema «Nalogovaja spravka». Obwerossijskij klassifikator vidov jekonomicheskogo dejatel'nosti. URL: <http://www.okvad.ru> (data obrawenija: 19.01.2012).
10. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Predvaritel'nye itogi sploshnogo nabljudenija za dejatel'nost'ju sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva v 2010 godu. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/pred_itog.htm (data obrawenija: 10.04.2012).

УДК 334.7

**РОЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ
СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)**

Т.В. Шаршова

Территориальный орган Федеральной службы
государственной статистики по Республике Хакасия
E-mail: Tatyana V.Sharshova@hakas.fsgs.ru

Рассмотрены понятия, формирующие статистику рынка труда. Для достижения сбалансированности спроса и предложения рабочей силы определены меры, направленные на усиление механизма государственного регулирования развития трудового потенциала, совершенствование структуры и качества подготовки кадров. Выявлен основной источник занятости населения – развитие предпринимательского сектора экономики, который в условиях рыночного хозяйствования способен обеспечить население республики рабочими местами и сократить уровень безработицы, решив вопрос сбалансированности спроса и предложения рабочей силы.

Ключевые слова: рабочая сила, спрос на рабочую силу, предложение рабочей силы, сбалансированность спроса и предложения, экономически активное население, занятое население, безработные.

**ROLE OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTREPRENEURSHIP
IN THE RESOLUTION OF THE ISSUES OF BALANCE
OF LABOUR FORCE DEMAND AND SUPPLY
(BY THE EXAMPLE OF KHAKAS REPUBLIC)**

T.V. Sharshova

Territorial body of Federal agency of government statistics in Khakas Republic
E-mail: Tatyana V.Sharshova@hakas.fsgs.ru

The concepts that form labour market statistics are considered. Strengthening measures for government regulation of labour potential development, improvement in structure and quality of personnel training are defined for the purpose of balance of labour force demand and supply. Major source of employment is revealed - the development of entrepreneurial economic sector, capable of providing workplaces for the republic population and reducing level of unemployment by solving the issue of balance of labour force demand and supply.

Key words: labour force, labour demand, labour supply, balance of demand and supply, economically active population, employed population, unemployed population.

Сбалансированность спроса и предложения рабочей силы является одним из основных вопросов в изучении статистики рынка труда и выступает главным элементом механизма формирования политики эффективной занятости населения. Обследование населения по проблемам занятости было внедрено в статистическую практику России в 1992 г. в рамках реализации Государственной программы перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованием рыночной экономики.

Исходя из важности системного характера процессов становления рыночной экономики, занятость населения представляет собой не только важный производственный ресурс общества, эффективное использование которого является необходимым фактором ускорения экономического роста, но и в значительной степени основу для социальной стабильности в обществе и гармоничного общественного развития в целом.

Формирование рыночного механизма хозяйствования неизбежно ведет к необходимости разработки и применению рыночно обоснованной системы распределения рабочей силы.

Под рабочей силой понимают потенциальные способности человека к труду [7], иными словами, это совокупность его физических, интеллектуальных и духовных способностей, которые он использует в каждом процессе труда [8].

В соответствии с «Методическими положениями по статистике труда», основанными на рекомендациях МОТ, рабочая сила представляет собой часть экономически активного населения в возрасте от 15 до 72 лет, создающая рынок труда [15] и обеспечивающая предложение рабочей силы для производства товаров и услуг [6].

Экономическая активность населения, согласно международным статистическим стандартам, может быть определена за короткий промежуток времени (день или неделю) и подразумевать население, активное в данный период, так называемую рабочую силу и за длительный период, – обычно активное население [10].

В настоящее время российский рынок труда не сбалансирован, о чем свидетельствует серьезный дисбаланс в первую очередь со стороны спроса.

Спрос на рабочую силу определяется потребностями работодателя в найме определенного количества работников необходимой квалификации для производства товаров и услуг, в соответствии с совокупным экономическим спросом [5] и измеряется числом, структурой рабочих мест, существующих в экономике и требующих заполнения вакантных мест на условиях основной деятельности или совместительства, а также для выполнения разовых работ [8].

Спрос регулирует не только количество вакансий, но и объем, интенсивность выполняемой работы, трудовую мотивацию, необходимость в подготовке и переподготовке рабочей силы нужной квалификации.

На рынке труда большинство экономически активного населения являются продавцами своей рабочей силы и формируют понятие «предложение рабочей силы».

Под предложением рабочей силы понимается потребность в труде всех категорий трудоспособного населения (в их число входят занятые и безработные), претендующих на работу по найму, а также лиц, желающих трудиться не по найму, а на правах самозанятости или предпринимательства [8].

Кризис в экономике, закрытие крупных промышленных предприятий ведут к безработице и одновременно к необходимости широкомасштабной переквалификации значительной части рабочей силы.

Для анализа рынка труда в соответствии с международными стандартами численность занятого населения и безработных рассматривается как две составляющие части экономически активного населения, т.е. рабочей силы.

По данным статистического обследования населения по проблемам занятости, численность экономически активного населения в возрасте от 15 до 72 лет в 2010 г. в Республике Хакасия составила 271,7 тыс. чел., или 64,9% общей численности населения этого возраста, экономически неактивного – 147,0 тыс. чел., или 35,1% (рис. 1).

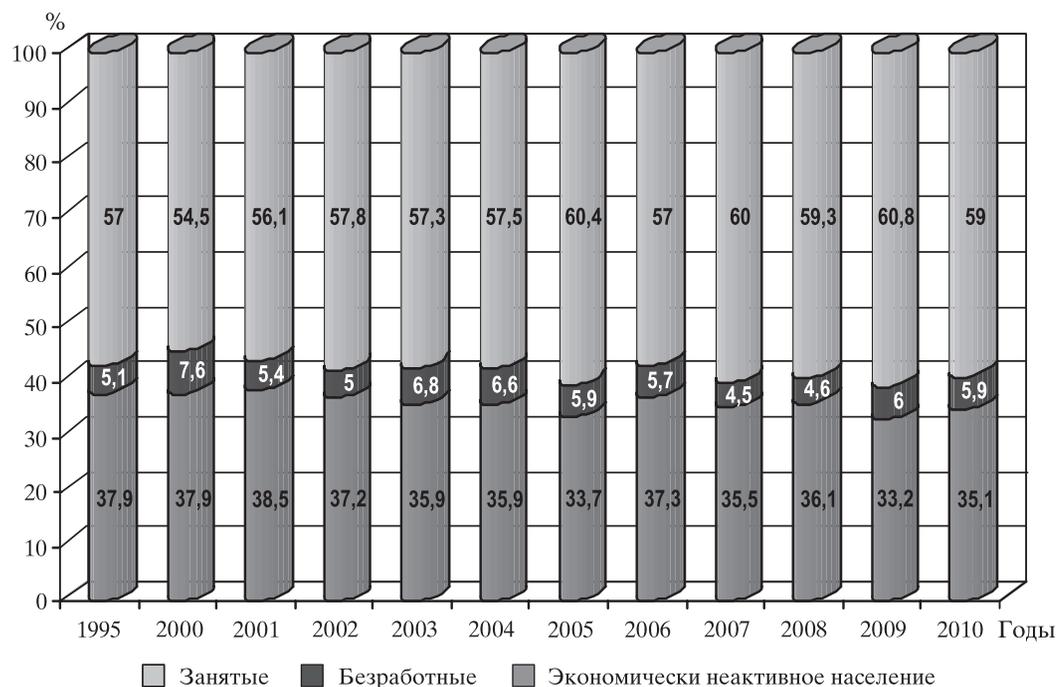

Рис. 1. Распределение населения в возрасте 15–72 лет по экономической активности (% к итогу)

В 2010 г. общая численность занятого населения Республики Хакасия составила 247,1 тыс. чел., 24,6 тыс. чел. классифицировались в соответствии с методологией МОТ как безработные и составили 9,1% экономически активного населения.

Для оценки интенсивности процесса экономической активности населения статистика рассматривает такие показатели, как уровень экономической активности населения и уровень занятости¹.

За последнее десятилетие в динамике уровня экономической активности и занятости населения экономики республики наблюдаются спады и подъемы, связанные с фазами цикла, техническими переворотами и структурными ломками, что наглядно представлено на графике (рис. 2).

¹ Уровень экономической активности среди населения определенной возрастной группы – отношение численности экономически активного населения к численности населения соответствующей возрастной группы, которая может быть выделена в возрастном интервале от 15 до 72 лет, рассчитанное в процентах.

Уровень занятости среди населения определенной возрастной группы – отношение численности занятого населения к общей численности населения соответствующей возрастной группы, рассчитанное в процентах.

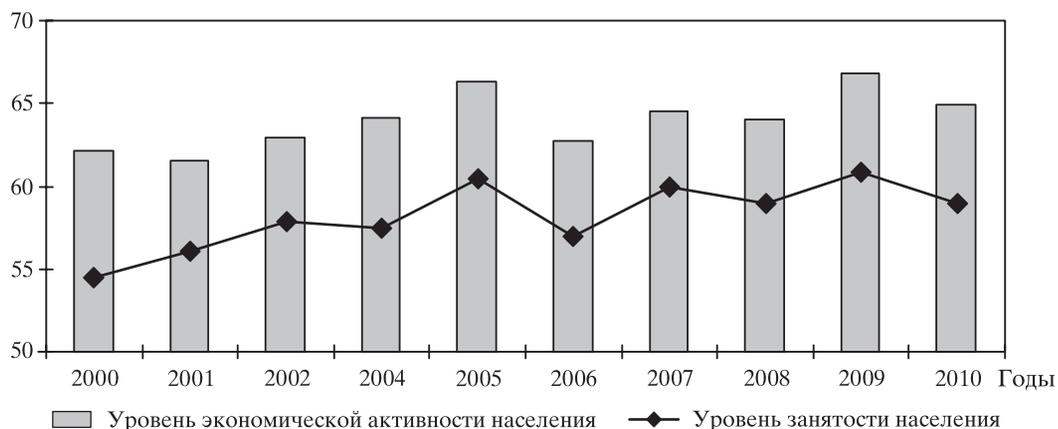

Рис. 2. Уровень экономической активности и уровень занятости населения в возрасте 15–72 лет (%)

Периоды падения экономической активности и занятости населения, как правило, обусловлены кризисными явлениями в экономике и являются временными отрезками преодоления последствий внутренних и мировых кризисов как в целом по стране, так и по регионам.

Так, недавний мировой финансовый кризис 2008 г. не миновал рынок труда республики, его последствия отразились на состоянии трудовых ресурсов. Кризисные явления в экономике затронули практически все отрасли и как следствие привели к росту безработицы (рис. 3).

Рынок труда болезненно отреагировал на сокращение численности работников на предприятиях, на режим сокращенного рабочего времени, на вынужденные отпуска.

Основным условием формирования оптимального рынка труда является создание на нем сбалансированных потоков спроса и предложения рабочей силы.

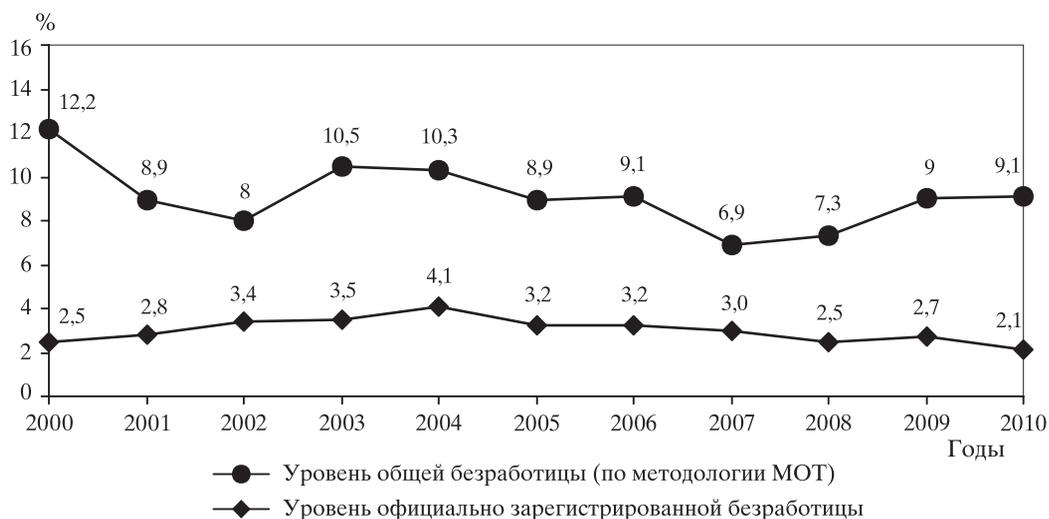

Рис. 3. Уровень безработицы в Республике Хакасия (на конец года, %)

Профессионально-квалификационный уровень граждан, предлагающих свою рабочую силу на современном рынке труда, не в полной мере удовлетворяет его требованиям, в связи с чем отмечается дефицит квалифицированной рабочей силы. Ежегодное сокращение численности трудоспособного населения Республики Хакасия (за последние пять лет на 9,3 тыс. чел.) [19] неизбежно приведет к обострению проблемы кадрового обеспечения экономики республики. Проблему кадров можно обозначить, прежде всего, в возрастном аспекте дефицита рабочей силы, которая выражается в старении населения трудоспособного возраста; в непривлекательности по содержанию и условиям труда рабочих мест для молодежи. В экономике республики в 2010 г. обозначилась ситуация, когда при наличии рабочей силы, формально имеющей достаточный уровень профессионального образования, не хватает квалифицированных и опытных работников отдельных профессий и квалификаций. Дефицит в квалифицированных рабочих кадрах испытывают более 65% предприятий и организаций Республики Хакасия, нехватка инженерно-технических работников и менеджеров составляет около 41%.

Для достижения сбалансированности спроса и предложения рабочей силы, в целях максимального удовлетворения потребностей экономики, более эффективного использования трудовых ресурсов республики необходимо разработать меры, направленные на усиление механизма государственного регулирования развития трудового потенциала, совершенствование структуры и качества подготовки кадров.

Основная цель активной политики, проводимой на рынке труда Хакасии по сокращению безработицы и смягчению ее последствий, заключается в содействии скорейшему возвращению безработных к активному труду, путем таких разнообразных мер, как помощь в трудоустройстве, дополнительное содействие занятости для лиц с ограниченными возможностями на рынке труда, организация общественных работ и временной занятости, профессиональное обучение и консультирование, развитие предпринимательства и самозанятости.

В настоящее время, учитывая специфику развития экономики республики и ее инфраструктуру, которая характеризуется недостаточным количеством крупных и средних промышленных и сельскохозяйственных предприятий, способных обеспечить трудоспособное население рабочими местами, особое внимание в вопросе баланса трудовых ресурсов отводится развитию предпринимательского сектора экономики как основного источника занятости населения, выступающего в качестве статуса работодателя.

Так, Президентом Российской Федерации поставлена задача повысить уровень занятости россиян в предпринимательском секторе до 60–70% от количества трудоспособного населения к 2020 г. [14].

Предпринимательство – неотъемлемый элемент современной рыночной системы хозяйствования, без которого экономика и общество в целом не могут нормально существовать и развиваться.

В условиях рыночных отношений предпринимательство – это основная база для формирования среднего класса, способ стимулирования занятости и источник решения социальных проблем, связанных с безработицей, высоким уровнем бедности, ухудшением демографической ситуации, снижением мотивации к самореализации и труду [16].

Международный опыт убедительно показал, что развитие предпринимательства возможно только при наличии целенаправленной политики государства в отношении малого предпринимательства, исходящей из необходимости развития этого сектора экономики и понимания уязвимости малых предприятий по сравнению с крупными, обусловленной самим характером их функционирования. Другими словами, государство помогает малому предпринимательству, потому что это необходимо и государству, и народу.

Развитие малого бизнеса в Хакасии можно условно разбить на три этапа, начиная с 1992 г., с момента подписания ряда нормативных актов, в том числе Указа Президента РФ «О свободе торговли», практически в период, когда республика получила хозяйственную самостоятельность.

На первом этапе, до 1995 г., происходил постепенный рост предприятий малого бизнеса. Однако финансовый кризис 1998 г. негативно отразился на сфере предпринимательской активности, произошло резкое сокращение числа малых предприятий с 2327 в 1995 г. до 897 в 1998 г. После кризиса, в рамках второго этапа развития малого предпринимательства на фоне относительной стабилизации общей макроэкономической ситуации в стране, в республике снова отмечен рост числа предприятий малого бизнеса: с 1379 в 1999 г. до 1522 единиц на конец 2001 г., начиная с 2002 г., по настоящее время идет достаточно динамичный рост.

Данные организованного Сплошного федерального статистического наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в 2011 г. по результатам за 2010 г. свидетельствуют о том, что предпринимательство стало заметным явлением в экономике каждого региона.

В 2010 г. в республике работало около 3 тыс. малых предприятий с числом замещенных рабочих мест свыше 38 тыс., зарегистрировано и вели свой бизнес около 10 тыс. предпринимателей, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. С учетом работающих по договорам и по совместительству, а также предпринимателей, работающих без образования юридического лица, в этом секторе было занято около 35 тыс. человек [21].

Власть рассматривает малый бизнес как некий возвратный капитал в виде налогов и снижения затрат на расходы по безработице. Ведь каждый эффективно вложенный рубль, особенно в стартующем периоде малого бизнеса, через два-три года приносит от 3 до 5 руб. налогов, каждое вновь образованное, стабильно набирающее обороты предприятие малого бизнеса – новые рабочие места [20]. Поэтому ежегодно постановлениями Правительства Республики Хакасии утверждается комплекс мероприятий, направленных на господдержку малого предпринимательства. Общий объем выделяемых на это средств, правда, не так уж и велик, но отраднo, что он имеет тенденцию роста и позволяет образовывать новые рабочие места.

Конечно, для того чтобы выбрать правильную политику поддержки субъектов малого предпринимательства, необходим постоянный комплексный анализ состояния данного сектора экономики.

До 2011 г. данные статистики давали лишь выборочную картину – 20% по малым предприятиям и 10% по индивидуальным предпринимателям, используя официальную статистическую отчетность, основанную на выборочных и пилотных обследованиях.

Отсутствие информации, адекватно отражающей деятельность малого бизнеса, вызывает серьезные проблемы при составлении прогнозов развития регионов и муниципальных образований, при принятии управленческих решений органами власти на всех уровнях [1–4].

В соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ « О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.02.2009 г. № 201-р впервые в практике российской экономики было организовано и проведено сплошное статистическое наблюдение за деятельностью малого бизнеса. На наш взгляд, наибольшая трудность возникла в процессе нахождения респондентов, особенно малых и микропредприятий. Данная категория субъектов, как показала практика, подвержена частой смене места своей дислокации (по причине роста платы за арендуемые площади, либо нахождении офисных помещений более доступных, удобных по расположению). Совершенствование законодательной базы в части обязательной регистрации юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями смены адреса нахождения является единственным источником решения этой проблемы.

Сплошное наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства, проведенное органами государственной статистики по состоянию за 2010 г., позволило получить информацию по ряду показателей, в частности, о фактическом количестве действующих субъектов малого бизнеса и численности замещенных рабочих мест в этом секторе экономики. Был произведен сравнительный анализ данных выборочного и сплошного наблюдения и дана оценка состояния субъектов малого предпринимательства, его развитие на перспективу, в части формирования новых рабочих мест, позволяющих сократить уровень безработицы среди населения республики.

В качестве основных статистических методов анализа были использованы метод группировок, расчет абсолютных, относительных и средних величин, показатели анализа рядов динамики.

Как показало наблюдение, в среднем на 1000 человек населения Республики Хакасия приходится 9 малых и средних предприятий – юридических лиц (включая приостановивших и не начавших деятельность в 2010 г.) и 27 индивидуальных предпринимателей; каждый четвертый работник, занятый в экономике республики в 2010 г. работал в секторе малого и среднего предпринимательства. Из числа малых предприятий, осуществляющих деятельность, большинство (77,5%) составляют микропредприятия, каждое третье замещенное рабочее место и каждый третий рубль выручки от реализации товаров (работ и услуг) приходится на данную категорию действующих малых предприятий.

Индивидуальное предпринимательство обеспечивает рабочими местами 47% из общего числа замещенных рабочих мест в секторе малого бизнеса.

Из числа индивидуальных предпринимателей почти 70% являются микропредприятиями. На них задействовано в среднем от 1 до 5 человек работников, в основном это сами индивидуальные предприниматели и помогающие члены их семей.

Как показал анализ полученных данных обследования, каждый третий индивидуальный предприниматель не занимался предпринимательской деятель-

ностью, а примерно 40% из них информировали, что работали у другого предпринимателя или юридического лица в качестве наемного работника.

Основное количество малых и средних предприятий Республики Хакасия – юридических лиц в 2010 г. осуществляли деятельность в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (33%), операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (22%), строительства (12%), а также добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств (12%).

В индивидуальном предпринимательстве республики наибольшее распространение получила сфера торговли и услуг, операций с недвижимым имуществом, а также обрабатывающие производства.

Около 60% индивидуальных предпринимателей занимались оптовой и розничной торговлей, ремонтом автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, 17% транспортной деятельностью и операциями с недвижимым имуществом, 7% арендой и предоставлением услуг в области культуры и спорта, 5% индивидуальных предпринимателей работали в сельском хозяйстве.

Как показывает практика, существование в условиях рыночного хозяйствования субъектов малого предпринимательства неизбежно порождает наличие в этом секторе неформальной (скрытой) деятельности, которая создает нелегальные рабочие места, вторичную занятость, способствуя при этом снижению напряженности на рынке труда, становясь со временем нормой экономической активности. Теневая экономика тесно взаимоувязана и переплетена с формальной экономикой. Оценить ее размеры по данному сектору достаточно сложно.

Среди основных причин, способствующих возникновению неформальной занятости в Республике Хакасия, можно назвать достаточно высокий для республики уровень безработицы (24,7 тыс. чел., или 9,1%) в 2010 г. [17]; неспособность экономики обеспечить большую часть населения достойным для жизнедеятельности уровнем доходов; стремление к более обеспеченной жизни. Так, по оценке Росстата, в 2009 г. численность занятых в неформальном секторе экономики Республики Хакасия составила 66 тыс. чел., или 25,7% от общей численности занятого населения.

Преодолеть негативные тенденции в экономике позволит лишь целостная и обоснованная система мер, реализуемая в ходе продуманной экономической политики государства. Развитие и поддержка разнообразных форм собственности, дифференциация и снижение налогов в секторе малого предпринимательства представляются наиболее существенными методами ослабления теневых процессов и легализации предпринимательской деятельности.

Малый бизнес в республике развивается благодаря должному вниманию Правительства Хакасии.

Ассигнования из бюджета в рамках республиканских целевых программ в основном направляются на информационную, консультационную поддержку, поддержку образовательной деятельности, развитие инфраструктуры и непосредственно на финансовую поддержку предприятий малого бизнеса. Чтобы выжить в условиях конкуренции, необходимо получать новые знания в области управления, осваивать новые технологии. С этой целью проводятся обуча-

ющие информационно-консультационные семинары по таким направлениям, как:

- ведение бизнеса в вопросах маркетинговой стратегии предприятий;
- автоматизация учета как основы безопасности бизнеса;
- организация бизнеса в сфере материального производства и управления на малом предприятии в современных условиях.

Кроме этого постоянно осуществляется размещение материалов в СМИ, издаются специальные информационные брошюры и бюллетени.

Для повышения конкурентоспособности предприятий малого бизнеса, расширения географии поставок производимой ими продукции оказывается содействие по участию их в различных межрегиональных выставках. С каждым годом представительство предприятий малого бизнеса Хакасии в этих выставках увеличивается. Предприятия республики и отдельные предприниматели добиваются неплохих результатов, их труд неоднократно отмечен медалями и дипломами. Кроме того, выдаются бюджетные кредиты, производится возмещение части затрат на разработку конкретных бизнес-проектов. Причем преимущество отдается, прежде всего, предпринимательским проектам в сфере производства и реализуемым в сельской местности.

Роль субъектов малого предпринимательства велика, поскольку этот сектор экономики способен в большей степени обеспечить население республики рабочими местами, тем самым сократить безработицу. Несмотря на имеющиеся трудности, перспективы у предпринимателей и предприятий малого бизнеса в Хакасии есть. Он обязательно будет развиваться, а значит и будет расти экономический потенциал Республики Хакасия в целом.

Литература

1. Глинский В.В. Как измерить малый бизнес? // Вопросы статистики. 2008. № 7. С. 73–75.
2. Глинский В.В. Мифическая статистика малого бизнеса. Проблемы статистического изучения турбулентных совокупностей // ЭКО. 2008. № 9. С. 51–62.
3. Глинский В.В. Опыт применения портфельного анализа // Финансы и бизнес. 2008. № 4. С. 105–110.
4. Глинский В.В., Серга Л.К. О государственном регулировании малого предпринимательства в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 19. С. 2–8.
5. Дятлов С.А. Рабочая сила в системе рыночных отношений. СПб., 1992. С. 96.
6. Елисеева И.И. Статистика: Учебник для вузов / Под ред. И.И. Елисеевой. СПб.: Питер, 2010. 361 с.
7. Елисеева И.И. Социальная статистика: Учебник / Под ред. чл.-кор. РАН И.И. Елисеевой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2001. 480 с.
8. Егоршин А.П., Зайцев А.К. Организация труда персонала: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. 320 с.
9. Закон Республики Хакасия от 3 декабря 2008 г. № 76-ЗРХ «О республиканской целевой программе «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Хакасия на 2009–2011 годы».
10. Мелкумов Я.С. Социально-экономическая статистика: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 236 с.
11. Об утверждении республиканской целевой программы «Развитие трудовых ресурсов Республики Хакасия на 2010–2012 г.»: Постановление Правительства Республики Хакасия от 14 октября 2009 г. № 457.

12. О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации: Федер. Закон: принят 12 мая 1995 г. // Сборник законов Российской Федерации. М.: Эксмо, 2004. С. 513–517.
13. *Одегов Ю.М.* Экономика и социология труда: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Одегова. М.: ИНФРА, 2002. 199 с.
14. Сплошное федеральное статистическое наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства: в вопросах и ответах. М.: ООО Лима – Консалтинг, 2010. 45 с.
15. Статистика: учебник / Л.П. Харченко, В.Г. Ионин, В.В. Глинский и др.; под ред. к. э. н., проф. В.Г. Ионина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2010. 445 с.
16. *Чепуренко А.Ю.* Социология предпринимательства. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 386 с.
17. Экономическая активность населения Республики Хакасия (по результатам выборочных обследований), 1995–2010 гг. // Статистический сборник. Абакан: Хакасстат, 2011. 79 с.
18. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований), 2010 г. // Статистический сборник. М.: Росстат, 2010. 71 с.
19. Материалы Государственного комитета по занятости населения Республики Хакасия. URL: <http://zankhakasia.Ru>
20. Материалы Государственного комитета по промышленности и предпринимательству Республики Хакасия. URL: <http://www.allmedia.ru>
21. Предварительные итоги Сплошного статистического наблюдения 2010 года. URL: <http://www.gks.ru>

Bibliography

1. *Glinskij V.V.* Kak izmerit' malyj biznes? // *Voprosy statistiki*. 2008. № 7. P. 73–75.
2. *Glinskij V.V.* Mificheskaja statistika malogo biznesa. Problemy statisticheskogo izucheniya turbulentnyh sovokupnostej // *JeKO*. 2008. № 9. P. 51–62.
3. *Glinskij V.V.* Opyt primeneniya portfel'nogo analiza // *Finansy i biznes*. 2008. № 4. P. 105–110.
4. *Glinskij V.V., Serga L.K.* O gosudarstvennom regulirovanii malogo predprinimatel'stva v Rossii // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2011. № 19. P. 2–8.
5. *Djatlov S.A.* Rabochaja sila v sisteme rynochnyh otnoshenij. SPb., 1992. P. 96.
6. *Eliseeva I.I.* Statistika: Uchebnik dlja vuzov / Pod red. I.I. Eliseevoj. SPb.: Piter, 2010. 361 p.
7. *Eliseeva I.I.* Social'naja statistika: Uchebnik / Pod red. chl.-kor. RAN I.I. Eliseevoj. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Finansy i statistika, 2001. 480 p.
8. *Egorshin A.P., Zajcev A.K.* Organizacija truda personala: Uchebnik. M.: INFRA-M, 2009. 320 p.
9. Zakon Respubliki Hakasija ot 3 dekabrya 2008 g. № 76-ZRH «O respublikanskoj celevoj programme «Razvitie sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva v Respublike Hakasija na 2009–2011 gody».
10. *Melkumov Ja.S.* Social'no-jekonomicheskaja statistika: Ucheb. posobie. M.: INFRA-M, 2010. 236 p.
11. Ob utverzhdenii respublikanskoj celevoj programmy «Razvitie trudovyh resursov Respubliki Hakasija na 2010–2012g.»: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Hakasija ot 14 oktjabrja 2009 g. № 457.
12. O gosudarstvennoj podderzhke malogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: Feder. Zakon: prinjat 12 maja 1995 g. // *Sbornik zakonov Rossijskoj Federacii*. M.: Jeksmo, 2004. P. 513–517.
13. *Odegov Ju.M.* Jekonomika i sociologija truda: Ucheb. posobie / Pod red. Ju.M. Odegova. M.: INFRA, 2002. 199 p.
14. Sploshnoe federal'noe statisticheskoe nabljudenie za dejatel'nost'ju sub#ektov malogo i srednego predprinimatel'stva: v voprosah i otvetah. M.: ООО Лима – Консалтинг, 2010. 45 p.

15. Statistika: Uchebnik / L.P. Harchenko, V.G. Ionin, V.V. Glinskij i dr.; pod red. k. je. n., prof. V.G. Ionina. 3-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M, 2010. 445 p.
16. *Chepurenko A.Ju.* Sociologija predprinimatel'stva. M.: GU VShJe, 2007. 386 p.
17. Jekonomičeskaja aktivnost' naselenija Respubliki Hakasija (po rezul'tatam vyborochnyh obsledovanij), 1995–2010 gg. // Statističeskij sbornik. Abakan: Hakasstat, 2011. 79 p.
18. Jekonomičeskaja aktivnost' naselenija Rossii (po rezul'tatam vyborochnyh obsledovanij), 2010 g. // Statističeskij sbornik. M.: Rosstat, 2010. 71 p.
19. Materialy Gosudarstvennogo komiteta po zanjatosti naselenija Respubliki Hakasija. URL: <http://zankhakasia.Ru>
20. Materialy Gosudarstvennogo komiteta po promyšlennosti i predprinimatel'stvu Respubliki Hakasija. URL: <http://www.allmedia.ru>
21. Predvaritel'nye itogi Splošnogo statističeskogo nabljudenija 2010 goda. URL: <http://www.gks.ru>

УДК336.71

**ПЛАТЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ: БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ,
КЛАССИФИКАЦИЯ, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ****С.А. Дудин**

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: s.a.dudin@nsuem.ru

В статье обсуждаются теоретические и методические аспекты исследований российской национальной платежной системы; дан критический анализ различных точек зрения на основные категории, связанные с платежными системами; дополнена классификация платежных систем; подробно рассмотрены направления развития ПС центрального банка как основного звена национальной платежной системы; сделаны выводы.

Ключевые слова: национальная платежная система, классификация, безналичные расчеты, периодизация развития.

**PAYMENT SYSTEMS: BASE CATEGORIES,
CLASSIFICATION, TREND****S.A. Dudin**

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: s.a.dudin@nsuem.ru

The article discusses theoretical and methodical aspects of investigation of Russian national payment system. Critical analysis of various points of view on the base categories related to payment systems is carried out. Classification of payment systems is complemented. Trend of Central Bank as the main element of the national payment system is considered in details. Conclusions are drawn.

Key words: national payment systems, classification, non-cash payments, periodization of development.

Введение. Термин «платежная система» стал применяться в среде российских банковских работников во второй половине 1990-х годов, по содержанию он заменил на тот момент понятие «система безналичных расчетов». Ряд специалистов объясняют появление и широкое использование термина «платежная система» активизацией на территории Российской Федерации западных платежных систем (прежде всего карточных Visa и Europay, а также системы межбанковских коммуникаций SWIFT) [1, с. 17]. В работах С.В. Ануреева, Н.В. Байдуковой, В.Н. Кочеткова, И.Г. Нелепа, О.В. Бондаревой, Н.Б. Басюк, В.М. Усоскина, Е.Ф. Жукова и др. достаточно подробно обсуждаются определения платежной системы, выполнен ряд классификационных разрезов по различным признакам, рассмотрены структурные элементы платежных систем, их задачи, функции и т.п. [2, 3, 6–8]. Тем не менее ряд важных аспектов содержания и функционирования российской платежной системы, с нашей точки зрения, не нашли пока должного отражения в специальной литературе.

Классификация платежных систем. Рыночная экономика любой страны предполагает наличие разветвленной сети взаимоотношений, возникающих в процессе формирования и развития хозяйственных связей как внутри страны, так и за ее пределами. Завершающей стадией выполнения хозяйственных договоров является платеж, обеспечивающий выполнение условий взаимных требований и обязательств. Формируемый поток наличных и безналичных денежных средств позволяет осуществлять формирование валового регионального продукта.

В современный период безналичный денежный оборот проходит через различные механизмы выполнения платежей и расчетов, которые постоянно совершенствуются и развиваются. Развитие системы расчетов влечет за собой повышение устойчивости всей денежно-кредитной и финансовой систем страны. Вместе с развитием системы расчетов подвергается пересмотру и понятийный аппарат в сфере расчетов. Так, в 1990-х годах на смену термину «система безналичных расчетов» пришли термины «расчетная система», «платежная система», «расчетно-платежная система».

На формирование платежной системы оказывает влияние ряд факторов. Наиболее значительные из них – это необходимость минимизации операционных рисков, связанных с передачей товарных и денежных ценностей между участниками сделки, и минимизация транзакционных издержек при осуществлении расчетов.

Степень развития и формирования платежных систем зависит от состояния экономики, финансового рынка и банковской системы, технологичности отдельных элементов инфраструктуры, использования международного опыта, а также экономической состоятельности отдельных хозяйствующих субъектов на национальном и региональном уровнях.

Все функционирующие платежные системы классифицируются по различным признакам (см. таблицу).

Классификация платежных систем

Признаки, характерные для видов платежных систем	Виды платежных систем	Период развития
В зависимости от способа передачи информации	1. Системы, основанные на бумажных технологиях. 2. Системы основанные на электронных технологиях	1. 1970-е гг. по наст. время. 2. Конец 1980-х гг. по наст. время
В зависимости от формы собственности	1. Государственные. 2. Частные	1. В период плановой экономики. 2. Конец 1980-х гг. по наст. время
В зависимости от модели обработки платежей	1. С непрерывной обработкой платежей на валовой основе. 2. С посеансовой обработкой платежей на валовой основе. 3. С посеансовой обработкой платежей на клиринговой основе	1. 1997 г. по наст. время. 2. 1997 г. по наст. время. 3. Конец 1980-х гг. по наст. время
	1. С базовым активом в виде ценных бумаг. 2. С базовым активом в виде денежных средств	1. 2000-е гг. по наст. время. 2. 1970-е гг. по наст. время

Определение платежной системы. Существуют разные научные подходы к определению понятия платежной системы как в российской банковской школе, так и зарубежной. Точки зрения авторов [2, 3, 5–9] можно сгруппировать по нескольким направлениям:

- техническое;
- правовое;
- экономическое.

Рассмотрим более подробно каждое из этих направлений.

Зарубежные авторы, такие как Э.Дж. Долан, К.Д. Кэмпбелл, Р.Дж. Кэмпбелл, Д. Саммерс, определяют платежную систему как набор механизмов. Этой же точки зрения придерживается А.И. Шмырева. В комитете по платежным и расчетным системам банка международных расчетов (далее КПРС БМР) видят программное обеспечение, линии связи, вычислительные мощности. И это оправдано, поскольку в связи с развитием технической оснащенности расчетов, а именно линий связи, программного обеспечения резко усилилась значимость содержания понятия платежной системы. Именно линии связи, программное обеспечение позволили сформировать как международные платежные системы, так и российские, и региональные.

Правовой характер подходов к определению платежной системы обозначен в ее понятии как совокупность правил. Авторами этой идеи являются А.И. Шмырева, КПРС БМР.

Экономическое наполнение понятия платежной системы выражается через точку зрения как совокупность методов осуществления расчетов, формы организации безналичного денежного оборота.

Приведенные определения рассматривают платежную систему с точки зрения состава участников, свода правил, форм расчетов и т.п. При этом не один автор не рассматривает движение денег между субъектами платежной системы.

Поэтому целесообразней рассматривать термин «расчетно-платежная система», который отражает не только техническую сторону функционирования платежных систем, но и движение денег внутри этих систем.

Под дефиницией расчетно-платежная система будем понимать совокупность всех расчетов и платежей за определенный период времени, а также совокупность учреждений, правовых норм, инструментов, процедур, программно-технических, коммуникационных и информационных средств составляющих ее инфраструктуру. Таким образом, представленная дефиниция состоит из двух частей:

1. Совокупность расчетов и платежей, способствующая созданию валового регионального продукта, а также формированию бюджета и развитию социальной сферы.

2. Совокупность учреждений, правовых норм, под которой понимается инфраструктура платежной системы, обеспечивающая бесперебойность платежей на основе законодательных актов и степени развития банковских технологий.

В качестве задач по совершенствованию и развитию платежных систем можно выделить следующее: минимизация рисков, совершенствование календаря платежей и платежных обязательств, улучшение качества обслуживания

ния, внедрение новых электронных технологий, облегчение доступа к услугам платежных систем как для юридических, так и для физических лиц.

В современных условиях, когда ежедневно проводятся миллионы платежей, перевод денежных средств от плательщика к получателю немислим без применения передовых технологий. Функционирующие в стране механизмы институционального и инфраструктурного взаимодействия при переводе денежных средств от плательщика к получателю в совокупности образуют национальную платежную систему.

Платежная система центрального банка как основа национальной платежной системы. В Российской Федерации ежедневно проходит около 10 млн платежных документов, из которых более трети проходит через платежную систему Банка России. Сбои в работе платежной системы могут привести к серьезным экономическим потерям и стать причиной кризисных явлений в финансовой сфере страны.

Для исключения возможных потерь и снижения рисков перевода средств функционирование платежных систем должно быть устойчивым и прогнозируемым. С этой целью центральные банки осуществляют наблюдение за платежными системами, при котором цели обеспечения надежности и эффективности функционирования достигаются путем мониторинга существующих систем, оценки их соответствия целям и при необходимости внесения изменений. Что на сегодняшний день является одной из основных обязанностей центральных банков во многих странах.

В Российской Федерации важнейшей компонентой платежной системы Банка России является система валовых расчетов в режиме реального времени, которая называется системой банковских электронных срочных платежей (БЭСП). Наблюдение осуществляет департамент регулирования, управления и мониторинга платежной системы Банка России совместно с территориальными учреждениями Банка России, деятельность, которых направлена на обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования платежной системы. Наблюдение осуществляется с помощью аналитической подсистемы (АС АП БЭСП), что закреплено документом «Система валовых расчетов в режиме реального времени по крупным, срочным платежам. Функционально-технические требования», утвержденные Председателем Банка России С.М. Игнатьевым 14.03.2007 г. Цель данной подсистемы – реализация возможности предоставления уполномоченным структурным подразделениям Банка России аналитической информации, необходимой для выполнения ими функции наблюдения за системой БЭСП, анализа результатов функционирования, а также составления прогноза, выявления тенденций и подготовки предложений по оптимизации параметров работы системы БЭСП.

Выход этой системы на полную мощность и проведение через нее преобладающего объема межбанковских платежей подобно зарубежным системам, внедренным еще в 1980-е годы, позволит значительно ускорить безналичный платежный оборот и благотворно скажется на экономике страны. К началу II квартала 2010 г. в состав ее участников включены: кредитные организации с прямым участием (ПУР) – 492, с ассоциированным участием (АУР) – 441 и, кроме того, 80 территориальных управлений Казначейства России, число клиентов которого превышает 200 тыс. организаций. Пока еще не достигнута критическая масса как по количеству участников, так и по объему платежей

(в 2009 г. он составил 106,6 трлн руб., в 2008 г. – 2,3 трлн). Вступление в 2009 г. Казначейства России в систему банковских электронных срочных платежей (БЭСП) сократило до 1 минуты время проведения операций со средствами федерального бюджета между счетом Федерального казначейства и счетами его управлений по субъектам Российской Федерации. В настоящее время разрабатывается новая концепция развития платежной системы Банка России на среднесрочный период, в которой рассматриваются варианты создания централизованной платежной системы на основе качественного развития системы БЭСП и новой компоненты платежной системы, формируемой на базе существующих сервисов внутрирегиональных и межрегиональных электронных расчетов с целью обеспечения несрочных платежей.

Наличие такой системы является подтверждением высокого уровня конкурентоспособности России по отношению к другим странам, так как подобные системы действуют уже более чем в 80 странах мира.

За 2009 г. через систему БЭСП проведено более 63 тыс. платежей на сумму 106,6 трлн руб. Ограничений на минимальную сумму платежа, проводимого через систему БЭСП, не существует, тем не менее 86,4% по количеству и почти 100% по объему составляли платежи на сумму более 1 млн руб. Средняя сумма платежа составила 1,7 млрд руб. Доля платежей, проведенных через систему БЭСП, в общем объеме платежей, проведенных через ПСБР в 2009 г., составила 17,5%. Система БЭСП активно развивается. Практически все действующие кредитные организации и их филиалы к настоящему моменту являются ее участниками. В 2011 г. по сравнению с 2010 г. количество платежей, направленных через систему БЭСП, возросло более чем в три раза, а их сумма почти удвоилась. Важным новшеством в функционировании системы БЭСП в 2012 г. будет расширение ее регламента.

В ближайшие годы Банк России продолжит реализацию мероприятий по дальнейшему комплексному развитию собственной платежной системы, в том числе по развитию и совершенствованию системы БЭСП в соответствии с «Концепцией развития платежной системы Банка России на период до 2015 года», одобренной решением Совета директоров Банка России (протокол № 16 от 16.07.2010 г.) (далее – Концепция).

Основу перспективной платежной системы Банка России будет составлять единая, универсальная, централизованная на федеральном уровне многосервисная система расчетов, в которой реализуются функциональные возможности системы БЭСП и возможности действующих сервисов региональных компонент платежной системы Банка России с учетом их развития в направлениях, предусмотренных Концепцией. Через данную систему будут проводиться срочные и несрочные платежи в валюте Российской Федерации по правилам, установленным Банком России, в едином регламенте с использованием специализированных расчетных сервисов, предоставляемых участникам платежной системы Банка России. Реализация Концепции будет осуществляться в два этапа.

На первом этапе – формируется федеральная компонента, а также совершенствуется система БЭСП. Реализация первого этапа позволит: участникам финансовых рынков и операторам частных розничных платежных систем снизить риски за счет завершения расчетов через систему БЭСП денежными средствами, находящимися на счетах в Банке России (для финансовых рын-

ков – с использованием механизмов «поставка против платежа» и «платеж против платежа»); зарубежным банкам (CLS-банк, Euroclear) и российским кредитным организациям осуществлять расчеты в российских рублях через систему БЭСП с использованием системы SWIFT; Банку России реализовать механизм централизованного предоставления ликвидности кредитным организациям в режиме реального времени, а также повысить надежность и снизить издержки функционирования платежной системы Банка России за счет снижения операционных рисков и обеспечения сквозной обработки платежной информации.

На втором этапе – создается единая Система расчетов, предоставляющая услуги по срочным и несрочным платежам всем участникам платежной системы Банка России. Реализация второго этапа позволит расширить функциональные возможности системы БЭСП и федеральной компоненты будут консолидированы в единой, централизованной на федеральном уровне системе расчетов Банка России. Будет обеспечена возможность проведения срочных и несрочных платежей участников с их банковских счетов в рамках общей ликвидности, что позволит ее участникам (прежде всего кредитным организациям, имеющим филиалы, Федеральному казначейству и его территориальным органам) повысить эффективность использования ликвидности за счет ее консолидации на едином банковском счете в Банке России.

Реализация Концепции позволит создать надежную, прозрачную, доступную и удобную в использовании платежную систему Банка России, обеспечивающую: повышение эффективности проведения единой государственной денежно-кредитной политики за счет осуществления в режиме реального времени расчетных операций по ее реализации; повышение устойчивости банковской системы Российской Федерации к распространению рисков путем осуществления контроля их возникновения и локализации со стороны Банка России; создание условий, способствующих повышению эффективности функционирования национальных финансовых рынков, в том числе за счет использования принятых в международной практике надежных механизмов расчетов по заключенным сделкам; расширение возможностей кредитных организаций и их клиентов по использованию расчетных услуг Банка России при сокращении издержек на проведение платежей; предоставление Федеральному казначейству новых возможностей для эффективного решения задач при осуществлении контроля доходной части и управления расходной частью федерального бюджета.

В качестве резюме отметим, что тенденции развития платежной системы России примерно аналогичны общемировым и направлены на приведение в соответствие с требованиями XXI века в области информационных технологий.

Литература

1. *Ануреев С.В.* Платежные системы и их развитие в России. М.: Финансы и статистика, 2004. 288 с.
2. *Байдукова Н.В.* Анализ и оценка организационно-технического обеспечения (ОТО) платежных систем // Проблемы современной экономики. 2007. № 2 (22).
3. *Байдукова Н.В.* Связь электронных денег и платежных систем // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 8 (46).

4. Бюллетень ФРС. Т. 77 / Пер. с англ. М., 1992. С. 7.
5. Долан Э. Дж., Кэмпбелл К. Д., Кэмпбелл Р. Дж. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Пер. с англ., под общ. ред. В.В. Луказевича. М.: Профико, 1991. С. 16.
6. Кочетков В.Н., Нелепа И.Г., Бондарева О.В., Басюк Н.Б. Современная система денежных расчетов. 3-е изд., перераб. и доп. К.: Европ. ун-т (финансы, информ. системы, менеджм. и бизнес), 2000. 179 с.
7. Общая теория денег и кредита / Под ред. Е.Ф. Жукова. М., 1995. С. 85.
8. Платежная система: структура, управление и контроль / Под ред. Брю Д. Саммерса. МВФ, 1993. С. 11.
9. Усоскин В.М. Банковские пластиковые карточки. М.: Ваззар-Ферра, 1995. С. 6.

Bibliography

1. Anureev S.V. Platezhnye sistemy i ih razvitie v Rossii. М.: Finansy i statistika, 2004. 288 p.
2. Bajdukova N.V. Analiz i ocenka organizacionno-tehnicheskogo obespechenija (OTO) platezhnyh sistem // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2007. № 2 (22).
3. Bajdukova N.V. Svjaz' jelektronnyh deneg i platezhnyh sistem // Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta. 2005. № 8 (46).
4. Bjulleten' FRS. T. 77 / Per. s angl. М., 1992. P. 7.
5. Dolan Je. Dzh., Kjempbell K.D., Kjempbell R. Dzh. Den'gi, bankovskoe delo i denezhno-kreditnaja politika / Per. s angl., pod obw. red. V.V. Lukazevicha. М.: Profiko, 1991. P. 16.
6. Kochetkov V.N., Nelepa I.G., Bondareva O.V., Basjuk N.B. Sovremennaja sistema denezhnyh raschetov. 3-e izd., pererab. i dop. К.: Evrop. un-t (finansy, inform. sistemy, menedzhm. i biznes), 2000. 179 p.
7. Obwaja teorija deneg i kredita / Pod red. E.F. Zhukova. М., 1995. P. 85.
8. Platezhnaja sistema: struktura, upravlenie i kontrol' / Pod red. Brju D. Sammersa. MVF, 1993. P. 11.
9. Usoskin V.M. Bankovskie plastikovyje kartochnki. М.: Vazzar-Ferra, 1995. P. 6.

УДК 338.46

СФЕРА УСЛУГ: ОЦЕНКИ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**В.С. Золотаренко**Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: stat@nsuem.ru

В статье рассматриваются проблемы оценки вклада сферы услуг в макропоказатели экономики страны, проведены расчеты отраслевой структуры валовой добавленной стоимости Российской Федерации за 1995–2010 гг. и ее структуры по видам экономической деятельности; предложена типологическая группировка видов услуг с позиций мультипликативных воздействий на отдельные уровни народного хозяйства; построена матрица портфельного анализа, с помощью которой выполнены оценки перспектив развития туристической отрасли для отдельных регионов; в качестве информационной базы использованы официальные данные государственной статистики.

Ключевые слова: сфера услуг, классификация, портфельный анализ, мультипликативный эффект.

SERVICES SECTOR: EVALUATIONS, TRENDS, OUTLOOK**V.S. Zolotarenko**Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: stat@nsuem.ru

The article considers issues of evaluation of services sector contribution to macro figures of national economy. Calculations of sectoral structure and economic activity structure, gross value added of the Russian Federation in 1995–2010 are made. Typological grouping of types of service in terms of multiplicative influence on single levels of economics is offered. The portfolio analysis matrix is made. Evaluations of outlook for separate regions are made by virtue of the matrix. Official figures of government statistics are used as information data base.

Key words: services sector, classification, portfolio analysis, multiplicative effect.

Введение. В современной научной литературе достаточно подробно рассматриваются вопросы, связанные с теоретическими и методологическими аспектами исследований сферы услуг: обсуждается и уточняется понятийный аппарат; предлагаются разнообразные классификации услуг, позволяющие расширить представление о сущности и содержании этой сферы деятельности. Однако следует отметить, что большинство из этих подходов мало что добавляют в прикладном аспекте. Используя их, очень сложно перейти к конкретным экономическим измерениям, которые могут быть основой принятия управленческих решений по развитию данной сферы деятельности.

В этой связи при определении сферы услуг в дальнейшем будем придерживаться содержания, которое вложено в это понятие системой национальных счетов – СНС 1993 (раздел VI. Счет производства, В. Производство, Товары и услуги), а именно:

– «6.6. ...Можно выделить два основных вида продукции, а именно товары и услуги, анализ характеристик которых позволяет провести границу между

теми видами деятельности, которые являются производительными в экономическом смысле, и всеми остальными.

– 6.8. Услуги не могут принимать форму материальных объектов, на которые могли бы распространяться права собственности. Реализация услуг и их производство неотделимы друг от друга. Услуги представляют собой результат разнородной деятельности, осуществляемой производителями по заказу потребителей и обычно ведущей к изменению состояния единиц, потребляющих эти услуги. Момент завершения производства услуг совпадает с моментом предоставления этих услуг потребителям.

– 6.9. Производство услуг ограничивается только той деятельностью, которая может выполняться одной единицей в интересах другой единицы. В противном случае, не развивалась бы сфера услуг, и не существовало бы рынков услуг. Вместе с тем единица может производить услуги для собственного потребления, однако эти услуги должны быть таковы, что их могла бы производить другая единица и т.д.»

Безусловно, данный подход не безупречен в части адекватности содержания сферы услуг, однако его преимущества очевидны. Во-первых, эти определения переведены в систему конкретных параметров с четко прописанной методологией их расчета, осуществляется статистическое наблюдение происходящих процессов, позволяющее получить оценки развития той или иной сферы услуг, определять тенденции их изменения. Во-вторых, и это главное, данный подход позволяет помимо всего прочего оценить также уровень относительности выполненных оценок, примерные интервалы отклонений, а в-третьих, он обеспечивает сопоставимость выполненных измерений.

В данной работе рассмотрим несколько аспектов исследования сферы услуг, в частности:

- вклад сферы услуг в основные макропоказатели экономики и тенденции его изменения;
- классификацию видов услуг с позиций мультипликативных воздействий на отдельные уровни народного хозяйства [4].

Сфера услуг России, тенденции развития. До 2002 г. отраслевая структура валового внутреннего продукта Российской Федерации характеризовалась долями отраслей в соответствии с Общероссийским классификатором отраслей народного хозяйства (ОКОНХ). В составе отраслей выделялись отрасли, производящие товары; рыночные услуги; нерыночные услуги.

К отраслям, производящим товары, относились промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, строительство, прочие виды деятельности по производству товаров.

Остальные отрасли относились к отраслям, оказывающим услуги. Рыночные услуги включали все услуги, реализуемые на рынке по экономически значимым ценам. Услуги, финансируемые полностью или в значительной степени за счет государственного бюджета, внебюджетных фондов, средств предприятий и организаций, некоммерческих организаций, относились к нерыночным услугам.

Данные об отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) Российской Федерации (РФ) в основных ценах, представленные в табл. 1, свидетельствуют о преобладании отраслей, оказывающих услуги, и о постепенном увеличении их доли в суммарном объеме ВДС. К 2004 г. доля отраслей,

оказывающих услуги, в суммарном объеме ВДС РФ увеличилась до 59,0% против 55,4% в 1995 г. Обращает на себя внимание тот факт, что рост услуг в структуре ВДС происходит за счет повышения доли рыночных услуг (с 44,4 до 48,6%) при сокращении доли нерыночных услуг (с 11 до 10,4%).

Таблица 1

**Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 1995–2004 гг.
в текущих ценах (% к итогу)**

	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
1	2	3	4	5	6	7
ВДС в основных ценах	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе:						
Производство товаров	44,6	35,0	42,9	40,6	40,2	41,0
из него в отраслях:						
Промышленность	27,8	31,4	28,1	27,1	26,7	28,0
Сельское хозяйство	7,1	6,4	6,5	5,7	5,4	5,0
Лесное хозяйство	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Строительство	9,1	6,6	7,5	6,9	7,2	7,2
Прочие виды деятельности по производству товаров	0,5	0,5	0,7	0,8	0,8	0,7
Производство услуг	55,4	55,0	57,1	59,4	59,8	59,0
из него:						
Рыночные услуги в отраслях:	44,4	46,6	48,1	48,4	48,8	48,6
Транспорт	10,7	7,5	7,7	7,2	7,0	6,6
Связь	1,5	1,5	1,6	1,8	1,9	2,0
Торговля, общественное питание и заготовки	21,0	23,7	22,5	22,1	22,1	22,0
Информационно-вычислительное обслуживание	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3
Операции с недвижимым имуществом	1,5	3,2	4,0	3,9	4,3	4,6
Общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка	1,4	3,7	3,7	4,0	3,5	3,4
Геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая службы	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Организации, обслуживающие сельское хозяйство	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Шоссейное хозяйство	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Жилищное хозяйство	1,5	0,9	0,9	1,1	1,1	1,1
Коммунальное хозяйство	2,1	1,3	1,5	1,4	1,5	1,3
Непроизводственные виды бытового обслуживания населения	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2
Финансы, кредит, страхование	1,8	1,4	2,5	3,1	3,4	3,7
Наука и научное обслуживание	0,7	0,8	1,0	1,0	1,1	1,0
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	0,5	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8
Образование	0,2	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5
Культура и искусство	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4
Управление	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3	0,2

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Нерыночные услуги в отраслях:	11,0	8,4	9,0	11,0	11,0	10,4
Геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая службы	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Жилищное хозяйство	0,8	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Организации, обслуживающие сельское хозяйство	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Наука и научное обслуживание	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	2,1	1,4	1,5	2,2	2,0	1,9
Образование	2,7	1,9	2,0	2,8	2,6	2,4
Культура и искусство	0,4	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2
Управление (включая оборону)	4,3	4,2	4,6	4,9	5,4	5,2
Общественные объединения	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2

Начиная с итогов за 2004 г. отраслевая структура ВВП характеризуется в разрезе хозяйственных видов экономической деятельности в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОК-ВЭД). По аналогии с ОКОНХ к производству товаров будем относить следующие виды деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство.

Остальные виды деятельности соответственно будут относиться к оказанию услуг. Исходя из этого можно утверждать, что в структуре экономики РФ по-прежнему преобладают виды деятельности, ориентированные на оказание услуг. Их доля в суммарном объеме ВДС в 2010 г. составляла 59,3%. Отметим также, что данная тенденция характерна практически для всех регионов России (табл. 2).

Таблица 2

Структура валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности в 2004–2010 гг. в текущих ценах (% к итогу)

		2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	ВДС в основных ценах	100						
Раздел А	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,2	4,7	4,3	4,2	4,2	4,4	3,8
Раздел В	Рыболовство, рыбоводство	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2
Раздел С	Добыча полезных ископаемых	9,5	11,1	10,9	10,1	9,3	8,9	10,4
Раздел Д	Обрабатывающие производства	17,5	18,3	17,9	17,6	17,4	14,6	16,4
Раздел Е	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,7	3,3	3,2	3,0	2,9	4,0	4,2

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Раздел F	Строительство	5,7	5,3	5,2	5,7	6,3	6,2	5,7
Раздел G	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	20,2	19,5	20,2	20,3	20,3	18,2	18,2
Раздел H	Гостиницы и рестораны	0,9	0,9	0,9	1,0	1,0	1,0	1,0
Раздел I	Транспорт и связь	11,1	10,2	9,8	9,7	9,3	9,6	9,7
Раздел J	Финансовая деятельность	3,2	3,8	4,3	4,4	4,4	5,1	4,4
Раздел K	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	9,5	9,9	10,0	10,9	11,3	12,2	11,4
Раздел L	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	5,4	5,2	5,2	5,1	5,4	6,5	6,2
Раздел M	Образование	2,7	2,7	2,7	2,7	2,8	3,4	3,1
Раздел N	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,2	3,0	3,3	3,3	3,4	4,0	3,7
Раздел O	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,7	1,6

Классификация видов услуг с позиций мультипликативных воздействий на отдельные уровни народного хозяйства. В экономической научной литературе достаточно серьезные позиции имеет точка зрения (особенно это касается западных публикаций конца прошлого столетия), что ускоренное развитие видов экономической деятельности, связанных с услугами, тормозит рост эффективности труда во всем народном хозяйстве, так как научно-технический прогресс в основном направлен на инновации в материальное производство.

В действительности вопрос далеко не праздный – как оценить полученные нами тенденции роста вклада сферы услуг в макропоказатели страны, ее отдельных регионов в последние годы хотя бы на качественном уровне, оказывают они позитивное или негативное воздействие на развитие экономики? Попытаемся ответить на этот вопрос с помощью классификации видов услуг с позиций мультипликативных воздействий на экономику. Будем считать, что степень и характер проявления мультиплицирующего воздействия вида услуг определяется двумя типобразующими признаками:

- территориальным разрезом – мировой, национальный, региональный, муниципальный;
- уровнем актуальности отдельного вида экономической деятельности сферы услуг, например, традиционный, новый, инновационный.

Для классификации укрупненных групп видов деятельности по ОКВЭД (их девять – G, H, I, J, K, L, M, N, O) достаточно будет группировки 2×2 в системе номинальных признаков, X – актуальность вида деятельности (X1 – тра-

диционный, X2 – новый), У – территориальный разрез (У1 – национальный, У2 – региональный). Построим матрицу портфельного анализа «Уровень территории – Актуальность вида деятельности» [2, 3] (см. рисунок).

	Традиционный	Новый
Национальный	1-й квадрант L – Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование N – Здравоохранение и предоставление социальных услуг M – Образование O – Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2-й квадрант I – Транспорт и связь O – Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг в части: научные общества (код 91) K – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг в части: научные исследования и разработки (код 73)
Региональный	3-й квадрант H – гостиницы и рестораны G – Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования I – Транспорт и связь в части: деятельности туристических агентств (код ОКВЭД-63.3)	4-й квадрант K – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг J – финансовая деятельность

Матрица «Уровень территории – Актуальность вида деятельности»

В общем случае принято считать, что традиционные виды экономической деятельности в сфере услуг снижают общественную эффективность труда, соответственно для них характерны отрицательные эффекты мультипликации (исключение – мультипликатор занятости). В то же время ряд исследований показывает, что новые виды услуг, например, такие как научные исследования, финансовые услуги, операции с недвижимостью, информационные услуги оказывают мультиплицирующий эффект даже больший, чем отрасли материального производства [5]. Однако следует отметить, что в периоды кризисов почти все виды деятельности сферы услуг увеличивают позитивную составляющую своего воздействия на экономику территории, прежде всего сфера услуг в силу своей большей устойчивости играет роль амортизатора негативного воздействия кризисов (лучшие инвестиции в кризис – в образование и т.п.).

Полученное разбиение (см. рисунок) имеет достаточно условный характер, вследствие как особенностей построения ОКВЭД, так и воздействия турбулентности развития экономики. Например, для российского народного хозяйства G – Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, имеет выраженную тенденцию перехода с регионального на национальный уровень (транснациональные и национальные розничные сети). Туристические услуги своей основной учетной компонентой (деятельность туристических агентств) проходят по виду I – Транспорт и связь, в то же время они присутствуют в H (гостиницы и рестораны), N (Здравоохранение и предоставление социальных услуг) и некоторых других видах деятельности сферы услуг, по которым раздельного статистического наблюдения в настоящий момент не ведется. Тем

не менее уже в данном формате матрица «Уровень территории – Актуальность вида деятельности» позволяет проводить сравнительный анализ целесообразности развития тех или иных видов услуг для конкретных территорий. В частности, возвращаясь к туристическим услугам, отметим, что ориентация их развития на национальный уровень, может иметь серьезные негативные последствия для экономики страны. Примером может служить развитие ситуации в Греции и Египте, странах, в которых по некоторым оценкам вклад туризма в ВВП с учетом мультипликативного эффекта в последние годы перешел черту 50%.

Если проводить сравнение по туристическим услугам на региональном уровне, скажем, для таких субъектов, как Республика Алтай и Новосибирская область (тот и другой имеет региональные программы развития туризма, как, впрочем, и большинство других российских субъектов Федерации), то следует отметить, для Республики Алтай развитие туризма – благо, так как на территории этой республики высокотехнологичные и эффективные виды сферы услуг, такие как наука, финансовые услуги, операции с недвижимым имуществом, практически не представлены. В то время как для Новосибирской области с развитой системой научных исследований и разработок, широко представленными видами сферы услуг К и J ускоренное развитие туристической отрасли на региональном уровне – шаг назад для экономики области, целесообразней этот вопрос решать на уровне отдельных муниципальных образований.

Литература

1. *Апарин Н.С., Мымрикова Л.С., Рябушкин Б.Т.* Платные услуги населению в сфере туризма в системе макроэкономических расчетов (региональный уровень) // Вопросы статистики. 2008. № 4. С. 19–27.
2. *Глинский В.В.* Портфельный анализ: сущность и применение // Финансы и бизнес. 2008. № 4. С. 105–109.
3. *Глинский В.В., Гусев Ю.В., Золотаренко С.Г., Серга Л.К.* Портфельный анализ в типологии данных: методология и применения в поддержке управленческих решений // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 25–53.
4. *Глинский В.В., Серга Л.К., Золотаренко В.С., Щербак И.В., Мызин А.А.* К вопросу оценки мультипликативного эффекта отрасли // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 102–110.
5. *Коледа А.В., Семькина И.О.* Эволюция отраслевой структуры экономики города // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 70–86.

Bibliography

1. *Aparin N.S., Mymrikova L.S., Rjabushkin B.T.* Platnye uslugi naseleniju v sfere turizma v sisteme makroekonomicheskikh raschetov (regional'nyj uroven') // Voprosy statistiki. 2008. № 4. P. 19–27.
2. *Glinskij V.V.* Portfel'nyj analiz: suwnost' i primenenie // Finansy i biznes. 2008. № 4. P. 105–109.
3. *Glinskij V.V., Gusev Ju.V., Zolotareno S.G., Serga L.K.* Portfel'nyj analiz v tipologiiidannyh: metodologija i primenenija v podderzhke upravlencheskih reshenij // Vestnik NGUJeU. 2012. № 1. P. 25–53.
4. *Glinskij V.V., Serga L.K., Zolotareno V.S., Werbak I.V., Myzin A.A.* K voprosu ocenki mul'tiplikativnogo jeffekta otrasli // Vestnik NGUJeU. 2011. № 2. P. 102–110.
5. *Koleda A.V., Semykina I.O.* Jevoljucija otraslevoj struktury jekonomiki goroda // Region: jekonomika i sociologija. 2011. № 4. P. 70–86.

БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА

УДК 330.47

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ВЫБОРА МОДЕЛИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Н.Н. Савиных, Л.К. Бобров

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
e-mail: savinyh@nsuem.ru, bobrov@nsuem.ru

Приведен краткий обзор известных моделей жизненного цикла программных продуктов, в частности, каскадной, прототипирования, инкрементной, спиральной, модели быстрой разработки приложений. Рассматриваются распространенные подходы и методики выбора модели жизненного цикла. Дается математическая постановка задачи выбора модели и сравнительный анализ существующих методик. Предложено создание методики, суммирующей положительные особенности и нивелирующей недостатки рассмотренных методик.

Ключевые слова: информационные системы, жизненный цикл, модели.

COMPARATIVE ANALYSIS OF LIFE CYCLE MODEL SELECTION PROCEDURES

N.N. Savinykh, L.K. Bobrov

Novosibirsk State University of Economics and Management
e-mail: savinyh@nsuem.ru, bobrov@nsuem.ru

A brief review of known life cycle models of software products (cascade, prototyping, increment, spiral, rapid application development) is presented. Accepted approaches and life cycle model selections procedures are considered. Mathematical statement of the problem of model selection and comparative analysis of the existing methodologies is given. A creation of methodology that summarizes positive features and aligns shortfalls of the examined methodologies was offered.

Key words: information systems, life cycle, models.

Введение

Известная исследовательская компания Standish Group, регулярно выпускающая отчет о состоянии дела в ИТ-индустрии, из года в год своими исследованиями подтверждает, что доля ИТ-проектов, завершившихся успешно, незначительно больше доли провалившихся проектов (например, в 2008 г. 32% ИТ-проектов завершились успешно, 44% испытали различные трудности (превысили бюджет, выпали из сроков и пр.), 24% проектов просто провалились) [7].

Факторов, влияющих на успешность выполнения проекта, очень много. Основные ошибки, которые позднее приводят к провалу проекта, совершаются на ранней стадии, когда определяются участники проекта, выбираются средства реализации, анализируются риски [2] и т.д. В том числе на этой стадии принимается решение о модели жизненного цикла, которая определяет, каким образом будут выполняться действия по разработке программного продукта, в какой последовательности должны выполняться эти действия, регламентирует методы и процедуры выполнения самих работ, а также определяет состав и содержание документации.

Выбор модели жизненного цикла, подходящей для реализации конкретного проекта, может существенно повлиять на такие его значимые показатели как бюджет, сроки и качество. Модель жизненного цикла определяет эффективность процесса разработки, правильность организации управления этим процессом, планирования и контроля сроков реализации, распределения работ между разработчиками и т.п., и таким образом уменьшить риски провала проекта, связанные со сроками и бюджетом. Что касается влияния выбора модели жизненного цикла на качество программного продукта, то поскольку все действия по обеспечению качества планируются и осуществляются с учетом особенностей выбранной модели, неправильный ее выбор может привести к выпуску продукции, которая не будет удовлетворять требованиям заказчика, а из-за несоответствующего качества станет неконкурентоспособной на рынке программной продукции [6].

Таким образом, корректно выбранная модель жизненного цикла является основой для эффективной и качественной организации процесса разработки, а в результате и для качественно разработанной программной продукции.

Краткий обзор известных моделей жизненного цикла

В настоящее время известно большое количество моделей жизненного цикла, но наиболее распространенными являются: каскадная, прототипная, инкрементная, спиральная и модель быстрой разработки приложений.

Каскадная модель жизненного цикла. Процесс создания программного продукта разбит на последовательные этапы: планирование, формирование требований, анализ и проектирование, конструирование, интеграция и тестирование, поддержка и эксплуатация. Для участников проекта модель хороша тем, что позволяет им, завершив работу на своем этапе, принять участие в реализации других проектов. Но при использовании данной модели полностью готовый продукт появляется лишь на последних этапах разработки, когда внести какие-либо изменения в проект без существенных дополнительных затрат практически невозможно.

Модель прототипирования. Особенностью данной модели является то, что заказчик начинает знакомиться с системой на ранних этапах разработки. Создание прототипов позволяет улучшить взаимопонимание между всеми участниками процесса и свести к минимуму риск получения продукта, не соответствующего выдвигаемым требованиям. Но в то же время существует опасность затягивания фазы прототипирования, что может привести к удорожанию проекта за счет включения незапланированных дорогостоящих итераций прототипирования.

Инкрементная модель жизненного цикла. Инкремент представляет собой полный цикл работ от детализации проекта до эксплуатации и сопровождения. В результате выполнения каждого инкремента получается готовый продукт, при этом сначала осуществляется реализация основных функциональных задач, что снижает риски неудачи и изменения требований. В то же время деление на функциональные блоки в целом замедляет процесс, так как возникает необходимость обеспечения их взаимодействия.

Спиральная модель жизненного цикла. Данная модель ориентирована на разрешение проблем, связанных с внесением изменений в требования заказчика. Отличительной особенностью данной модели является повышенное внимание к анализу рисков, влияющих на организацию жизненного цикла, что является и недостатком данной модели, так как оценка рисков после прохождения каждой спирали связана с большими затратами и для качественной оценки рисков необходимы высокопрофессиональные знания.

Модель быстрой разработки приложений (Rapid application development). Использование данной модели предусматривает активное участие пользователя на всех этапах жизненного цикла разработки приложения, что в свою очередь позволяет минимизировать риск его неудовлетворенности полученным результатом. Данная модель применяется преимущественно в очень крупных проектах, где уделяется большое внимание этапам анализа и проектирования, а также жестко контролируется соблюдение разработчиками установленных правил и требований.

Все модели жизненного цикла имеют свои достоинства и недостатки, поэтому очень важно выбрать для реализации проекта такую модель, которая в наибольшей степени отвечает характеру проекта и реальным условиям его реализации. При этом необходимо иметь в виду, что для каждого конкретного проекта состав и последовательность этапов разработки могут существенно отличаться, поскольку необходимо учитывать многие факторы, например, такие как особенности эксплуатации, окружение проекта, наличие различных ограничений, численность и квалификация персонала и т.д. [6].

Выбор модели жизненного цикла: подходы и методики

Рассмотрим два основных подхода к выбору модели жизненного цикла: анализ рынка (Trade Analysis) и аддитивный подход с использованием весовых коэффициентов (Basic Additive Weighting) [5].

В основе первого подхода лежит оценка альтернатив на основе использования равнозначных критериев. Все критерии делятся на «обязательные» (да/нет) и «желательные». Если альтернативное предложение не выполняет требования хотя бы одного из «обязательных» критериев, эта альтернатива автоматически убирается из рассмотрения. Оставшиеся варианты оцениваются по «желательным» критериям, и предложение, набравшее наибольшее количество баллов, «побеждает». Плюсом такого подхода является его простота, однако без определения степени важности критериев выбора может сложиться ситуация, когда решение будет принято на основании второстепенных критериев. На таком подходе базируются:

- методика выбора модели жизненного цикла на основе анализа критериев;
- методика выбора на основе анализа отличительных категорий проектов;
- методика выбора при нечетких данных.

Аддитивный подход предполагает последовательную реализацию следующих шагов: выбор критериев оценки и оцениваемых альтернатив, ранжирование относительной важности каждого критерия и определение весовых коэффициентов, оценка критериев для альтернатив, подсчет сумм взвешенных значений критериальных оценок. Согласно данному подходу выбирается та альтернатива, которая доставляет максимум суммы взвешенных критериальных оценок.

Данный подход хорош тем, что принятие решения происходит на основании оцифрованного результата, но сама расстановка весовых коэффициентов может вызывать существенные трудности, один из путей преодоления которых состоит в применении экспертных оценок. На описанном подходе базируется методика выбора модели жизненного цикла на основе анализа весовых коэффициентов.

Рассмотрим указанные методики подробнее.

Методика выбора на основе анализа критериев.

В основе данной методики [6] лежит использование таблицы, где по заданным критериям даются качественные оценки четырех моделей жизненного цикла – каскадной, V-образной, спиральной и прототипной (табл. 1). Согласно данной методике наиболее приемлемой моделью жизненного цикла будет являться та, в соответствующем столбце которой выбрано большее число оценок.

Таблица 1

Иллюстрация методики выбора модели жизненного цикла на основе анализа критериев

Критерии выбора	Каскадная	V-образная	Спиральная	Прототипная
Длительность приложений	Средняя	Средняя	Длинная	Краткая
Дискретность изменений требований	Большая	Большая	Малая	Малая
Доступность ресурсов	Высокая	Низкая	Некая	Некая
Легкость использования	Просто	Просто	Сложно	Просто
Качество результатов	Заново	Заново	Сохраняемое	Сохраняемое
Изменчивость требований	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая
Неизвестные требования	Нет	Нет	Да	Да
Непрерывность изменений требований	Малая	Малая	Большая	Малая
Неопределенность требований	Нет	Нет	Да	Да
Продуктивность приложений	Высокая	Высокая	Высокая	Низкая
Повторная используемость	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая
Сложность проекта	Низкая	Низкая	Высокая	Средняя
Стоимость будущих версий	Высокая	Высокая	Низкая	Низкая
Стоимость приложений	Низкая	Низкая	Высокая	Низкая
Технология производства	Готовая	Готовая	Новая	Новая
Управление рисками	Нет	Нет	Да	Да
Функциональные потребности приложения	Конкретные	Конкретные	Неопределенные	Неопределенные

Основным недостатком данной методики является краткая формулировка критериев, из-за неверной интерпретации которых может быть выбран неверный ответ. Кроме того, эксперт может быть не согласен с оценками моделей жизненного цикла, предложенными авторами. Неопределенность некоторых оценок также усложняет выбор модели.

Методика выбора на основе анализа отличительных категорий проектов – самая известная методика выбора приемлемой модели жизненного цикла разработки информационных систем [4]. Авторы методики выделили 4 категории, по которым предполагается анализировать проект: требования, команда разработчиков, коллектив пользователей, тип проекта и риски.

В данной методике каждый критерий сформулирован в виде вопроса, на который возможно ответить только положительно (да) или отрицательно (нет). Здесь рассматривается 6 моделей жизненного цикла: каскадная, V-образная, прототипная, спиральная, RAD-модель, инкрементная. Все модели по разработанным авторами критериям ими уже оценены, а результаты оценки, сформулированные в виде слов «да» и «нет» расположены на пересечении строк и столбцов таблиц всех соответствующих категорий (табл. 2). По завершении оценки каждой категории авторы методики предлагают ранжировать по степени важности для лица, принимающего решение, сами категории или критерии каждой категории. Данное упорядочивание предлагается ими для разрешения возможных противоречий, возникающих в случае получения сходных показателей по нескольким моделям.

Таблица 2

**Выбор модели жизненного цикла на основе анализа категории
«Коллектив пользователей»**

Критерий	Модель					
	Каскад- ная	V-образ- ная	Прото- типная	Спираль- ная	RAD	Инкре- ментная
Будет ли присутствие пользователей ограничено в жизненном цикле?	Да	Да	Нет	Да	Нет	Да
Будут ли пользователи знакомы с определением системы?	Нет	Нет	Да	Да	Нет	Да
Будут ли пользователи ознакомлены с проблемами предметной области?	Нет	Нет	Да	Нет	Да	Да
Будут ли пользователи вовлечены во все фазы жизненного цикла?	Нет	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Будет ли заказчик отслеживать ход выполнения проекта?	Нет	Нет	Да	Да	Нет	Нет

Основным недостатком данной методики является то, что в ряде случаев нельзя однозначно ответить на какой-либо вопрос при анализе категории и в результате может возникнуть ситуация, когда несколько моделей будут рекомендованы как наиболее подходящие для реализации проекта, т.е. между ними также необходимо будет делать выбор. Кроме того, список критериев оценки ограничен определенным кругом вопросов, который в случае анализа некоторых проектов может оказаться недостаточно полным.

Формальная постановка задачи выбора модели на основе анализа отличительных категорий проектов. В общем случае задачу выбора приемлемой модели жизненного цикла в соответствии с приведенной методикой можно представить следующим образом.

Пусть имеется множество альтернатив решения проблемы $A = \{a_1, a_2, \dots, a_i, \dots, a_m\}$, которое в нашем случае можно трактовать как множество моделей жизненного цикла разработки информационной системы. Также известно и множество критериев оценки альтернатив (моделей) $Q = \{q_1, q_2, \dots, q_j, \dots, q_n\}$.

Введем переменную x_{ij} – оценка j -й альтернативы по i -му критерию.

Тогда для каждой анализируемой категории критериев получаем матрицу решений, представленную на рис. 1.

	a_1	a_2	...	a_m
q_1	x_{11}	x_{12}	...	x_{1m}
q_2	x_{21}	x_{22}	...	x_{2m}
...
q_n	x_{n1}	x_{n2}	...	x_{nm}

Рис. 1. Матрица решений

Поскольку каждой альтернативе a_i авторами методики уже выставлена оценка x_{ij} по всему множеству критериев Q , то пусть

$$x_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если ответ эксперта совпадает с выставленной оценкой (см. табл. 2),} \\ 0, & \text{если ответ эксперта не совпадает с выставленной оценкой.} \end{cases}$$

Тогда $P_{kj} = \sum_i x_{ji}$ – суммарная оценка j -й альтернативы k -й категории критериев. То есть таблица анализа по категории критериев «Коллектив пользователей» будет иметь следующий вид (табл. 3).

Таблица 3

Матрица решений на основе анализа категории «Коллектив пользователей»

Критерий		Модель					
		Каскадная (a_1)	V-образная (a_2)	Прототипная (a_3)	Спиральная (a_4)	RAD (a_5)	Инкрементная (a_6)
1	Будет ли присутствие пользователей ограничено в жизненном цикле?	1	1	0	1	0	1
2	Будут ли пользователи знакомы с определением системы?	1	1	0	0	1	0
3	Будут ли пользователи ознакомлены с проблемами предметной области?	0	0	1	0	1	1
4	Будут ли пользователи вовлечены во все фазы жизненного цикла?	1	1	0	1	0	1
5	Будет ли заказчик отслеживать ход выполнения проекта?	0	0	1	1	0	0

То есть по результатам анализа по i -й категории критериев наиболее подходящей альтернативой a_j будет та, для которой выполняется условие: $\max P_{kj}$. Соответственно, в результате анализа по всем категориям критериев наиболее подходящей будет та j -я альтернатива, которая доставляет $\max = \sum_{k=1}^4 P_{kj}$.

Методика выбора на основе анализа весовых коэффициентов. Данная методика позволяет устранить недостатки описанной выше методики на основе анализа четырех отличительных категорий проекта [1]. Прежде всего, чтобы сделать выбор модели жизненного цикла более обоснованным, авторы предлагают расширить список критериев для категории «Тип проекта и риски», включив в него некоторые критерии из стандарта ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 12182-2002, например, такие как масштаб и стабильность продукта проекта.

Методику выбора модели жизненного цикла на основе анализа весовых коэффициентов предлагают применять на заключительном этапе выбора на основе анализа 4 категорий критериев, когда после ранжирования всех критериев мы получаем сходные или одинаковые результаты для нескольких моделей. В такой ситуации авторы предлагают проводить процедуру выбора следующим образом.

1. Прежде всего, необходимо каждой из четырех категорий критериев присвоить значение весового коэффициента W_k (где k – номер категории критериев), причем сумма всех коэффициентов должна равняться единице, т.е. $\sum_{k=1}^4 W_k = 1$. Все значения весовых коэффициентов должны расставляться с учетом особенностей конкретного проекта.

2. Затем необходимо присвоить значение весовых коэффициентов V_{kj} каждому критерию в рамках каждой категории, причем сумма всех коэффициентов внутри каждой категории также должна равняться единице, т.е. $\sum_{j=1}^{n_k} V_{kj} = 1$ (где n_k – количество критериев в k -й категории, j – порядковый номер критерия k -й категории). Таким образом, авторы модифицирует таблицу критериев по сравнению с исходным методом (табл. 4).

Таблица 4

Модифицированная таблица критериев категории «Коллектив пользователей» ($k=3$)

№ п/п	Критерий	Вес критериев V_{3j}	Модель					
			Каскадная	V-образная	Прототипная	Спиральная	RAD	Инкрементная
1	Будет ли присутствие пользователей ограничено в жизненном цикле?	0,15	<u>Да</u>	<u>Да</u>	Нет	<u>Да</u>	Нет	<u>Да</u>
2	Будут ли пользователи знакомы с определением системы?	0,13	Нет	Нет	<u>Да</u>	<u>Да</u>	Нет	<u>Да</u>
j
n_4-1	Будут ли пользователи вовлечены во все фазы жизненного цикла?	0,05	Нет	Нет	<u>Да</u>	Нет	<u>Да</u>	Нет
n_4	Будет ли заказчик отслеживать ход выполнения проекта?	0,03	Нет	Нет	<u>Да</u>	<u>Да</u>	Нет	Нет
	Суммарный вес P_{m4}	1	0,18	0,40	0,61	0,70	0,28	0,55

3. На следующем шаге необходимо подсчитать суммарный вес P_{mk} m -й модели жизненного цикла для анализируемой k -й категории критериев как сумму весовых коэффициентов строк соответствующей таблицы, в которой для данной модели отмечен ответ, т.е. $P_{mk} = \sum_{j=1}^{n_k} V_{kj} \cdot b_{mkj}$, где b_{mkj} – признак выбора j -го критерия k -й категории m -й модели, причем

$$b_{mkj} = \begin{cases} 1, & \text{если ответ по критерию выделен экспертом (см. табл. 4),} \\ 0, & \text{если ответ по критерию не выделен.} \end{cases}$$

4. Далее необходимо посчитать средневзвешенную сумму весов по всем категориям критериев для каждой модели: $P_m = \sum_{k=1}^4 W_k \cdot P_{mk}$.

5. На последнем шаге необходимо сравнить между собой получившиеся суммарные веса моделей. Наиболее приемлемой моделью жизненного цикла (МЖЦ) анализируемого проекта будет являться модель с наибольшим суммарным весом, т.е. $\max P_m$.

Следует отметить, что данная методика также имеет ряд недостатков. Процесс расстановки весовых коэффициентов является весьма ответственным, поэтому для его осуществления требуются высококвалифицированные эксперты.

Методика выбора при нечетких данных. Эта методика также была разработана для устранения недостатков описанной выше методики на основе анализа четырех отличительных категорий проектов, а именно того недостатка, что нельзя однозначно ответить на все вопросы категорий [3]. Данная методика предлагает представлять все показатели в виде элементов нечетких множеств для высокого, среднего и низкого уровней, соответствующих понятиям «близко к нулю», «близко к 0,5», «близко к 1». Сама процедура выбора состоит из следующих этапов.

1. Сначала случайным образом моделируются нечеткие данные по каждому показателю с приведенными функциями принадлежности.

2. Затем идет этап кластеризации методом s -средних, на котором устанавливается принадлежность каждой модельной выборки к каждому из кластеров по числу возможных типов жизненного цикла.

3. Далее полученные результаты используются для обучения нейронной сети и этапа распознавания, на котором устанавливаются путем экспертного опроса значения каждого из показателей реального проекта.

4. На следующем этапе вычисляется принадлежность такой выборки к каждому из кластеров, определяющих тип жизненного цикла методом s -средних.

5. На заключительном этапе полученные результаты подаются на вход нейронной сети для соотнесения с определенным типом жизненного цикла.

К недостаткам данной методики можно отнести ее трудоемкость и большие временные затраты на получение рекомендаций по выбору приемлемой МЖЦ. Кроме того, если реализацией проекта занимается небольшая команда специалистов, то для использования описанной выше методики необходимы специальные знания, которых у них может и не быть.

Выводы

Проанализировав приведенные методики, можно сделать вывод о том, что все они достаточно трудоемки и успех их применения зависит от знаний и умений того специалиста, который осуществляет процедуру выбора (табл. 5).

Таблица 5

Сравнение методик выбора МЖЦ

Критерии	Методики			
	на основе анализа критериев	на основе анализа категорий проектов	на основе анализа весовых коэффициентов	при нечетких данных
Рассматриваются ли в методике современные модели ЖЦ?	Нет	Нет	Нет	Возможно их рассмотрение
Необходимы специальные знания для использования методики?	Нет	Нет	Нет	Да
Оценки МЖЦ по критериям (ответы на вопросы) сформулированы однозначно?	Нет	Да	Да	Нет
Необходимо ранжирование критериев?	Нет	Да	Да	Нет
Процедура ранжирования проста?		Нет	Да	
Процедура ранжирования трудоемка?		Да	Да	
Критерии сформулированы четко и ясно?	Нет	Да	Да	Да
Возможность однозначного выбора, если на выходе получается более одной модели	Нет	Нет	Да	Да
Легкость в процедуре оценки важности критерия	Нет	Да	Да	Да

Во всех методиках анализ характеристик проекта проводится относительно классических МЖЦ, в то время как сейчас известно очень много других моделей, в том числе комбинированных. Другим недостатком описанных выше методик является то, что критерии, по которым анализируется проект, не всегда четко сформулированы, из-за чего эксперты либо люди, отвечающие за выбор МЖЦ, могут неверно их интерпретировать, а кроме того, исходя из современного опыта разработок, список критериев можно расширить.

Таким образом, актуальной задачей является создание методики, которая суммировала бы положительные особенности и нивелировала недостатки рассмотренных методик. В частности, представляется немаловажным, чтобы данная методика была бы реализована в виде программного продукта, рассматривала гибридные модели жизненного цикла, имела четко и ясно сформулированные критерии, прозрачную процедуру выбора модели и т.п. В заключение следует отметить, что какая бы методика выбора модели жизненного цикла не использовалась, любую рекомендуемую по результатам процедуры выбора модель необходимо адаптировать под конкретный проект.

Литература

1. *Бахтизин В.В., Глухова Л.А.* Выбор модели жизненного цикла разработки программных средств и систем на основе весовых коэффициентов категорий и критериев классификации проекта // Информатизация образования. 2004. № 4. С. 71–78.
2. *Бобров Л.К., Щеглов Ю.А.* Учет рисков при выборе стратегий управления информационными продуктами и услугами // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 233–243.
3. *Долгов В.М., Новикова Г.Ю.* Выбор приемлемой модели жизненного цикла программного обеспечения при нечетких данных // Вестник Днепропетровского университета, серия «Физика. Радиоэлектроника». 2008. Вып. 15. № 2/1. С. 172–177.
4. *Шафер Д., Фатрелл Р.Т., Шафер Л.И.* Управление программными проектами: достижение оптимального качества при минимуме затрат / Пер. с англ. М.: Вильямс, 2003. 1136 с.
5. *Бабкин А., Беляева Е.* Методики принятия решений при разработке ПО // Открытые системы [Электронный ресурс]. 2007. № 7. URL: <http://www.osp.ru/os/2007/07/4392204/>
6. *Жарко Е.Ф.* Проблемы управления качеством программного обеспечения [Электронный ресурс]. URL: <http://www31.ipu.rssi.ru/0887.pdf>
7. Standish Group Report «CHAOS Summary 2009» [Электронный ресурс]. URL: http://www.standishgroup.com/newsroom/chaos_2009.php

Bibliography

1. *Bahtizin V.V., Gluhova L.A.* Vybor modeli zhiznennogo cikla razrabotki programmnyh sredstv i sistem na osnove vesovyh koeficientov kategorij i kriteriev klassifikacii projekta // Informatizacija obrazovanija. 2004. № 4. P. 71–78.
2. *Bobrov L.K., Weglov Ju.A.* Uchet riskov pri vybore strategij upravlenija informacionnymi produktami i uslugami // Vestnik NGUJeU. 2012. № 2. P. 233–243.
3. *Dolgov V.M., Novikova G.Ju.* Vybor priemlemej modeli zhiznennogo cikla programmnoho obespechenija pri nechetkih dannyh // Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta, serija «Fizika. Radiojelektronika». 2008. Vyp. 15. № 2/1. P. 172–177.
4. *Shafer D., Fatrell R.T., Shafer L.I.* Upravlenie programmnyimi proektami: dostizhenie optimal'nogo kachestva pri minimume zatrat / Per. s angl. M.: Vil'jams, 2003. 1136 p.
5. *Babkin A., Beljaeva E.* Metodiki prinjatija reshenij pri razrabotke PO // Otkrytye sistemy [Jelektronnyj resurs]. 2007. № 7. URL: <http://www.osp.ru/os/2007/07/4392204/>
6. *Zharko E.F.* Problemy upravlenija kachestvom programmnoho obespechenija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www31.ipu.rssi.ru/0887.pdf>
7. Standish Group Report «CHAOS Summary 2009» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.standishgroup.com/newsroom/chaos_2009.php

УДК 620.9:662.6:004.8

ЭКСПЕРТНАЯ ДИАГНОСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ АНАЛИЗА И СЛЕЖЕНИЯ ЗА ИЗМЕНЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ ТУРБОЭНЕРГОУСТАНОВОК

Г.Д. Крохин

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: g.d.krokhin@nsuem.ru

В статье представлена концепция «мягкой» эксплуатации энергоустановок, построенная на основе математических моделей идентификации дефектных состояний. Оптимизация состояний при выборе наилучшего из наихудших режимов, принятие управляющих решений и прогнозирование повышения эффективности использования энергоустановок, включая техническое обслуживание, – составляют основу новой концепции, целью которой является увеличение времени эксплуатации при минимизации расходов на техническое обслуживание.

Ключевые слова: «мягкая», эксплуатация, идентификация состояния, техническое обслуживание, интеллектуальная система, турбоустановка.

EXPERT DIAGNOSTIC MONITORING SYSTEM OF TURBINE POWER PLANTS CONDITION

G.D. Krokhin

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: g.d.krokhin@nsuem.ru

The article presents the concept of «soft» operation of power plants, based on mathematic models of defect state identification. Optimization of states at selection of the best and worst regimes, management decision taking and forecasting of increase of efficiency of power plants use, including maintenance – form the basis of the new concept aimed at the increase of operating time at the minimization of maintenance costs.

Key words: «soft», operation, state identification, maintenance, intelligent system, turbine plant.

Введение

Разрабатываемая система контроля, анализа и слежения (СКАИС) представляет собой комплекс прикладных задач (задачи и программы – 100 п/п), решение которых в темпе слежения за состоянием энергетического оборудования (паротурбинного и газотурбинного) позволяет выполнять полный мониторинг состояния энергоустановки, диагностировать причины снижения экономичности и надежности, определять величину и опасность произошедших изменений и оценить степень риска от продолжения дальнейшей эксплуатации.

Для системы СКАИС проектируется интеллектуальная информационная система, предназначенная для сбора информации с энергетического объекта, обработки и подготовки ее к передаче в цифровом виде в ПЭВМ типа IBM PC/AT. Для выполнения данного проекта представляется техническое задание для Генпроектировщика.

Представлено головное меню разработанной для СКАИС базы данных и знаний, перечень решаемых при наличии информации задач и примеры решения [1, 2].

Общее время, необходимое на доработку, отладку и адаптацию программ к условиям объекта и внедрение на пилотном агрегате составляет 1,5–2,0 года.

Данный комплекс может быть использован также в условиях АСУ ТП ГТУ ЭС (газотурбинных электростанций) в качестве самостоятельной подсистемы диагностики.

В процессе подготовки исходных данных и отладки каждой из проблемных задач результаты решения на ПЭВМ обсуждаются и согласуются с персоналом ГТУ ЭС.

При этом Разработчик осуществляет авторский надзор и сопровождение в течение 6 месяцев после внедрения задач и системы в целом.

Предполагается расширение круга решаемых задач и создание экспертной системы с наполнением базы данных и знаний по договоренности с заказчиком.

Решаемые проблемы и задачи

В процессе работы СКАИС решает следующие задачи:

обработки данных экспресс-испытаний оборудования; диагностирования причин снижения экономичности агрегата при различных режимах работы в целом и по отдельным узлам (с использованием термодинамического и интеллектуального анализа состояния агрегата); выдачи рекомендаций на устранение обнаруженных дефектов, в виде готовых продукций; принятия решений на ремонт или ограничение в режиме работы; оценки риска эксплуатации оборудования при данном состоянии и его готовности; накопления знаний о состоянии оборудования в базе данных и знаний; повышения коэффициента готовности и долговечности оборудования.

Режимы работы СКАИС [2]:

- настройка на режим оборудования по его состоянию (введением матрицы признаков режимов);
- первичная обработка информации (по выборке) с отбраковкой показателей, не вошедших в заданный диапазон измерения, но с их последующим анализом;
- подготовка и ввод исходных массивов данных для решения заданных задач;
- настройка на решаемую задачу;
- обработка информации, получаемой в процессе экспресс-испытаний на турбоустановке;
- термодинамический анализ состояния процесса;
- диагноз состояния;
- выдача рекомендаций в виде готовых продукций;
- накопление интеллектуальных знаний о состоянии;
- расчет технико-экономических показателей;
- паспортизация оборудования по изменению его состояния;
- выдача рекомендаций по диагнозу состояния;
- обращение к инструкциям по эксплуатации и режимным картам работы оборудования;

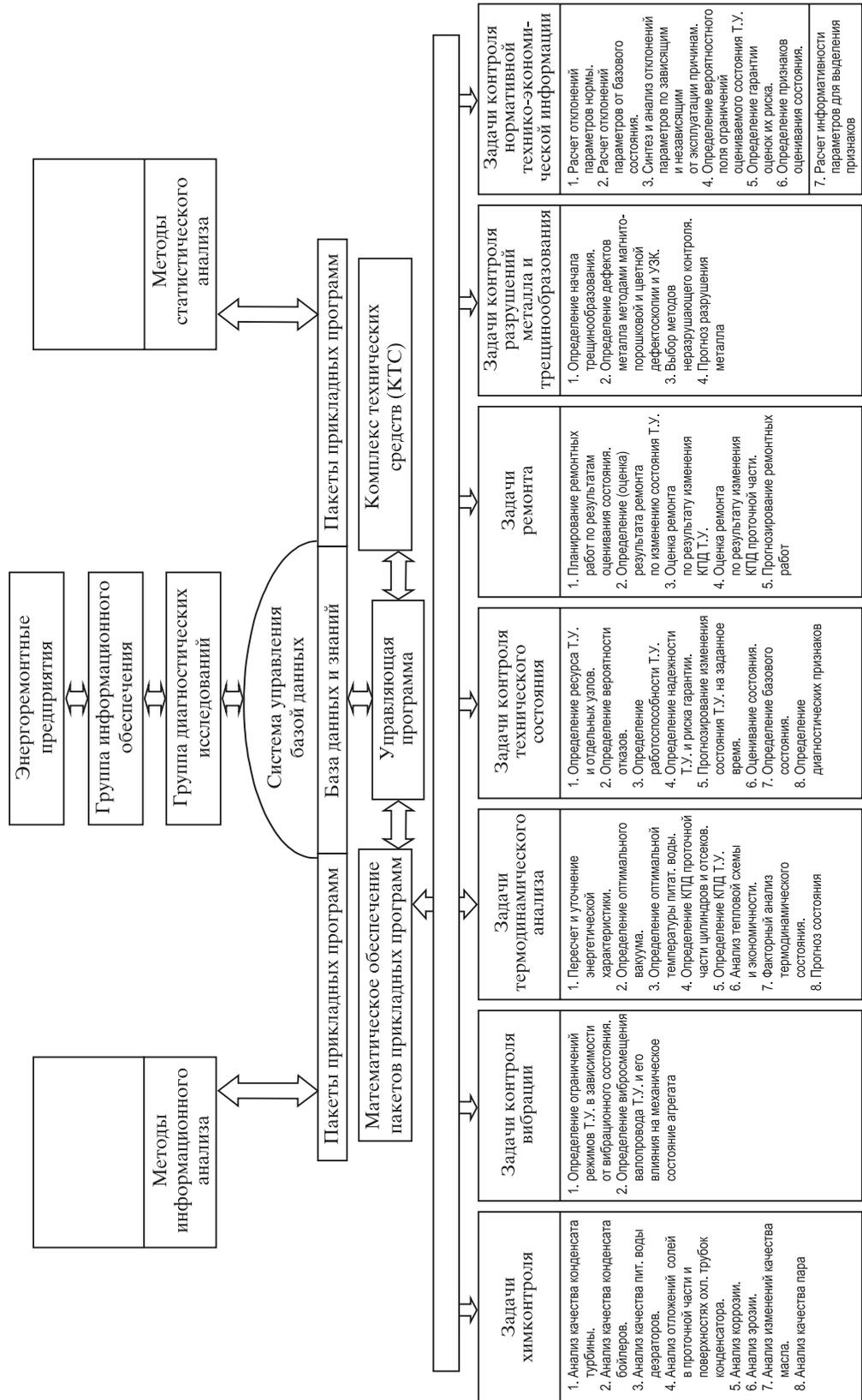

Рис. 1. Модульная схема решаемых задач «исследование состояния энергетических установок»

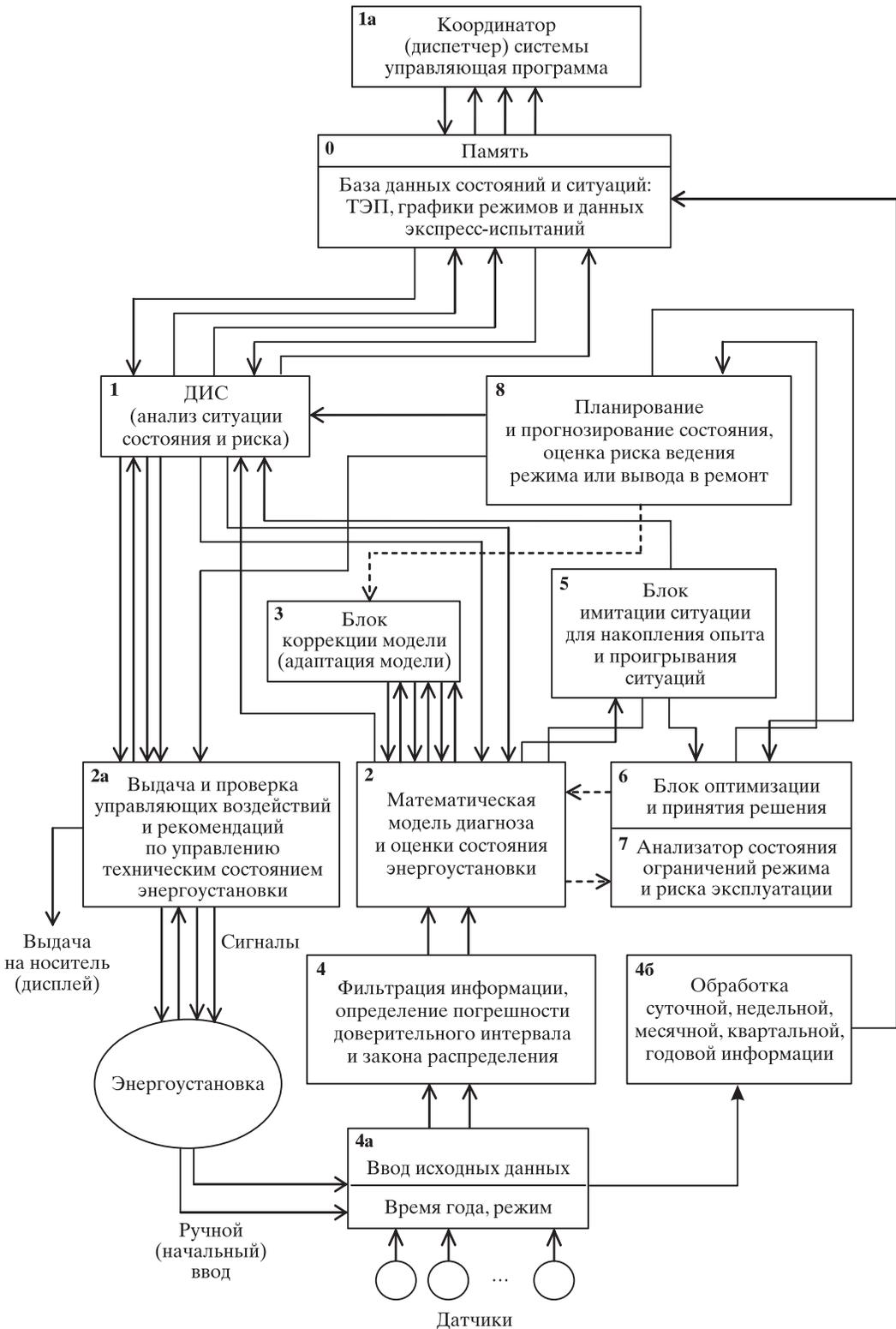

Рис. 2. SKAIS – подсистема диагностики состояния энергоустановки в контуре управления электростанции

- обращение к справочным данным, содержащимся в базе данных и знаний;
- введение в комплекс новых или корректировка действующих, прикладных программ;
- вывод результатов решаемых задач (промежуточных и конечных) на экран монитора и печать;
- прямой доступ через спецменю к любым разделам (задачам) комплекса с выдачей рекомендаций оператору (рис. 1, 2).

Особенности интеллектуальной информационной системы

Ее функции следующие:

1. Первичная обработка информации (по выборке) с отбраковкой показателей, не вошедших в заданный диапазон измерения, но с их последующим анализом.
2. Подготовка и ввод исходных массивов данных (представленных в виде векторов матрицы для заданного режима) для решения требуемых оператором задач, включая диагностику и контроль информационного канала.
3. Настройка на решаемую задачу (введением матрицы признаков режимов).
4. Обработка информации, получаемой в процессе экспресс-испытаний на турбоустановке.

В реальных условиях оценки эффективности энергоустановок ТЭС, выполняемой на основе диагностики их состояния с целью определения готовности к работе и увеличения продолжительности эксплуатации, анализа дефектов, распознавания и предупреждения неисправностей, необходимо использовать и перерабатывать самую разнообразную информацию. Значительная часть этой информации может быть очень низкого качества, т.е. неопределенной, заданной неоднозначно, нечетко, неполно.

Неопределенность такой информации обусловлена существенными погрешностями измеренных значений параметров, неизбежными и значительными погрешностями оценок состояния, погрешностями принятых решений. При этом уровень получаемой неопределенности для разной информации будет различен, а также зависит от условий работы энергоустановки.

Информационная база состоит из постоянной и оперативной информации. Для решения перечисленных задач, подготовленных в ПО SKAIS, используется информация, снимаемая от штатных датчиков энергоустановки (ГТУ или ПТУ), а также ограниченного количества дополнительных приборов для контроля изменения состояния агрегатов по признакам.

Постоянная информация (коэффициенты уравнений математических моделей, эмпирические константы, номинальные значения технологических параметров, область газодинамических параметров состояния рабочего тела – на входе и выходе компрессора, на входе и выходе газовой турбины (ПТУ, ГТУ), величина виброскорости шеек ротора и корпусов подшипников соответственно по составляющим их конструкции) располагается в виде отдельных массивов в базе данных.

Оперативная информация – информация, собираемая в процессе режимных опытов от агрегатов технологической схемы ГТУ ТЭС. Ввод информа-

ции в ПЭВМ выполняется вручную (на этапе отладки ПО СКАИС) и автоматизированно (на втором этапе работы).

Программы комплекса формируют обработанные данные в массивы исходных данных согласно фактическим режимам и вводят их по запросу в решаемую задачу при диалоге оператора с ПЭВМ. Каждый массив представляет матрицу из пяти вектор-столбцов технологических параметров, описывающих отдельные режимы работы агрегатов. Число строк в матрице – не более 50. Причем последние 10 – признаки технологического режима:

информация после «капремонта – до капремонта»;
год эксплуатации после капремонта (первый, второй...) для сопоставления с прошедшим годом;

теплообменники включены, отключены;

режим холостого хода введен;

антипомпажные клапаны открыты – закрыты;

расход воздуха через компрессор меньше – больше номинального;

регулирующий клапан топлива закрыт – открыт;

температура атмосферного воздуха постоянная – переменная;

температура газа перед газовой турбиной нормальная – повышенная;

заданная мощность постоянная – переменная;

частота вращения ротора генератора постоянная – переменная;

экономичность агрегата при каждом режиме высокая – низкая;

давление масла на смазку подшипников нормальное – пониженное;

температура масла на смазку подшипников;

чистота масла нормальная – с примесями;

осевой сдвиг ротора нормальный – повышенный;

вибросмещение роторов агрегата нормальное – повышенное;

изменение фазы вращения роторов;

погасание факела в камере сгорания;

приближение к границе помпажа компрессора;

акустическая эмиссия волн наиболее термонапряженных элементов агрегата;

изменение диапазона уровня громкости шума механизма и контроль шумовых всплесков в подшипниках скольжения агрегата.

Признаки и их количество могут меняться оператором в зависимости от типа и состояния диагностируемого агрегата, технологической схемы и характера решаемых задач.

Технологические параметры: мощность на клеммах генератора, расход топлива и воздуха на входе в камеру сгорания, давление в регулирующем клапане топлива, температура атмосферного воздуха, температура и давление газа перед газовой турбиной, частота вращения ротора генератора, давление и температура масла на смазку подшипников, осевой сдвиг ротора турбины, вибросмещение роторов агрегата, вибрация корпусов агрегата, погасание факела в камере сгорания, шумовые всплески в подшипниках скольжения агрегата.

Количество параметров меняется оператором в зависимости от решаемой задачи и состояния агрегата.

Результаты решаемых задач формируются программно в отдельные таблицы результатов. Обращение к ним выполняется через спецменю по отдельному ключу. Предусмотрено внесение изменений в исходные матрицы

параметров, а также просмотр хода решения задачи. Отдельные результаты могут храниться в базе данных. Накапливаемые результаты о состоянии оборудования размещаются на накопителях.

При ручном вводе информации в начале и конце работы смены ТЭС результаты получаются сразу после ввода.

Предусмотрено накопление и просмотр ретроспективной информации по оборудованию на накопителях.

Таблицы выдаваемых результатов могут корректироваться на внесение изменений или дополнений.

Структура базы данных отражает структуру данных о состоянии технологического оборудования тепловой схемы ТЭС с энергоагрегатами любого типа сложности, а также имена записей, имена и форматы полей.

Для работы с данными разработан конкретный язык описания данных и язык манипулирования данными. Запросы к данным из БД выражаются в прикладных программах пользователей с помощью языков и терминов принятой модели данных (т.е. прикладная программа работает только с записями модели).

Записи модели создаются системой СКАИС на момент, когда они затребованы прикладной программой (при чтении данных из БД) либо формируются в ПП, а затем данные из этих записей переносятся в БД в хранимые записи (при вводе данных в базу).

Для образования записей модели СУБД располагает информацией о том, как записи, их поля строятся из хранимых в физической базе данных записей и полей (и аналогично обратные преобразования при вводе данных в БД). Эта информация задана в архитектуре БД в виде специального описания отображения (преобразования) данных из физической базы данных в данные для принятой модели (т.е. СУБД решает задачу реализации отображения прямого и обратного между моделью и физической базой данных).

В описании отображения кроме указания соответствий между полями записей модели и полями хранимых данных записей будут указаны все необходимые сведения о хранимых данных: в каком коде они представлены, как упорядочены, какие существуют индексы, где расположены те или иные данные, с какими данными они связаны, какие методы доступа необходимо использовать для манипулирования хранимыми данными и т.п.

Часть задач обработки данных возлагается на операционную систему ПЭВМ.

Создана единая информационная база, объединяющая программы диалоговой среды комплекса.

Заключение

Работа гарантирует после внедрения следующую эффективность ТЭУ (ГТУ, ПТУ):

- максимизацию выработки электро- и теплоэнергии при увеличении общей длительности эксплуатации;
- сокращение количества ремонтов и увеличение межремонтных периодов;
- оптимизацию расходов на техобслуживание, восстановление и ремонт;
- сокращение числа пусков (остановов) ТЭУ;

- увеличение ресурса ТЭУ;
- повышение экономичности энергоустановок при внедрении рекомендаций по эффективной эксплуатации ТЭУ с учетом их фактического состояния и функциональной диагностики;
- оптимизацию распределения тепловой и электрической нагрузки между ГТЭУ при щадящем режиме работы вспомогательного оборудования;
- повышение безопасности технологии производства электро- и теплоэнергии за счет своевременного предупреждения отказов на основе функциональной диагностики состояния оборудования ТЭУ.

Опытные результаты работы внедрены в АО НО «Теплоэлектропроект», Новосибирской ТЭЦ-4 и Новосибирском учебном центре повышения квалификации специалистов-энергетиков. Результаты рекомендуется использовать организациям, занимающимся проектированием, наладкой и эксплуатацией систем управления ТЭС и ТЭУ, наладочным и ремонтным предприятиям отрасли.

Внедряемые интеллектуальные технологии характеризуются отсутствием необходимости реконструкции и технического дооснащения существующих энергоустановок.

Литература

1. Крохин Г.Д. Математические модели идентификации технического состояния турбоустановок на основе нечеткой информации. Автореф. дис. ... докт. техн. наук. Иркутск: СЭИ, 2008. 48 с.
2. Крохин Г.Д., Мухин В.С., Судник Ю.А. Интеллектуальные технологии в теплоэнергетике. Ч. 1. М.: УМЦ «Триада», 2010. 170 с.

Bibliography

1. Krohin G.D. Matematicheskie modeli identifikacii tehničeskogo sostojanija turboustanovok na osnove nechetkoj informacii. Avtoref. dis. ... dokt. tehn. nauk. Irkutsk: SJeI, 2008. 48 p.
2. Krohin G.D., Mihin V.S., Sudnik Ju.A. Intellektual'nye tehnologii v teplojenergetike. Ch. 1. M.: UMC «Triada», 2010. 170 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 336.71

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Н.С. Сажина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru

В статье рассмотрена методика построения интегрального показателя устойчивости регионального коммерческого банка, которая позволит строить прогноз уровня финансовой устойчивости коммерческого банка в регионе, результаты которого без ограничения могут быть использованы для принятия управленческих решений. Интегральный индикатор устойчивости коммерческого банка – это линейная свертка (взвешенная сумма) нормированных в *N*-балльной шкале значений статистических показателей сокращенного набора. Рассчитанный показатель дает наиболее полное представление о реальном состоянии финансовой устойчивости региональных коммерческих банков.

Ключевые слова: интегральный подход, финансовая устойчивость, региональный коммерческий банк, статистический показатель, интегральное свойство.

METHODICAL APPROACHES TO THE ELABORATION OF THE INTEGRAL STABILITY INDEX OF THE COMMERCIAL BANK DEVELOPMENT

N.S. Sazhina

Ogarev Mordovia State University
E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru

The article considers the elaboration technique of the integral stability index of the commercial bank development that will make it possible to forecast financial stability level of the commercial bank in the region. The forecast results can be used for management decision making without restriction. The integral stability index of the commercial bank is a linear contraction (weighted total) of *N*-scale standardized values of statistical indicators of diminished set. The calculated index gives a comprehensive idea of the real state of the financial stability of regional commercial banks.

Key words: integral approach, financial stability, regional commercial bank, statistical indicator, integral property.

Оценка устойчивости региональной кредитной системы и ее первичного звена – коммерческого банка – является основой стратегии устойчивого развития экономики России. Именно кредитные организации оказывают первоочередное влияние на все элементы устойчивого развития страны и заслуживают наибольшего внимания при изучении данной проблемы. В связи с этим совершенствование теории и практики управления устойчивостью развития региональных коммерческих банков имеет в настоящее время не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение.

Закономерностью нашего времени стало нарастание темпов изменений в экономике, что приводит к возникновению огромного количества сложных рисков, которые оказывают существенное влияние на устойчивость развития кредитных организаций. Под натиском рискованных факторов коммерческие единицы обречены на поиск методов и средств повышения эффективности управления устойчивостью. В связи с этим весьма актуально решение проблемы обеспечения внутрифирменного управления рисковым фактором устойчивости развития и необходимы разработки специальных управленческих инструментов.

Глубокие и широкомасштабные изменения в экономике, вызванные как научно-техническим прогрессом, так и системными преобразованиями, осуществляемыми в процессе выхода из мирового финансового кризиса и экономической нестабильности, ставят перед кредитными организациями множество задач, важнейшей из которых является перестройка системы управления. В этой связи возникает необходимость анализа и оценки степени устойчивости развития коммерческого банка, что позволит определить влияние внутренних факторов развития организации на ее положение во внешней среде (конкурентоспособность), а также принять решение о своевременной перерождения механизма управления предприятием.

В современных условиях ускорение экономического развития России невозможно без повышения роли банковского сектора в экономике в целом. Начавшееся после финансово-экономического кризиса реформирование банковской сферы является в настоящий момент важнейшим компонентом развития и укрепления основ рыночной экономики в стране.

Одной из основных причин краха многих коммерческих банков вследствие мирового финансового кризиса считается низкое качество управления банковскими структурами. Данная проблема включает в себя множество аспектов, в том числе недостаточный уровень методического обеспечения деятельности коммерческих банков со стороны Центрального банка России; недооценка возрастающей степени и роли банковских рисков в работе каждого коммерческого банка; недостаток квалифицированных специалистов; ориентация руководителей коммерческих банков на получение рискованной сиюминутной выгоды, а не на долгосрочную стабильную работу и др.

Значение проблемы управления рисками в России усиливается в связи с углублением рыночных отношений, возрастанием неопределенности на финансовых рынках, а значит вероятности потерь, активизацией интеграционных процессов вхождения отечественных структур в мировую финансовую систему.

Совершенствование действующих и конструирование новых технологий, инструментов финансового риск-менеджмента, особенно в сфере управления

кредитными рисками, приобретают особую актуальность в связи с нарастанием общемировой тенденции усиления роли финансовой системы не только в экономике, но и жизни общества в целом; глобализации финансовых рынков; ростом международной конкуренции; увеличением волатильности рынков и возрастанием интенсивности дефолтов.

На сегодняшний день с особой остротой встает проблема риска в деятельности банковских институтов. Банковские риски – риски особого рода. Они отличаются сложным строением, многофакторностью, трудностью оценки и прогнозирования. Из всех видов рисков, с которыми сталкиваются экономические субъекты, действующие в рамках рыночного хозяйства, банковские риски представляют наибольшую опасность для социально-экономической стабильности общества, что обусловлено особой ролью банков в системе рыночной экономики.

Процесс построения интегрального индикатора устойчивости коммерческого банка начинается с формирования информационной базы, который можно представить в виде общей схемы (см. рисунок).

Схема построения интегрального индикатора

На первом шаге строится иерархическая система статистических показателей в соответствии с особенностями изучаемой категории. Рассматривая сущность коммерческого банка, можно выделить десять частных показателей, которые наиболее полно и точно характеризуют финансовое состояние, набор банковских услуг, объемы активных и пассивных операций, макро- и микросреду, окружающую банк.

На втором шаге последовательная декомпозиция каждого частного блока позволяет выделить ряд стандартных статистических показателей. Далее производится отбор наиболее информативных статистических показателей (критериев) каждого частного блока, формируется апостериорный, или сокращенный набор статистических показателей, который можно рассматри-

вать как ключевой для последующего анализа устойчивости коммерческого банка и построения интегрального индикатора. Для этого по анализируемым частным показателям используется метод главных компонент, позволяющий снизить размерность признакового пространства без существенной потери информативности, а также устранить мультиколлинеарность и малую «вариабельность» индикаторов [2]. Рассмотрим предложенную методику в виде реализации следующей последовательности шагов.

1. Проводится компонентный анализ совокупности показателей каждого блока: $x_{ij1}, x_{ij2}, \dots, x_{ijm}$. Анализируется матрица факторных нагрузок, представленная коэффициентами корреляции между x_{ij} и F_m , производится оценка долей вкладов главных компонент: f_1, f_2, \dots, f_m в общую дисперсию показателей. Рассматриваются n -первых главных компонент f_1, f_2, \dots, f_n , на которые в сумме приходится не менее 70% общей дисперсии показателей $x_{ij1}, x_{ij2}, \dots, x_{ijm}$.

2. Отбираются наиболее информативные статистические показатели $x'_{ij1}, x'_{ij2}, \dots, x'_{ijm}$, в дисперсию которых рассматриваемые главные компоненты вносят наибольший суммарный вклад.

Выбор количественного состава сокращенного набора статистических показателей осуществляется не только на базе анализа результатов компонентного анализа, но и исходя из теоретических соображений (экспертных методов).

Расчет интегрального индикатора устойчивости регионального коммерческого банка производится на основе методики измерения синтетических категорий, представленных в [1], которые были несколько изменены и адаптированы для нашего исследования.

Интегральный индикатор устойчивости коммерческого банка – это линейная свертка (взвешенная сумма) нормированных в N -балльной шкале значений статистических показателей сокращенного набора.

Перед тем как переходить непосредственно к процедуре свертки частных критериев, необходимо их унифицировать, т.е. применить к каждому из них такое преобразование, в результате которого область его возможных значений ограничится отрезком $[0; 10]$. Конкретный выбор унифицирующего преобразования зависит от того, к какому из трех типов принадлежит анализируемый показатель:

– если показатель $x(j, t)$ связан с анализируемым интегральным свойством финансовой устойчивости монотонно-возрастающей зависимостью (т.е. чем больше значение $x(j, t)$, тем выше финансовая устойчивость), то значение соответствующей унифицированной переменной подсчитывается по формуле

$$\tilde{x}_{j,t} = \frac{x_{j,t} - x_{j,\min}}{x_{j,t,\max} - x_{j,\min}} N, \quad (1)$$

где $\tilde{x}_{j,t}$ – унифицированное значение частного индикатора ($j = 1, 2, \dots, p; t = 1, 2, \dots, n$);

$x_{j,\max}, x_{j,\min}$ – максимальные и минимальные значения частных индикаторов;

$N = 10$ – баллы;

– если показатель $x(j, t)$ связан с анализируемым интегральным свойством финансовой устойчивости монотонно-убывающей зависимостью (т.е. чем

больше значение $x(j, t)$, тем ниже финансовая устойчивость), то значение соответствующей унифицированной переменной $\tilde{x}_{j,t}$ подсчитывается по формуле

$$\tilde{x}_{j,t} = \frac{x_{j_{\max}} - x_{j,t}}{x_{j_{\max}} - x_{j_{\min}}} N; \quad (2)$$

– если показатель $x(j, t)$ связан с анализируемым интегральным свойством финансовой устойчивости немонотонной зависимостью (т.е. между x_{\min} и x_{\max} существует некоторое оптимальное значение $x_{\text{опт}}$, при котором достигается наивысшее качество), то значение соответствующей унифицированной переменной подсчитывается по формуле

$$\tilde{x}_{j,t} = \left(1 - \frac{|x_{j,t} - x_{j_{\text{опт}}}|}{\max\{(x_{j_{\max}} - x_{j_{\text{опт}}}), (x_{j_{\text{опт}}} - x_{j_{\min}})\}} \right) N. \quad (3)$$

Для реализации этих преобразований необходимо определить для каждого анализируемого частного критерия « $x(j, t)$ » значения « $x_{j_{\min}}$ », « $x_{j_{\max}}$ » и « $x_{j_{\text{опт}}}$ ». Поскольку теоретико-нормативный подход в определении этих значений в большинстве случаев сопряжен с большими трудностями, то предлагается использовать для этих целей экспериментальный подход. В частности, за « $x_{j_{\min}}$ » и « $x_{j_{\max}}$ » предлагается принимать соответственно минимальное и максимальное значения среди всех наблюдаемых за анализируемый период времени значений этой переменной. Вопрос с определением значений « $x_{\text{опт}}$ » решается в каждом конкретном случае с учетом специфики ситуации.

Определение оптимального числа блоков. При определении числа интегральных индикаторов финансовой устойчивости коммерческого банка по унифицированным статистическим показателям сначала проверяется возможность построения единственного интегрального индикатора финансовой устойчивости кредитной организации в регионе в виде 1-й главной компоненты. Считается, что интегральный индикатор, построенный в виде первой главной компоненты по статистическим показателям сокращенного набора, должен объяснять не менее 55% общей дисперсии этих критериев.

В противном случае не существует удовлетворительного решения задачи построения единственного интегрального индикатора в виде первой главной компоненты и необходимо определить оптимальное число блоков, на которые целесообразно разбить сокращенный набор показателей с помощью метода главных компонент.

Далее строятся модифицированные первые главные компоненты отдельно по частным критериям, входящим в каждый из получившихся блоков M_1, \dots, M_j .

Значения модифицированной первой главной компоненты $y_{j,t}$ частных критериев, вошедших в группу M_j , определится уравнением

$$y_{j,t} = \sum_{q=1}^{p_j} l_1^2(M_j) \tilde{x}_t^{(q)}. \quad (4)$$

По значениям блочных интегральных индикаторов ($y_{1,t}, y_{2,t}, \dots, y_{m_0,t}$) рассчитывается сводный интегральный индикатор $y_{\text{св},t}$ по следующей схеме.

1. Вычисляется взвешенное евклидово расстояние p_t от наблюдения в год t ($y_{1,t}, y_{2,t}, \dots, y_{m_0,t}$) до эталона (10; 10; ...; 10) в пространстве блочных интегральных индикаторов по формуле

$$p_t = \sqrt{\sum_{j=1}^{m_0} v_j (y_{j,t} - 10)^2}, \quad (5)$$

где v_1, v_2, v_j ($\sum_{j=1}^{m_0} v_j = 1, v_j \geq 0$) – нормированные неотрицательные веса. «Веса»

блочных интегральных индикаторов v_1, v_2, v_j ($j = 1, \dots, m_0$) определяются долей объясненной общими факторами, или блоками M_1, M_2, M_j ($j = 1, \dots, m_0$) дисперсии в суммарной дисперсии всех унифицированных частных критериев $\tilde{x}_{1,t}, \dots, \tilde{x}_{p,t}$, приходящейся на эти общие факторы.

$$v_j = \frac{\tilde{v}_j}{\sum_{l=1}^{m_0} \tilde{v}_l} = \frac{s^2 y_j}{\sum_{l=1}^{m_0} s^2 y_l}. \quad (6)$$

Чем выше вес блочного интегрального индикатора, тем сильнее его вклад в сводный интегральный индикатор финансовой устойчивости коммерческого банка в регионе.

2. Значение сводного интегрального индикатора финансовой устойчивости коммерческого банка в регионе для года t определяется по формуле

$$Y_{t,cb} = 10 - p_t. \quad (7)$$

Комплексный показатель финансовой устойчивости коммерческого банка, совмещающий два подхода в измерении изучаемой категории, дает наиболее полное представление о реальном состоянии финансовой устойчивости региональных коммерческих банков и позволяет:

- выявлять ее позитивную или негативную динамику для региона;
- определять ключевые направления совершенствования методов оценки и управления финансовыми рисками коммерческого банка;
- строить прогноз уровня финансовой устойчивости коммерческого банка в регионе, результаты которого без ограничения могут быть использованы для принятия управленческих решений.

Механизм интегральной оценки устойчивости развития – это целенаправленный процесс оптимального выбора методов непрерывного контроля, позволяющих кредитной организации эффективно функционировать и устойчиво развиваться в течение длительного периода времени. Этот процесс включает сбор данных, отслеживающих динамику изменения состояния коммерческого банка и выявление тенденций его развития. Механизм интегральной оценки устойчивости развития предназначен для выполнения аналитической функции. В нем анализируется и систематизируется поступающая информация о внешней и внутренней среде организации и на этой основе дается комплексная оценка потенциальной возможности банка для реализации программы развития, в том числе переход на более высокий класс устойчивости развития.

Разработанный механизм интегральной оценки устойчивости развития кредитной организации реализуется поэтапно. Каждый этап состоит из ряда операций, взаимосвязанных между собой.

Э т а п 1. Формирование основ оценки устойчивости развития коммерческого банка предусматривает постановку и достижение определенных целей. Необходимо сформулировать функции, принципы и методы оценки устойчивости развития, конкретизировать субъект и объект оценки в рамках концепции устойчивого развития кредитной организации. Отсюда вытекает ряд проблем, которые следует формализовать путем взаимосвязи экономических и неэкономических показателей, определения их фактических значений, а также выполнить структуризацию проблем, построив для их решения дерево целей.

Э т а п 2. Качественный и количественный анализ факторов внешней и внутренней устойчивости на основе системы показателей текущего состояния и развития коммерческого банка с целью заблаговременного предупреждения грозящей опасности и принятия необходимых мер поддержания и обеспечения устойчивости. При данном анализе используется сравнительный и динамический анализ количественных и качественных показателей деятельности. Определяется система показателей устойчивого развития, производится их нормировка и стандартизация, рассчитывается обобщенный показатель устойчивости развития. Определение интегральных показателей экономической, социальной и рискованной устойчивости позволит выявить недостаточность (или избыточность) того или иного вида устойчивости при планировании изменений и создать основу для адекватного управленческого решения в период развития.

Э т а п 3. Оценка и анализ уровня устойчивости развития коммерческого банка, определение класса устойчивости. На основе оценки значений интегральных показателей устойчивости кредитной организации присваивается класс устойчивости. Результаты комплексного анализа устойчивости коммерческого банка используются высшими органами управления для более обоснованного формирования целей и задач развития на определенный период.

Э т а п 4. По результатам анализа и оценки устойчивости развития выявляется необходимость и проводится *разработка основ для управленческих решений, корректировки целей, функций, принципов и методов управления устойчивостью развития*, на основании чего высшее руководство формулирует цель развития и задачи, направленные на повышение устойчивости коммерческого банка.

Э т а п 5. Оформление аналитической отчетности. Информация об управлении устойчивостью развития кредитной организации должна быть представлена в виде открытой отчетности, распространяться среди всех участников процесса, быть доступной для внешних и внутренних пользователей. Информация для топ-менеджмента (в том числе для исполнительных органов государственной власти) подвергается укрупнению и представляется в агрегированном виде (обобщенного показателя устойчивости развития). Детализированная информация предоставляется в подразделения коммерческого банка, где формируются конкретные изменения по направлениям деятельности, исходя из целей развития и потенциальных возможностей.

Определение обобщенного показателя устойчивости развития кредитной организации позволит территориальному управлению Банка России провести корректную сравнительную характеристику коммерческих банков в пространственно-временном аспекте; департаменту экономики и управлению ре-

гионального развития определить класс устойчивости кредитной организации на уровне отрасли, а также создать основу для предоставления потенциальным клиентам информации о существующих на территории региона коммерческих банках.

Литература

1. Айвазян С.А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 2. С. 33–53.
2. Сажин Ю.В., Скворцова М.А. Интегральная оценка социальной комфортности проживания населения в регионе // Финансы и бизнес. 2009. № 3. С. 191–200.
3. Хомяченкова Н.А. Управление рисками промышленного предприятия // Актуальные вопросы рыночной экономики: сб. науч. трудов / Под ред. Е.В. Горшениной. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 57–65.

Bibliography

1. Ajvazjan S.A. K metodologii izmerenija sinteticheskikh kategorij kachestva zhizni naselenija // Jekonomika i matematicheskie metody. 2003. T. 39. № 2. P. 33–53.
2. Sazhin Ju.V., Skvorcova M.A. Integral'naja ocenka social'noj komfortnosti prozhivaniya naselenija v regione // Finansy i biznes. 2009. № 3. P. 191–200.
3. Homjachenkova N.A. Upravlenie riskami promyshlennogo predpriyatija // Aktual'nye voprosy rynochnoj jekonomiki: sb. nauch. trudov / Pod red. E.V. Gorsheninoj. Tver': Tver. gos. un-t, 2010. P. 57–65.

УДК 331.5

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ В МОНГОЛИИ

А. Бор

Санкт-Петербургский государственный университет
экономики и финансов
E-mail: amarsanaabor@yahoo.com

В работе поднимается вопрос об особенностях национальной культуры Монголии и применении в менеджменте организации на основе результатов исследований определяющих факторов культуры. Анализируется опыт, накопленный как в отечественной, так и зарубежной практике, в области изучения национальной культуры. Предложена схема влияния глобализации на национальную культуру Монголии. Излагается исследование, сделанное по методу Г. Ховстеде в Монголии. В выводе автор делает рекомендацию развития корпоративной культуры корпорации, учитывая особенность национальной культуры.

Ключевые слова: Монголия, корпоративная культура, национальная культура, менеджмент, метод Г. Хофстеде, глобализация.

ON THE NATIONAL FEATURES OF MANAGEMENT CULTURE IN MONGOLIA

A. Bor

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
E-mail: amarsanaabor@yahoo.com

The paper brings up the issue of peculiarity of the national culture of Mongolia and application in organization management on the basis of results of investigation determinative factors of culture. National and foreign experience in the field of the national culture study is examined. The scheme of the globalization effect on the national culture of Mongolia is offered. Investigation by Hofstede's method for Mongolia is stated. In the conclusion the author gives recommendation on the development of corporate culture of corporation considering the peculiarity of the national culture.

Key words: Mongolia, corporate culture, national culture, management, Hofstede's method, globalization.

Глобализация и интернационализация производства с каждым днем расширяют свои масштабы. В этой связи вопросы оптимального, эффективного управления и повышения конкурентоспособности предприятий являются важными и актуальными в теории и практике менеджмента. Наилучшие стратегии управления сочетаются с культурными традициями и национальными особенностями страны, поскольку философия менеджмента неотделима от них. У каждой нации есть собственные ценности, нормы поведения и стандарты, связанные с национальными традициями, которые играют важную роль в организации менеджмента.

В области естественных наук не существует деления по признаку национальной принадлежности, которая бы определила специфику науки. Например, не может быть монгольской или американской физики. Однако в ме-

менеджменте мы обязаны учитывать культурные особенности и национальные традиции страны. На практике не существует единых подходов и методов к управлению организациями, даже если они принадлежат одной отрасли, имеют одинаковые условия хозяйствования. Американский менеджер П. Друкер в своей работе подчеркнул, что менеджмент исходит из культуры общества, ценностей, традиций, обычаев, религии, правительства и режима. Чем больше менеджмент организации опирается на социальные традиции, ценности и веру, тем очевиднее ее успехи [1].

С одной стороны, мы не можем не согласиться с отцом китайского менеджмента Цзэн Шицян, который утверждает, что с научной точки зрения менеджмент не может быть китайским, американским, европейским или японским, так как все страны применяют одни и те же системы управления, инструменты стратегии, виды менеджмента и т.д. Но с другой стороны, существует фактор национальной культуры, который влияет на организацию менеджмента на предприятии и делает его уникальным. Несмотря на наличие множества общих теоретических положений, разделяемых системой менеджмента разных стран, между ними существует много отличий. Так, Б.З. Мильнер подчеркивает, что организационная культура (как системный элемент менеджмента) испытывает влияние национальной культуры [2].

В Монголии менеджмент как наука на стадии развития. Ученые много работают над созданием модели менеджмента «М», системой управления персонала Монголии, основанной на национальной культуре, поскольку в нем должны учитываться особенности монгольского менталитета.

Монгольский народ с древних времен вел кочевническую деятельность и в современной культуре нельзя пренебрегать этим фактором. Проанализировав литературные источники и взяв как основу таблицу доктора Пурэв Наранцэцэг [3], мы выделили четыре периода развития культуры Монголии (табл. 1).

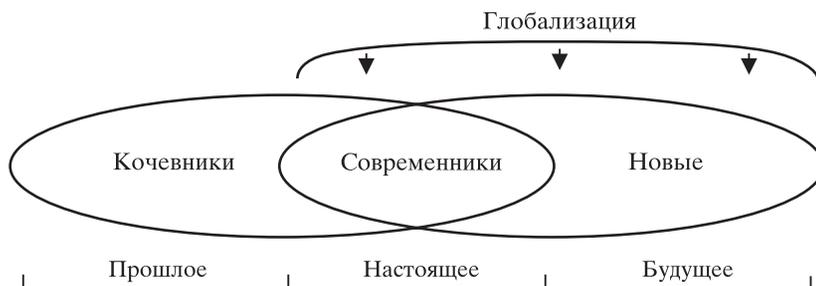
Таблица 1

Периоды развития культуры

Периоды	Великая Монгольская империя	Период правления Маньчжурии	Период плановой экономики	Рыночная экономика
Культура	Кочевническая	Кочевническая Смешанная	Смешанная	Смешанная
Религия	Вера в Синее Небо Шаманизм	Буддизм	Запрещена	Свободная

С древних времен и до сих пор культура кочевников оказывает большое влияние на монгольского человека. Особенность культуры нельзя понять без исследования истории. Ученый, живший XIV веке, Ибн Халдун (Ibn Khaldun) в своей книге «Al Mugaddima» писал, что менталитет кочевников фундаментально отличается от урбанизированной цивилизации. Так как основная культура монголов кочевническая, надо учитывать этот фактор в менеджменте организации.

Как и в других странах, влияние глобализации на национальную культуру с каждым днем увеличивает свои границы (см. рисунок).

Влияние глобализации на национальную культуру Монголии

На рисунке показано, как культура кочевников влияет на современных урбанизированных монголов, и смешанная культура (характерная для современного монгольского народа) должна быть учтена в модели современного управления организацией. В дальнейшем влияние глобализации будет только увеличивать свое влияние, что надо учитывать для принятия решения руководителям всех сфер.

Широко известно исследование культур в управленческой деятельности, выполненное в 1960–1980 гг. Г. Хофстеде, который в 70 странах мира опросил более 60 тыс. респондентов об их отношении к труду, жизненным целям, отношениях к начальству, сослуживцам, производству [5]. Исследование показало, что на формирование деловой культуры решающим образом сказываются базовые ценности национальных и этнических культур, определяющие культурную идентичность участников бизнес-процесса. Г. Хофстеде, благодаря предложенной им классификации влияния национального фактора на культуру, смог выяснить, почему культуры филиалов одной и той же компании IBM, выпускающие одну и ту же продукцию, но расположенные в различных странах мира, так существенно отличаются друг от друга.

При изучении специфики национальной культуры Монголии был проведен опрос 1608 респондентов, в основе которого был использован метод Г. Хофстеде (табл. 2) [6].

Этим методом при сравнении национальных культур Монголии, России и некоторых азиатских стран использовались следующие критерии: дистанция власти (PDI); индивидуализм – коллективизм (IDV); мужественность – женственность (MAS); неприятие неопределенности (UAI); стратегическое мышление (LTO)

Дистанция власти (PDI) – характеристика ощущения неравенства между людьми, которую население данной страны считает допустимой или нормальной. Применительно к организации – это ощущение неравенства между сотрудниками организации, находящимися на различных уровнях ее иерархии. Чем выше степень неравенства, тем больше дистанция власти, и наоборот.

Монголию отличает от других азиатских стран очень низкий уровень дистанции власти. Это означает высокое чувство равенства.

Индивидуализм-коллективизм (IDV) – это характеристика стремления людей данной страны к свободным связям между индивидами (индивидуализм), либо к интеграции в группы (коллективизм). При индивидуалистской культуре сотрудники организации возражают против вмешательства в личную жизнь, надеются только на себя. В такой организации особо приветству-

Таблица 2

Структура респондентов

№	Показатели	Респонденты	Данные, %	Группы, %
1	Пол	Мужской	46,5	46,5
		Женский	53,5	53,5
2	Возраст	20 и меньше	5,0	40,0
		20–24	17,0	
		25–29	18,0	
		30–34	16,0	30,0
		35–39	14,0	
		40–49	18,3	30,0
		50–59	9,5	
		60 и больше	2,2	
3	Образование	10 лет и меньше	22,5	41,5
		11 лет	5,0	
		12 лет	8,0	
		13 лет	6,0	
		14 лет	19,5	38,5
		15 лет	19,0	
		16 лет	10,0	20,0
		17 лет	5,0	
		18 лет и больше	5,0	
4	Вид работы	Рабочие без оклада (включая практикующихся студентов)	12,0	25,5
		Технические рабочие	10,0	
		Секретари и рабочие администрации	3,5	
		Профессионалы, техники, медсестры, художники	20,0	20,0
		Специалисты (не управленческих должностей)	34,5	34,5
		Менеджеры среднего звена управления	13,0	20,0
		Менеджеры высшего звена управления	7,0	

ется индивидуальная инициатива каждого, а продвижение по службе осуществляется на соревновательной основе. По результатам исследования видно, что в Монголии более развит коллективизм. Это связано с тем, что монголы кочуют группами и для принятия решений любых вопросов собираются кланами. Уникально, что хотя решения принимает лидер, посоветовавшись с коллективом, но ответственность он несет индивидуально.

Мужественность – женственность (MAS). В мужественных культурах мужчина должен зарабатывать, женщина – воспитывать детей. Мужчина доминирует на всех властных позициях, а успех и деньги являются главными ценностями в жизни. И, наоборот, в женских культурах зарабатывать и воспитывать детей могут как мужчины, так и женщины. В женственной культуре больше проявляют заботу о персонале, о жизни, нет конкуренции, социальная политика развития нации или компании очень развита. В азиатских странах доминирует мужественность, но, как мы определили, в Монголии этот критерий ближе к женственности.

Неприятие неопределенности (UAI) – характеристика ощущения опасности, возникающая при появлении неопределенных или неизвестных ситуаций у людей данной страны. При высокой степени люди предпочитают структурированные ситуации, т. е. ситуации с ясными и четкими правилами и инструкциями поведения. Эти правила могут быть формализованы, а могут поддерживаться традицией. В странах с высокой степенью неприятия неопределенности с возникновением каких-либо неопределенностей люди проявляют повышенную тревогу и беспокойство. В странах с низкой степенью неприятия неопределенности – ведут себя и работают более спокойно и систематично.

Стратегическое мышление (краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее) (*LTO*) – ориентированность на решение стратегических, долгосрочных целей, на желание заглядывать в будущее. Опрос по данному показателю выявил среднее состояние. В отличие от Китая кочевники не собирали богатство. Им было легче инвестировать в скот или превращать товары и деньги в животное, которое само шло куда надо и не доставляло хлопот, связанных с кочеванием [4].

На основе такого анализа можно отметить, что не только российская и монгольская культуры отличаются друг от друга, но и азиатские страны (Япония, Китай, Южная Корея) отличаются существенно. Так, Россия характеризуется высокой степенью дистанции власти (PDI) (93%), высокой степенью неприятия неопределенности (UAI) (95%), средней степенью индивидуализма (IDV) (39%), средней степенью мужественности (MAS) (36%). Эти характеристики учитываются при формировании культуры в российских организациях. Результаты сравнительного анализа культуры Монголии и других стран свидетельствуют об особенностях, которые показаны в табл. 3.

Таблица 3

Особенности культур на основе критериального анализа

Страна (нация)	Дистанция власти, % (PDI)	Индивидуализм, % (IDV)	Мужественность, % (MAS)	Неприятие неопределенности, % (UAI)	Стратегическое мышление, % (LTO)
Россия	93	39	36	95	
Монголия	12	19	53	76	43
Китай	80	20	66	30	118
Япония	54	46	95	92	80
Южная Корея	60	18	39	85	75

Из табл. 3 видно, что Монголия имеет свои особенности национальной культуры, которая может оказывать влияние на культуру организации, так как персонал монгольских организаций – люди со своей специфической культурой, отличающейся от культуры чужестранцев. Поэтому полное внедрение принципов западного менеджмента не обеспечивает эффективное функционирование организаций.

Таким образом, монгольская культура характеризуется следующими особенностями:

1) *низкой степенью дистанции власти* (12%) в стране, которой доминирует равенство власти, лидеры и руководители используют демократичный стиль руководства. И лидер воспринимается как друг, надежный коллега. Для

такого типа культуры наиболее приемлема децентрализация управления организацией;

2) *высокой степенью неприятия неопределенности* (76%) работники организаций характеризуются большой тревогой за будущее, слабой готовностью к риску, низкой мотивацией на достижение целей. И надо учесть, что в организациях с высоким уровнем неприятия неопределенности руководство, как правило, оказывает сильное влияние во внутреннюю жизнь подчиненных, т.е. вмешивается в процесс выполнения работы исполнителями;

3) *низкой степенью индивидуализма* (19%). Коллективизация это важный момент для руководителей организации Монголии. Руководители ориентируются не на индивидуумы, а на группы. В организациях с коллективистской культурой сотрудники ожидают большего участия организации в решении их личных дел и защиты их интересов со стороны руководства. В этих организациях ценятся чувство долга и лояльность сотрудников, продвижение по службе осуществляется внутри организации в соответствии со стажем;

4) *средней степенью мужественности* (53%). В организациях персонал работает для того, чтобы хорошо жить, а не наоборот. Стремятся работать мало. Для таких организаций, на наш взгляд, целесообразно развивать систему мотивации и устанавливать гибкий график работ. Различие полов не влияет на властные позиции в обществе и организации. Главной ценностью является качество жизни;

5) *средней степенью стратегического мышления* (43%). Высшее звено руководства принимает стратегические решения. Следовательно, необходимо ориентировать персонал на развитие миссии организации, стратегию ее развития. На наш взгляд, целесообразно, по возможности, менять рабочее место каждого сотрудника с целью мотивации на долгосрочные планы развития.

Литература

1. Друкер П. Менеджмент: задачи, обязанности, практика. М.: Вильямс, 2008. 992 с.
2. Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. М.: Инфра-М, 2009. 864 с.
3. Наранцэцэг П. Менежментийн монгол хэв маяг. УБ.: ВСИ, 2007. 228 с.
4. Тумуртоого Д. Монголын эдийн засгийн сэтгэлгээний туух. УБ.: Цоморлиг, 2006. 244 с.
5. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind, Intercultural Cooperation and Importance for Survival. New York.: McGraw-Hill USA, 2005. 436 p.
6. Tuvshinzaya S., Narantungalag G. Cultural Dimensions-Mongolia and China. Marketing communication and competition. Praha.: Professional Publishing, 2007. P. 150–158.

Bibliography

1. Druker P. Menedzhment: zadachi, objazannosti, praktika. M.: Vil'jams, 2008. 992 p.
2. Mil'ner B.Z. Teorija organizacii: Uchebnik. M.: Infra-M, 2009. 864 p.
3. Narancjecjeg P. Menezhmentijn mongol hjev majag. UB.: VCI, 2007. 228 p.
4. Tumurtogoo D. Mongolyn jedijn zasgijn sjetgjelgejenij tuuh. UB.: Comorlig, 2006. 244 p.
5. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind, Intercultural Cooperation and Importance for Survival. New York.: McGraw-Hill USA, 2005. 436 p.
6. Tuvshinzaya S., Narantungalag G. Cultural Dimensions-Mongolia and China. Marketing communication and competition. Praha.: Professional Publishing, 2007. P. 150–158.

УДК 314.15

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В.В. Маркова

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: veronika-markova@mail.ru

В статье проанализированы недостатки, выявленные в ходе реализации государственной демографической политики в Российской Федерации. Обоснованы меры по улучшению демографической ситуации в стране, основными из которых являются: создание единого органа, ответственного за реализацию демографической политики; выработка четких и объективных показателей оценки эффективности реализации демографической политики; стимулирование государственными органами трансформации социокультурной среды в направлении возрождения традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: государственная демографическая политика, демографические показатели, уровень рождаемости, уровень смертности, миграционная политика.

DEMOGRAPHIC POLICY IN MODERN RUSSIA: INSTITUTIONAL AND SOCIAL WAYS OF DEVELOPMENT

V.V. Markova

Belgorod State National Research University
E-mail: veronika-markova@mail.ru

The article analyzes shortfalls revealed in the course of implementation of the state demographic policy in the Russian Federation. Measures for the demographic situation improvement in the country are justified. They include creation of the united authority responsible for implementation of the demographic policy; formation of accurate and objective measures of performance evaluation of implementation of the demographic policy; state authorities' stimulation of transformation of sociocultural environment into direction of revival of traditional family values.

Key words: state demographic policy, demographic measures, birth rate, death rate, migration policy.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Концепция) является базовым документом, который определяет цели, принципы, задачи и основные направления политики Российской Федерации в области народонаселения на период до 2025 г. [6]. Документ предполагает реализацию различных мероприятий по основным направлениям демографической политики: увеличение рождаемости, сокращение смертности и привлечение мигрантов.

С принятием этого документа возникли некоторые вопросы относительно его реализации. Один из них, на наш взгляд, это отсутствие закрепленных в нем показателей оценки эффективности реализации государственной демографической политики. В проекте доклада министра Татьяны Голиковой на

заседании Президиума Правительства РФ от 17 февраля 2011 г. «О плане реализации в 2011–2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года» используются такие статистические показатели, как «общий коэффициент рождаемости», «общий коэффициент смертности», «ожидаемая продолжительность жизни» и т.д. [7]. При этом в самом тексте Концепции они не упоминаются. Возникает закономерный вопрос, кто и каким образом определил, что именно эти показатели наиболее достоверно характеризуют изменение демографической ситуации в стране.

Кроме того, далеко не все из этих показателей можно считать объективными. Ряд из них зависит не только от сложившейся в стране кризисной ситуации в демографической сфере и предпринимаемых государственных мер, но и от накапливавшихся многие десятилетия демографических проблем. Так, например, возросший в последние годы уровень рождаемости обусловлен не только мероприятиями государственной поддержки, но и особенностью половозрастной структуры населения страны, в которой поколение детей 1980-х годов рождения значительно больше, чем поколение 1970-х и тем более 1990-х годов рождения. Министр здравоохранения и социального развития в вышеупомянутом докладе отмечает, что «полученный результат напрямую связан с большой правовой и организационной работой, существенным увеличением финансовой базы мероприятий по улучшению демографической ситуации» [7]. Однако, по нашему мнению, государственные мероприятия по улучшению демографической ситуации «наложились» на благоприятную демографическую конъюнктуру [1, 2]. Эта же демографическая конъюнктура может привести к кризису государственной демографической политики в ближайшие годы, когда уровень рождаемости будет, скорее всего, падать, вплоть до 2020-х годов.

Аналогичная закономерность выявляется при анализе показателя смертности. В период 2010–2015 гг. в возраст среднестатистической смерти (69 лет) вступило крайне малочисленное поколение «детей войны» (рожденных в 1941–1945 гг.), т.е. в этот период уровень смертности в России будет пониженным. И наоборот, после 2015 г. примерно на целое десятилетие можно прогнозировать объективное увеличение уровня смертности в нашей стране.

Поэтому для оценки эффективности мероприятий государственной демографической политики необходимо использовать объективные показатели, не зависящие от определенных конъюнктурных факторов, таких как, например, возрастная структура населения.

К числу демографических параметров, позволяющих оценить эффективность демографической политики государства в области повышения уровня рождаемости, на наш взгляд, следует отнести:

- суммарный коэффициент рождаемости (фертильности), отражающий среднее количество рожденных детей одной женщины в репродуктивном возрасте;
- соотношение числа абортс с числом рождений (количество абортов на 1000 рождений);
- удельный вес многодетных семей;
- коэффициент младенческой смертности (детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми);
- число родившихся детей по очередности рождения.

Демографические параметры, позволяющие оценить демографическую политику государства в области уменьшения уровня смертности:

- средняя ожидаемая продолжительность жизни;
- число умерших от внешних причин смерти в репродуктивном возрасте (на 100 000 человек населения).

Демографические параметры, позволяющие оценить политику государства в области улучшения миграционной ситуации:

- количество прибывших на постоянное место жительства мигрантов в Российскую Федерацию в расчете на 1000 человек населения;
- количество выбывших на постоянное место жительства из Российской Федерации мигрантов в расчете на 1000 человек населения;
- количество иностранных граждан, приобретших гражданство Российской Федерации;
- количество, прибывших в Российскую Федерацию соотечественников (по программе «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [8]).

Как отмечают многие эксперты, одним из негативных факторов является отсутствие единой координации демографической политики, она реализуется различными министерствами и ведомствами, финансируется из разных источников, по разным проектам и программам, которые не объединены концептуально и технологически. Например, сейчас демографическими вопросами в той или иной части и мере занимаются Министерство здравоохранения и социального развития, Федеральная миграционная служба, Министерство образования и науки, Министерство регионального развития, Министерство спорта, туризма и молодежной политики [9].

Указанное в Концепции Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации является только координирующим органом. Изучив сайт этого ведомства, нам не удалось найти ни структурного подразделения, в чьи обязанности входило бы отслеживание хода реализации мероприятий в демографической сфере, ни каких-либо систематизированных отчетов в этой области.

На наш взгляд, в стране, которая находится в критической демографической ситуации, за реализацию государственной демографической политики целиком и полностью должно отвечать отдельное, специально созданное ведомство, которое будет контролировать и периодически отчитываться о ходе реализации мероприятий, основываясь на объективных демографических показателях.

Поскольку Концепция представляет собой декларативный программный документ, устанавливающий общие принципы и меры государственного регулирования демографической сферы, она нуждается в дальнейшем развитии в нормативно-правовом и управленческом отношении. Это развитие получило продолжение в Плане мероприятий по реализации в 2011–2015 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [2].

В плане предусмотрены конкретные меры (на уровне нормативных актов) по реализации задач, установленных в Концепции. Стоит отметить, что в этом документе упор делается в основном на мероприятия социально-экономической направленности. В то время как социокультурным мероприятиям, к ко-

торым относятся мероприятия по укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций и семейных отношений, уделено ничтожно мало внимания.

Более того, даже в случае реализации наиболее оптимистичного сценария социально-экономического развития страны в нашем государстве можно рассчитывать лишь на некоторое улучшение демографических параметров, в то время как для устойчивого развития необходимо кардинальное улучшение демографической ситуации с перспективой возобновления естественного прироста населения. В противном случае может реализоваться сценарий, предложенный экспертами ООН, в соответствии с которым Российская Федерация опустится к концу этого столетия с нынешнего 9 на 22 место в мире [9].

Ответственные государственные органы должны осознать, что переломить негативные демографические тенденции и выйти из кризиса можно только путем сочетания мер, направленных на улучшение социально-экономического уровня жизни населения, и мер, способствующих изменению негативной социокультурной атмосферы в стране, которая в настоящее время характеризуется отсутствием традиционных ценностей большой семьи, здорового образа жизни. Государственное стимулирование мер демографической политики принесет только временные эффекты. Этому свидетельствует опыт зарубежных стран. Как отмечает Е.С. Сазонова, «высокие затраты иногда дают только временный эффект. В некоторых странах рождаемость взлетела (например, в Швеции), а потом снова падала. Дело в том, что граждане спешат воспользоваться предоставляемыми государством льготами, однако общее число детей при этом не увеличивается. Значительные расходы государства просто смещают календарь рождений, что в настоящее время имеет место в России» [3].

А.Г. Вишневский также отмечает, что материальное стимулирование в Чехии в какой-то момент повысило рождаемость за счет того, что часть людей родила раньше, чем планировала. Это называемый эффект сдвига «календаря рождений». Он недолговечен. В 1974 г. рождаемость в Чехии достигла пика – 2,4 рождения на женщину, а в 1983 г. была уже ниже 2 и продолжала падать [5].

Весь демографический опыт последнего столетия свидетельствует, что демографические кризисы – плод не социально-экономических, а духовно-нравственных и социокультурных проблем.

Еще одним аспектом, который нельзя не учитывать при создании государством социально-экономических условий для улучшения демографической ситуации, прежде всего повышения рождаемости, являются негативные тенденции развития патерналистского отношения к государству, которые и без того достаточно сильны в нашей стране. Как отмечает А.Г. Вишневский, «Семья не должна быть иждивенкой государства. Жизнь должна быть устроена так, чтобы семья могла зарабатывать и не нуждаться в подачках» [5]. Поэтому государство должно многократно увеличить усилия по созданию благоприятной социокультурной и духовно-нравственной среды для развития демографической сферы.

Например, нынешние усилия органов власти в данной сфере сводятся, как правило, к малоэффективным PR-компаниям, вроде «Года семьи» или социальной рекламе, в то время как не предпринимается никаких усилий для противодействия деструктивному характеру современного информационного

поля, в котором пропагандируются антисемейные ценности и навязывается культ эгоизма. Весь спектр брачно-семейных и репродуктивных установок, формируемых коммерческой рекламой, находится в узком диапазоне демографической деградации. Модель демографического поведения, предлагаемая потребителю с помощью профессиональных методов воздействия на массовое сознание, сводится либо к неполной семье (как правило, во главе с матерью-одиночкой), либо к образованию малодетной (в большинстве случаев однодетной) семьи, выступающей главным фактором депопуляции российского населения. Именно поэтому одно из наших предложений состоит в законодательном закреплении позитивных демографических стандартов [4].

Безусловно, важнейшим фактором демографического развития страны должна стать миграционная политика, которая будет соответствовать следующим критериям. Во-первых, приток иммигрантов должен иметь объемы, которые не угрожали бы тенденции роста рождаемости среди коренного населения. Во-вторых, государственную миграционную политику необходимо строить таким образом, чтобы допускать в страну, только тех трудовых мигрантов, которые действительно необходимы для ее социально-экономического развития. В этой связи может быть полезным опыт построения системы отбора мигрантов в зарубежных странах, в которые иммигранты допускаются, только если они отвечают жестким квалификационным и иным требованиям. В-третьих, приток мигрантов должен иметь такие объемы и направления, которые бы исключали даже потенциальную опасность возникновения этнически однородных сообществ и развитие межэтнической напряженности. В-четвертых, отдельным направлением миграционной политики должна стать программа репатриации соотечественников.

Таким образом, для повышения эффективности современной государственной демографической политики необходимы: четкое определение органов, ответственных за реализацию демографической политики с выработкой критериев, позволяющих оценивать эффективность их работы; активизация усилий государства, в том числе в законодательной сфере по защите и пропаганде традиционных семейных ценностей; приведение целей и задач государственной миграционной политики в соответствие с целями и задачами государственной демографической политики в целом.

Литература

1. Глинский В.В. К вопросу об оценке перспектив развития демографической ситуации в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 12. С. 17–21.
2. Глинский В.В., Овечкина Н.И. Тенденции демографической политики: сдержанный оптимизм третьего цикла // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 16. С. 14–18.
3. Сазонова Е.С. Демографический кризис: феноменология и государственное управление // Стратегии России в историческом и мировом пространстве: Материалы Всерос. науч. конф. (5 июня 2009 г.). М., 2009. С. 795–802.
4. Белобородов И.И. Демографическая политика в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=1825
5. Брынцева Г. 1,3 ребенка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/11/07/vishnevskij-dz.html>

6. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html>
7. О плане реализации в 2011–2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года: проект доклада министра Татьяны Голиковой на заседании Президиума Правительства РФ от 17 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/social/demography/25>
8. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/ukaz637.pdf>
9. *Рязанцев С.В.* Эффективность мер демографической политики в России и предпосылки создания модели управления демографическими процессами [Электронный ресурс]. URL: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Demmodel2011-2013.pdf
10. World Population Prospects, the 2010 Revision [Electronic resource]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>

Bibliography

1. *Glinskij V.V.* K voprosu ob ocenke perspektiv razvitija demograficheskoj situacii v Rossii // Nacional'nye interesy: priorityety i bezopasnost'. 2008. № 12. P. 17–21.
2. *Glinskij V.V., Ovechkina N.I.* Tendencii demograficheskoj politiki: sderzhannyj optimizm tret'ego cikla // Nacional'nye interesy: priorityety i bezopasnost'. 2010. № 16. P. 14–18.
3. *Sazonova E.S.* Demograficheskiy krizis: fenomenologija i gosudarstvennoe upravlenie // Strategii Rossii v istoricheskom i mirovom prostranstvah: Materialy Vseros. nauch. konf. (5 ijunja 2009 g.). M., 2009. P. 795–802.
4. *Beloborodov I.I.* Demograficheskaja politika v Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=1825
5. *Brynceva G.* 1,3 rebenka [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rg.ru/2006/11/07/vishnevskij-dz.html>
6. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html>
7. О плане реализации в 2011–2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 года: проект доклада министра Татьяны Голиковой на заседании Президиума Правительства РФ от 17 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/social/demography/25>
8. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/ukaz637.pdf>
9. *Rjazancev S.V.* Эффективность мер демографической политики в России и предпосылки создания модели управления демографическими процессами [Электронный ресурс]. URL: http://www.isprras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Demmodel2011-2013.pdf
10. World Population Prospects, the 2010 Revision [Electronic resource]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/population.htm>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 179.8

О ЗАВИСТИ СОЦИАЛЬНОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ: ИСТОКИ И СЛЕДСТВИЯ

Н.В. Меньшикова, В.М. Фигуровская

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: philos@nsuem.ru

В статье речь идет об одной из наиболее сильных человеческих страстей – зависти, которая, с одной стороны, отличается от здорового чувства соперничества и конкуренции, а с другой – в условиях несправедливого социального устройства приводит к утрате адекватной самоидентификации, доверия к миру и ресентименту.

Ключевые слова: зависть, благо, добродетель, социальная справедливость, ресентимент, доверие, социальный капитал.

ON SOCIAL AND INDIVIDUAL ENVY: BACKGROUND AND CONSEQUENCES

N.V. Menshikova, V.M. Figurovskaya

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: philos@nsuem.ru

The article considers one of the most intense human passions – envy, that, on one hand, differs from healthy feeling of rivalry and competition, and, on the other hand, in the environment of unfair social order, leads to the loss of adequate self-identification, confidence in world and resentment.

Key words: envy, blessing, virtue, social justice, resentment, confidence, social capital.

Зависть как предмет исследования не уместается в рамки этики, социологии или социальной психологии. Философский аспект данного феномена анализировался уже на ранних этапах развития философии: впервые это сделали софисты, зависть часто фигурирует на страницах диалогов Платона, в сочинениях Аристотеля. Специальный трактат «О завистливости» написал ученик Зенона Клеанф, безжалостно бичуют ее «отцы церкви» Клемент Александрийский и Аврелий Августин. Среди трудов Василия Кесарийского и Киприана Карфагенского есть сочинения, специально посвященные этому феномену. А.Ю Согомонов [7, с. 31] дает краткий исторический обзор исследований, посвященных вопросам определения и природы зависти, от античнос-

ти до современности. В частности, он подчеркивает, что с наступлением Средневековья зависть как бы отодвигается на задний план, с ее существованием вроде бы «смирились», хотя и ведут против нее «священную войну». Еще на заре Средневековья зависть была возведена в ранг «смертного греха», а позднее IV Латеранский собор 1215 г., установивший обязательную ежегодную исповедь для истинных христиан, потребовал особой бдительности от церкви в деле распознавания зависти. В эпоху гуманизма и Просвещения зависть снова становится объектом пристального внимания мыслителей. Ф. Бэкон и Ф. де Ларошфуко не просто стремились понять суть этого явления, но и рационально объяснить его природу. Мандевиль первый поднялся до понимания диалектической природы зависти. Значительные шаги к раскрытию этого феномена были предприняты Б. Спинозой, И. Кантом, А. Смитом, А. Шопенгауэром, С. Кьеркегором, Н. Гартманом, М. Шелером, Ф. Ницше. Сквозь призму социального анализа рассматривали зависть Г. Зиммель, М. Вебер, М. Веблен и др. К. Маркс отмечал, что зависть порой становится универсальным социальным явлением, когда приобретает для индивида, а нередко для целого коллектива характер ценностной ориентации. Такая зависть является особым типом социального поведения, поскольку содержит в себе определенные функции, направленные на поддержание или разрушение существующих стереотипов межличностных и межгрупповых отношений. Зависть становится «нормативным» фактором, обретает характер морального чувства и прочно занимает место в нравственной культуре общества [7, с. 33]. Именно такое общество К. Маркс назвал «казарменным коммунизмом», в котором присутствует всеобщая и конституирующая зависть.

Зависть с трудом поддается систематическому изучению не только в связи с непрозрачностью эмпирического материала и экспериментальной базы, но и из-за ограниченности понятийного аппарата, способного адекватно осветить все бесконечное разнообразие форм выражения и проявления открытой и в особенности латентной зависти. Но главная, пожалуй, сложность заключается в необходимости поиска, как подчеркивает А.Ю. Согомонов, «чистого материала» для феноменологического ее изучения, чтобы по крайней мере в общих чертах понять суть этого явления, отличать его от злорадства, злопамятства, ревности, простого недоброжелательства. В этом смысле древнегреческая культура представляет собой искомый «чистый материал». Английский философ П. Волкот отмечает: «Зависть всегда содержится в нас самих, но лишь греки оказались достаточно честными, чтобы признать этот факт действительности и, обсуждая мотивы человеческого поведения, говорить о нем вполне открыто» [7, с. 33].

Древние авторы понимают зависть как «досаду по чужому счастью и благу», как извращенный вид морального негодования, которому свойственна так называемая бескорыстная склонность к санкционированию. При этом речь велась, как правило, о каре в отношении объекта зависти, в то время как интересы субъекта зависти как бы не затрагивались. Эту мысль выразил в «Риторике» Аристотель, подчеркнув, что зависть есть печаль, не имеющая целью доставить что-либо самому завидующему, и она возможна лишь среди равных [1, с. 880–882]. А еще раньше Ксенофан в «Воспоминаниях о Сократе» сокрушался по поводу того, что зависть вызывается не преуспеванием врагов, а именно успехами друзей.

Эти рассуждения, на наш взгляд, требуют пояснения. Мандевиль заметил, что нищий не завидует вельможе, разъезжающему в карете, ибо расстояние между ними слишком велико. Вслед за ним эту мысль повторяли М. Шелер, В. Зомбарт и многие другие.

Для «нормального» функционирования зависти, исходя из вышесказанного, по мнению А.Ю. Согомонова, необходимо наличие следующих условий: 1) равенство в юридическом и политическом положении; 2) единство социально-классовой принадлежности; 3) инвариантность в реализации внешне одинаковых возможностей социально-правовых статусов; 4) заметные отличия в имущественном положении; 5) высокая концентрация населения; 6) относительная открытость жизненного уклада [7, с. 34]. Далеко не со всеми утверждениями автора можно согласиться, но об этом речь пойдет ниже.

Рассматривая зависть как проявление человеческой природы, Аристотель трактует зависть как крайность и человеческий порок. В «Никомаховой этике» он сравнивает зависть с моральным негодованием, а в «Риторике» – с чувством соперничества, т.е. в обоих случаях философ говорит о зависти как нежелании блага другому, а только себе, и именно в этом заключается «великое противостояние» добра и зла. При этом зависть порой инициирует вполне активные действия завистника: распространение ложных слухов, очернительства, клеветы и т.п. В этом состоит принципиальное отличие зависти от духа соперничества, ценящего истинное благородство в отношении соперников. Основное «золотое правило» зависти – нежелание другому того, что желаешь себе. Эту мысль Аристотель высказывает в «Риторике»: «Человек под влиянием чувства соперничества старается сам достигнуть благ, а под влиянием зависти стремится, чтобы его ближний не пользовался этими благами» [1, с. 883]. Для Аристотеля однозначно, что соперничество и соревнование есть благо, а вырастающая на этой почве зависть – моральное зло. Зародившаяся на древнегреческой почве идея «зависти богов», высказанная в «Одиссее», указывает на такую близкую связь между людьми и богами, при которой возможна ревность богов к людской удаче и благоденствию. По мере того, как «героическая» модель культуры, представленная в гомеровских поэмах с присущим им культом сильной индивидуальности, сходила на нет, страх перед «завистью богов» приобретал все более житейский характер. При этом формируется некая социальная, коллективная форма зависти, свидетельствующая о том, что место сильных одиночек начинает занимать безликая масса.

Э. Дюркгейм обращает внимание именно на такую характеристику коллективного сознания, как зависть. Он рассматривает две формы коллективной зависти: сакральную и профанную. Человек классического полиса находился, по мнению автора, в тисках «зависти богов», с одной стороны, и людской зависти – с другой. Сущностно тождественные, единые по своим социальным функциям, они, однако, отражают разные пласты античного сознания. Профанная зависть находится в области обыденного сознания; развиты представления о том, что следует опасаться зависти некоего сверхъестественного начала ко всякому человеческому успеху, благополучию и счастью. «Завистливое око» не персонифицировано, не всесильно, против его разрушительного воздействия имеются некоторые ритуальные средства. Идея «зависти богов» приобретает уже некое метафизическое обоснование и становится одной из форм логического объяснения мироустройства и отношений между миром

людей и миром богов. Можно говорить о том, что эта ситуация свидетельствует о формировании нравственно-религиозной культуры. Для ее становления должны возникнуть по крайней мере два условия: ломка традиционной культуры, основанной на суевериях и обрядах, и появление моральных норм, получивших объяснение и выраженных в общей логической абстрактно-теоретической форме как свидетельство формирования нравственной культуры.

На более поздних этапах развития общества возникают новые формы регуляции социального взаимодействия, которые в культурологии получили названия «культуры стыда» и «культуры вины» [4]. В культурах первого типа личная самооценка основывается на мнении окружающих, т.е. общественном одобрении или порицании, а поведение индивида соотносится с нормами общества, где высшей степенью оценки становится чувство стыда (позора) вплоть до остракизма провинившегося. «Культура стыда» доминирует преимущественно на эпической стадии развития общества. Своеобразие воспроизводимой Гомером моральной ситуации состоит в том, что есть моральные индивиды и им следует подражать, но отсутствуют сформировавшиеся моральные нормы, т.е. в эпическом обществе, как пишет А.А. Гусейнов, нет еще «абстрактно-фиксированного критерия различения нравственного и безнравственного» [3].

Затем в процессе исторического развития этот внешний регулятор становится недостаточным и начинается поиск внутреннего основания личностной ответственности через самооценку и саморегуляцию. Так, на смену стыду приходит чувство вины. В отличие от стыда вина – чувство более сложное, возникает тогда, когда уже существуют наиндивидуальные моральные нормы, зафиксированные в общезначимых культурных формах. В Греции в VII–VI веках до н.э. был совершен величайший нравственный переворот, положивший начало осевому времени становления цивилизации и институциональному закреплению нравственных норм. Новое сознание с необходимостью включало в свое содержание этическую саморегуляцию, личную ответственность и нормы долженствования, что свидетельствовало об уходе от родовой регуляции индивидуального поведения и формировании свободной личности.

В эту эпоху расцвета мифологического сознания взоры древнегреческих философов обращены не столько к миру земному, сколько к Космосу и миру божественному. Возникает идея «зависти богов» и ее карающей функции. Например, Эсхил высказывает мысль о том, что божественное начало наделено этическими функциями и божественная зависть выступает в качестве мерила справедливости, гаранта сохранения мироздания. В «Истории» Геродота идея божественной зависти начинает приобретать некую логическую, условно говоря, рациональную доказательность. Наблюдая определенную неустойчивость человеческого благоденствия, Геродот допускает божественное вмешательство в жизнь людей, выраженное либо в изначальной предопределенности, либо в божественном отмщении. А.Ф. Лосев полагает, что «зависть богов», по Геродоту, проявляется в нетерпимости богов к сверхмерному счастью низших существ (людей) [5]. При этом причина «зависти богов», по Геродоту, кроется в поведении человека, его высокомерии и гордыне. Таким образом, Геродот придает этой зависти именно морализирующий смысл и основание для жизни в соответствии со справедливостью и космической мерой. Развивающаяся в Древней Греции конкуренция между дионисийской и апол-

лонической культурой определяет неоднозначное отношение к такому объяснению исторических коллизий, результатом чего становится десакрализация «божественной» зависти, ее включенность в повседневную жизнь, нравственную культуру греческой демократии и привлечение внимания к зависти человеческой, профанной. Как свидетельствует дальнейший ход истории, борьба демократии с тиранией породила новый тип оценки человеческого поведения, выразившейся в так называемом остракизме. Социум, осуждая того или иного индивида за его якобы недостойное поведение, предлагал не его физическое уничтожение, а исключение из этого сообщества в виде почетной ссылки. При этом речь шла о таких прегрешениях, как излишнее самовозвышение, наличие чрезмерно амбициозных планов и притязаний на основы демократии. Отношение рядовых граждан к трибунам или иным политическим деятелям на самом деле приобретало характер недоброжелательства и тайной или явной зависти к незаслуженно возвысившимся. Заметно, что субъектом зависти всегда выступает народ, толпа, хотя можно было бы проследить и выявить тайные пружины подстрекательства, исходящие от конкретных граждан, действующих в своих корыстных интересах. Остракизму не подвергался никто из бедняков, а лишь представители богатых и знатных. Плутарх называет два основных мотива, лежащих в основании остракизма: чрезмерно разросшийся авторитет, слава и вызванная этими обстоятельствами зависть; богатство, чрезмерно демонстрируемое и также вызывающее зависть. Таким образом, остракизм по сути подобен «зависти богов», но его природа выявляется в десакрализованной форме, являясь по сути неким институализированным средством проявления зависти, узаконившим определенный тип социального поведения. На эту особенность греческой демократии обратил внимание Ф. Бэкон, который в своих «Опытах» [2] также связывает остракизм с завистью, причем для него зависть народа есть признание достоинств сильной личности и одновременно главное препятствие на пути реализации ее творческих потенциалов, а Ф. Ницше позже назовет остракизм классическим примером молчаливой зависти толпы.

Приходится признать, что за прошедшие века мало что изменилось, когда речь идет о человеческой зависти. Однако у нее появляются новые средства для того, чтобы вписаться в новый социально-исторический контекст. В иные времена, когда чувство зависти людской обострялось неимоверно сильно, происходил слом существующего общественного строя, совершались социальные революции под лозунгами всеобщего равенства, братства, свободы. Либо в обществах, где царили (или царят) долгие годы тоталитарные режимы, искусственно уравнивающие всех людей и претворяя в жизнь лозунги эгалитаризма, зависть рядится в новые одежды для прикрытия своей истинной сущности. В таких условиях зависть обретает «второе дыхание», даруя завистнику высшее наслаждение при виде горя и униженности тех, кто лишен доступа к «верхам». Конечно, мы не можем утверждать, что именно зависть есть источник закономерных общественных изменений. Однако важно понять, какую конкретную окраску формам и срокам этих изменений придает зависть.

Представляется, что зависть всегда негативна по своей природе, независимо от того, называется она черной или белой. Она есть свидетельство, с одной стороны, заниженной личной самооценки, ощущение самонедостаточности, а с другой – отрицание права Другого на обладание тем, чего лишен Я. Таким

образом, имманентно зависть разрушительна и в отношении Я, и в отношении Другого, т.е. в коммуникации. Не исследуя всех причин возникновения зависти – личной, индивидуальной или массовой, ее животных или социальных истоков, обратимся к тому, как эта проблема обсуждается в работах М. Шелера. Автор исходит из идеи ресентимента, переоценки ценностей, который возникает на почве зависти, ревности, конкуренции [8]. Зависть возникает из желания обладать благом, которое есть у другого, но отсутствует у завистника. Если при этом формируется внутреннее напряжение в связи со жгучим желанием этим благом завладеть, и невозможностью, в первую очередь, неспособностью добиться желаемого социально узаконенными средствами, возникает чувство душевного дискомфорта. При этом источником подобной ситуации могут быть разные объекты зависти, как материальные, так и иные. К примеру, завидуют не только чужому богатству, социальному положению, славе, но и красоте, уму, личному достоинству и т.д. М. Шелер считает, что следует различать так называемую экзистенциальную зависть, зависть к индивидуальной сущности и бытию другого человека, и зависть социальную, характерную для общества всеобщей конкуренции. Отличительной чертой последней является, по мнению М. Шелера, внутренняя и внешняя безграничность стремления, не ограничиваемого нравственными императивами. В любом случае болезненное внутреннее напряжение ищет выхода, и индивид пытается для себя разрешить возникшую коллизию через ценностное сравнение себя с другими.

При отсутствии адекватной самооценки, болезненном самолюбии и самолюбовании чувство зависти может привести к печальным результатам: с одной стороны, психическим срывам, болезням, испорченным отношениям с близкими, а с другой – к желанию произвести переоценку ценностей, позволяющую индивиду найти основания для формирования чувства превосходства над другими. Подмена истинных ценностей ложными в угоду собственным амбициям и «фальсификации ценностных таблиц» (Ф. Ницше) не только коверкает личность, но имеет вредные социальные последствия. Скрывая действительные мотивы своих поступков, завистник начинает проповедовать другие «ценности», находит последователей и совершает антисоциальные действия под маской благих дел. При этом происходит «омассовление» субъекта зависти, недовольные той или иной общественной ситуацией как бы слипаются в один большой ком и начинают формировать свою социальную организацию. Именно ничем не ограничиваемое стремление к жизни «не по заслугам», порождающее зависть, доходящую до ненависти, – наиболее негативная сторона социальных взаимодействий, если в их основание заложена зависть. Важен вывод, сделанный М. Шелером: не устранив негативные причины ресентимента, нельзя сформировать позитивную нравственную интересубъективность и построить отношения с другими на фундаменте добрососедства, взаимного примирения, поддержки и доверия.

Надо, однако, иметь в виду, что в разные исторические эпохи ценности объективно меняются и пересматриваются. Но сейчас мы говорим о базовых человеческих ценностях как категорическом императиве. В его содержании зависть носит всегда и повсеместно негативный антигуманный характер. Фактор социальности человеческого взаимодействия играет важнейшую роль в искоренении зависти и ее последствий так же, как и наоборот, в формировании зависти.

Дж. Ролз в «Теории справедливости» [6], обсуждая проблему равенства, основанную на адекватном понимании принципа различия, приходит к выводу о том, как связаны между собой зависть и социальная справедливость. Автор деликатно говорит о вероятности извинительной общей зависти во вполне упорядоченном обществе. Предположив, что главным психологическим источником зависти является отсутствие уверенности человека в его действительной значимости и самооценности Я, и полагая при этом собственное бессилие для изменения неблагоприятных обстоятельств жизни, человек либо теряет к ней интерес, либо начинает завидовать более удачливым и благополучным. Если в это время в душе еще нет устойчивого морального стержня, отсутствует практика критического рефлексирования, бывает трудно устоять против возможности обвинить в своих неудачах других, внешние обстоятельства и поддаться искушению зависти. Что может в таких обстоятельствах предложить общество или непосредственно малая группа, с которой коммутирует индивид?

Возможно, по нашему мнению, исследовать зависть с позиций современных теорий социального капитала и доверия. Если человек доверяет людям, с которыми он взаимодействует, исчезает место для зависти. Кажется, сообщество, коллектив, братство, построенные на доверии, не только выбивают почву для возникновения зависти, но и принципиально повышают уровень самооценки и честность взаимоподдержки. При таком психологическом климате человек выпрямляется и чувствует себя свободно и уверенно. И при этом вся система социальных сетей, которыми распоряжается это сообщество, его социальный капитал, является условием, позволяющим индивиду раскрыть свои потенциальные возможности без оглядки на презрение или даже равнодушие окружающих.

Литература

1. *Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 880–883.
2. *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. М., 1972. С. 370.
3. *Гусейнов А.А.* Введение в этику. М., 1985. С. 42.
4. *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967. С. 199–200.
5. *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977. С. 93–94.
6. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
7. *Согомонов А.Ю.* Социально-нравственная природа зависти // *Философские науки*. 1989. № 8. С. 31–34.
8. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. М.: Наука, 1999.

Bibliography

1. *Aristotel'.* Jetika. Politika. Ritorika. Pojetika. Kategorii. Minsk: Literatura, 1998. P. 880–883.
2. *Bjekon F.* Soch. T. 2. M., 1972. P. 370.
3. *Gusejnov A.A.* Vvedenie v jetiku. M., 1985. P. 42.
4. *Kon I.S.* Sociologija lichnosti. M., 1967. P. 199–200.
5. *Losev A.F.* Antichnaja filosofija istorii. M., 1977. P. 93–94.
6. *Rolz Dzh.* Teorija spravedlivosti. Novosibirsk, 1995.
7. *Sogomonov A.Ju.* Social'no-nravstvennaja priroda zavisti // *Filosofskie nauki*. 1989. № 8. P. 31–34.
8. *Sheler M.* Resentiment v strukture moralej. M.: Nauka, 1999.

УДК 165.02

ИСТИНА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ (пути постмодернизма в трактовке познания)

Т.Ф. Пыхтина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: taleal@ngs.ru

Рассматривается проблема истины и ее решение в современной теории познания по версии постмодернизма. Отмечаются основания и вместе с тем проблематичность введения такого критерия оценки знания на истинность, как социальная значимость. Подчеркивается, что изменение критериев истины и представлений о ней обусловлено не только субъективными восприятиями современного процесса познания, но и объективными условиями развития современной культуры.

Ключевые слова: истина, субъект, объект, познание, постмодернизм, социальная значимость.

VERITY AS A SOCIAL WEIGHT (postmodernism's ways in cognition theory)

T.F. Pykhtina

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: taleal@ngs.ru

The verity problem and its solution in the modern cognition theory in postmodernism version are considered. Grounds together with the issue of introduction of such verity criterion of knowledge estimation as social weight are pointed out. It is emphasized that changes in verity criteria as well as in the idea of verity are determined not only by subjective perception of the modern cognitive process but also by objective conditions of the modern social process.

Key words: verity, subject, object, cognition, postmodernism, social weight.

Проблема истины всегда актуальна, поскольку составляет главную цель познания. Однако, как показывает история научного познания, представление об истинности знания меняется в зависимости от погружения в ту или иную культуру: классическое представление, неклассическое, постнеклассическое, постмодернизм. Причина этих изменений достаточно ясна, если обратиться к историческим и социальным основаниям познания. Современная культура также выдвигает свои поправки и требования и к самому познавательному процессу, и к знанию, претендующему на истину. В этой связи заслуживают внимания позиции постмодернизма в трактовке истины, в частности, введение такой ее оценки как социальная значимость. Бесспорно, знание имеет социальную значимость, однако в данном случае речь идет о введении этого критерия в сам процесс достижения истины. Прежде всего, что послужило тому основанием?

Как известно, знание рождается в процессе субъект-объектного взаимодействия, поэтому все происходящие изменения связаны с трактовкой этой связи, с акцентом на объект или же субъект познания. Для классической науки, например, содержание знания определялось детерминацией объекта,

субъективное же должно было быть элиминировано. Но революционные сдвиги в научном познании XX века коренным образом изменили трактовку истинности. Как писал Гейзенберг, квантовая механика выдвинула новые требования: «Если в наше время можно говорить о картине природы, ... речь, по сути дела, идет уже не о картине природы, а о картине наших отношений к природе. Старое разделение мира на объективный ход событий в пространстве и времени, с одной стороны, и душу, в которой отражаются эти события, – с другой ... уже не может служить отправной точкой в понимании современной науки» [2, с. 303–304]. Отсюда произошло переосмысление таких фундаментальных трактовок, как объективность, истинность, разрыв субъекта и объекта познания. Постмодернизм принципиально меняет установку познания: абсолютизирует включенного в контекст социума и культуры субъекта. Постмодернистская культура познания развила дальше идеи модернизма, в какой-то мере довела их до абсурда с точки зрения задач науки и научной истины. Постпозитивизм, который расширил понимание науки, активно введя социокультурную обусловленность познания, все же ограничивал в какой-то мере субъективность, ставя ее в зависимость от господствующей парадигмы. В постмодернизме же делается акцент на свободу субъекта, поэтому господствует идея плюралистичности миров. Соответственно миру каждого субъекта соответствует своя истина. Это обстоятельство объясняется еще и тем, что изменился и характер, и задачи современной науки: она занята больше развитием вширь, внедрением своих результатов, поэтому должна ориентироваться на своевременность и локальную применимость.

Прежде всего, как уже было сказано, связь субъекта и объекта осмысливается иначе, чем в классическом варианте, так как и сам субъект получил иное содержание. Во-первых, произошел отказ от «индивидуального атомизма» – субъект рассматривается как коллективное «Я», где превалирует социальное и политическое бессознательное, причем последнее понимается самым различным образом. Ж. Лакан, например, отождествлял его со структурой языка, Фуко говорил о специфическом коде (свод предписаний и запретов) как реализации эпистемы, Ж. Делез – о сингулярностях. Во-вторых, субъект не противопоставляется объекту, не выступает в качестве объективного наблюдателя, а включен в объект, растворен в нем. В этом смысле объект уже не объективная реальность, а «культурный текст», вне которого нет уверенности судить о реальности, т.е. человекоразмерен. Авторы видят мир как *текст*, который мы выстраиваем сами, это – отражение нашего взаимоотношения миром. По замечанию У. Эко, мы, скорее всего, движемся к обществу с более значительным уровнем свободы, и в нем свободное творчество будет существовать с интерпретацией *текста* [8]. В свете этих заключений переосмысливаются и субъект-объектные отношения в процессе познания: если субъект включается в предметность познаваемого мира, то получаемое знание несет в себе в первую очередь содержание самого субъекта. Отсюда объяснимы и те метаморфозы, которые произошли с современным пониманием истины. Истина возможна только в контексте, с учетом значимости повседневности как граничного условия познания и практики. Коллективный субъект, включенный в реальность и определяющий ее, нацеливает познание на социальную значимость (самой науке в ее прежнем варианте было безразлично, как и что будет реализовано).

Исходная позиция постмодернизма основана на том, что современный мир стремительно развивается, возрастает скорость всех социальных процессов и взаимодействий – «мир текуч и пронизаем», как сказал З. Бауман. Поэтому не может быть универсальной истины: она может носить только локально-исторический характер. «Скорость мышления и действий человека явились главным показателем его экономической эффективности. Сама скорость тем выше, чем свободнее человек от всяких обременяющих его «вещей» и «обязательств»» [1, с. 163]. По мнению Баумана, грядущая трансформация ментальности человека – возникновение сверхума – социальной группы людей с развитой интуицией. Следуя автору, можно предположить, что их прерогатива как раз в том и состоит, чтобы открывать истину для каждой культуры, каждой отрасли и каждого временного промежутка.

Итак, истина утрачивает свою фундаментальность и однозначность, она целиком зависит от тех условий, в которых протекает познание, и предназначена для них. Идеи синергетики, захватившие постмодернизм, дают ему общую установку: устойчивость и равновесность – это тупики эволюции. Надо сказать, что синергетическая методология во многом объясняет постмодернизм. Синергетика в познании делает упор на коммуникативные связи и междисциплинарный диалог, в процессе которых осуществляется процедура выбора из возможностей при решении частных задач. Поэтому велика роль «совместного действия», так как именно оно, по мнению авторов, и порождает общезначимые смыслы. Таким образом, *истина не открывается, а возникает в субъект-предметном отношении* (и не будем забывать, что субъект видится как коллективный). Коммуникативные связи порождают новые смыслы – аттракторы, вокруг которых объединяется разьединенное, становится общепризнанным – истинным. Эти аттракторы и есть цель познания, которая активно воздействует на выбор средств своей реализации, *детерминирует настоящее будущим* [7]. Отсюда понятна и такая характеристика истины в современном понимании, как плодотворность, успешность в дальнейшем исследовании и использовании. Если учесть, что субъект сам изменяется, создает самого себя, то ясна и утрата истиной статуса определенности и конечности.

В современной познавательной ситуации поиск истины продолжается, но не ставится цель объективности описания. Поскольку коллективный субъект исходит, прежде всего, из своих интересов – своего понимания *текста*, то истина приобретает характер плюралистичности, а отсюда – ее локальный характер. В рассуждениях упор делается уже не на истину как таковую, а на *условие истины*, т.е. совокупность условий, при которых предложение «было бы» истинным. Как отмечал Ж. Делез: «концепт всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания» [3, с. 40]. Субъект-предметное отношение Ж. Делезом понимается как порожденное хаосом (синергетическая трактовка), мир становится понятным в том случае, если удастся логически осмыслить переход границы между миром хаоса и миром действительности и осмыслить эту границу. Тем самым на заданные условия – *текст* субъект накладывает свою схему, продиктованную качествами социума – ценностями, целями, возможностями. Другой известный представитель постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар, обращаясь к проблеме утверждения локально-исторической истины, привел пример связи науки с техникой, причем в духе постмодерна подменяет понятие «истинное» понятиями «справед-

ливое», «эффективное», «правильное». Он пишет: «Государство и предприятие покидают идеалистический или гуманистический легитимирующий рассказ, чтобы оправдать новую цель: в речи сегодняшних распорядителей кредитов только одна цель внушает доверие, это – производительность. Ученых, техников и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность. ... Широко введенный в научное знание технический критерий оказывает влияние на критерий истинности» [6, с. 112–113]. Далее он прямо подчеркивает определение истинности через социальную значимость: «То же самое можно сказать и об отношении между справедливостью и результативностью: вероятность того, что определенный порядок будет считаться справедливым, повышается по мере того, как им выполняются определенные задачи, и с ростом эффективности прескриптора» [6, с. 113]. Через эти положения Лиотар проводит общую мысль о том, что современная наука – это открытая система, включенная в открытое общество и открытую культуру постмодернизма, поэтому: «... Оптимизация рабочих характеристик системы, ее эффективность становятся критериями ее легитимности, где социальная справедливость понимается как научная истина» [6, с. 11]. Широкое включение социальных параметров в поиск истины, столь необходимое для современной познавательной ситуации в целях органичного внесения ее в гуманитарную культуру, автором объясняется через особенность современного общества: «Современное научное знание подвержено двойной легитимации. Поскольку этот вопрос задается по самой полной форме, а именно как реверсия, которая делает очевидным, что знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать. В эпоху информатики вопрос о знании более, чем когда-либо становится вопросом управления» [6, с. 28].

Субъект погружен в предметное поле, внося свои ценностно-целевые установки, тем самым подчеркивается открытость науки, разрушение ее внешних и внутренних границ – неотделенность науки от искусства, обыденного знания и т.п. М. Серр, например, подчеркивает, что научная истина нередко возникает из пересечения знаний, специализаций. В этой связи в современном познании широко введены герменевтические методы: скорее речь идет не о познании, а *понимании* через диалогическое «Я – Ты». На первый план выходит «понимающий микроанализ» как единство чувственного и рационального, эмоционального и рассудочного. Истина оказывается не слепком реальности, а скорее конструкцией субъекта, его языка. Как образно заметил Т. Козловский: «Теории сегодня не открывают, их выдумывают и конструируют» [4, с. 89]. Фактически получается, что реальная теория есть теория, в логическом отношении удовлетворяющая науку, хотя это лишь один из аспектов оценки теории. Сами структуры познания – понимания заданы до опыта.

Таким образом, истинность знания определяется социально значимой перспективой, творческой продуктивностью. Безусловно, сознание и познание субъекта зависит от исторических условий в целом, а если говорить более конкретно, то от форм материальной деятельности людей, экономических связей и отношений, интересов и целей социальных групп, политического руководства и т.д. Их взаимосвязь рождает самые различные структуры, поэтому действительно затруднительно искать только одно основание, одну универсальную истину. «...Поскольку любое событие, явление, любой пред-

мет имеют много сторон, граней, аспектов, то соответственно в познании мы можем подойти к предмету исследования, взяв его в том или ином аспекте. Выбор субъектом того или иного аспекта познаваемого объекта не абсолютно случаен: он диктуется условиями его бытия как конкретного социального существа» [5, с. 108]. Иначе говоря, любой субъект присутствует в определенном интервале, как отмечают Ф.В. Лазарев и С.А. Лебедев, который содержит универсалии, общие для всех членов этой целостности. «Субъект, находясь в определенном интервале, не просто имеет свою картину реальности, свое видение происходящего, он имеет это с некоторой необходимостью» [5, с. 111]. Правда, говоря об «интервальной истине», авторы не разделяют в полной мере позиции постмодерна, скорее – это развитие социокультурного подхода, но во многом объясняют современные постмодернистские позиции трактовки истины. Не существует в науке неизменных оснований. С переходом к новым идеям, с расширением наших возможностей переходим к новым утверждениям до статуса «оснований», а находя более общие черты, – до статуса критерия, затем проверяем в понятиях успеха: плодотворности, эффективности и т.п. Но следует заметить, что и сами критерии успеха меняются, согласно постмодернизму, в зависимости от прочтения текста.

Приведенные рассуждения показывают, насколько изменилось представление об истине в современной гносеологической практике. Очевидно, что введение в понимание истины такой оценки, как социальная значимость, обусловлено кардинальными изменениями и в самом обществе, и в трактовке процесса познания. Насколько можно согласиться с позициями постмодернизма? Вопрос не простой, так как затрагивает основания современной культуры. То что действительность многомерна и возможен плюрализм истин – не изобретение сегодняшнего дня, эта идея развивалась еще с конца XIX века, в постмодернизме она лишь доведена до крайности через абсолютизацию коллективного субъекта по отношению к предметной реальности. Возражение вызывает другой момент – отказ от объективности истины. Для успешного, социально значимого развития познания, а вместе с ним и общества все же нужны знания, адекватно отражающие действительность. Те локальные истины (о которых говорит постмодернизм), значимые для отдельных отраслей, коллективов, поскольку строятся согласно их целям и задачам, не могут дать перспективу развития в целом. Действительно, мир стремительно меняется, но общество как любая система живет перспективой своего самосохранения, апелляция к идеям синергетики, что хаос помимо человека сам приведет к определенному порядку, вряд ли ляжет в основу деятельности управляющих структур.

А в целом постмодернизм интересен, плодотворен при определенной корректировке применительно к науке, поскольку ориентирован именно на современного человека.

Литература

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Гейзенберг В. *Шаги за горизонт*. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.
4. Козловский Т. Современность постмодерна // *Вопросы философии*. 1995. № 10. С. 85–95.

5. *Лазарев Ф.В., Лебедев С.А.* Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. 2005. № 10. С.95–113.
6. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. *Порус В.Н.* Является ли наука самоорганизующейся системой? // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 95–108.
8. *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст (отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 г.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5–14.

Bibliography

1. *Bauman Z.* Tekuchaja sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 p.
2. *Gejzenberg V.* Shagi za gorizont. M.: Progress, 1987. 368 p.
3. *Deljoz Zh., Gvattari F.* Chto takoe filosofija? SPb.: Aletejja, 1998. 286 p.
4. *Kozlovskij T.* Sovremennost' postmoderna // Voprosy filosofii. 1995. № 10. P. 85–95.
5. *Lazarev F.V., Lebedev S.A.* Problema istiny v social'no-gumanitarnyh naukah: interval'nyj podhod // Voprosy filosofii. 2005. № 10. P. 95–113.
6. *Liotar Zh.-F.* Sostojanie postmoderna. SPb.: Aletejja, 1998. 160 p.
7. *Porus V.N.* Javljaetsja li nauka samoorganizujuwejsja sistemoj? // Voprosy filosofii. 2006. № 9. P. 95–108.
8. *Jeko U.* Ot Interneta k Gutenbergu: tekst i gipertekst (otryvki iz publichnoj lekcii Umberto Jeko na jekonomicheskom fakul'tete MGU 20 maja 1998 g.) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 32. P. 5–14.

УДК 81

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е.Г. Ваганова

Новосибирский государственный технический университет

E-mail: lenavaganova@yahoo.com

Статья посвящена проблемам исследования языковой картины мира. Языковая картина мира как интегральное понятие включает знания как совокупность сведений об окружающем мире, определенное видение и понимание мира, различные способы восприятия действительности.

Ключевые слова: картина мира, мировоззрение, язык, действительность, восприятие.

EVOLUTION OF IMAGE OF THE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

E.G. Vaganova

Novosibirsk State Technical University

E-mail: lenavaganova@yahoo.com

The paper addresses the issues of investigation of the linguistic view of the world. The linguistic view of the world as an integral notion includes knowledge as aggregate information about outworld, certain vision and understanding of the world, different ways of perception of reality.

Key words: view of the world, world outlook, language, reality, perception.

Язык как явление уникальное находится в центре внимания феноменологии, аналитической философии, экзистенциализма, герменевтики, структурализма и постструктурализма и является объектом современного познания. Это обусловлено тем, что знания о мире в существенной мере зависят от языка. Роль языка в процессе познания проявляется во влиянии на уровень абстрактного мышления, на возможность формулировки вопросов относительно бытия и получения ответов на них.

Язык – исключительный атрибут человека, поэтому человек является центральной фигурой в картине мира, которую представляет язык. Как показали исследования последних десятилетий, семантическая система языка основывается на принципе антропоцентризма: чтобы описать размер, форму, температуру, положение в пространстве, функцию и другие свойства предметов, язык в качестве точки отсчета использует человека.

Человек – субъект познания, поскольку является носителем определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках имеет свое название (картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах.

Понятие «картина мира» выражает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире, отраженные в языке.

Существует ряд понятий для обозначения отражения представлений о действительности в языке: картина мира, модель мира, образ мира, представление о мире, мировоззрение, мировосприятие. Представленные понятия в научной литературе часто используются как синонимичные, при этом не существует единой точки зрения на содержание понятия «картина мира». Представляется актуальным рассмотреть соотношение понятий «мировоззрение», «картина мира», а также уточнить содержание понятий «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира».

Термин «картина мира» восходит к немецкому слову *Weltanschauung* (мировоззрение). В XIX веке *Weltanschauung* употреблялось как синоним слов метафизика и философия.

Следствием процесса превращения мира в картину, а человека в субъект является характерное для Нового времени превращение науки о мире в науку о человеке, т.е. в антропологию, понимаемую как такое философское истолкование человека, «когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от человека и по человеку» [15]. С этим связано и возникновение с конца XVIII века слова «мировоззрение» как обозначения позиции человека в мире, где он является «точкой отсчета».

Мировоззрение (*Weltanschauung*), как уже было отмечено, слово специфически немецкое, впервые оно появляется в кантовой «Критике способности суждения» и обозначает мирозерцание в смысле наблюдения мира, данного в чувстве, мирозерцание как простое восприятие природы в самом широком смысле. Затем под влиянием романтиков, и в первую очередь Ф. Шеллинга, слово приобретает другое значение – осуществляемый самостоятельно, продуктивный и, стало быть, осознанный способ постигать и объяснять целостность сущего. Для Ф. Шеллинга важным в мировоззрении было то, что оно содержит определенные схематизмы и не нуждается в средствах теоретической науки. Г. Гегель говорит о моральном мировоззрении, Геррес о поэтическом, Ранке о религиозном и т.д.

Вопрос о сущности мировоззрения стал как никогда актуальным в начале XX века. Представители самых разных философских течений и направлений так или иначе, прямо или косвенно принимали участие в его обсуждении. Следует отметить, что не существовало единой точки зрения на содержание и структуру понятия мировоззрение.

В. Дильтей, например, определяя мировоззрение, подчеркивает его психическую составляющую [4]. З. Фрейд, заканчивая курс лекций по психоанализу лекцией «О мировоззрении», акцентирует внимание на интеллектуально-идеалистическом характере этого «специфически немецкого понятия» [14]. К. Ясперс, когда говорит о мировоззрении, имеет в виду «идеи» – «последнее и всеобъемлющее для человека, причем как в субъективном смысле – переживание, энергию, образ мыслей, так и в объективном – предметно-оформленный мир» [16, с. 7]. М. Хайдеггер пишет, что под мировоззрением следует понимать восприятие взаимосвязи вещей природы и одновременно объяснение смысла и цели человеческого бытия и тем самым истории [15]. Таким образом, как мы видим, под мировоззрением понимается самое общее и самое многоаспектное представление о мире. Возникает вопрос, как это понятие соотносится с понятием «картина мира».

Сейчас термин *Weltanschauung* просто переводится на русский язык понятием «картина мира», но мы полагаем, что это не вполне правильно, поскольку картина мира является одной из составляющих понятия «мировоззрение».

Мировоззрение – это сложное, интегральное образование, в котором принципиально важна связь его компонентов. Структура мировоззрения включает:

- знания как совокупность сведений об окружающем мире;
- совокупность взглядов, оценок, принципов;
- определенное видение и понимание мира;
- программу поведения и действий человека;
- совокупность образных представлений о мире, определяющих места в нем человека и его жизненные позиции;
- целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер (картина мира).

Картина мира, входящая в структуру мировоззрения, формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок мира. Необходимо исследовать критерии, по которым картина мира формируется в рамках общего мировоззрения. Для этого мы обратимся к работам известных философов, которые обращались к данной проблеме.

Рассмотрев проблемы, связанные с сущностью понятия «мировоззрение», определив его содержание и структуру, обратимся к содержанию понятия «картина мира».

Теория М. Хайдеггера, высказанная в докладе «Обоснование новоевропейской картины мира метафизикой», прочитанном философом еще в 1938 г., значительно опередила последующие дискуссии в науковедении о существовании общенаучной картины мира и нисколько не утратила своей значимости и в наше время.

Отвечая на вопрос, каждая ли эпоха истории имеет собственную картину мира, М. Хайдеггер пишет, что картина мира возможна только там, где бытие сущего ищут и находят в представленности сущего [15]. Превращение мира в картину – это отличительная черта новоевропейского взгляда на мир. Причем, и это очень важно, превращение мира в картину есть тот же самый процесс, что превращение человека внутри сущего в *subiectum* [16].

Наличие термина «языковая картина мира» свидетельствует о существовании и других способов картинного представления мира, в основе которых лежит сама возможность представления мира как картины. М. Хайдеггер в своей статье «Время картины мира», опубликованной впервые в 1950 г., отвечает на вопрос, что значит представить мир как картину [18].

М. Хайдеггер прямо отождествил превращение мира в его картину с процессом превращения человека в субъекта, т. е. с началом такого человеческого существования, когда намечается овладение действительностью. Картина мира, по его мнению, означает не просто некую картину, изображающую мир, но мир, понятый в смысле такой картины. Это как бы еще один, «второй» мир, построенный человеком для себя и поставленный им между собой и «реальным миром».

По М. Хайдеггеру, в выражении «картина мира» мир выступает как обозначение сущего в целом. Причем это имя не ограничено космосом, природой. К миру относятся и история. И все-таки даже природа, история и обе они вместе в их подспудном и агрессивном взаимопроникновении не исчерпывают

мира. Под этим словом подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру [18].

Картина мира – это не просто изображение мира, не нечто срисованное. Сущностно понятая картина мира, по мнению Хайдеггера, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины [18].

М. Хайдеггер пишет, где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он хочет преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой, причем представить его во всем, что ему присуще и его составляет как систему [15].

Определим, в чем, по М. Хайдеггеру, состоит отличие мировоззрения от картины мира. Мировоззрение как система представлений о мире и месте человека в мире существует всегда. Без них человек не может ни мыслить, ни поступать. Однако чаще всего он не анализирует эти представления. Они выступают как данность, естественный порядок вещей. Такой естественный порядок и называют целостным миром. И неважно даже, что мир этот может быть предельно разноликим. Я (человек) знаю, что где-то в запредельности (в Боге, в Мировом порядке и т.д.) эти пестрые лики сливаются в единое лицо. До природы этого знания мне просто нет дела. Так бывает чаще всего, но не всегда. В какой-то момент времени человек, общество, а порой и все человечество осознает, что «распался мир, исчезла связь времен». Реальность распадается на мириады не связанных между собой осколков, движущихся в разном направлении. Все параметры прежнего мира – смыслы, ценности, поведенческие стандарты – оказываются разрушенными. Человек попадает в мир, в котором нельзя ориентироваться. Это состояние М. Хайдеггер назвал состоянием «экзистенциального страха». Чтобы избавиться от этого страха, человек должен «склеить» осколки, теоретически, идеально воссоздать целостность мира, которая уже утрачена. Это и будет картина мира.

М. Хайдеггер утверждает, что философия есть универсальная феноменологическая онтология. Философия должна отказаться от исследований какой-либо физической реальности. Исследование реальности – дело науки. Философия же – это отрицание жизненного смысла всякой познаваемой реальности и любой научной теории. Таким образом, определение онтологических основ картины мира – дело науки, а не философии [16].

М. Хайдеггер отметил, что в философии существует область, связанная с разработкой общей онтологической картины мира, которая лежит в основе конкретных наук, является наукой сама по себе. Науки описывают как бы локальные картины мира по сравнению с общефилософским представлением его в целом. Полная картина может быть представлена лишь в философии. Философия мыслит о смысле, который делает вещь именно таковой, какая она есть. Философия не стремится овладеть бытием, она направлена на постижение его смыслов [18].

Высоко оценивал роль философии в научном познании и формировании картины мира Э. Кассирер. Он рассматривал историю культуры, историю развития философских и научных идей и понятий как подготовительный этап к выработке теоретического базиса миропонимания. Э. Кассирер полагал, что философия формирует методологию научного познания и суть научно-понятийных определений и систем. Согласно Э. Кассиреру, логико-философские

понятия предшествуют «чувственному» и эмпирическому в научном познании. Поэтому он, как неокантианец, полагал, что все основные понятия математики и физики (масса, сила, эфир, абсолютное пространство и т.д.) должны рассматриваться не как образы действительности, а как «представления, порожденные философскими методами исследования». По его мнению, наука есть «от начала до конца порождение мышления», и она получает свое внешнее выражение в системах понятий, сформированных философией [6].

В трудах Л. Витгенштейна, посвященных исследованиям в области философии и логики, мир рассматривается не как нечто самодостаточное, а как нечто, определяемое связями (взаимодействиями). Задача автора — дать описание мира как системы взаимодействующих тел, или системы взаимодействий, а в качестве эвристического принципа выбирается изоморфизм (системы) мира и (системы) языка. Решение данной задачи предполагает определенное соотношение статики (синхронии) и динамики (диахронии): логика позволяет фиксировать моментальный «снимок» имеющихся положений дел (набор фактов), но в процессе исследования мира первоначально данная «картина мира» может монотонно усложняться: конкретизироваться и обогащаться за счет обнаружения новых фактов.

Рассматривая язык как деятельность, Л. Витгенштейн выдвигает следующее положение: жизнь знаку дает его употребление. При этом значение, которое присуще словам, не является продуктом нашего мышления. Значение знака есть его применение в соответствии с правилами данного языка и особенностями той или иной деятельности, ситуации, контекста. Поэтому одним из важнейших вопросов для Л. Витгенштейна является соотношение грамматического строя языка, структуры мышления и структуры отображаемой ситуации. Предложение — модель действительности, копирующая ее структуру своей логико-синтаксической формой. Следовательно, в какой мере человек владеет языком, в такой степени он знает мир. Языковая единица представляет собой не некое лингвистическое значение, а понятие, поэтому Л. Витгенштейн не разграничивает языковую картину мира и картину мира в целом [2].

Совершенно иную онтологию для картины мира описал К. Поппер. По его представлению мир состоит из трех частей:

- мира объектов (неорганика и живые организмы и их отношения);
- мира личного «Я» (мир человеческой психики);
- мира реализованных идей (аспекты различных культур, концепций познания и наук).

К. Поппер предполагал, что «мир объектов» — это непосредственная физическая реальность; а «мир сознания» или «мир — Я» и «мир объективного содержания мышления» или «мир идей» в онтологическом смысле соответствует каждой субъективной и объективной сторонам человеческого интеллекта. Субъективность этих онтологических миров состоит в «индивидуальных актах восприятия» реальности, в протекании мыслительных процессов в голове конкретного человека, а объективная сторона — это биологическое содержание этих процессов. Соответственно аспектам субъективности и объективности второй и третий онтологические миры К. Поппера подчиняются различным закономерностям. Так, субъективное мышление допускает каузальные связи между актами мышления и любыми материальными процессами и вы-

являет связи логического содержания, которые объективны уже потому, что отражают реальность, независимую от индивидуального сознания.

«Третий мир», как К. Поппер называет мир реализованных идей, суть объективная реальность, созданная на основе воплощения в жизнь идей человека, а потому подлежащая изучению и научному описанию. Но «третий мир» не есть отражение природного бытия, этот мир – творение ума и рук человеческих. Отсюда К. Поппер заключал, что знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает: оно есть знание без познающего субъекта [9].

Интересной представляется точка зрения Э. Фрома, назвавшего картину мира, определенным образом организованную и внутренне связанную, картой нашего природного и социального мира и нашего места в нем. По мнению автора, только картина мира позволяет человеку упорядочивать все обрушивающиеся на каждого индивида впечатления, ориентироваться и найти отправную точку. Концепция Э. Фрома, на наш взгляд, находит свое отражение в работах А.Н. Леонтьева. Образ мира в соответствии с концепцией А.Н. Леонтьева – это методологическая установка, предписывающая исследование когнитивных процессов индивида в контексте его субъективной картины мира, складывающейся у индивида на протяжении развития познавательной деятельности. М. Вебер, в свою очередь, обратил внимание на то, что картины мира в истории человечества часто служили вехами, указывающими путь, по которому следовала динамика людских интересов. Именно картина мира, по утверждению М. Вебера, определяла, «от чего» и «в чем» искали спасения [10].

Таким образом, мы установили, что картина мира входит в структуру мировоззрения и является философской категорией, представляющей идеальную модель самого широкого реального объекта – целостного мира. Одной из функций картины мира является отражение реального мира в языке таким, каким мир предстает перед нашим сознанием.

В отличие от мировоззрения картина мира изначально содержит в себе момент размышления над основами бытия, о мире и месте в нем человека, предпринимающего попытку воссоздать целостность мира. Мировоззрение – это комплексное воззрение о том, как вести себя в этом мире и по отношению к Пространству, и по отношению ко Времени. С помощью мировоззрения человек строит картину мира определенной эпохи или свою собственную.

Мировоззрение у разных людей имеет множество общих черт и может рассматриваться в различных аспектах. Так, мировоззрение может быть научным или антинаучным, религиозным или атеистическим, обыденным или философским, но оно всегда стремится к целостности и успешности относительно существования человека в мире, его отношения к миру. Однако достигается эта целостность разными способами. Художественное, мифологическое, религиозное мировоззрения формируются при преимущественном значении мироощущения; научное мировоззрение действует в основном на уровне миропонимания; философское осуществляет попытку системно гармонизировать оба уровня; а обыденное мировоззрение – это произвольное смешение мироощущения с миропониманием.

Будучи отражением мира и ценностным отношением к нему, мировоззрение играет и важную роль в формировании картины мира.

Картина мира – это обобщенное знание о строении, устройстве мира, закономерностях его развития. Картина мира является исходным пунктом и результатом деятельности мировоззрения.

Поскольку речь идет об отражении образа мира в сознании человека через языковые структуры, обратимся к понятию языковая картина мира и выявим ее взаимосвязь с концептуальной картиной мира. Проблему соотношения языковой и концептуальной картин мира О.А. Донских решает посредством исследования отношения «язык – сознание – действительность», где язык выступает как мир знаков и мир смыслов. Сравнивая смысл языкового знака и понятие, автор приходит к выводу, что смысл может входить в неограниченное число сочетаний. Его превращение в понятие и состоит в резком ограничении этого числа (вплоть до одного). Таким образом, О.А. Донских приходит к выводу, что соотношение концептуальной и языковой картин мира – это соотношение дискретного и непрерывного. А непрерывность как характеристика языковой картины мира появляется на более высоком уровне обобщения и именно в процессе сравнения с концептуальной [5].

Как уже было отмечено, выражение «языковая картина мира» говорит о том, что могут существовать и другие способы его картинного представления, а в основе всех этих способов лежит сама возможность представления мира как картины.

Языковая картина мира определяется как языковые образы реальных предметов и отношений, периферийные участки вербальных представлений, которые становятся источником дополнительных сведений об окружающей нас действительности. Причем они часто производят стойкие отложения в сознании познающего субъекта в силу образного характера их информации [10].

Но языковая картина мира имеет двоякую природу: она принадлежит системе сознания и системе языка. Являясь способом хранения языковых знаний и знаний о мире, языковая картина мира не самостоятельна, она неотделима от концептуальной картины мира. По мнению Г.В. Колшанского, «язык выступает формой овладения мира, но не формой особого мира. Вот почему нельзя говорить отдельно о языковом сознании, отдельно о языковом третьем мире и отдельно о языковой картине мира» [7, с. 16]. Точка зрения Г.В. Колшанского совпадает с высказыванием А.А. Леонтьева о том, что язык не является «демиургом картины мира» [10], так как он подчинен мышлению. Человек понимает не то, что позволяет ему язык, а вербализирует субъективно актуальное для него в данной речевой ситуации содержание своей концептуальной картины мира.

Отсюда можно заключить, что в психолингвистике под концептуальной картиной мира понимается совокупность знаний, мнений, представлений о мире, которая отражается в человеческой деятельности. Языковая картина мира может быть представлена как составная часть концептуальной картины мира, поскольку содержит, помимо знаний о языке, информацию, дополняющую ее содержание с помощью языковых средств. Следует отметить, что наряду со специфическими особенностями, которые выражаются в фонетической, лексической, грамматической и семантической структурах языка, языковая картина мира характеризуется знаковостью и универсальным характером отражения действительности.

Механизм построения концептуальной системы и роль языка в этих процессах раскрывает Р.И. Павиленис, анализируя концептуальную картину мира с логико-философских позиций. Он использует в своих работах термины «концептуальная система» и «концепт», понимая под ними «непрерывно кон-

струируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [8, с. 280]. При этом подчеркивается, что концептуальная система отражает познавательный опыт носителя языка как на языковом, так и на доязыковом этапах. «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система» [8, с. 101]. Основными свойствами концептуальной системы ученый считает континуальность и последовательность введения концептов.

Рассматривая роль языка в процессе формирования концептуальной системы, Р.И. Павиленис подчеркивает, что «естественный язык, символически фиксируя определенные концепты концептуальной системы мира, дает возможность, манипулируя на основе усвоения и по мере построения концепта..., манипулировать концептами системы. Это значит строить в ней в соответствии с фундаментальным принципом интерпретации новые концептуальные структуры, которые континуально, но опосредованно через другие концепты и их структуры соотнесены с концептами, отражающими актуальный познавательный опыт индивида» [8, с. 114].

При всей индивидуальности содержания концептуальных систем люди понимают друг друга, и происходит это благодаря социализации концептуальной системы, которая осуществляется с помощью языка. Понимание языкового выражения, усвоение его смысла предполагает построение структуры смыслов, которые и рассматриваются в качестве интерпретаторов или анализаторов [8, с. 102].

Таким образом, сущность концептуальной системы, по Р.И. Павиленису, заключается в систематизированном представлении знаний и мнений индивида, соответствующем интересубъектной и субъективной информации. Язык в данной системе является символическим репрезентантом концептуального содержания.

Развитие идей Р.И. Павилениса определенным образом отражается в работах Э.Д. Сулейменовой, которая утверждает, что картина мира «создается благодаря познающей деятельности человека и отражающей способности его мышления». Важнейшим свойством картины мира автор считает целостность, а элементом – смысл, характеризующийся инвариантностью, актуальностью, субъективностью, неполной экспликацией, недоступностью полному восприятию, континуальностью, динамичностью [13, с. 47]. Наряду с целостностью, автор отмечает такие характеристики картины мира, как космологическая ориентированность (глобальность образа мира), внутренняя безусловная достоверность для субъектов, стабильность и динамичность, наглядность, конкретность облика элементов [13].

Важным аспектом в концепции Э.Д. Сулейменовой является то, что автор не ставит знака равенства между языковой картиной мира и концептуальной картиной. По мнению исследователя, «языковая картина мира» как терминологическое сочетание возникло благодаря включению языка в непо-

средственное взаимодействие (минуя мышление) с действительностью. На самом деле такого непосредственного контакта языка и действительности нет» [13, с. 125]. Представленная точка зрения совпадает с позицией Б.А. Серебренникова, который считает, что «язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым образом» [10, с. 6]. Результатом отображения являются концепты (смыслы). Картина мира представляет собой чрезвычайно сложное явление; она вариативна, изменчива. Одновременно в ней есть константы, присущие каждому индивиду, обеспечивающие взаимопонимание людей.

Таким образом, изучая проблему взаимосвязи понятий «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира», мы пришли к следующим выводам:

- концептуальная картина мира – это один из способов фиксации информации об окружающем мире и актуализации содержания объектов действительности посредством концептов, выраженных в языковых структурах и включенных в структуру мировоззрения;
- проблема формирования языковой картины мира человека должна рассматриваться как проблема понимания мира субъектом на базе имеющейся у него концептуальной картины мира, которая объективируется и представляется в его речевой деятельности.

Механизм формирования языковой картины мира выглядит следующим образом: в актах мышления осуществляется переработка информации об окружающем мире. В сознании формируется более или менее целостная картина мира, которая в значительной мере детерминирует поведение человека. Но на создание картины мира влияет не только знание, но и убеждения, мнения, оценки. Сформировавшаяся в результате такой деятельности картина мира в дальнейшем процессе жизнедеятельности постоянно дополняется, модифицируется.

В.И. Поставалова в своем исследовании, посвященном картине мира, отмечает, что языковая картина мира имеет все черты картины мира. Языковая картина мира содержит образ мира, существенные черты которого выделяются с позиции человека и его интересов; является изоморфным миру, в котором имеет свои эмпирические корреляты, не подвергается сомнению в своих существенных чертах; служит регулятивом человеческой жизнедеятельности, ориентируя человека на определенное отношение к миру, вызывая в нем соответственные ожидания относительно мира и формируя поведенческие стереотипы в коммуникативном пространстве человеческого общения [10].

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что языковая картина мира является вербализованной частью концептуальной картины мира, а также ее глубинным пластом и вершиной, с учетом значения знаний, воплощенных в языковой форме для ее структурирования.

Предпринимая попытку выявить взаимосвязь между понятиями «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира», обратимся к концепции В. фон Гумбольдта.

Концепция В. фон Гумбольдта представляет особый интерес, поскольку автор, рассматривая язык как «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, акцентирует разницу между понятиями «промежуточный мир» и «картина мира». Первое – это статичный продукт языковой деятельности, определяющий восприятие действительности человеком. Единицей его является «духовный объект» – понятие. Картина мира – это подвижная, дина-

мичная сущность, так как образуется она из языковых вмешательств в действительность. Единицей ее является речевой акт.

Таким образом, в формировании обоих понятий огромная роль принадлежит языку, поскольку язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль [3].

Представляется важным отметить, что понятие «языковая картина мира» ввел в научную терминологическую систему Л. Вайсгербер. Это понятие определило своеобразие его лингвофилософской концепции наряду с «промежуточным миром» и «энергией» языка.

Основными характеристиками языковой картины мира, которыми ее наделяет Л. Вайсгербер, являются следующие:

- языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка,
- языковая картина мира, с одной стороны, есть следствие исторического развития этноса и языка, а с другой стороны, является причиной своеобразного пути их дальнейшего развития,
- языковая картина мира как единый «живой организм» четко структурирована и в языковом выражении является многоуровневой. Она определяет особый набор звуков и звуковых сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, просодические характеристики речи, словарный состав, словообразовательные возможности языка и синтаксис словосочетаний и предложений, а также свой паремнологический багаж. Другими словами, языковая картина мира обуславливает суммарное коммуникативное поведение, понимание внешнего мира природы и внутреннего мира человека и языковую систему,
- языковая картина мира изменчива во времени и как любой «живой организм» подвержена развитию, т.е. в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе,
- языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного ее своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка,
- языковая картина мира существует в однородном своеобразном самознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатленные средствами языка,
- картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка,
- языковая картина мира конкретной языковой общности и есть ее общекультурное достояние.

Восприятие мира осуществляется мышлением с участием средств родного языка. Способ отражения действительности носит у Л. Вайсгербера идиоэтнический характер и соответствует статичной форме языка. По сути, ученый

акцентирует интерсубъектную часть мышления индивида, утверждая, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения и отношения оказываются «выученными», т.е. общественно обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру [1].

Основательный вклад в разграничение понятий картина мира и языковая картина мира внесены Э. Сепиром и Б. Уорфом. Они утверждали, что представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы [11]. Употребляя сочетание «реальный мир», Э. Сепир имеет в виду «промежуточный мир», включающий язык со всеми его связями с мышлением, психикой, культурой, социальными и профессиональными феноменами.

Итак, на основе мировоззрения человека формируется картина мира. Картина мира – целостное представление человека о Бытии, о мире, о его строе, законах и закономерностях, действующих в нем, о месте человека в этом мире и в обществе.

Таким образом, картина мира представляет собой частный, исторически обусловленный способ того универсального явления, которое можно назвать моделированием мира в семиотическом понимании этого слова. Картина мира – это его модель, но не любая модель мира является картиной. Типология моделей мира отсутствует, поэтому и происходят различные *qui pro quo*, когда одним и тем же термином обозначаются типы моделей не только не схожие, но и принципиально различающиеся между собой.

Концептуальная картина мира включает информацию об объектах, актуально и потенциально представленную в деятельности человека. Единицей информации такой системы является концепт, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру мировоззрения. Концептуальных картин может быть несколько, поскольку они формируются на основе различных мировоззренческих установок относительно определенных аспектов деятельности человека.

Вопрос соотношения языковой и концептуальной картин мира предполагает анализ соотношения смысла слова и понятия. Смысл слова неоднороден, включает как материальный, так и идеальный объекты; не подразумевает системы. Для носителя языка концептуальная картина мира сливается с языковой, так как понятия выражаются языковыми знаками [5].

Анализ взаимодействия языковой и концептуальной картины мира говорит о том, что представленные картины мира тесно взаимосвязаны. Языковая и концептуальная картины мира находятся в состоянии непрерывного взаимодействия.

Образ мира представляет собой модель мира, окружающего человека, картину реальной действительности, отражающуюся в мировоззрении человека и эксплицирующуюся через язык. Язык связан с мышлением и объективной реальностью, воздействует как на структуру мировоззрения, так и на картину мира, представляющую собой результат познания.

Таким образом, приходим к выводу, что языковая картина мира – средство фиксации концептуального содержания объектов реального мира и их репрезентации через языковые структуры.

Литература

1. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М., 2004. 232 с.
2. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М., 1994. 436 с.
3. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.
4. *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // *Культурология. XX век: Антология.* М., 1995. 675 с.
5. *Донских О.А.* Методологический анализ понятия языковой картины мира // *Методологические проблемы научных исследований.* Новосибирск: НГУ, 1984. С. 84–89.
6. *Кассирер Э.* Познание и действительность. СПб., 1912. 455 с.
7. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 120 с.
8. *Павилонис Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М., 1983. 283 с.
9. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983. 605 с.
10. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. 109 с.
11. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 123 с.
12. *Серебренников Б.А.* Как происходит отражение картины мира в языке? // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира.* М., 1988. С. 87–107.
13. *Сулейменова Э.Д.* Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата, 1989. 160 с.
14. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1997. 479 с.
15. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. 447 с.
16. *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 446 с.
17. *Шелер М.* Философское мировоззрение // *Избранные произведения.* М., 1994. 365 с.
18. *Heidegger M.* Holzwege. Frankfurt a. M., 1950. P. 69–104.

Bibliography

1. *Vajsgerber J.L.* Rodnoj jazyk i formirovanie duha. M., 2004. 232 p.
2. *Vitgenshtejn L.* Filosofskie raboty. Ch. 1. M., 1994. 436 p.
3. *Gumbol'dt V. fon.* Jazyk i filosofija kul'tury. M.: Progress, 1985. 448 p.
4. *Dil'tej V.* Tipy mirovozzrenija i obnaruzhenie ih v metafizicheskih sistemah // *Kul'turologija. XX vek: Antologija.* M., 1995. 675 p.
5. *Donskih O.A.* Metodologicheskij analiz ponjatija jazykovoju kartiny mira // *Metodologicheskie problemy nauchnyh issledovanij.* Novosibirsk: NGU, 1984. P. 84–89.
6. *Kassirer Je.* Poznanie i dejstvitel'nost'. SPb., 1912. 455 p.
7. *Kolshanskij G.V.* Ob#ektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke. M.: Nauka, 1990. 120 p.
8. *Paviljonis R.I.* Problema smysla: Sovremennyy logiko-funkcional'nyj analiz jazyka. M., 1983. 283 p.
9. *Popper K.* Logika i rost nauchnogo znanija. M., 1983. 605 p.
10. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira. M., 1988. 109 p.
11. *Sepir Je.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologi. M., 1993. 123 p.
12. *Serebrennikov B.A.* Kak proishodit otrazhenie kartiny mira v jazyke? // *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira.* M., 1988. P. 87–107.
13. *Sulejmenova Je.D.* Ponjatie smysla v sovremennoj lingvistike. Alma-Ata, 1989. 160 p.
14. *Frejd Z.* Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii. M., 1997. 479 p.
15. *Hajdegger M.* Vremja i bytie. M., 1993. 447 p.
16. *Hajdegger M.* Osnovnye problemy fenomenologii. SPb., 2001. 446 p.
17. *Sheler M.* Filosofskoe mirovozzrenie // *Izbrannye proizvedenija.* M., 1994. 365 p.
18. *Heidegger M.* Nolzwege. Frankfurt a. M., 1950. P. 69–104.

ОБ АВТОРАХ

- Алещенко Виталий Викторович**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: omsksme@rambler.ru
- Афанасьев Владимир Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Оренбургский государственный университет, Оренбург. E-mail: Afanassiev@rambler.ru
- Афанасьева Анна Владимировна**, кандидат экономических наук, экономист РКЦ ЦБ по Оренбургской области, Оренбург. E-mail: Afanassiev@rambler.ru
- Бобров Леонид Куприянович**, доктор технических наук, профессор, первый проректор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: bobrov@nsuem.ru
- Бор Амарсанаа**, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Санкт-Петербург. E-mail: amarsanaabor@yahoo.com
- Бригада Дмитрий Анатольевич**, старший преподаватель, кафедра банковского дела, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: dabri@mail.ru
- Ваганова Елена Геннадьевна**, аспирант, кафедра философии, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск. E-mail: lenavaganova@yahoo.com
- Васильева Нина Сергеевна**, старший преподаватель, кафедра финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: vasilekns@mail.ru
- Воловская Нина Михайловна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальных коммуникаций и социологии управления, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». Новосибирск. E-mail: volovskaya@nsaem.ru
- Востриков Николай Иванович**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра отраслевых экономик, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск. E-mail: vostrikovnik@yandex.ru
- Гарафиев Ильшат Зуфарович**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственного муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань. E-mail: giz05@mail.ru
- Дудин Сергей Александрович**, старший преподаватель, кафедра банковского дела, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: s.a.dudin@nsuem.ru
- Золотаренко Вера Сергеевна**, аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: stat@nsuem.ru
- Ерохина Ольга Сергеевна**, старший преподаватель, кафедра бухгалтерского учета, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: o.s.erohina@gmail.com
- Ефимов Валерий Сергеевич**, кандидат физико-математических наук, доцент, директор Центра стратегических исследований и разработок, ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», Красноярск. E-mail: evs@akadem.ru
- Козлов Алексей Николаевич**, аспирант, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск. E-mail: a.n.kozlov22@gmail.com
- Конципко Наталья Владимировна**, кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра банковское дело, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: koncipko_natalya@mail.ru

- Крохин Геннадий Дмитриевич**, доктор технических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: g.d.krokhin@nsuem.ru
- Лихутин Павел Николаевич**, кандидат экономических наук, кафедра экономики предпринимательства, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: p.likhutin@ngs.ru
- Маркова Вероника Владимировна**, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород. E-mail: veronika-markova@mail.ru
- Мартынова Алиса Александровна**, соискатель, Российский университет дружбы народов, Новосибирск. E-mail: a.martynova1@googlemail.com
- Меньшикова Нина Михайловна**, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: philos@nsuem.ru
- Никифорова Мария Ивановна**, аспирант, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: s444@ngs.ru
- Пиньковецкая Юлия Семеновна**, кандидат экономических наук, ассистент, Ульяновский государственный университет, Ульяновск. E-mail: judy54@yandex.ru
- Плюснина Лидия Константиновна**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: volovskaya@nsaem.ru
- Пошевнев Геннадий Семенович**, доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии и социального управления, Сибирский институт – филиал РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации, Новосибирск. E-mail: poshevnev@sapa.nsk.su
- Пуляевская Валентина Леонидовна**, аспирант, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: valyapl@mail.ru
- Пыхтина Татьяна Федоровна**, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: taleal@ngs.ru
- Румынская Екатерина Сергеевна**, студент, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: s444@ngs.ru
- Савиных Наталья Николаевна**, аспирант, кафедра экономической информатики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: savinyh@nsuem.ru
- Сажин Юрий Владимирович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск. E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru
- Сажина Наталья Сергеевна**, кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра статистики, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск. E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru
- Сарайкин Юрий Владимирович**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск. E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru
- Серга Людмила Константиновна**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: s444@ngs.ru
- Сумская Татьяна Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: stv@ieie.nsc.ru
- Сунь Лэй**, аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: sunlei@list.ru

- Тарасова Галина Михайловна**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: bank1@nsaem.ru
- Удальцова Марина Васильевна**, доктор экономических наук, профессор, кафедра социальных коммуникаций и социологии управления, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: mss@nsuem.ru
- Федорович Владимир Олегович**, доктор экономических наук, профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», директор института магистратуры, Новосибирск. E-mail: klania2002@mail.ru
- Фигуровская Валентина Михайловна**, доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: philos@nsuem.ru
- Хван Мария Сергеевна**, студент, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: s444@ngs.ru
- Цикунов Алексей Андреевич**, соискатель, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, Омск. E-mail: 564435@mail.ru
- Чикин Сергей Николаевич**, кандидат экономических наук, доцент, кафедра статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск. E-mail: uprav551@mail.ru
- Шаршова Татьяна Владимировна**, ведущий специалист-эксперт, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Хакасия, Абакан. E-mail: Tatyana V. Sharshova@hakas.fsgs.ru

OUR AUTHORS

- Aleshchenko Vitaliy V.**, Ph.D., senior resercher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Novosibirsk. E-mail: omsksme@rambler.ru
- Afanasyev Vladimir N.**, Doctor of Economics, professor, head of the Chair of Statistics and Econometrics, Orenburg State University, Orenburg. E-mail: Afanassiev@rambler.ru
- Afanasyeva Anna V.**, Ph.D., Central Bank Payment Processing Center in Orenburg Region, Orenburg. E-mail: Afanassiev@rambler.ru
- Bobrov Leonid K.**, Doctor of Engineering, professor, first prorektor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: bobrov@nsuem.ru
- Bor Amarsanaa**, postgraduate, Saint-Petersburg State University of Economics and Finance, Saint-Petersburg. E-mail: amarsanaabor@yahoo.com
- Brigida Dmitriy A.**, senior lecturer, Chair of Banking, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: dabri@mail.ru
- Vaganova Elena G.**, postgraduate, Chair of Philosophy, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk. E-mail: lenavaganova@yahoo.com
- Vasilyeva Nina S.**, senior lecturer, Chair of Finance, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: vasilekns@mail.ru
- Volovskaya Nina M.**, Doctor of Sociology, professor, head of the Chair of Social Communications and Sociology of Management, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: volovskaya@nsaem.ru
- Vostrikov Nikolay I.**, Ph.D., associated professor, Chair of Sectoral Economy, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk. E-mail: vostrikovnik@yandex.ru
- Garafiev Ilshat Z.**, candidate of historical sciences, associated professor, Chair of State Local Government and Sociology, Kazan National Research Technological University, Kazan. E-mail: giz05@mail.ru
- Dudin Sergey A.**, senior lecturer, Chair of Banking, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: s.a.dudin@nsuem.ru
- Zolotarenko Vera S.**, postgraduate, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: stat@nsuem.ru
- Erokhina Olga S.**, senior lecturer, Chair of Accounting, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: o.s.erohina@gmail.com
- Efimov Valeriy S.**, candidate of physico-mathematical sciences, associated professor, director of the strategic research and development center, Siberian federal University, Krasnoyarsk. E-mail: evs@akadem.ru
- Kozlov Aleksey N.**, postgraduate, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk. E-mail: a.n.kozlov22@gmail.com
- Kontsipko Natalya V.**, Ph.D., senior lecturer, Chair of Banking, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: koncipko_natalya@mail.ru
- Krokhin Gennadiy D.**, Doctor of Engineering, professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: g.d.krokhin@nsuem.ru
- Likhutin Pavel N.**, Ph.D., Chair of Economy and Business Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: p.likhutin@ngs.ru
- Markova Veronika V.**, candidate for a master's degree, Belgorod State National Research Univeristy, Belgorod. E-mail: veronika-markova@mail.ru
- Martynova Alisa A.**, fellow applicant, Peoples' Friendship University of Russia, Novosibirsk. E-mail: a.martynova1@googlemail.com
- Menshikova Nina M.**, candidate of philosophic sciences, associated professor, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: philos@nsuem.ru

- Nikiforova Maria I.**, postgraduate, Chair of Statistics Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: s444@ngs.ru
- Pinkovetskaya Yulia S.**, Ph.D., assistant, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk. E-mail: judy54@yandex.ru
- Plyusnina Lidia K.**, Doctor of Sociology, professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: volovskaya@nsaem.ru
- Poshevnev Gennadiy S.**, Doctor of Sociology, professor, Chair of Sociology and Social Management Siberian Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk. E-mail: poshevnev@sapa.nsk.su
- Pulyaevskaya Valentina L.**, postgraduate, Chair of Statistics Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: valyapll@mail.ru
- Pykhtina Tatyana F.**, candidate of philosophic sciences, associated professor, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: taleal@ngs.ru
- Rumynskaya Ekaterina S.**, student, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: s444@ngs.ru
- Savinykh Natalya N.**, postgraduate, Chair of Economic Informatics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: savinyh@nsuem.ru
- Sazhin Yuriy V.**, Doctor of Economics, professor, head of the Chair of Statistics, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru
- Sazhina Natalya S.**, Ph.D., senior lecturer, Chair of Statistics, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru
- Saraikin Yuriy V.**, Ph.D., associated professor, Chair of Statistics, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: sazhinyuv@freemail.mrsu.ru
- Serga Lyudmila K.**, Ph.D., associated professor, Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: s444@ngs.ru
- Sumskaya Tatyana V.**, Ph.D., associated professor, Institute of Economics and Industrial Engineering, Novosibirsk. E-mail: stv@ieie.nsc.ru
- Sun Lay**, postgraduate, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: sunlei@list.ru
- Tarasova Galina M.**, Doctor of Economics, professor, head of the Chair of Banking, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: bank1@nsaem.ru
- Udaltova Marina V.**, Doctor of Economics, professor, Chair of Social Communications and Sociology of Management, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: mss@nsuem.ru
- Fedorovich Vladimir O.**, Doctor of Economics, professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, director of Institute of Magistracy, Novosibirsk. E-mail: klania2002@mail.ru
- Figurovskaya Valentina M.**, Doctor of Philosophy, professor, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: philos@nsuem.ru
- Khvan Maria S.**, student, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: s444@ngs.ru
- Tsykunov Aleksey A.**, fellow applicant, Siberian State Automobile and Highway Academy, Omsk. E-mail: 564435@mail.ru
- Chikin Sergey N.**, Ph.D., associated professor, Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk. E-mail: uprav551@mail.ru
- Sharshova Tatyana V.**, top specialist-expert, Territorial body of Federal agency of government statistics in Khakass Republic, Abakan. E-mail: Tatyana V. Sharshova@hakas.fsgs.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НГУЭУ»

Условия публикации

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, научные сообщения, соответствующие тематике журнала.

2. В редакцию следует направлять авторские материалы, включающие следующие элементы: индекс УДК, название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова, текст публикуемого материала, список литературы. Название публикуемого материала, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова необходимо представлять в редакцию на русском и английском языках. Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами). Вместе с оригиналом статьи автор должен представить заявление-анкету.

3. Требования к оформлению статьи.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 12 пунктов, междустрочный интервал одинарный, гарнитура нормальная. Поле верхнее – 2, нижнее – 2, левое – 3, правое – 1. Если статья содержит графические иллюстрации, то они должны быть дополнительно представлены в виде отдельных графических файлов формата JPEG. Статья должна быть сверстана в виде единого целого, чтобы при необходимости была возможна распечатка файла статьи. Страницы статьи не должны быть пронумерованы.

Аннотация (500–600 знаков) предшествует основному тексту статьи и представляется в текстовом редакторе Word. Шрифт Times New Roman, размер 10 пунктов. Аннотация сопровождается ключевыми словами (5–6 слов).

Ссылки на источники в тексте статьи даются только в квадратных скобках (без цитирования [12], при цитировании или пересказе авторского текста [12, с. 29]). Нумерация ссылок в статье производится по порядковому номеру источника в приставленном списке литературы. Первыми в списке даются источники на русском языке, затем на иностранных языках и последними – источники электронные и удаленного доступа. Каждая группа выстраивается в алфавитном порядке.

При использовании в статье источников из электронных ресурсов или удаленного доступа (Интернета) в списке литературы приводится библиографическая запись источника и ссылка на сетевой ресурс с полным сетевым адресом в Интернете (см. Образец оформления статьи). Также необходимо указывать дату обращения к ресурсу.

Перед аннотацией приводятся инициалы и фамилия автора, полное название места его работы и электронный адрес.

Использованная литература приводится на последней странице текста статьи. Оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1–2003. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

4. Бумажные версии документов могут быть присланы в редакцию на почтовый адрес: 630099 Новосибирск, ул. Ломоносова, 56, НГУЭУ, к. 417, кафедра статистики. Электронные версии направляются на vestnik@nsuem.ru, stat@nsuem.ru.

5. Принятые материалы публикуются бесплатно.

УДК 332.1

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Т.В. Сумская

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

Рассмотрены противоречия, обусловленные организационно-правовой моделью местного самоуправления в России, определены особенности формирования и направления использования средств местных бюджетов в зависимости от типов муниципальных образований. Выявлены недостатки преобразований, проводимых в сфере местного самоуправления, и показано, что развитие межбюджетных отношений в части региональных и местных бюджетов должно опираться на прочную финансовую базу, которая во многом определяется соответствующим законодательством, закрепляющим правовые гарантии финансовой самостоятельности местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, местный бюджет, текущие нужды муниципальных образований, дифференциация социально-экономического развития, механизм регулирования межбюджетных отношений.

PROBLEMS OF FORMING LOCAL SELF-GOVERNMENT BUDGETS

T. V. Sumskay

Institute of Economics and Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the RAS
E-mail: sumscay@ieie.nsc.ru

The article considers contradictions of organizational and legal model of local self-government in Russia, peculiarities of forming of intergovernmental fiscal relations model in Russia. The ways of formation of local governments' budgets corresponded to the types of municipality are described. Weaknesses of local self-government reforms are discovered. The author has shown, that the development of intergovernmental fiscal relations should rely on fundamental financial base. This base is determined by the law, which guarantees financial independence of local self-government.

Key words: local self-government, local budget, intergovernmental fiscal relations.

Муниципальное образование, в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ, – это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения. В бюджетной системе страны, как главной финансовой базе деятельности и государственных органов власти, и органов местного самоуправления, связанной с экономическим и социальным развитием соответствующих территорий, местные бюджеты – самые многочисленные. К настоящему времени проблема их формирования и укрепления остается одной из наиболее острых и насущных в межбюджетных отношениях, что требует охвата процессами реформирования взаимоотношений не только Центра и субъектов Федерации, но и внутри субъектов РФ. Это возможно при условии выработки единой стратегии оздоровления всей системы общественных финансов...

.....

При этом нельзя отрицать необходимости выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований «сверху» путем привлечения средств вышестоящих бюджетов. Однако во избежание формирования иждивенчества со стороны территорий федеральная помощь должна оказываться лишь при условии недостаточности налогового потенциала на подведомственной территории, в основе которой лежат объективные причины. В целом лишь опора на собственные силы представляется надежным залогом повышения эффективности механизма регулирования межбюджетных отношений, достижения действительной самостоятельности местных бюджетов.

Литература

1. Бухвальд Е. Проблемы переходного периода муниципальной реформы и пути ее решения // Федерализм. 2007. № 3. С. 95–110.
2. Гельман В. От местного самоуправления к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 6–18.
3. Завьялов Д. Ю. Доходы муниципальных образований в аспекте межбюджетных отношений // Финансы. 2007. № 3. С. 22–25.
4. Киреева Е. В. О финансовых основах местного самоуправления // Финансы. 2005. № 12. С. 66–68.
5. Лобкин А. И. Бюджетное и налоговое регулирование экономики муниципальных территориальных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 6 (45). С. 124–131.

ЗАЯВЛЕНИЕ-АНКЕТА

В журнал «Вестник НГУЭУ» от автора

Направляю Вам подготовленную мной статью _____

(название статьи)

для рассмотрения и публикации.

С условиями публикации согласен (а). Статья ранее не публиковалась. Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю.

В случае публикации статьи авторский экземпляр журнала прошу выслать по адресу: _____

(почтовый индекс, адрес)

Анкета (сведения об авторе)

1. Фамилия, имя, отчество _____

2. Телефон: домашний _____ Рабочий _____

мобильный _____ E-mail _____

3. Место работы (учебы) _____

4. Должность _____

5. Ученая степень, звание _____

6. Страна, населенный пункт _____

Автор: _____

(подпись)

(фамилия и инициалы)

« _____ » _____ 20__ г.

Научный журнал

«ВЕСТНИК НГУЭУ»

2012 • № 3

Подписано в печать 10.09.2012. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70×108/16.
Усл. п. л. 19,75. Тираж 500 экз.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56.
Тел. 224-27-38